

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики

ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт
дополнительного педагогического образования»

ЛИТЕРАТУРА РОДНОГО КРАЯ

5-11 классы

ХРЕСТОМАТИЯ

Донецк
2017

*Рекомендовано
Министерством образования и науки
Донецкой Народной Республики
(приказ № 823 от 11.08.2017г.)*

Составители:

- Король Г.Н.,** методист отдела русского языка и литературы ГОУ ДПО «Донецкий РИДПО»
Мельникова Л.В., заведующий отделом русского языка и литературы ГОУ ДПО «Донецкий РИДПО»
Коняшина Н.А., учитель русского языка и литературы г.Макеевка
Пеньков В.Н., учитель русского языка и литературы ОШ №13 г.Макеевка
Верланова Т.А., учитель русского языка и литературы г.Торез

Научно-методическая редакция:

- Полякова Л. П.,** министр образования и науки Донецкой Народной Республики, доктор наук по государственному управлению, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания
Чернышев А. И., ректор ГОУ ДПО «Донецкий РИДПО», кандидат педагогических наук, доцент, академик Международной академии наук педагогического образования

Рецензенты:

- Анисимов Н.А.,** доцент кафедры истории русской литературы и истории словесности филологического факультета Донецкого национального университета, кандидат филологических наук
Деревянкина Н.В., директор городского методического центра управления образования администрации г.Донецка, учитель русского языка и литературы
Соловьева Л.Е., заслуженный учитель русского языка и литературы лицея-интерната при Донецком национальном университете

Консультанты:

- Михайлова И.А.,** начальник отдела общего среднего образования Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики
Зарицкая В. Г., проректор по научно-педагогической работе ГОУ ДПО «Донецкий РИДПО», кандидат филологических наук, доцент

Л64 Литература родного края: Хрестоматия. 5-11 классы / Сост. Король Г.Н., Мельникова Л.В., Коняшина Н.А., Пеньков В.Н., Верланова Т.А. – Донецк: Истоки, 2017. – 458 с.

Данное пособие-хрестоматия составлено из произведений отдельных фольклорных жанров, произведений поэтов и писателей Донбасса, так же включены биографические данные об авторах. Книга предназначена для учащихся 5-11 классов, учителей-словесников. Материал был собран с целью наращивания и консолидации краеведческих ресурсов, распространения знаний о литературном краеведении, литературе родного края и творчестве писателей Донетчины (исторический и современный аспекты).

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Я не только пишу о Донбассе,
Я Донбассом живу и дышу.*

Павел Беспощадный

Юный друг!

Сейчас ты держишь в руках книгу, в которой изложены события давно минувших дней, описаны самоотверженный труд людей и прекрасная природа нашей Родины – Донбасса.

Ты родился и живешь в самобытном регионе. Его особенность в богатстве традиций, фольклора, фронтовых подвигах, «шахтерском характере», широте души людей, что отразилось в литературных произведениях разных жанров.

Предлагаем тебе познакомиться с произведениями поэтов и писателей, которые влюблены в свой край. Творчество таких поэтов как Н.Анциферов, Л.Кирияков, Н.Рыбалко, П.Беспощадный и другие учит нас одной простой истине: «Без малого нет большого, без любви и уважения к своему дому, улице, городу, краю невозможна и любовь к Отчизне».

Приятного чтения!

От составителей

РАЗДЕЛ I. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДОНБАССА: ШАХТЁРСКИЕ ПРЕДАНИЯ, ЧАСТУШКИ, ПЕСНИ, ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

«С незапамятных времён хранит и приумножает наш народ свою духовную сокровищницу – устную народную поэзию. В сказках и легендах, былинах и лирических песнях, частушках и преданиях, пословицах и поговорках отражает он исторический и художественный опыт трудовых масс, их борьбу за свободу и социальную справедливость. Благодаря устной народной поэзии люди лучше узнают своё прошлое и настоящее, глубже и прочнее осознают свою принадлежность к будущему. Хотя рабочий Донбасс относительно молод, художественные традиции и памятники культуры уходят своими корнями в глубь веков» (И.И.Зайцев).

Тимофеев Петр

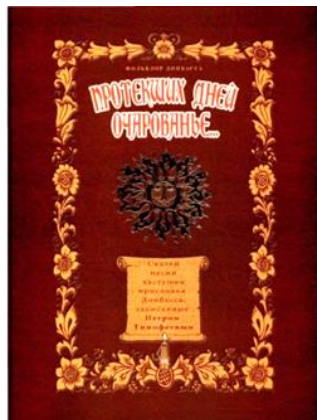

Доцент кафедры русской литературы ДонНУ,
кандидат филологических наук.

Книга «Протёкших дней очарование» – уникальный сборник фольклора: не славянского, не украинского, а донецкого. За сравнительно недолгий срок существования региона успела сформироваться уникальная бытовая культура, которую влюблённый в народное творчество с детства автор и попытался зафиксировать в книги. Фольклор очень трудно удержать и зафиксировать для памяти поколений – он меняется и живёт каждую секунду.

Однако автору удалось собрать коллекцию оригинальных и самобытных народных произведений, существующих в регионе и сейчас. В книге особенное внимание уделяется шахтёрскому фольклору. Там, под землёй как-то иначе видишь устройство мира и воспринимаешь его законы. Там просыпается забытое мифологическое сознание, и человек ищет удачи, верит в мистических существ.

Автор собрал донбасские шахтёрские предания, среди которых история про бездонное озеро и рассказ о золотом колодце. Среди шахтёрских сказов автор собрал несколько версий предания о Шубине – духе шахт. Кроме того, сюда вошли сказки, былинки, легенды, песни,

присловья нашего региона. В книге можно найти немалое количество заговоров и даже детский фольклор.

* * *

ЛЕГЕНДЫ О ШУБИНЕ

Шубин – персонаж донецкого фольклора шахтеров. Но родились эти сказы не просто так. Прототипом Шубина вероятнее всего была профессия давняя одна шахтерская. Человек умел выжигать газ метан. Он спускался в шахту в перевернутом кожухе и работал там. Сейчас этой должности нет, но, по всей вероятности, она и стала прототипом противоречивого образа Шубина. Он может напугать, может и помочь, вывести из завала и наоборот заставить плутать в шахте. И памятник персонажу поставлен в Донецке, там, где фольклор и сделал Шубина героем сказаний.

Писатель Б.Горбатов отметил, что поверья о Шубине известны на шахтах Макеевки, Горловки, Кадиевки, Краснодона, то есть практически на всей территории Донбасса.

Живет в глубине донбасских шахт дух, шахтеры зовут его Шубин.

Часто выручает он шахтеров, предупреждая об обвалах. Реже пугает нерадивых. И уж совсем редко может указать место угольного пласта.

Это знает каждый шахтер. И чтобы не обидеть Шубина случайно, делятся с ним тормозком, говорят уважительно.

Вот история, описанная в свое время газетой «Донбасс»:

* * *

Один проходчик решил отдохнуть во время смены. Прилег на распилы и провалился в полудрему. Вдруг чувствует – его кто-то расталкивает. Открыл глаза – в темном мареве, где-то метрах в десяти, в розоватом ореоле видится сухонький, сгорбленный мужичок в старой шахтерской куртке. В одной руке держит допотопную лампу с тоненьким горящим фитильком, в другой – обушок. Попросил дать чего-то попить – мол, горло просохло. Проходчик поднялся с распилов, пошел к старичку со своей флягой. Успел сделать несколько шагов, как вдруг в том месте, где он только что лежал, обрушилась кровля.

* * *

В другой истории у одного рабочего в шахте погасла лампа. Оказавшись в крошечной тьме, он полностью утратил ориентацию и несколько часов блуждал по выработкам. И когда шахтер вконец отчаялся, он увидел вдалеке огонек. Приблизившись, он разглядел фигуру, державшую фонарь. Терять было нечего и рабочий последовал за ней и шел до тех пор, пока не выбрался из лабиринта.

* * *

Записаны рассказы о том, как Шубин помогал шахтерам в их тяжелом труде, например, сам гонял вагонетки с углем. А самодуру хозяину шахты, закричавшему: «Я хозяин! Я что хочу, то и делаю!»,

Шубин доказал, кто тут на самом-то деле хозяин, совершенно разорив шахту взрывами рудничного газа, обвалами и наводнениями.

Поверье, что Шубин предупреждает шахтеров об опасности, живет среди шахтеров Донбасса и в наши дни. В апреле 2007 года горный мастер из Луганской области рассказывал: «Я услышал, что стало потрескивать. Мы перестали работать отбойными молотками, но гул все нарастал. Звук такой, будто по потолку кто-то топает ногами. У нас говорят, что это Шубин гуляет и предупреждает о беде. Поняв, что сейчас все обрушится, мы бросились к выходу. И тут нас придавило».

* * *

«Шубин»

В шахте был хозяин – Шубин. Иногда он может очень много помочь человеку, а другой раз осердится и выгонит из шахты. Как только выйдет последняя клеть с народом, он седым стариком садится в нее и спускается в шахту. После этого шахта обязательно окажется топленной. А то бывает он в виде человека-невидимки дает заработать очень много: помогает гонять вагонетки с углем.

Был случай такой с одним шахтером в Грушевке.

Как-то под Рождество этот шахтер так кутнул, что все до копеечки пропил. Наутро пришел к подрядчику: так, мол, и так, деньги нужны, опохмелиться не на что. Подрядчик в насмешку предложил ему полезть в шахту и выкрутить нарубанный уголь. За это обещал уплатить ему, как только он выйдет на-гора, и скажет, сколько выдал угля.

Шахтер был парень не из робких, согласился.

Когда он спустился в шахту, то в камере рудничного двора увидел седого старика с крючком в руках, каким таскают вагонетки.

– Добро пожаловать! – проговорил старик. – Скучновато было мне, не с кем пошутить...

Парень поглядел на старика и подумал: «Это новый штопорной». Прошел к вагонеткам, отсчитал десяток.

– Дедушка, я буду работать, а ты не посчитай за труд – наведайся. Может, что случится со мной. – И погнал по откаточному свои вагонетки.

Прошел час. Парень натягал на вокзал угля вагонетки на четыре, и только нагрузил первую вагонетку, слышит: кто-то идет. «Кха-кха», – кашляет на ходу.

– Ну что, парень, как дело? – спрашивает старик. – Есть уголек?

Тут парень заметил: что-то ярко горят глаза у старика.

– Есть немного, – ответил он старику.

– Вижу, – сказал тот. – Ну вот что: ты грузи, а я потихоньку гонять буду в откаточный.

Парень согласился, и началась работа. Не управится он вагонетку нагрузить, а старик уже гонит пустую.

Дрожь стала пробирать парня, а старик торопит:

– Давай, давай. Я помогу тебе.

Сорок вагонеток нагрузил парень. Тогда старик говорит:

– Ну, теперь посмотри, что осталось в лаве.

Парень полез по лаве, видит – весь уголь отбит.

Сколько пробыл парень в лаве – неизвестно, а когда вылез и вышел на откаточный, то все было заставлено вагонетками. Волос дыбом стал у нашего шахтера.

Когда он стал входить в казарму, его встретили друзья:

– Парнище, где ты был? Зачем голову намазал белым?

Человек-то, оказывается, седым стал. Дошел в казарму до нар, упал лицом вниз и уснул.

На другой день, рано утром, он постучал к подрядчику, получил с него двенадцать рублей и ушел.

С тех пор этого молодца никто и никогда не видел в Грушевке.

* * *

ЧАСТУШКИ

СВАТАНЬЕ

Ой, темно, хмарно на дворе,
Ой, да еще ж темнее на земле.
Да свистнул, дружина, на коня,
Да соезжайтесь, бояре,
Да будем думушку думати,
Да будем думушку думати.
Ой, да где ж нам стояти всем полком,
Да стояти всем полком,
Под замком,
Да под тем новеньким городком.
Да мы пустим стрелу в Кременную,
Да мы пустим стрелушку в Кременну ж,
Да мы выбьем стену ж каменну,
Да мы выбьем стену каменну,
Да мы выпустим девушек молодых.
Да выведем Мариночку из терема,
Да отдадим боярам на руки,
И отдадим Витюшке на руки.

* * *

ЧАСТУШКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(1941–1945)

Плывет уточка по морю,
Поплыла, закаркала.
Как увидела я детку,
Обняла заплакала.
Милый на войну идет,
С горочки спускается.
Моим беленьким платком
Слезы утираются.

Девочки, иду ко дну,
Мил уехал на войну.
Сказал мне: «До свидание»,
Пропали все свидания.
Каждый день я поутру
Партизан выглядую.
Бейте, бейте немчуру,
Немчуру проклятую.

Прожил век обыкновенно
Дед Архипыч – водовоз.
А на днях спустил отменно
Бронепоезд под откос.
Мой миленок вечно занят:
Днем танцует и поет.
А ночами партизанит,
Немцам жару задает.
Моего милого убило
Разрывною миною.
Напрасно я его ждала
Три года с половиною.
Ох, проклятая война,
Гитлером затеяна.
У моего милого
Одна рука потеряна.
Ох, проклятая война,
Надоела всем она.
А особенно, девчата, нам –
Все ребята наши там.

Девочки, молитесь бога,
Чтобы Гитлер окошел.
Третий год уже воюет,
Как собака надоел.
Ой, война, война, война,
Война на самом деле.
Ты заставила любить
Солдатика в шинели.
Ой, девчата, не томите
Вы воспоминание.
По ребятам сердце сохнет –
Хочется свидания.
Скоро кончится война,
Солдаты пойдут ротами.
А я милого своего
Встречу за воротами.
Скоро кончится война,
Скоро Гитлеру капут.
Скоро наши ухажеры
Из армии придут.

* * *

ШАХТЕРСКИЕ ЧАСТУШКИ

Познакомилась я с парнем,
До чего же он востёр,
Я подумала – учитель,
Оказалось, что – шахтёр.
За любимого волнуюсь,
Признаюсь по честности,
Он работает в забое,
Я же – на поверхности.
Эх, шахта, забой
Под землёй нет солнца,
Буду лампочкой светить
Милому в оконце.
Обняла б, поцеловала,
Только милый мой далёк,
Под землёй в забое рубит
Для России уголёк.
Мне, подруга, о любимом
Позаботиться пора,
Он работает в забое,
Даёт уголь «на гора».
На работе мой любимый,

И волнуюсь за него,
Но улыбками встречаю
Я шахтёра своего.
А поглядите на такого:
Мало рубишь ты угля,
А не ходи ты возле дома,
Не расстраивай меня.
Ой, да край могучий, край
певучий,
А дружный сталинский
Донбасс!
И не отыщешь жизни лучшей,
Чем на руднике у нас!
Ой, что за горные комбайны!
А не машины – красота!
Уголь рубят, уголь грузят,
А под забоем – чистота!
Ой, устарел мой ухажёр –
А с молотком, с лопатой!
А ты комбайн, бери, шахтёр,
А потом невесту сватай!

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Шахтёр в землю спускается, с белым светом прощается.
 Шахтерский забой – фронт передовой.
 Шахтеру слава, когда много угля дает лава.
 Будь в лаве, как в бою, – прославишь Родину свою.
 Закон шахтерский не забудь: стыдись работать как-нибудь.
 На шахте тому почет, у кого уголь на-гора течет.
 Чтобы шахтером называться, мало углем замараться.
 Шахтерский забой – фронт передовой.
 Шахтеру слава, когда много угля дает лава.

Ионов Алексей Васильевич

(1911-1976)

Родился 7 февраля 1911 года в селе Щербачево Орловской области в семье хлебороба. Подростком приехал в Донбасс. Работал строителем и шахтером. По вечерам учился на рабфаке. Окончил Московский литературный институт имени А.М.Горького. Более 20 лет А. Ионов отдал журналистике: сотрудничал в городской газете «Красный шахтер» (г. Шахты), работал 9 лет корреспондентом «Правды», четыре года – в «Литературной газете». Член Союза писателей с 1952 г. Является автором многих повестей и рассказов о шахтерском труде: «Донецкие рассказы» (1947), «Свет шахтера» (1950), «Душа шахтера» (1958), «Горная порода» (1960), «Жизнь без прикрас» (1968). Кроме этого изданы сборники юмора и сатиры «Музыкальный ящик» (1951), литературоведческий труд «Борис Горбатов» (1956), сборник очерков «Донбасс, земля героев» (1958) и др. А.Ионов был и литературным критиком. В работе «О писателях и книгах» помещены очерки о жизни и творчестве А.Чехова, К.Паустовского, М.Волошина, С.Есенина, А.Твардовского.

В 1960 году в Москве, в библиотеке «Огонек», вышел сборник рассказов «Горная порода», в Донецке – сборник «Песни и сказы Донбасса» – итог многолетней работы по собиранию и исследованию произведений устного и песенного творчества донецких шахтеров. В 1969 году вышел сборник «Поет душа шахтерская», в основе которого фабрично-заводской фольклор Донбасса.

* * *

ПЕСНИ

* * *

ШАХТЕРСКАЯ ЖИЗНЬ ПРОКЛЯТА

Нет, ребяташки, трудней,
Чем работа шахтерей:
Шахтер рубит, шахтер бьет,
Под землею ход ведет.
Он подходит ко стволу,
В гору голос подает:
«Вы, бадейные, не спи,
Воротные, не дреми.
У нас завтра день субботний,
На получку все пойдем,
Мы получим денег много
И в кабак их понесем!»

* * *

ДО СВИДАНИЯ БЕЛЫЙ СВЕТ

На донской земле привольной
Стоит рудник знаменит.
Возле Грушевки-деревни
Нашли уголь-антрацит.
Шахтер рубит, бьет, колотит,
Обушок в руках звучит.
Так с утра до темной ночи
Под землею он сидит.
Шахтер рубит, шахтер бьет,
Под землею ход ведет.
Шахтер радости не видит,
С горя песенки поет.

* * *

НА МАКЕЕВСКОЙ СТЕПИ

Как на юзовском раздолье,	Три аршина ширины.
На макеевской степи,	Сверху здания большие
На макеевской степи	И машины паровые.
Инженеры попросили,	Там машины паровые
Инженеры попросили,	И канаты дротяные.
Пласты угля понашли.	Есть проведенный шнурок,
Там нарыты ямы-норы,	Наверху висит звонок.
Где работают шахтеры.	Шнурок дернет – звонок звонит:
Одна яма есть такая	Рукоятчик, не зевай!
Преогромная, большая:	Рукоятчик, не зевай,
Сорок сажен глубины,	Машинисту слух давай.

Машинист машину правит,
Кочегар гудок дает.
Гудок первый прогудел –
Обуваться шахтер сел.
Второй гудок прогудел –
Шахтер шапочку надел,
А третий гудок подавал –
Всех на здание собрал.
Подхожу я к ламповой –
Там народ стоит толпой.
Там народ стоит толпой,
Весь оборванный, худой,
Зубы ясны, глаза красны,
А рубашка, как смола.
Натолпилось народу,
Негде было ему стать.
Негде было ему стать,
Сейчас будут опускать.
Мы на клетку становились
По шестнадцать человек.
Мы на клетку становились,
С белым светом распростились:
«Прощай, прощай, белый свет,
Увидимся или нет.
Прощай, солнце и луна,
Прощай, милая жена».
Клетку дернуло, рвануло,
Ажно в сердце колонуло.
Клетка вихрем понеслась
И вся зданья затряслась.
Не успел сказать и слово,
Уж кричат: «Слезай! Готово!»
Вот мы слезли, покурили,
По продольным разошлись.
По продольным разошлись,

За работушку взялись.
Кто за кайло, кто за лом,
Кто в забой полез дуром.
А саночник дело знает –
Сразу лямку надевает.
Лесогон не унывает
По уступам лес гоняет.
Эй, отгребщик, не зевай –
Скорей уголь отгребай.
А ты, дурень-коногон,
Поскорей гони вагон.
Сел на санки я, заплакал,
Отца с матерью проклял.
Отца с матерью проклял
Что на шахту он послал.
Ах, ты, боже, боже мой,
Висит камень надо мной.
Висит камень надо мной,
Над моею головой.
Камень треснул и упал
И мне в голову попал.
Выезжаю я на гору,
Получил письмо из дому:
«Приезжай, сынок, домой,
Вези денежки с собой».
Приезжаю я домой
Весь оборванный, худой:
Шуба рвана, без кармана,
Без подборов сапоги.
Без подборов, без халая
Я всю зиму щеголял.
Отец бронит, мать ругает:
«Куда деньги ты девал?!»
Рубль на церковь, два в кабак,
Остальные – на кабак.

* * *

ПОСЫЛАЮТ ШАХТЕРЫ СВЕТ И ТЕПЛО...

Посылают шахтеры и свет и тепло
В города, во дворцы для богатых.
Паразитам уютно, приятно, светло,
А шахтеры считают зарплаты.
За страданье, нужду, за тернистый наш путь
Обещают нам счастье на небе,
А чтоб в рай угодить, нужно в гробе уснуть –
Там забудешь заботу о хлебе.

Беспросветная жизнь тянет лямку труда,
Ни отрады, ни счастья не зная.
В темной шахте тебя поджидает беда,
А в казарме жена проклиняет.
Только слово промолвишь – расчетом грозят.
Походи, погляди по сторонкам:
Никуда ведь шахтеру податься нельзя –
Всюду церковь, тюрьма да казенка.
Посылают шахтеры казну и тепло
Для царя, во дворцы для богатых.
Скоро будет и в наших лачугах светло.
Паразиты дождутся расплаты!

* * *

У КЛЕТИ

Вот вспыхнуло утро, гудки загудели,
Проснулись шахтеры от крепкого сна.
Холодные тряпки на тело надели,
На шахту спешат – их зовет всех она.
Собрались на зданье, над клетью толпятся,
Каждый старается первый в ней сесть.
И тот, кто не знает, начнет удивляться:
Ах, что за охота во тьму скорей лезть?!
На здании холод бедняг пробирает,
Лохмотья не могут шахтера согреть.
Кто в шахтах работал, наверно, тот знает,
Зачем все спешат поскорей сесть на клеть.
Вот сели на клеть и в душе помолились,
Себя уж отдали на волю творца,
А в мыслях, быть может, с семьей распростились.
И так – день за днем, без конца, без конца...
Но есть и минуты счастливые в жизни:
Лишь только получку рабочий дождет,
И, выпив с досады к родимой отчизне,
Хорошим словечком он всех вспомянет.

* * *

ПЕСНЯ КОТЛОЧИСТА

Где шлялся, где таскался –	Несчастное творенье –
В котел он спать пришел.	Котельщика душа,
Ломами укрывался,	А все его именье –
А кирка – в головах.	Кирка да два лома.

* * *

ГИБЕЛЬ КОНОГОНА

Спускался в шахту утром рано
К своей лошадке вороной,
Цеплял он партию вагонов
И с нею мчался под забой.
Ой ты, товарищ, ты, товарищ,
Ты шибко лошадь не гони –
Там, впереди, пути не справны,
И может партия сойти.
Вагон передний забурился,
И он под партию попал,
Он на колени, грудь свалился,
Кричит: – Товарищ, я пропал!
Со всех концов сбежались люди,
Стояли черною толпой,
А коногона молодого
Несли с разбитой головой.
Двенадцать разиков пробило,
И клеть на гору поднялась.
А коногона молодого
Уж мать слезами залилась.
Прощай ты, шахта номер первый,
Прощай, мой уголь золотой,
Прощай, Маруся-ламповая,
И ты, товарищ тормозной.
Я был отважным коногоном,
Родная маменька моя.
Меня убило в темной шахте,
А ты осталась одна.

* * *

СВЕТ ПОСТЫЛЫЙ

Зачем ты, мать моя родная,
На свет постылый родила,
В костюм шахтера нарядила,
Шахтера имя мне дала?
Шахтеров всюду презирают,
Шахтеров нищими зовут,
Жандармы в тюрьмы их бросают,
За правду пули в лоб дают.

* * *

ПЕСНЯ САНОЧНИКА

Лет шестнадцати мальчишка,
Нанялся я в батраки.
И мой дядюшка, наемщик,
Меня отдал в рудники.
Опустили меня в шахту
И по штреку провели.
Нарядили тогда в лямку
Да и в санки запрягли.
Указали путь-дорогу,
Где проклятый был забой.
Я поехал понемногу,
Повез санки за собой.
Кое-как в забой доехал
И всю спину ободрал,
А как в камеру приехал,
То всю жизнь свою проклял.
Меня гонят, как скотину,
И трет цепка по ногам.
Я содрал себе всю спину,
Кровь струится по бокам.
Ах ты, мамочка родная,
Дорогая ты моя!
Ничего ты там не знаешь,
Как тут мучают меня.

* * *

ШАХТЕР ПАШЕНКИ НЕ ПАШЕТ

Нет смелее удальцов,
Чем шахтеров-молодцов.
Шахтер голый, шахтер босый,
Шахтер курит папиросы.
Шахтер пашенки не пашет,
Косы в руки не берет,
Только кайлушком помашет,
Зато денежки гребет.
Шахтер ходит по ночам,
Не уважит богачам.
Хоть какому богачу
На бок шею сворочу.
Шахтер пашенки не пашет,
Косы в руки не берет,
Косы в руки не берет,
В казну деньги не кладет.
Ты получку получай

Штейгеров не забывай:
Рубль на сотку, два на водку,
Три с полтиною на чай.
Получил получку я
Ровно двадцать два рубля,
Два рубля отдам домой,
Ну а двадцать – на пропой.
Веселись, душа и тело, –
Вся получка пролетела.

* * *

ПЕСНЯ О ШАХТЕРКАХ

В пять часов гудок гудит, я заплаток не нашел,
На работу всем велит. Обул рваны и пошел.
Жура, жура, журавель, Голова моя кружится,
Журавушка молодой Спецодежда все мне снится,
Стал шахтерки собирать. Нам лаптей немного дали,
Их нельзя уж надевать. Мы их быстро разобрали,
Они рваны и худы, но ничто нас не страшит,
Никуда-то не годны. Лишь хозяев бы изжить,
Стал я думать и гадать, ведь шахтеры наши знают,
Чем шахтерки полатать от чего они страдают.

* * *

ШАХТЕРСКИЙ СКАЗ

ПРО ЖАДЕЯ

Рудники Горняцкой Горки до революции были в руках частников-шахтовладельцев. Шахтой «Ольга», той, что старый террикон у речки стоит, тоже владел хозяин. Жадюга был, какого не сыскать на свете. Мы его все так и звали – Жадей.

Работалось у Жадея трудно: забои сырые, темные, низкие... Клеть спускалась в шурф на гнилых канатах. Деньги жалел Жадей, а наши жизни шахтерские ценил дешевле пеньковой веревки. Да и незаработно у него было.

– Не умрут – и ладно, – говорил он.

Скудная у нас была житуха.

У кого семья большая, так тот, бедняга, еле ноги волочил на шахту. А идти надо. Не поработает – и хлебной корки во рту не будет.

Мы к хозяину: «Прибавь, мол, трошки жалованья. Детишки голые, харч скудный, задыхаемся от нужды. Хоть в петлю...»

– Да ведь и у меня, почтенные, денег нет, тоже нуждишка вышла. Какой теперь доход от вашей работы? Надо бы еще по три копейки с ватшего заработка денного скостить. Больно уж много вам плачу, в разор дело идет.

Расплакался, подлец, прибеднился. Но мы, зная его, не идем на уступку.

– Нет, – говорим, – известна твоя нуждишка: за наши пот и кровь еще одну шахтенку себе заводишь.

Наседаем на него, жмем к шахтной клетки, кулаки в морду тычем.

Струхнул он, надбавку пообещал сделать. Да слово богача – что ветер в поле; улетит, останется один только недобрый помин.

Никакой прибавки от него, конечно, не получили. Обманул нас, каналья.

Задумали мы обхитрить злодея.

У нас на шахте работал один горновой, кузнец значит. Моторный был такой, подхватистый парень и придумщик большой. Говорят, на политической каторге бывал – за правду, за народ.

Так вот что он затеял: тайком от хозяина смастерил из жести бадейку, ни дать ни взять – голова страшилища из ада: рот ощерен, вместо носа черный провал, глаза пробил, к дну рога пристроил. В середку бадьи заправил мазуту, пакли и говорит нам:

– За эту штуку сдерем с хозяина пятьсот серебряных целковых. Завтра праздник церковный – Троица. Так вот, все отдыхать будем, потешаться.

Сказал и ушел прочь.

Разбались и мы по своим конуркам и ломаем голову: «Что же такое затеял наш Андрейка?»

А скумекал он вот что. Пришли мы утром по гудку на смену в шахту спускаться, а тут переполох – никто в клеть не хочет садиться.

– Что за волынка? – спрашиваем.

– Да вот напасть какая: черт на рудничном дворе поселился и хозяйнует там, никого в забой не пускает.

Услыхал о беде Жадей, прибежал, гонит всех в шахту, угрожает. А шахтеры ни с места: «Что мы полезем к черту на рожон?»

Нашлись смельчаки, пытались пробиться, нет, брат: сатану не осилишь!

Привезли попа, молебен отслужили, а черт сидит себе, не уходит.

Помялся хозяин и объявляет:

– Кто одолеет черта, награжу.

Охотников и тут не нашлось. Всем боязно, не хочется жизни лишаться. А время идет.

– Я одолею нечистую силу, – вызвался наш кузнец. – Только уговор: гони на артель пятьсот целковых.

– Многовато заломил, – сказал Жадей.

– Полезай тогда сам к черту в пекло, – отрубил кузнец и повернулся, чтоб уйти.

– Что вы, ребята? – завизжал Жадей. – Можно же поторговаться! Что вы такие несговорчивые? Ну ладно: по рукам! Плачу пятьсот, только черта изведите. Андрейка облачился в поповскую рваную хламиду, взял кадило, перекрестился на виду у хозяина, попрощался с друзьями и полез с чертом воевать.

Как только очутился он на рудничном дворе, из шахты слышались крик, визг, стон... А то и крепкое словцо услышишь оттуда. Много шума он наделал, кое-кого даже страх взял за кузнеца. Перетрусил и Жадей: бегают у копра, крестится, охает.

Прошло довольно много времени. Снизу сигналит кто-то:

«Поднимай клеть!» Подняли, в клетки Андрейка ни жив ни мертв, весь в мазуте и ряса изодрана.

– Ну, извел сатану... – остался на земле один черт, да и этому не вековать, – намекнул на Жадея.

Хозяин обрадовался, что с нечистой силой покончено, деньги кузнецу отдал.

– Теперь идите уголь рубать, – погнал он шахтеров. Отработали мы упряжку, приходим домой, а нас Андрейка к себе кличет. Поделил он награду поровну между братвой и говорит

– Это мой черт у сатаны подработал. Так он Жадея назвал.

* * *

ГОРЮЧИЕ СЛЕЗЫ

(рассказ)

Моей матери Антонине Трифоновне

В истории каждой шахты есть что-то сходное с жизнью человека. Как и человек, шахта подвластна неумолимому закону времени, как и человек, она рождается, живет и умирает.

Где-нибудь в раздольной донецкой степи шахтостроители ставят чистый, пахнувший вином дубовый копер, проникают в недра земли, и, глядишь, рядом с копром возникает пирамида породы, называемая на языке шахтеров терриконом.

Проходят годы... Одно поколение шахтеров сменяется другим; в степи звучат то бесшабашные, то тоскливые песни, и радуется, и печалится гармоника, рождается и умирает любовь, а террикон, словно могучий богатырь, возносит свою главу все выше и выше, и она курится молочно-желтым дымом.

Но вот запасы угля иссякают; замолкают на шахте сигнальные звонки, говор и песни откатчиц; под крышами опустевших зданий поселяются сычи и воробы; и, всеми покинутая, обезлюдившая, шахта умирает...

Великан-террикон не хочет примириться с совершившимся: год, два и три он продолжает исходить дымом и исторгать тепло, но мало-помалу угасает и он, и тогда на десятилетия, а может быть, на века остается немой свидетелем некогда бурлившей здесь жизни.

Вот почему я был несказанно удивлен, когда в сентябре 1943 года, вскоре после изгнания из Донбасса немцев, увидел здесь террикон старой шахты, от которого по степи растекался знакомый мне до слез, до боли кисловатый дымок. Мне было известно, что эта шахта забыта и затоплена и что в терриконе ее давно уже все истлело. Но откуда же

брался этот дым?

Близ шахты я увидел женщину и обратился к ней со своим вопросом.

Женщина обернулась к террикону и долго молча смотрела на его вершину, а я тем временем разглядывал ее изможденное, как бы отрешенное от всего земного лицо. Оно было полузакрыто широкой старомодной шалью с нашитыми в нескольких местах заплатами. Заплаты заметно выделялись, потому что шаль была черная, в рубчик, с зелеными и красными по краям полосками, а заплаты, хотя тоже шерстяные и черные, но гладкие и без рисунка. Из-под шали виднелась ветхая, неопределенного цвета мужская фуфайка, но еще более ветхими были длинная юбка и не по ноге огромные рабочие ботинки. На согнутой руке у женщины висела камышовая кошелка.

Почувствовав на себе мой пристальный взгляд, женщина сказала:

– А ведь это горит не уголь, это там горючие слезы. Она произнесла эти слова с необычайной силой убеждения, и мне показалось, что я присутствую при рождении какой-то новой легенды. Я осторожно спросил:

– А чьи же они, эти горючие слезы?

– Материнские, сынок, материнские,- ответила женщина печально.

Она тихонько вздохнула, нервно потерев желтыми пальцами концы шали и неторопливо повела рассказ.

– Истомились мы тут, ожидаючи... Ждем-пождем сыночков наших милых, а их все нету и нету. Тогда стали мы подниматься на этот на высокий курган и смотреть в ту дальнюю сторону – не идут ли по степи наши. Ждем от солнца до звезд, потом уходим с кургана, а там наши слезы загораются, далеко во тьму светят... Пусть заметят их сыновья наши и найдут дорогу к родному дому. А ждали-то мы не напрасно: все ж увидали своих сокольников родимых, увидали!

– Но почему же, – спросил я, – курган продолжает дымиться?

– Гм, «почему», – молвила женщина с горькой усмешкой. – Знать, много слез пролито, а может, и потому, что многие-то домой не воротились, небось по ним и теперь плачут.

В это время к нам подошел немолодой рабочий, по виду шахтер, и, не сказав ни слова, остановился чуть поодаль.

– Ну, а долго ли будут гореть эти слезы? – спросил я женщину.

– А кто его знает, – сказала она неопределенно. – Может, замирится война, вернутся все домой, то и плакать больше не придется.

– А вдруг вернутся не все?

– Тогда, стало быть, курган будет дымиться. А может, и плакать уж некому будет: ведь не вечен человек, не вечен...

– Что ты, бабка, мелешь? – с досадой сказал рабочий, подходя к нам ближе. – Человек,- указал он на меня,- видимо, дальний, хочет знать правду, а ты рассказываешь какую-то басню.

– Басню? – удивленно переспросила женщина, и лицо ее

омрачилось обидой. – Ну, так Расскажи не басню, если ты знаешь лучше.

И она пошла, не обронив более ни слова, и скоро скрылась за багряными кустами.

Рабочий неловко, сконфуженно переступил с ноги на ногу, мельком глянул мне в лицо, сказал с досадой:

– Чепуху всякую... Горючие слезы... Немец бы шуганул тебя оттудова!..

Его подмывало сообщить истинную причину появления над вековечным терриконом дыма. Это странное явление он объяснил точно и сухо, не оставив места для романтики и поэзии, неизменно живущих в душе народа. В пору немецкого нашествия, сказал он, жители шахтерского поселка в поисках топлива скрытно от немцев разрыли вершину террикона. Они нашли там немного угля, полусгнившие остатки деревянной крепи, и террикон, будто ожившая сопка, вскоре стал дымиться: при доступе кислорода и влаги уголь вновь загорелся.

Слова шахтера не вязались с поэтической, овейной материнской тоскою легендой и разрушили ее.

...Мне довелось потом видеть тот же террикон ночью. Он высился во мгле угрюмо-величавой громадой. Дыма видно не было, но кисловатый запах его господствовал среди запахов осенней степи. На вершине террикона мерцали огоньки, похожие вблизи на огни шахтерских ламп, а издали – на крупные, яркие звезды. Они то мерцали и тускнели, то вспыхивали ярче, трепетали и не гасли до рассвета.

* * *

НАРОДНЫЕ ДУМЫ

ПОБЕГ БРАТЬЕВ ИЗ АЗОВА

1

Как из земли турецкой,
Из веры басурманской,
Из города из Азова
Не белы туманы вставали:
Побежал домой
Отрядец небольшой,
Бежали три братца родные,
Три товарища сердечные.
Два конных, третий пеший-пехотинец,
Он за конными бежит-догоняет,
Кровью следы заливает,
За стремяна хватает,
Просит-умоляет:
"Братья милые, братья добрые!
Сжальтесь вы надо мною,
Сбросьте с коней поклажу, узорочье цветное,

Меня, брата-пехотинца, меж коней возьмите,
Хоть на версту отвезите,
И дороженьку укажите,
Чтобы мне, несчастному, знать,
Куда за вами в селенья христианские из тяжелой неволи бежать".
Но старший брат прегордо ему отвечает:
"Пристало ли такое, брат,
Чтобы я свое добро, добычу побросал,
Тебя, труп, на коня взял?
Этак мы и сами не убежим,
И тебя не сохраним.
Будут крымцы да ногайцы, безбожные басурманы,
Тебя, пешего-пехотинца, стороной объезжать,
А нас будут на конях догонять,
Назад, в Туретчину, возвращать".
Но пеший брат пехотинец бежит за ездоками,
Черную степь топчет белыми ногами,
Говорит такими словами:
"Братья милые, братья добрые!
Сжальтесь же вы надо мною,
Пусть хоть один коня остановит,
Из ножен саблю вынет,
Мне, брату меньшому, пешему-пехотинцу, с плеч голову снимет,
В чистом поле похоронит,
Зверю-птице пожрать меня не позволит".
Но старший брат прегордо ему отвечает:
"Пристало ли, брат, тебя рубать?
И сабля не возьмет,
И рука не подыметсЯ,
И сердце не осмелится
Тебя убивать!
А коли ты жив-здоров будешь,
Сам в земли христианские прибудешь".
Но брат меньшей, пеший-пехотинец, за конными бежит-догоняет,
Слезно умоляет:
"Братья милые, братья добрые!
Сжальтесь же вы, хоть один, надо мною:
Как поедете ярами, степью травяною,
В сторону сверните,
Ветви терновые рубите,
На дорогу кидайте,
Мне, брату – пешему-пехотинцу, примету оставляйте!"

2

Вот брат старшой и середний к зеленым ярам подбегают –
В сторону отъезжают,

Ветки терновые осекают,
Брату меньшому, пешему-пехотинцу, примету оставляют.
Стал брат меньшей, пеший-пехотинец, к зеленым ярам подходить,
Стал он ветки терновые находить:
В руки возьмет,
К сердцу прижмет,
Горестно рыдает,
Одно повторяет:
«Боже мой милый, сотворитель небесный!
Видно, братья мои здесь из тяжелой неволи бежали,
Меня не забыли, помогали.
Кабы дал мне господь из тяжелой неволи азовской убежать,
Стал бы я своих братьев на старости лет уважать и почитать!»
Но вышли старший брат и середний на ровную равнину,
На степи высокие, на широкие дороги расхожие, –
Не стало терновника и в помине,
И говорит середний брат старшому казачине:
«Давай-ка, брат, с себя зеленые жупаны снимать,
Красную да желтую китайку выдирать,
Пешему брату меньшому в примету оставлять, –
Пусть он, бедный, знает, куда за нами бежать».
А брат старшой ему прегордо отвечает:
«Пристало ли мне, брат,
Свое добро-добычу на клочья рвать,
Чтобы брату меньшому в примету оставлять?
Коли жив-здоров будет,
И сам в земли христианские прибудет».
Но середний брат, милосердный, ему не уступает,
Из своего жупана красную да желтую китайку выдирает,
По дороге стелет-расстилает,
Брату меньшому примету оставляет.
Вот стал брат меньшей, пеший-пехотинец, на равнину выходить,
На степи высокие, на широкие дороги расхожие, –
Глянь – ни тернов, ни яров нет,
Никаких примет.
И тут начал красную китайку да желтую находить:
В руки возьмет,
К сердцу прижмет,
Горестно рыдает,
Слезно повторяет:
«Недаром красная да желтая китайка на дороге валяется, –
Видно, моих братьев уже на свете нет...
То ли их порубали,
То ли стрелами постреляли,
То ли снова в тяжелую неволю угнали!

Кабы я точно знал,
Где их порубали или постреляли,
Я бы в чистом поле их тела сыскал,
В чистом поле закопал,
Зверю-птице пожрать не дал».

3

А тут брату меньшому безводье,
А тут бесхлебье,
Да еще встречный ветер с ног сбивает:
Вот он к Осавур-могиле подходит,
На Осавур-могилу восходит,
Там покойно девять дней отдыхает,
Девять дней чистой водицы с неба ожидает.
Мало ли, много ли он отдыхал,
К нему серые волки подбегают,
Орлы чернокрылые подлетают,
В головах садятся,
Глядят не наглядятся –
Еще при жизни ему поминку справляют.
И сказал он такое:
«Волки серые, орлы чернокрылые,
Гости мои милые!
Хоть немного погодите,
Пока душа казацкая с телом разлучится.
Тогда будете мне изо лба черные очи вынимать,
Белое тело до желтых костей объедать
И камышом укрывать».
Мало ли, много ли он отдыхал...
Уже рукой не взмахнуть,
Ногами не шагнуть,
На ясное небо очами не взглянуть...
На ясное небо взглянул,
Тяжко вздохнул:
«Голова моя казацкая!
Бывала ты в землях турецких,
В верах басурманских, –
А теперь довелось на безводье, на бесхлебье погибать.
Девятый день крошки хлеба не вкушаю,
На безводье, на бесхлебье погибаю».
Так он сказал...
То не черная туча налетала,
Не буйные ветры набегали,
Душа казацкая-молодецкая с телом разлучилась.
Тогда серые волки набежали,
Орлы-чернокрыльцы налетали,

В головах садились,
Из лба черные очи вынимали,
Белое тело до желтых костей объедали,
Желтую кость под зелеными яворами клевали,
Камышом укрывали.

4

А как начали старшой брат да середний к речке Самарке подбегать,
Начала их темная ночь накрывать,
Начал брат старшой середнему толковать:
«Давай, брат, здесь коней распряжем
И попасем.
Тут курганы высокие,
Трава хорошая
И вода погожая.
Станем здесь, подождем,
А как рассветет,
Может, к нам наш пеший-пехотинец подойдет.
Сожаленье у меня к нему большое,
Скину я все свое узорочье дорогое,
Подберу его, пешего, повезу с собой».
«Было бы тебе, брат, его прежде подбирать!
Вот уже девятый день наступил
С той поры, как он хлеб-соль ел,
Воду пил, —
Теперь его уж и на свете нет...»
Тут они коней расседлали, пастись пустили,
Седла под головы подложили,
Ружья в камышах укрыли,
Беспечно спать улеглись,
Утренней зорьки дождались.
Стала утренняя зорька светиться,
Стали они на коней садиться,
Через речку Самарку в христианские земли уходить, —
Начал старший брат середнему говорить:
«Когда мы, брат, к отцу-матери прибудем,
Что им говорить будем?
Коли станем по правде отвечать —
Проклянут нас тогда и отец и мать:
А коли вздумаем, брат, отцу-матери солгать —
Станет нас господь милосердный и видимо и невидимо карать,
Пожалуй, братец, такое скажем:
Не в одном доме жили,
Не у одного пана в неволе были,
И когда ночной порой из тяжелой неволи побежали,
Мы и его с собой звали:

«Беги, братец, с нами, казаками, из тяжелой неволи!»
А он в ответ такое сказал:
«Бегите вы, братцы,
А мне лучше здесь остаться,
Не сыщу ли здесь себе счастья-доли».
А как помрут отец и мать
И станем мы землю и скотину на две части паевать,
Третий нам не будет мешать».
Пока они так толковали,
Не сизые орлы заклекотали —
Злые турки-янычары из-за кургана напали, —
Постреляли беглецов, порубали,
Коней с добычей назад, в Туретчину, погнажи.
Полегла двух братьев голова у речки Самарки,
Третья у Осавур-могилы.
А слава не умрет, не поляжет
Отныне до века!
А вам на многая лета!

* * *

Вдова Ивана Сирка

В городе Мерефе жила вдова,
Престарелая жена
Сирчиха-Иваниха.
Семь лет она бедовала,
А Сирка Ивана и в глаза не видала,
Только двоих сынов воспитала:
Первого сына — Сирченка Петра,
Второго сына — Сирченка Романа.
Она их до возраста при себе содержала,
От них славы-памяти себе по смерти ожидала.
Как стал Сирченко Петро подрастать,
Начал он свою престарелую мать вопрошать:
«Матушка моя, престарелая жена!
Сколько я у тебя проживаю,
Отца моего, Сирка Ивана, не видал и не знаю.
Хотелось бы мне узнать,
Где моего отца, Сирка Ивана, искать».
Старуха вдова отвечает:
«Пошел твой отец
К стародревнему Тору попытать сил,
Там и свою голову казацкую сложил».
Только Сирченко Петро о том услышал,
Пилипа Мерефьянского с собой позвал,
Голуба Волошина в джуры себе взял.
Вот они к стародревнему Тору подъезжают,

Атамана торского,
Яцка Лохвицкого
Привечают.
Атаман торский,
Яцко Лохвицкий,
Из шатра выступает,
Сирченка Петра обнимает,
Такую речь начинает:
«Сирченко Петро!
Зачем ты сюда заявился?
Или своего отца Ивана искать снарядился?»
Сирченко Петро ему отвечает:
«Атаман торский,
Яцко Лохвицкий!
Я семь лет ожидаю, —
А отца своего, Сирка Ивана, не видал и не знаю».
Вот Сирченко Петро
Со старшими казаками прощается,
К трем зеленым овражкам направляется.
Казака Сирченка Петра на прощанье
наставляли:
«Сирченко Петро!
Себя оберегай,
Коней своих казацких от себя не отпускай!»
Но Сирченко Петро их словам не внимает,
Под зелеными кустами ложится-почивает,
Коней своих казацких далеко в степь пускает,
Только Голуба Волошина с конями посылает.
Турки это увидали,
Из кустов, из овражков повыбежали,
Голуба Волошина в полон взяли
И так ему сказали:
«Голуб Волошин!
Не нужны нам твои кони вороные,
Хотим мы только знать,
Как нам твоего пана молодого порубать».
Голуб Волошин такими словами отвечает:
«Турки!
Коли отпустите вы меня домой,
Сам я голову ему сниму с плеч долой!»
Турки это услышали,
Голуба Волошина отпускали.
Голуб Волошин к Сирченку Петру воротился,
С таким словом к нему обратился:
«Сирченко, пан молодой!

Доброго коня бери,
На турок скачи, руби!»
Только было Сирченко Петро на турок поскакал –
Тут ему Голуб Волошин с плеч голову снял.
Тогда турки Пилипа Мерефьянского кругом обступили,
Голову с плеч молодецких скосили,
Казацкое тело посекли-порубили.
Когда казаки-старожилы такое увидали,
Борзых коней седлали,
Турок нагоняли,
Побивали,
Казацкое тело подобрали,
В стародревний табор привозили,
Землю сухую саблями копали,
В шапках, в полах землю носили,
Казацкое тело похоронили.
Атаман торский,
Яцко Лохвицкий,
Об этом услышал,
Престарелой вдове Сирчихе-Иванихе
В город Мерефу письмо написал.
Сирчиха-Иваниха письмо читает,
К сырой земле грудью приникает,
Повторяет:
«Три беды на мою голову пало:
Первая беда, – что я семь лет горевала,
Сирченка Ивана видом не видала:
Вторая беда – Сирченка Петра на свете нет:
Третья беда – и Сирченко Роман за ним пойдет вослед».

* * *

ЛЕГЕНДЫ СЕЛА ГРАБОВО

Среди многочисленных одноименных Андреевок, Ивановок, Алексеевок, Дубовок, Ясеновок и других есть в нашей области село с уникальным названием Грабово. Старожилы говорят, что свое название оно получило от того, что находится вблизи Грабового урочища, где растет совершенно не свойственное Донбассу дерево граб. О том, какими судьбами занесло к нам это дерево, растущее триста лет, наверное, только сам Бог знает. Ученые предполагают, что Донецкий кряж был местом, где в межледниковый период могли сохраниться элементы прежних лесов. В частности, академик П.С. Логребняк писал, что леса Грабовской балки и Маяцкого лесничества под Славянском являются реликтами росс-вюрмского межледниковья, когда граб простирался гораздо дальше на восток. Это было 70-100 тысяч лет назад. Само село возникло более пятисот лет тому и находится неподалеку от самой высокой точки Донбасса – Могилы Мечетной,

откуда вытекает река Миус. Это, конечно, не значит, что именно в то время в этих краях появились люди. Как свидетельствуют многочисленные памятники старины в виде «каменных баб» и раскопки многих могил, Донбасс был заселен много тысячелетий тому, а Дикой степью он стал после опустошительных набегов монголо-татар. Возможно, что возникновение села связано с тем, что запорожские казаки часто использовали реку Миус как запасной путь в Азовское море для походов на крымских татар. Но сами грабовцы в исторических изысканиях связывают свою родословную с императрицей Екатериной II и атаманом войска донского Иловайским. Якобы великая владычица Российской империи наградила Иловайского за заслуги по поимке «Злодея Пугачева» огромным куском земли между реками Крынка и Миус, а тот дабы ее заселить, стал заманивать беглых крестьян на свои земли. Ходят легенды о некоем полтавском казаке Мартыне, остановившемся как-то со своими братьями и семейством у Грабовой балки на постоя, а ему Иловайский предложил строиться на берегу Миуса, дав надел земли и пообещав десять лет не брать никаких поборов, пока не устроит свое хозяйство.

* * *

КАК ПАН ИЛОВАЙСКИЙ СЕЛО СТРОИЛ

Большой оригинал и добряк был этот атаман Иловайский. Он на свой лад записал казака Мартына Мартынцовым и наказал строить всем дома вдоль Миуса в один ряд и обязательно лицом к его имению, что роскошно утопало в зелени и садах тут же невдалеке. Так это было или нет, но улица Однобоковка и до сих пор живет в памяти односельчан, хотя само село давно «перебралось» на другой берег Миуса. Да и панский сад помнят грабовцы, хотя от него ничего уже не осталось. Очень красив он был и богат разнообразием фруктов деревьев, кустов, ягодников. Помнят селяне и Свято-Троицкую церковь, построенную полковником Иловайским в 1799 году, столетие которой отмечали в конце прошлого века. В честь этого юбилея к ней на пожертвования мирян было сделано две пристройки и колокольню. Пристройки делал один из потомков казака Мартына Егор Кузьмич Мартынцов. Он 25 лет прослужил старостой церкви. Был грамотным человеком и написал историю села Грабово. Его, кстати, еще звали дедом Кошелем. А история и тут связана с паном Иловайским. Воскресным днем ехал пан в церковь. А по улице туда же шли однобоковцы. Вынул пан платок из кармана, чтобы утереться, а на дорогу выпал кошелек. Увидела тот кошелек жена Егора Кузьмича и стала кричать:

– Пане, пане, вернитесь!

Пан остановил карету, подождал женщину, зовущую его, а она показывает кошелек:

– Это вы кошель загубили, наверное. У наших однобоковцев таких красивых кошелей нет.

Взял пан кошелек свой, вынул оттуда золотой рубль и отдал женщине. А Мартыцовых с тех пор и стали звать Кошелями.

* * *

КАК СЛУЖАНКУ НА СОБАК ПОМЕНЯЛИ

Впрочем, что касается непосредственно села Грабово, то в преданиях его старожилов, передаваемых из поколения к поколению, имеется и интригующая легенда о подвиге одной панской служанки. Вот как в деталях передает ее Федор Захарович Мартынов в своих записках, сделанных по вашей просьбе. Так вот, когда пан Иловайский умер, то предки наши стали жить при пане Донецом из Ставропольского края. Он был адъютантом. Досталось нашему роду, когда нас меняли на собак. Случилось это так. Пан наш имел связь с калмыком, у которого был конезавод. Наш пан поехал купить у него коней и пригласил калмыка к себе в гости. У нашего же пана сестра дедушки Павла Кузьмича Ганна была домработницей. Ганна была сильная красавица. Когда приехал калмык к нашему пану, то ему сразу же приглянулась наша Ганна. Тогда он и стал просить, чтобы отдал ему Ганну, хотел выдать ее замуж за сына.

«Отдай Ганну, – говорил он, – а я тебе дам собак, которые тебе понравились, когда ты приезжал к нам».

На том и порешили – поменял пан Ганну на собак. Родители, конечно, ничего не могли сделать. Уехала Ганна, а вскоре этот калмык умирает, и сын остается хозяином этого конезавода. Прожили они год, родился ребенок. Калмык молодой мотался на лошадях по друзьям, гулял, пропивая состояние, грабил села. А Ганну держал под присмотром. Однажды она с его матерью была на огороде, рвала клубнику. Калмыка дома не было. Вот Ганна попросила мать посмотреть за ребенком, а сама решила убежать от них. Собрала узелочек и ушла. Вскоре появляется калмык и спрашивает: «Где Ганна?». «Ушла, – говорит мать, – давно ушла». Он собирает команду и вдогонку. Собаку с собой прихватил для поисков. Шла Ганна не дорогами, а напрямик по степям, буеракам. Приходит она через несколько дней к речке, заросшей камышом, смотрит; а на горизонте всадники мчатся. Собака к ней подбежала, она приласкала ее, и та замолчала. Она в камыши залезла и сидит. А они подъехали к переправе и спрашивают старика, не видел ли он женщину? Старик-паромщик поклялся, что не видел. Как только они скрылись стемнело, Ганна вылезла из камышей и к паромщику. Тот ее накормил, перевез через реку и направил к своим родственникам. «Иди, говорит, вот так степью и увидишь селение, то не бойся, это русские селения, зайдешь в крайнюю избу и передашь от меня поклон. Скажешь, что просил я приютить тебя на некоторое время у себя, а то этот калмык будет рыскать по степи, и если найдет, то нагайкой засечет до смерти. Знаю, мол, я их». Ганна ему за это золотое кольцо предложила, а он отказался и сказал: «Бог тебе в помощь».

Она поблагодарила и благополучно добралась до этого селения,

нашла родных паромщика, те ее и припрятали. Прошло некоторое время. Она с их семьей в поле работала, а калмык все рыскал по степям и людей расспрашивал, может, кто видел такую-то женщину, обрисовывал ее приметы, но люди, кто и знал, ничего не сказали. Потом эти хозяева собрались ехать за солью в Бахмут (Артемовск) и привезли ее до нынешней станции Рассыпная. Это место тогда называлось Острая могила, которая и сейчас стоит как верный указатель дальнего следования с юга на север. Узнала Ганна свои степи, обрадовалась, подарила своим спасителям золотое кольцо, распрощалась и ушла на Грабово. Очень боялась она идти к пану Донецкому. Думала, отдаст он ее назад калмыку. Но ошиблась.

– Что ж ты убежала? – спросил пан.

– Да калмык же мусульманин, а я православная. Не хочу чужой верой жить, – ответила Ганна.

– Ну и хорошо, живи у нас, – сказал пан и подарил ей много одежды, другого добра.

Прожила Ганна 90 лет. Но замуж вторично так и не вышла.

* * *

ЛЕГЕНДА О РЕЧКЕ МИУС

Из исторических источников известно, что название речки Миус в переводе с татарского обозначает извилистая речка, которая протекает среди крутых пагорбов (Покрученная речка). Так и в легенде, которую местные жители передавали из поколения в поколение, рассказывается о происхождении названия Миус. Давно это было. Еще в те времена, когда казаки плавали по малым речкам аж в Азовское и Черное моря. Это был безопасный путь, так как в горлах больших рек, таких как Дон и Днепр, турки и татары построили крепости, которые не пропускали казацкие лодки в море. Однажды, после неудачного похода на Царьгород, небольшой отряд казаков возвращался в родные места по берегу безымянной малой речке. Прячась от преследующего войска по речным берегам, они везли на запряженном обозе тяжело раненого атамана по прозвищу Мийус. Остановились на отдых на небольшой поляне около речки. Как раз там, где, омывая очередную скалистую возвышенность, ее воды туго закручивались, напоминая казацкий ус. Атаман попросил принести ему чистой студеной воды из речки. Попив и подняв голову, он промолвил: «Если до утра не доживу, похороните меня на склоне этой возвышенности, потому что эта речка напоминает мой ус». Не дожидаясь утра атаман, и казаки похоронили его, как и велел он, а сами пошли дальше. Спустя время они снова собрались в поход по Азовскому, Черному морям. Проплывая мимо холма, где похоронили атамана, казаки снимали шапки и воскликнули: «Мийус, мы помним о тебе и о твоей речке!» С тех пор все начали называть эту речку Мийус на честь храброго атамана. Прошло много времени. Сравнялась могила атамана с землей. Из названия речки выпали две буквы, и стала речка называться Миус. Так это было или нет, никто не знает, но легенда про

атамана Мийус и речку дошла до наших дней.

* * *

ЛЕГЕНДА О ГОРЕ СОКОЛИХЕ И АТАМАНЕ СОКОЛЕ

Первые поселенцы начали поселяться по берегам речки Миус сначала в низинах, которые протянулись от Первой балки до горы Цегеня, потом по балкам, которые впадали в речку и вниз по течению, аж до горы Соколиха.

Однажды в эти места прибыл молодой казак, по фамилии Братченко, со своей семьей. Он поселился в пещере, которая находилась посреди горы Соколиха. Рядом была небольшая площадь, на которой казак достроил к пещере каменную пристройку и накрыл ее каменными плитами. Место для жилья было выбрано удачно. Окна выходили одно-на север, где проходил торговый путь от Харькова и Изюма, аж к Азовскому морю, а другое- на юг, к пути, что вел от Торских солеварен к Азовскому морю. Двери выходили к речке Миус.

За силу и храбрость жители этих мест выбрали казака своим атаманом. Прозвали его Сокол, потому что все жили в низине, а он на горе. Детей его звали Соколята.

В те времена кругом была голая ровная степь. Деревья росли только по балкам и по берегам речек. И только с горы Соколиха было хорошо видно торговые пути. Когда Сокол замечал, что движется чумацкий или татарский караван, он подавал знак своим казакам, те вмиг седлали коней и мчали на гору. Оттуда они всей ватагой двигались к торговому пути. Расстилали турецкий ковер, а сами прятались в какой-нибудь балке поблизости. Если проезжие купцы клали на ковер дань, казаки пропускали их, а дань делили между собой. А на тех, кто отказывался платить, казаки нападали, отбирали добро, а то и убивали и убегали в заросли Миус-реки. Добычу также делили поровну.

Таких ватаг, как ватага атамана Сокола, по Дикому Полю было много. Турецкие султаны и татарские ханы не раз жаловались российским царям на разбойников, промышляющих на Диком Поле, но те ничего не могли поделать.

Только в конце 18 века, когда на эти земли придут донские казаки, южные границы Российской империи начали охраняться, а разбой на торговых путях стал пресекаться.

В это время ватага под руководством сыновей атамана Сокола перестает существовать, но Соколята остались жить в тех местах, построив себе дом и мельницу ниже Грабовского Должика (балки Должик). Этот род еще долго люди называли разбойниками, хотя они оставили это ремесло. У Братченко было несколько прозвищ: Разбойники, Соколки, Владимирсы, Карпы, Сереги.

Одна из внучек атамана сокола в 1872 году вышла замуж за Зарю Сергея Павловича, и род Зари тоже начали называть Соколки. Сам атаман был похоронен на восточном склоне горы Соколиха, недалеко от своей пещеры. Только во время строительства грабовского

водохранилища пещеру и логово было взорвано, а камень вывезено на строительство дамбы. Но прозвище Соколки дошло до наших дней. Потомки разбойника Сокола и сейчас живут в селе Грабово Шахтерского района Донецкой Народной Республики.

* * *

ЛЕГЕНДА О САУР-МОГИЛЕ

Стоит в среднем течении Миуса высокий одинокий холм – Саур-могила. Далеко видны просторы Примиусья с нее, до самого моря Азовского.

С древних лет гора эта ориентиром служила всем прохожим, проезжим, да проплывающим. Ориентиром да сторожевым курганом, откуда следили казаки за приближением войска басурманского.

Давно было. Жил казак один, Яшкой его звали. Простой казак. Не особенно сильный, не особенно видный, да и не слишком отважный, если уж руку на сердце класть.

Богатства большого родители ему не оставили. Славы тоже еще не добыл. Молодой совсем был казак.

Но спалось и виделось ему, как станет он бравым воином и даже атаманом. И готов был он ради этого на все на свете.

Как-то шел он с корчмы, а навстречу ему цыганка. Дай, мол, погадаю. Протянул ей Яшка руку. А она ему и говорит:

– Вижу, что хочешь ты себе и силы, и славы, и богатства. А как добыть все это, не знаешь. Позолоти-ка мне ручку, я тебя научу.

Протянул ей Яшка монету:

– Рассказывай, да только не бреши.

Цыганка отвечает:

– Ни разу еще сбrehать казаку не приводилось. И тебе правду скажу.

Есть недалеко отсюда, у Миуса, курган одинокий – Саур-могила. Царь-могила тот древний курган. Вы, казаки, уж и не помните о том, кто зарыт там. А мы, цыгане, больше вас ветром по степи гуляем, все знаем.

Похоронена там царица-воин. Вместе с мечом своим и луком со стрелами. Великой богатыркой была она. Большими землями владела. В храме богини луны верховной жрицей называлась, многие чужеземцы на ее алтаре свою кровь оставили.

Все было в жизни царицы: и деньги, и земли, и слава, и власть. Не было только любви. За всю жизнь только любви к мужчине она до самой смерти так и не извела. Никого не полюбила.

Похоронили царицу, да неспокоен остался дух ее. Один раз в год, в полнолуние первой майской ночи, выходит дух царицы из могилы, да ищет воина, которого полюбить сможет.

А тому, кого полюбит, кто ей в верности поклянется, подарит царица все, чем сама владела.

Хочешь себе такой судьбы, ступай первой майской полнолуной

ночью на вершину Саур-могилы спать. Может, явится тебе дух царицы. А дальше уж сам, как знаешь.

Поблагодарил Яшка цыганку и домой пошел. Пришел, думать стал: идти, не идти.

Идти боязно, не идти – совестно. Решил все же: пойду. На дворе уж к тому времени весна как раз стояла, апрель кончался.

Едва в мае первая ночь полнолунная наступила, прискакал к Саур-Могиле Яшка. На холм поднялся. Коня стреножил, пастись пустил. Себе постелил рядничко на траву, да и спать лег.

И снится ему сон. Что явилась откуда-то женщина, вся в золотые доспехи убрана и на главе шлем золоченый. Меч в руках держит.

– Здравствуй, молодец добрый! – говорит. – Куда путь держишь, что ищешь в степи вольной, да на моем кургане?

Отвечает ей Яшка:

– Слышал молву о твоей красоте да храбрости, вот и пришел на тебя посмотреть. За твою душу помин выпить. Не прогонишь?

– Ну, bravому воину всегда рады, – отвечает царица. – И словечком, отчего же не перекинуться. Да и выпить вина не худо бы, коли ты принес.

Слово за слово, долго говорили. Вино пили. Про битвы вспоминали да походы.

Царицына рука в Яшкиной руке оказалась.

И говорит ему царица:

– Люб ты мне. Пока была живой, не знала я любви. Никого не любила. Ни чьих речей не слушала. Никто своими губами не касался губ моих.

Коли по нраву тебе царица амазонок Арсиноя, так поцелуй меня. Да в любви и верности поклянись до гроба. Полюбишь – все отдам тебе, что сама имела: и удачу военную, и славу, и богатство.

Но берегись, коли ты мне изменишь, другую полюбишь. Не только все потеряешь – головы лишишься. Лучше уж и не целуй, отверни уста.

– Как можно такую красавицу не полюбить, – Яшка отзывается. – Любой грезил бы во сне, чтоб поцеловать тебя, моя Арсиноя. Обещаю тебе любить одну тебя до гроба.

Зажмурился и поцеловал царицу. И в тот же миг проснулся.

Лишь в ушах не то конское ржание, не то эхо:

– Помни свое обещание... Обещание... Обещание...

Стал на рассвете Яшка с горы спускаться, да конь вдруг за что-то копытом зацепил, грудку земли в сторону отвалил.

Глянул Яшка – мать честная, котел, полный золота! Видно, и впрямь, не обманула его царица. Стал котел из земли вынимать, а под ним камень плоский, словно крышка от короба. Поднял камень – лежит под камнем сабля острая, с какими казаки в поход ходят. Ровно давно лежит, а блестит на солнце, словно только выковали ее.

Взял Яшка саблю, на пояс повесил. Котел в дорожную суму

пересыпал, царице спасибо сказал, да и поехал домой.

С деньгами кафтан себе купил, коня лучшего, пицаль справил. Лихим всадником стал разъезжать по улицам.

Дом свой поправил, друзей стал в гости звать, пировать. Зажил, одним словом.

И то заметили люди, что на всех игрищах-потехах казачьих первым стал Яшка. И из лука лучше всех стреляет, и на саблях лучше всех бьется, и с пикой лучше всех управляется, и на кулачках первый.

Да и лицом вроде выправился – красавец, бравый казак.

Прошло время, войско в поход отправилось, Яшка и там себя лучшим показал.

По возвращении, как стали дуван дуванить, добро захваченное делить, много Яшка получил за свои подвиги.

Еще год прошел. В новый поход пошли казаки. Вернулся из него Яшка есаулом.

Вокруг уж все девки об него глаза обмозолили, больно жених завидный. Чуть не сами готовы были сватов засылать. А Яшка, словно и не видит ни одну из них.

– Одна, – говорит, – у меня невеста – сабля вострая.

Еще несколько лет прошло. Вовсе прославился да разбогател Яшка.

На круге очередном порешили его казаки атаманом выбрать.

Сбылась Яшкина мечта, получил он все, что хотел.

К тому времени уж середовичем стал, борода засеребрилась, а все один. Грустно ему и одиноко от этого порой бывало, да он это горе вином заливал.

И вот снова в поход пошли казаки. Да не простой поход.

Видишь, спорило Войско Донское с Запорожской Сечью, чьи земли лежат между Миусом и Кальмиусом. Больно много в тех лесах дичи да в тех реках рыбы водилось.

В одной такой стычке захватили донцы обоз, что с солью да рыбой шел. А при обозе девушка крестьянская была – Олена.

Стали добычу делить, отдали Олену атаману.

Смотрит на нее Яшка и думает, посчитает царица за измену, коли Олена в его доме простой служанкой будет жить. Порешил, что много лет уж прошло, а служанка – не жена. Взял Олену в дом.

А девка ладная, спорая. Огонь, а не девка. У стены остановил, в глаза заглянул, за бок тронул, полыхнуло ретивое. Словно помолодел лет на пятнадцать. И она, ничего, не ломается.

Думал Яшка:

– Чего мне желать другую, коли эта сама от войны досталась? Да и судьба может, что стала эта полонянка подарком моим на старость.

Да и то верно, что старость подступает. Наследников Яшке захотелось. Влюбился он в полонянку так, что и думать забыл и о деньгах, и о славе, и о войне, и о царице Арсиное. Сделал он Олену

женой. Ожерелье драгоценного жемчуга ей на шею повесил. Перстень смарагдовый на палец надел.

С круга казачьего шел, где женой ее взял, голова закружилась. Думал: нагрело солнце, больше буду дома сидеть.

Домой пришел Яшка, жить стал с женой молодой.

Да недолго зажился. В тот же год набежали на казаков турки-басурмане, пошел Яшка воевать. И в первом же бою конь под ним споткнулся. Споткнулся, Яшку покачнул. Налетел на него турок-конник, саблей махнул, голову с плеч долой снес. Умер Яшка.

Вернулись казаки, и узнали, что в тот день, как умер он, Олена-полонянка вечером с соседками попрощалась, да на Саур-могилу пешком одна поднялась. А к чему, почему – никому не сказала. Провожатым ждать себя велела, да вниз так и не спустилась.

Искали ее потом, и не нашли, только ожерелье жемчужное на вершине кургана на камне лежало. И перстень старинный со странным именем на ободке – «Арсиноя».

* * *

САВКА

Старожил города Амвросиевка С.А.Зеленюк, основываясь на преданиях, услышанных им в юности от жителей ближайших сел, утверждал следующее:

– Название Саур-могила появилось в конце 18 столетия. Жил в те времена некий пасечник Савка. Он не только торговал медом, но и якшался с турками и татарами. Ведь граница с Крымским ханством еще в 70-десятые годы 19 века проходила в этих местах. Савка доносил им обо всех передвижениях царских войск. А также оповещал, где именно в приграничных селах и хуторах имеются богатые хозяйства или красивые девчата. А потом башибузуки и татарские чамбулы (отряды) совершали по его наводкам набеги, жгли хутора, угоняли скот, захватывали пленниц. После победных русско-турецких войн, проведенных Екатериной Второй и Потемкиным, набеги прекратились, а Савку местные жители повесили, потом зарыли на вершине.

Еще в середине 30-х годов 20 столетия я ранним утром побывал на Саур-Могиле. На самой вершине обнаружил небольшую впадину, напоминавшую просевшую могилу. Над ней рос куст колючего шиповника, откуда на меня зашипели две змеи. На дне углубления были заметны почерневшие остатки дерева. Возможно, даже сгнившего креста. Потом я жалел, что не обследовал это место поподробнее, – завершил свой рассказ Зеленюк.

– Ведь война стерла все следы...

Конечно, вызывает сомнения, что столь заметная среди степей высота могла быть названа в честь вульгарного изменника. Хотя чего на свете не бывает! Так что и эта версия имеет право на существование. Окончательную истину смогут восстановить только дальнейшие исследования.

* * *

САУР

Исследования литературных памятников наводят на другие объяснения происхождения названия легендарного кургана. Но они относятся к более позднему периоду.

В 1783 году царица Екатерина II издала указ, который юридически полностью закрепощал крестьян Левобережной Украины. Царица щедро наделяла своих приближенных угодьями на новых землях. Народ бунтовал, противился введению крепостного права. Некоторые легенды связывают происхождение названия Саур–Могилы как раз с этим временем.

В одном селе на речке Миус появился пан с царскими стражниками, и это сразу принесло много горя крестьянам. Он все тянул из амбаров, издевался над старым и малым, не признавал своих крепостных за людей.

У молодого крестьянина Саура пришел конец терпению, когда пан жестоко надругался над его красавицей невестой. Парень исчез из села. Пошли слухи, что он от горя подался в далекие края. Но когда был убит пан, а его хоромы сожжены, никто не сомневался, что это дело рук Саура. Крестьяне шли к нему. Они нападали на помещичьи обозы и грабили их, все захваченное отдавали беднякам. Добрая слава о народном защитнике быстро разнеслась по всему Примиусью.

Саур был неуловим для царских стражников. Умер он в преклонном возрасте, и народ похоронил его на степной равнине. Каждый принес в шапке землю на его могилу. Людей было так много, что вырос огромный курган.

Борьбу дальше продолжил его брат Леонтий. А когда он погиб, его похоронили невдалеке, и каждый в память о Леонтии посадил одно дерево. Так вырос лес – Леонтиевский байрак, который находится в 15 километрах от Саур-Могилы.

* * *

ЛЕГЕНДАРНЫЙ КУРГАН

Этот курган – свидетель многих событий, о которых повествуют народные думы, песни, легенды. Из поколения в поколение передавалась память о мужестве и отваге защитников родной земли.

По-разному объясняется происхождение названия Саур-Могилы. Но все сводится к тому, что Саур-героическая личность, что он всегда отстаивал интересы народа. В легендах говорится, что на этом кургане когда-то стоял сторожевой казацкий пост. Такая застава была и в районе нынешнего Харцызска. А потом, дальше и дальше сторожевые посты цепочкой тянулись до самой Запорожской Сечи. Когда конница татарского хана скакала по степи, поднимались тучи пыли. Это позволяло сторожевым постам своевременно обнаружить приближение врага. Казаки зажигали на вышках смолу, соседи видели поднявшийся дым – делали то же. И так сигнал об опасности доходил до Сечи. Оттуда

выступало войско навстречу неприятелю.

Саур был одним из храбрейших запорожских казаков. Красивый, гордый, честный, он обладал необыкновенной силой. В бою не знал страха, никогда не унывал. Поэтому его любили побратимы, с ним легко переносились трудности походной жизни.

Приказал атаман ему нести дозор на этом кургане, назначил старшим. То лето было слишком жарким. Часто проносились грозы. Сильные восточные ветры катили волны по высокой траве, как по морю, но несколько не уменьшали духоты.

Однажды все небо затянулось черными тучами. Еще утром было солнце, а в полдень опустились настоящие сумерки. Сверкали без конца молнии, ближе и ближе раздавались раскаты грома. Казаки поздно заметили столб пыли: конница татар приближалась. Они засуетились, но не могли сразу зажечь смолу. А когда наконец пошел в небо густой черный дым, на курган уже поднялся отряд татар. Саур и его товарищи вступили в неравный бой, долго не подпускали вражеских конников к вышке. Лишь увидев, что казаки Харцыза приняли сигнал и подожгли у себя смолу, начали отходить. Татары окружили Саура, но он не сдавался. Тогда сзади на него набросили аркан, стащили с коня и посекли саблями.

Легенда говорит, что загудела земля и там, где шел бой, стала подниматься. На высоте росла еще одна высота. Полил ливень, поднялась буря, небо как будто развалилось от страшного грома. Молнии ослепили татар, они перепугались и стали удирать. Только под утро все затихло, и необычно розовый загорелся рассвет. Курган обласкали первые лучи восходящего солнца. Прибывшие на помощь казаки нашли порубанное тело Саура. Похоронили героя на этой высоте и по своему обычаю на его могиле шапками насыпали большой курган. Вот и называется он Саур-Могилой.

* * *

МИУССКОЕ ДРЕВО ЖИЗНИ

Примиусье – особенный край. Уже не Дон, но еще и не Малороссия.

Это грань, пограничье между двумя крупными культурами, образами мышления, способами управления обществом, взглядами на жизнь.

Земли Примиусья, исконно являющиеся частью Дикого Поля, массово стали заселяться лишь в 18 веке, с приходом сюда Российской империи, стремившейся увеличить численность населения у своих новых границ. Может, потому национальный состав этой местности так пестр.

Вместе с потомками коренных казаков здесь поселились русские, переехавшие сюда из центральной России, а вместе с ними – белорусы, украинцы, поляки, молдаване, сербы, греки, армяне, евреи, немцы и цыгане. Совместно они превратили здешний край в своеобразную маленькую Америку – букет из традиций, культур и верований.

Если взглянуть на Примиусье сверху, оно похоже на большое дерево, состоящее из множества мелких рек-веточек. Многие из них даже названия носят древесные – Ореховая, Калиновая, Грушевая, Кленовая, Дубовая, Ольховая... Словно по лесу идешь.

Растут все эти деревья в земле миусской. Живет-течет вместе с ними образованное многочисленными речными берегами большое речное дерево.

Живут в Примиусье, рядом с этим деревом, люди – работают, учатся, растят детей. А еще – рассказывают удивительные миусские сказки, об истории, мудрости и красоте родной земли повествующие.

* * *

ГОЛУБЫЕ СКАЛЫ

Жил на свете казак, Леонтием звали. По происхождению младший дворянский сын был, но, толи кровь в нем скифская сыграла, толи под такой луной уродился, а променял он свою спокойную жизнь на вольные разбойничьи хлеба. С молодых лет кровью договор с дьяволом подписал, чтоб воровскую удачу добыть и царских слуг от себя отвести. На дело ходил.

Сначала сам гулял, потом к Пугачеву в войско попал, немало с ним степей исколесил. А, как пленили Емельяна, сумел из рук царских солдат вывернуться и на Тихий Дон бежать. Оттуда в Сечь перебрался. Но и там не зажилося спокойно ему, опять за старое – разбойничать – взялся, по приазовским степям ходить. Много народу имущества лишил. В кабаках да на постоялых дворах награбленное пропивал и на гулящих девок спускал – веселился.

Лет прошло так несколько, молодые годы отшумели половодьем, зрелость наступила, а с нею и мысли о старости пришли. От воровских дел отвернуло Леонтия. Начал он задумываться о том, чем по смерти заплатит дьяволу за то, что смолоду людей обижал, и страшно становилось ему. Гнал, было, от себя мысли такие, но не выходило ничего.

В селе одном услышал он от пустытника, что такому, как он, человеку, договор с сатаной заключившему, только одна Мать Божья помочь и может. Потому что Она и есть – Дух Святой, законник и заступник вселенский пред Богом о каждом человеке. Стал он Пречистую звать, молиться Ей всякий день, о спасении просить. Молчала Пресвятая, ничем не показывала, что слышит мольбу разбойника.

Так еще три года прошло. И однажды, когда в лесу на берегу Миуса заночевал Леонтий, вдруг привиделось ему, что явился перед ним сам сатана и душу его себе требует. Мол, обещал – подавай. И в тот же миг сияние озарило весь берег – Мать Божья пришла.

Стали спорить. Сатана доказывает свою правоту, что земное дело, каким Леонтий всю жизнь жил – это его, дьяволова, заслуга, и, стало быть, под землю душе разбойничьей идти. А Богородица говорит, что

душа леонтьева – божье творение, и не может она под землю уйти, потому что не умерло окончательно в ней божье дыхание. Раз способен Леонтий еще сострадать и каяться, на небе его душе место.

Так долго спорили. Наконец, Богородица говорит дьяволу:

– Верно ли поняла я тебя, ты считаешь, что недостойн Леонтий, договор с тобой кровью подписавший, расторгнуть его, прощенным быть и на небо попасть?

Сатана головой кивает: верно, мол, правильно поняла.

Матерь Божья опять:

– А верно ли ты Меня понял: Я считаю, раз раскаялся Леонтий в содеянном, ущерб людям возместить желает, и Мое имя призывал во спасение, не могу допустить Я, чтоб его душа, в коей и Моя, материнская, часть есть, к тебе под землю ушла?

Сатана опять кивает: все так и есть.

Богородица продолжает:

– Стало быть, чтоб не обидно нам с тобой обоим было, постановим, что и на небо такой человек попасть не может, и под землю уйти не должен. А раз так, только особый суд его судьбу решит. Согласен?

Дьявол снова подтверждает: согласен, мол.

Богородица и говорит:

– Тогда так уговоримся: коли найду Я до рассвета такое место, где небо на земле будет, а земля на небе, и где ни небо, ни земля, и там подзащитного Моего вместе со Мной рассвет встретить помещу, а тебе это увидеть дам, отдашь ты Мне душу Леонтия. Ну, а коли не исполню, что обещала – твоя она.

Сатана даже запрыгал от восторга:

– Быть посему! Тем более, до рассвета всего один час остался. Не я это предложил, а победу я праздновать буду – нет такого места, мне ли не знать!

Богородица отвечает:

– Есть ли, нет ли, это уж моя забота. А ты сюда на рассвете приходи, на солнце с этого берега погляди.

– Приду, – сатана отвечает, – и вопросов нет.

Свистнул так, что листья с татарских кленов посыпались, и сгинул.

Взяла Богородица Леонтия за руку, вместе с ним через Миус шагнула, на другом берегу стала и в утесы, над водой нависающие, превратила их обоих.

Стало солнце вставать над горизонтом – сатана тут как тут, в лапах леонтьев договор держит. Глянул на восток: что такое? Прямо перед ним грядой длинной скала раскинулась, словно из облака сделанная – голубая-голубая, аж синевой отливает. И стоит, не поймешь, как, словно в воздухе парит: внизу, где земля должна быть, туман над Миусом расстилается, сверху солнце, светило великое, зарей небо золотит. Верно Матерь Божья сказала: ни небо, ни земля, небо на земле, земля на небе.

Плюнул сатана с досады, договор, Леонтием подписанный, в ключья изорвал и под землю провалился.

Богородица себя и Леонтия опять назад в человеческий облик вернула, на старое место Миус перешагнула, обрывки договора ногой с берега в воду сбросила.

Леонтий Ей в ноги упал, благодарить стал. Спрашивать, чем он за добро отплатить может.

Она и отвечает:

– Бог с тобой, какая плата! Живи, как человек, вот и все, чего Мне от тебя хочется.

Тут и стал Леонтий виниться перед Ней за жизнь свою. Рассказал, как насмотрелся с детства на несправедливость, на страдания и людей простых, и всей России-матушки. Как сделать ничего не мог и потому путь выбрал тот же, что и многие до него выбирали: чтоб другими небитым быть, прежде самому других бить.

Как думал, что дьявол поможет ему счастливым стать, а он обманул, только несчастными других делать научил, а счастья Леонтию ни на толику не прибавил.

Рассказал так и стал просить Матерь научить его, как ему хоть остаток жизни, что Бог дал, прожить, чтоб, когда Страшный суд придет, не стыдиться. Где, в какой земле лучшей жизни, возвышения родине своей искать, откуда помощи ждать простому человеку и как счастливым делаться.

И ответила ему Пречистая:

– Скажи, много ты по реке этой ходил? Много ли в ней малых притоков, ручейков и родничков, что впадают в нее?

Отвечает ей Леонтий:

– Много у Миуса притоков. Словно дерево большое они собой образуют.

Тогда спрашивает его Богородица:

– А какой из них для реки самый главный?

Подумал-подумал Леонтий и говорит:

– Нет самого главного. Если любой из них, самые малые ветки дерева образующий, исчезнет, никто и не заметит. Разве что река менее полноводной будет. Даже, если тот родничок, что исток Миуса образует, пересохнет, другой его место займет, никуда река не исчезнет. Все вместе эти малые ручейки собой и Миус создают, и дерево речное.

Богородица ему:

– Так и у людей. Много их, и каждый, словно родничок малый, в великую реку жизни душу свою несет. И чем больше их, тем полноводнее река. Одни пропадают, в песок уходят – другие на их место заступают.

Забота у меня такая – человеческую реку полноводнее делать: кто-то родники камнями и грязью засыпает, а я их из-под земли, навстречу солнцу, вывожу. Сама всю жизнь работаю и от простых людей, вроде

тебя, помощи жду.

Потому возрождение земли родной начинается там, где твои ноги стоят. Ты возродился, человеком стал, значит, с тобою родина твоя возродилась. Все меняется – цари, вкусы, нравы, законы. Одно неизменно – каждый человек хочет человеческой любовью согретым быть. Большим и нужным для кого-то себя чувствовать.

А потому неважно, кем ты остаток дней проживешь, даже если самым простым крестьянином. Главное – от сердца на благо людям свое дело хорошо делать. Это и будет счастье – в ответ на свое добро от мира добро получать. Путь долгий, да верный, а сомневаешься – на Миус погляди, он с этой мудростью уже не одну тысячу лет живет. А теперь – прощай! Бог с тобою!

Сказала так и пропала, словно в синем небе растаяла. А Леонтий проснулся.

Глянул: перед ним на Миусе скалы стоят голубые, а над ними рассвет песню свирельную играет.

Собрал Леонтий свои пожитки, вверх по течению, в Дмитровку пошел, и там, у атамана Иловайского, надел земли себе приобрел на берегу Миуса, рядом с Голубыми скалами. Бахчу развел, сад посадил, виноградную лозу из Таганрога привез. Жену себе выбрал крестьянского жителя, из неволи ее выкупил. Детишек с нею народил.

Жил жизнью простой, слова Богородицы памятуя. Соседям, чем мог, помогал. Босоногих сельских мальчишек арбузами и дынями угощал. В Зуевке, Дмитровске и Таганроге выращенной капустой торговал. На Миусе, у Голубых скал, рыбу ловил. Внуков и правнуков нырять и пахать учил. Много добра людям вокруг себя принес. До глубокой старости дожил. И счастливым был гораздо больше, чем в те годы, когда по степи вольным разбойником гулял.

* * *

ЗОЛОТОЙ КОНЬ ЧИНГИСХАНА

Злой, жестокий и коварный правитель был Чингисхан. Был само порождение древних черных богов, на поверхность земли вырвавшееся.

Как и другим сыновьям темного хаоса, не было дано ему чувства меры, золотого слова «Довольно».

Много земель захватил, много народу погубил. Слез и крови человеческой океан пролил. Великим называться стал. В золоте купался. А все мало ему было. Остановиться не мог.

Еще больше крови, еще больше золота, еще больше власти хотел.

Однажды собрал у себя всех плененных мастеров-скульпторов, что своим мастерством любое чудо совершить могли, и сказал им:

– Жизнь ваша в моих руках. Дам я вам много золота для работы. И хочу я, чтобы из него создали вы мне коня волшебного. Чтобы сел я на этого коня, желание загадал, где быть мне, и тотчас же оказался в любом месте ханства моего, где бы душа моя ни пожелала.

Сделаете такого коня – сколько сами весите, золота получите. Не

сделаете – и вы, и семьи ваши своей кровью землю напоите, а мясо стервятники растащат.

Что ответить скульпторам? Взялись за работу. Целый год мастерили и через год сделали хану коня волшебного, при дневном свете, точно солнце, сиявшего.

Стал с тех пор Чингисхан еще могущественнее, чем прежде был. На волшебном коне за всей своей империей успевал доглядеть. Всех в узде держал.

Одного не учел – смертный он. Старость и к нему подкралась. Смерть пришла, холодной рукой за лицо тронула. Умер грозный и жестокий хан.

Едва тело его остыло, стали его наследники ханские земли да ханское добро на части делить.

Старший сын, Джучи-хан, такой же жестокий и холодный, как и его отец, даже спрашивать не стал, кому конь достанется. Вскочил в седло золотое и пожелал в своем улусе оказаться, что в наследство ему при дележе выпал.

Так и появился конь золотой на просторах Поля Дикого.

За Джучи-ханом сын его, Бату-хан, коня унаследовал, за Бату-ханом – правнук Чингисхана, Сартак-хан.

Все ханы берегли коня пуще глаз своих, надежные люди его хранили и от друзей, и от врагов. А пуще всего – от родни ханской, на могущество, конем даренное, с завистью глядевшей.

Долго кочевал вслед за шатром ханским, от Крыма до Каспия, конь золотой, передаваясь от одного хана другому, могущество Золотой Орды сохраняя. Власть ее над Русью храня.

Долго кочевал. Но однажды вот что вышло.

Правил тогда Ордой хан Бердибек, последний из прямых потомков Джучи-хана. Тоже жестокий да злобный, словно пес цепной. Чтоб к власти прийти – родного отца не пожалел. Восьмимесячного брата убил.

А как стареть стал – понял, что и с его жизнью потомки и родные поступить готовы так, как он с родней да предками поступал. Испугался за жизнь свою Бердибек. Кочевать стал, на одном месте дважды спать боялся.

А больше того боялся, как бы кто коня волшебного у него не отобрал. Решил: «Спрячу коня неподалеку, до поры до времени. А без коня не убьют меня, не дознавшись, куда он делся».

Так и решил. И поручил он коня двум доверенным хранителям – Туглу-баю и Ногай-баю.

Те коня переправили в самое непримечательное место – на реку, сплошь лесами укрытую, осокой и камышом в берегах заросшую, Миюшем – «Топкой водой» в Орде называвшуюся.

Скрыли Туглу-бай и Ногай-бай в лесу коня, и ждать принялись, когда улягутся в Орде волнения и Бердибек-хан их назад позовет.

Ждали, ждали и заскучили, на воду миюшскую глядя. Проезжали

мимо, путь в Россу держа, татары-кочевники. За золото купили у них Туглу-бай и Ногай-бай их единственную пленницу, славянку русскую – Марину.

Красива была Марина. И поссорились знатные баи, возжелав ее каждый себе. Делить стали, жребий бросать.

Выпал жребий Туглу-баю, а Ногай-бай не согласен. Долго спорили да ссорились. Под конец решили Марину спросить, с кем она хочет в шатер идти.

Посмотрела на них Марина и говорит:

– Вон, за спиной вашей, в шатре конь золотой стоит. Посадите меня на коня, а потом от берега миюшского каждый к шатру бегите, где я вас ждать буду. Кто первый морды конской дотронется – тот в шатер со мной и войдет.

Подумали баи: «Нет большой беды, коли эта полонянка на коня золотого сядет. Тайны его она не знает, никуда на нем не уедет. Но надобно, все же, взять с нее клятву. Коль она христианка, то спасением души заставить ее поклясться, что никуда она с места не захочет тронуться, а коль тронется, то не далее Миюша-реки уйдет. Так себя обезопасим. Если она и побежит куда – то лишь нам навстречу».

И заставили они Марину спасением души своей поклясться, что, сидя на коне, не пожелает она уйти. А если и пожелает, то лишь в ту сторону, где Миюш-река течет. А коли клятву нарушит – найдут ее Туглу-бай и Ногай-бай и утопят в Миюше.

Ушли баи. Сидит Марина на коне и думает:

– Исполню клятву – душу сохраню, да честь и жизнь потеряю, баи потешатся и убьют меня. Не исполню клятву – душу точно потеряю, жизнь – вернее всего тоже, и честь уж, наверное. Да и куда из леса этого выйдешь? В степи меня быстро найдут. А вот к Миюшу-реке хорошо бы незаметно двинуться, лучше даже в самом Миюше, подальше от мучителей моих, оказаться. Доплыла бы на тот берег. А там спряталась бы, да лесом, ночью, глядишь, куда-то бы и пробралась.

И только подумала так Марина, как взвился конь золотой под ней, и, не успела она и глазом моргнуть, на середине Миюша оказалась. Упал конь в воду, камнем на дно пошел. Еле успела Марина из рук золотую его гриву выпустить.

До берега доплыла, в лес ушла. По Миюшу на север, от всех хоронясь, пробираться стала. Много дней шла. С Миюша до Донца дошла. А с Донца и вовсе – на Русь вышла.

А Туглу-бай и Ногай-бай долго еще искали коня золотого и полонянку свою. Потом от гнева Бердибек-хана по всей степи прятались.

Узнали, что убили Бердибек-хана, в Орду вернулись. А там и сами смерть нашли.

Потерялся след коня золотого. Миюш-река его черной землей заилила, в недра свои надежно схоронила. Не сыскать.

А с исчезновением золотого коня стало клониться к закату и могущество золотоордынских ханов.

* * *

ЗУЕВО МОНИСТО

Триста лет пролегает по миусской земле дорога, соединяющая донбасский Бахмут, где соль добывают, и приазовские Таганрог с Ростовом, города купеческие.

Возили по этому пути купцы разные товары, текли вместе с их обозами по дороге денежные реки. А где деньги – там и разбойники. От изобилия их в этих местах и назывался тракт, что от Бахмута на юго-восток шел, Воровским.

Да что там тракт! Целый город Харцызк, на реке Крынке стоящий, в честь здешних грабителей наречен. Харцызами татары да турки называли разбойников и воров. А от них слово это к славянам перешло.

Но и, кроме Харцызска, много по Примиусью сохранилось в названиях других сел и хуторов упоминаний о разбойниках.

Село Ряженое прозвали так за то, что там прятались в засаде переодетые купцами «ряженные», грабившие едущих мимо купцов настоящих.

Хутор Колесниково знаменит был тем, что заночевавших там торговцев ночью не просто обобрали до нитки, лишив их телеги всей поклажи, но даже украли с самих телег все колеса.

Ну а на Саур-могиле вообще чуть не самый главный разбойничий пост был, с которого разбойник Саур за всем Примиусьем приглядывал.

Такие легенды рассказывают.

...

Жили давным-давно в этой стороне две сестры – Наталья да Катерина. Отец больше любил Наталью, мать – Катерину. Подарил отец Наталье монисто из старых золотых монет, что еще дед его в походе на турок добыл. А мать Катерине подарила перстенок свой девичий, с камнем-яхонтом. Выросли сестры. Наталью просватали, да в дальнее село замуж взяли. Очередь за Катериной пришла.

А девка красивая, собой видная. Глаза зеленые, погибельные. Черные брови вразлет. Коса ниже пояса свесилась. Сохли парни по ней всей деревней. А по сердцу Катерине никто не пришелся.

Наконец, появился в здешних местах знатный казак. Зуем его звали, Зуем-купцом. Поговаривали, будто ходит он с обозами в крепость Таганрогскую, и дальше, до самого Азова. На юг соль с пушниной возит и зерном торгует.

Мужик Зуй был в самом расцвете лет, и красивый. В плечах – сажень косая, в руках силища. Глаза голубые, волосы русые. Богатырь, да и только! Лишь появился он в деревне, где Катерина жила, как кумушки-подружки все, что узнать можно было о новоявленном купце, тут же каждому столбу поведали.

Уж и дня не прошло, как все девки высыпали на улицу в лучших

своих нарядах. Мимо корчмы, где Зуй с друзьями выпивал, с шутками да прибаутками прохаживаться стали, ведра на коромыслах носить, гусей пасти, и прочие всякие свои дела девичьи делать, от которых внимание мужское на себя оборачивается.

Одной Катерине прохаживаться не нужно. Огород у ее матери аккурат к корчме выходил. А в огороде – свой колодезь был. А у колодезя – стол на козлах. А на том столе Катерина по летнему времени крынки от молока мыла. Одета в платье домашнее, ношеном, при фартуке и косынке. Не такая была она девка, чтоб заезжему купцу нарочно глазки строить.

Моет Катерина крынки, а сама песню тихонько поет. Только слышит, за забором, из камня-плашки сложенным, кто-то вроде передразнивает ее. Будто пьяная кабацкая голь проказничает. И с песней не то смех, не то шепот слышен.

Обернулась на забор Катерина:

– А ну, кто там есть! Уймитесь подобру-поздорову! А то водой окачу! Только из-за забора по-прежнему шум да смех.

Вспыхнула Катерина. Самую большую крынку грязной водой набрала, да как шваркнет за забор. Там только охнули.

Смотрит она, а из-за ограды чье-то лицо показалось. Здоровый детина, помоями облитый, на камни забрался и смотрит на нее.

– Ты чего, девушка, хулиганишь? Чего помои на головы честных людей льешь?

Катерина ему:

– А ты чего передразнивать меня вздумал? Жарко тебе от песни моей стало? Вот и охладись.

Детина отвечает:

– Не пел я. Вот, товарища с корчмы домой веду. Он тебя и передразнивал. Да только ты не его, меня вымочила.

Смутилась Катерина:

– Прости, пожалуйста. Такой у меня характер горячий – сначала сделаю, потом подумаю. Прости.

Детина ей отвечает:

– Что ж, прощу. Только с уговором одним. Видал я красавиц по вашей деревне, но такую, как ты, еще не встречал. Сегодня ввечеру девки соберутся танцевать, так ты со мной плясать пойдешь. Согласна – все прощу. А нет, так плати деньгами за ущерб – вон, рубаха да штаны во что превратились.

Катерина ему:

– Как зовут-то тебя? Я с кем попало, на танцы не хожу.

– Зуй меня зовут. Купец я. Первой гильдии. Невесту себе в этих краях ищу. Коли ты мне по нраву будешь, к осени сватов зашлю, – а сам ухмыляется.

– Быстрый какой. Коли ты мне по нраву будешь, я тебе про свадьбу думать через год разрешу, – Катерина в долгу не осталась.

– Шутишь? Ну и шути. Я веселых люблю. Так пойдешь со мной танцевать?

– Ну, коли иначе деньгами отдавать, так отчего же не пойти? Пойду.

На том и расстались. Зуй товарища домой повел, а Катерина стала крынки домывать.

Прошло времени несколько. Все чаще стал Зуй в ту деревню заезживать, на улицу, где Катерина жила, захаживать.

По нраву ему была красота девушки, или характер ее, но стал Зуй о женитьбе и впрямь поговаривать. Только мало спешила Катерина. Вроде и полюбился ей Зуй. Вроде и богат он, и красив, и с нею ласков. А сердце девичье неспокойно. Гложет его что-то. Покоя не дает. Сидела Катерина часто в задумчивости, на Крынку-реку смотрела. Ничего понять не могла.

Стал Зуй Катерине подарки из поездок привозить. То платок с узорами, то гребень с частыми зубьями. И так, и этак с ней о свадьбе заговаривает. Потом раз пришел сам к родителям, да и просватал ее. Сдалась Катерина.

Свадьбу быстро сыграли. Забрал Зуй Катерину в свое село, в дом у высокой горы. На горе с нею гулял, закатами любовался. Одевал ее в шелка да соболя. Золотом шею, мочки и пальцы увешивал. Как очередной поход – все норовит ей подороже подарочек привезти. До беспамятства любил. А она его – и того более. Жить бы – радоваться, стариться вместе.

Но стали по селам да хуторам говорить нехорошее. Будто на купцов людишки шалые нападают, вольные разбойнички. Грабят и убивают всех, кто по Миусу или Крынке вверх-вниз ходит либо ездит. Говаривали, что шайка у тех разбойников большая, а возглавляет ее здоровенный детина – волосы русые, глаза голубые.

А еще шептались, чтоб тех разбойников изловить, приехал в земли миусские атаман казачий, а с ним войско целое. Да только толку мало. Разбойники о войске знали, солдат стороной обходили. А купцов да проезжих людей ловили десятками.

Зуй как раз в это время снова с обозом на юг собрался. Запереживала Катерина. Плачет мужу:

– Не ходи в поход! Боюсь я, убьют тебя разбойники! Нешто мало нам денег, чтоб тебе так собой рисковать! Останься!

А он ей:

– До того бог хранил, и теперь убережет. Вернусь я. И подарок тебе самолучший привезу, какого ты не видела еще.

– Не надо мне подарков. Сам живой возвращайся. Умру я без тебя, жить не смогу! Ой, горюшко!

Поплакала так в тот раз, да делать нечего. Проводила Зуя, сама ждать его стала, Божьей матери молиться о его возвращении.

И месяца не прошло – вернулся Зуй. Да не с пустыми руками. Привез ей дорогой подарочек – монисто из старинных монет золотых.

Глянула Катерина на монисто в мужниных руках – отшатнулась. Узнала. Натальино монисто, ни с каким другим не спутаешь. Спрашивает Зуя, где взял он такую красоту. Зуй отвечает, что, мол, на Миусской губе купил у одного купца, какой это монисто из Турции привез.

Коснулась Катерина рукой мониста, и вскрикнула. Привиделось ей вдруг, что у мужа рука в крови, и по монисту эта кровь на землю капает. В глаза Зуя глянула и вовсе побледнела.

Словно молния догадкой мозг пронзила. Поняла она – нет больше сестры ее. Своей рукой снял Зуй с шеи ее это монисто. Не купец он – сам атаман разбойничий.

Тяжесть сдавила сердце Катерины. Глаза багровая мгла застелила. Только и молвить смогла, что нехорошо ей, и что полежать она хочет, авось полегчает. Зуй прилечь ей помог, а сам с друзьями в корчму пошел, счастливое возвращение отмечать.

Катерина одна осталась. Долго плакала, на монисто глядя. Словно не монеты лежали перед нею, а сама сестра Наталья. Словно не монисто, а к мужу любовь ее поруганная.

Умерло сердце Катерины. Будто вынул его кто из груди ее и грязным сапогом раздавил. Встала она, монисто в руке зажала, да в чем была, из дома вышла. Гнедую кобылу оседлала и в соседнюю слободу, где, по слухам, стоял с войском казачий атаман Иловайский, поехала. Там нашла солдат, и все их начальнику рассказала. На Зуя указала и всех его сотоварищей, которых знала. Где искать их, сообщила.

Пошел Иловайский, да всех разбойников в корчме пьяными и захватил. Зуя к смерти приговорил.

Не побоялся разбойник смерти. Об одном просил атамана казачьего, чтоб позволил он прийти к нему жене его, Катерине. Видеть ее хотел, попрощаться.

Пришла Катерина. Монисто Натальино на шею надела. На Зуя молча смотрела.

Он и ругал ее, и молил. Объясняться просил. Угрожал. Что любит, говорил.

Молчала долго Катерина. Потом вздохнула, на Зуя глаза подняла, а в них смерть стоит-отражается, словно вода в колодце бездонном.

Сняла с шеи монисто, мужу в руки положила. Молвила: «Монисто это ты с шеи моей сестры Натальи снял. Не одну ее, нас с тобою, обоих, вместе с нею убил». Повернулась и вышла из подвала.

Вышла – на берег Крынки пошла, на самый обрыв, где с Зуем в счастливое время гуляла. Ступила с обрыва – в реку упала, в малую рыбку превратилась. Плеснула рыбка по воде хвостом, да и ушла на глубину, с глаз пропала.

Атаман Иловайский Зуя утром на дубу повесить велел. На заре умер Зуй.

В маленького кулика, зуйка, превратился. А на грудке у него колечко – женино монисто отпечаталось.

С тех пор часто летает да бегаёт по речным обрывам и осыпям птица-зуюк – тоскует, прощенья просит, кличет потерянную подругу.

А у бывшей Зуевой горы поселение возникло, Зуевкой назвали. Слышали?

* * *

ИЛОВАЙСКАЯ «ФЕДОРОВСКАЯ»

Во всем Войске Донском не сыскать рода казачьего, принесшего милой земле больше добра, чем род казаков-дворян Иловайских.

Много лет этому роду. Основал его посадский человек, мордвин по имени Мокей, что в наши места переселился из города Темникова. Стал Мокей сам казаком, и сына своего, Ивана, казаком воспитал.

Сын его, Иван Мокеевич, до войскового старшины дослужился, награжден был. Чин полковника да походного атамана имел, благодаря храбрости своей.

Гордостью отца Иван был. Но однажды случилась с ним беда.

Послали его с отрядом казаков на Кубань, в погоню за горцами, разорявшими донские станицы. Горцы про погоню узнали, засаду устроили. В бою убили черкесы под Иваном коня, а его самого в плен забрали. В Кавказские горы в рабство продали. Пастухом сделали.

Целый год в рабстве был Иван. Дважды бежать пытался, да с собаками выслеживали его горцы, ловили, били, снова в рабство возвращали, на цепь на хлеб и воду сажали. Веру православную переменить на мусульманскую заставляли.

Терпел жестокие пытки Иван, а сам только и думал о том, как на родину вернуться. Думал, да горячо молился единственной заступнице своей – Матери Божией. Просил помочь ему, терпения и утешения просил.

Услышала его Всеблагая. Явилась ему во сне и пообещала спасение, коли он, после, поблагодарит Ее образ «Федоровский», спокон веку хранящий Русь от набегов да войн, а семьи русские от распрей да болезней. Спасение пообещала, коли казак поклонится «Федоровской» и на родину свою этот образ принесет.

Поклялся во сне Иван исполнить все, о чем Богородица просила. Она и сказала, чтоб выждал он тихо еще некоторое время, и что после Сама Она придет к нему, скажет, когда бежать лучше. Сама и поведет на родину.

Прошло еще сколько-то дней. И снова явилась Ивану во сне Заступница.

– Сегодня, Иван, беги без боязни. Станут искать тебя, да ты увидишь дуб высокий, на него и залезь, на самую верхушку, погоню пережди. А как скроется погоня, в Черкасск ступай. Господь с тобою.

Произнесла так, Иван и проснулся.

И вышло все, как Богородица предсказала. Пешком шестьсот верст прошел Иван. Кореньями и плодами питался, реки вброд да вплавь за собой оставлял, леса и пустоши пересекал.

Вот и Черкасск перед ним.

Но, домой не заходя, пешком пошел Иван в город Кострому, где икона «Федоровская» находилась. В Костроме, при всем честном народе, рассказал о своем чудесном избавлении от плена, образу чудотворному поклонился.

Сам, своею рукою, копию списал с него, икону новую обложил золотою ризою и домой с нею вернулся.

Образ этот хранился потом в родовой вотчине у старшего Иванова сына – Алексея Ивановича.

Жил он, как и отец, в Примиусье. Там, где Миус с Крынкой сходятся, две слободы основал. Одну в честь себя Алексеевкой назвал, вторую – в честь друга да товарища боевого, Александра Суворова, Александровкой.

Большим человеком был Алексей Иванович – из простых казаков, благодаря отваге да храбрости, до генерала от кавалерии дослужился, наказным атаманом Всевеликого Войска Донского стал.

В Семилетней и русско-турецкой войнах участвовал, христиан из Крыма на Дон переселял, пугачевский бунт вместе с Суворовым усмирал. От ногайцев да татар Нижний Дон и Кубань оборонял.

До старости дожил, а как умер, схоронили его с великими почестями в Москве, на кладбище Донского монастыря.

Семь лет прошло после смерти его, и решила вдова Алексея Ивановича, Анна Андреевна, в честь своей любви к мужу и в память о нем, поставить в слободе Александровке храм во имя святого Алексия, Человека Божьего.

В восемьсот седьмом году заложили первые камни церкви будущей, а в восемьсот одиннадцатом состоялась в новом храме первая служба.

На нее принесла и подарила Анна Андреевна храму несколько православных книг да великую святыню рода Иловайских – икону Богородицы «Федоровскую», свекром из Костромы принесенную.

Много лет стоял храм, и обреталась в нем чудотворная икона.

Рос и приумножался род Иловайских. И были все выходцы этого рода воистину благословением для нашей земли.

Именно благодаря им, на Дону были открыты первые театры, училища и гимназии, появились в нашем краю железные дороги.

Много добра людям принесли: строили церкви, шахты, заводы, мельницы, сукновальни. А вдоль рек и на возвышенностях высаживали леса.

Один такой лес внук Алексея Ивановича, Алексей Васильевич, посадил вокруг родовой вотчины: деревья дубовые, кленовые да ясеневые. Сосны да ели. Жимолость и барбарис, сирень и кизильник.

До сих пор деревья того Алексеевского леса глаз радуют, прохладой в жаркий день утешают.

Любили, видно, край свой Иловайские, вот и старались сделать его красивее.

Жили в этой земле, счастье ее множили, в родовой церкви пред родовой иконой молились.

Потом революция пришла. В двадцатом году храм разорили красные. Зернохранилище в нем устроили. Иконы сожгли. Только одну чудом и спасли жители, из огня выдернув – «Федоровскую», Иваном Мокеевичем в руках принесенную, Анной Андреевной от сердца подаренную.

Много лет разные люди в домах своих тайно хранили ее. От своих хранили, и от фашистов хранили.

И после войны – в разрушенную Александровскую церковь первой принесли.

А как принесли – не закрывался уж больше храм. Лучше того – с каждым годом все больше и больше прихожан в нем становится.

Идут поклониться Иловайской «Федоровской» и будущие воины – на удачу ратную, и будущие матери – на роды легкие, и добрые пастыри – на духовное пробуждение да счастье всей земли миусской.

* * *

КАК ПАН САМ СЕБЯ ПЕРЕХИТРИЛ

Жил в наших краях, где-то в верховьях Крынки, кажется, по речке Садки, злой, жадный и хитрый пан.

Как имя-прозвание его церковное было, про то не ведаем, а в народе звали его Пан Поклонский.

Сущий тиран был, деспот чистой воды. Пока крепость была, над крестьянами своими измывался. Слово ему нельзя было поперек сказать и не попросить ни о чем. Простую просьбу должны были его крепостные, стоя на коленях, ему излагать и в землю лбом упираться. За то и прозвали пана Поклонским.

А как отменили крепость, пан своих крестьян рублем стал давить.

По хватке – чистый жид: самое негодное дело всегда мог себе на пользу оборотить. Что даст кому в займы, либо в пользование, потом втридорога сорвет. Как липку обдерет должника и без всякой жалости прочь прогонит.

И еще был у него обычай один – все по-своему передергивал и над работниками всяко глумился.

Скажем, наймет одного по весне капусту растить, срядится с ним за какую-то цену. Старается человек, растит ему капусту, а он ему все лето – такой-сякой, куда твоя овощ годится, разве нам, панам, пристало такую кушать? То к размеру вилка прицепится, то зелень листьев ему не слишком зелена, то хрусту мало. Хоть золотой капусту вырастит работник, всегда пан в ней изъян найдет. А за изъян – и плата с изъяном.

Если по весне работник думал – мощну денег у пана заработает, то по осени домой шел, полушки в кармане перетряхивая.

Зато пан сидел – радовался: ловко работника дурнем выставил. Ловко на дурне заработал.

Так и жил несколько лет.

Про панову повадку все окрестные мужики знали. Куда угодно, хоть в шахту, согласны были на заработки идти, лишь бы не к пану. До того дошло, что пришла весна однажды, а на панской земле работников нет.

Начал Пан Поклонский искать себе хоть кого-нибудь, чтоб поля свои обрабатывать.

На то время в слободе, где панская земля была, появились три брата – Кузьма, Егор да Силантий. Рассказывали, что они на Крынку из Сечи пожаловали, но может, вралі люди.

Узнали братья, что в господской усадьбе работники надобны. Местные их отговаривают всяко, про панскую подлость рассказывают.

Выслушали их Кузьма, Егор да Силантий, поблагодарили, и ответили, что хоть и благодарны они жителям за предупреждение, но теперь уж непременно к пану пойдут. И беспокоиться за себя не велели: мол, бог не выдаст – свинья не съест.

Пришли и нанялись, все втроем, к Пану Поклонскому, до самой осени со всем хозяйством управляться. Пан рад-радешенек. Парни здоровенные, силы в руках, чувствуется, много, а ума, по виду, как у простофиль. Срядились за сто рублей, по рукам ударили.

Братья тотчас пошли делом заниматься, а пан на перину – будущие прибыли считать и думать, как ловко он себе сразу троих дураков нашел.

Весна идет, лето начинается. У братьев в руках вся работа спорится. Сена заготовили – полны копны. В огороде овощ всякий растет-наливается. В поле пшеничка зреет-колосится. Наседки цыплят две сотни вывели, утки с утятами на пруду плещутся. Гуси у крыльца каши просят. Поросята панские – прям на глазах увеличиваются.

А пан все недоволен:

– Недостойны меня, пана, такие мелкие куры! Курам на смех и ваши утки! И есть их не стану! Гуси – совсем не панского виду. Сено – плохо сложили, глаза б мои на такое плохое сено не глядели. Поросяток и вовсе – перед соседями осрамиться.

Не по мне, пану, ваша работа. Я, пан, все лучшее только у себя видеть желаю! Не можете работать – шиш с маслом получите.

Работники молчат. Только в ус себе посмеиваются.

Лето пришло. Жатва началась. Зерна много намолотили Кузьма, Егор да Силантий, в сарай сложили. Пан Поклонский пришел, на зерно глянул – аж позеленел:

– Это что? Зерно? Что же вы за работники! Такую малость собрали! А мелкое да поганое какое!

– Да за кого вы меня принимаете? Да мое панское достоинство мне и близко к этому зерну подойти не даст, не то, чтобы кушать его! Да я вам не то, что сто рублей, десять рублей за такую плохую работу не дам!

Работники опять плечами пожали.

К осени урожай с огорода собрали, в бочки засолили, в погреб засыпали. А пан снова свою обычную песню запел, что такая капуста да редька не для его панского носа.

Работников всяко обругал, лишить их платы пригрозил, и к соседскому пану на бал укатил – свой панский нос французскими духами ублажать.

До утра гулял.

А по утру домой вернулся – не застал ни Кузьмы, ни Егора, ни Силантия.

Сунулся было их искать – глядь, сарай, где зерно хранилось, пусто-пустехонек. Пан в птичник – только птичьи перья в нем нашел. Пан в свинарник – а там и вовсе свинья не валялась.

Погреб панские тоже нараспашку, и в них – шаром покати, ветер гуляет.

Ничего не понимая, пан в дом вошел. На столе все прибрано, чисто выметено и стопочкой десять рублей лежат. А с ними записочка, всего строчек несколько:

«Ясновельможный Пан Поклонский! Грозились вы с начала лета, что больше десяти рублей нам за службу заплатить не сможете. И панское слово свое давеча давали, что вся наша работа за полгода, вашей милости не достойна.

Что с натуры вас воротит и от скошенного нами сена, и от выращенного нами зерна, и от овоща, и от разной живности.

Посему, пан ясноокий, мы, на совете братском, порешили облегчить ваши страдания. Плату, кою вы грозились нам заплатить, мы, как недостойные ее, честно вам на прокормление оставляем.

А все остальное, что так вашу милость в гнев да зелень вводило, глаза мозолило да нос раздражало, мы продали, по случаю, проходящим мимо людям. Можете об этих безделицах да мелочах, не стоящих вашего панского величия, просто позабыть, и жить себе дальше в свое полное удовольствие.

Поцелуй вас господь в маковку!

С великим почтением, бывшие ваши слуги – Кузьма, Егор да Силантий».

Пан и глаза вытаращил. За голову схватился.

Потом с объявлением этим долго своих работников искал. Да все без толку.

Видно, сделали запорожцы свое дело в этих местах и навсегда ушли с берегов Крынки, в других деревнях рассказывать, как пан сам себя перехитрил.

* * *

Миус и Миусик

Жили два речных брата – Миус да Миусик. В одной земле одновременно родились, одной водой питались. Всем равны, всем одинаковы. Потому все время спорили они, кто из них старший, а кто

меньший брат. Спорили, ссорились, чуть не до драки доходило.

Наконец, решили найти кого-нибудь, чтоб рассудил их спор. Долго искали, и пришли к мудрому ворону, который, будто бы, уже лет триста на земле жил.

Выслушал их ворон, да и говорит:

– Уважу я вас. Ты, первый брат, лейся на юг по западному руслу. Ты, второй, лейся по восточному. А где ваши холмы и русла в одну песчаную долину сойдутся, встретитесь у большого дуба, что ветвями воды касается. Там я вас и рассужу.

Сказано, сделано.

По западному руслу Миусу выпало течь, по восточному – Миусику.

Подумал Миусик:

– Тот победит, кто быстрее до дуба добежит. Начну-ка я течь быстрее.

И помчался, что было сил, стараясь бежать почти по прямой, к дубу заветному. По дороге речушки малые за ним увязались, вместе течь просятся.

Миусик им:

– Недосуг мне, спешу очень. Вы уж сами там за мной старайтесь течь. Коли догоните, так я не против, побежим вместе.

Сказал так, и дальше потек, больше никакого внимания на маленькие ручейки да речушки не обращая, очень торопился первым быть.

Вот и добрался, в конце концов, к дубу. А на нем старый ворон братьев дожидается.

– Победил я, – кричит Миусик. – Первый притек. Да еще, гляди, с десяток ручейков и речушек за собой привел. Увязались за мной, несмышленные, сами. Но я всех обогнал. Первый я.

– погоди, – ворон отвечает. – Подождем сперва твоего братца, Миуса.

А Миус по-другому рассудил, когда к дубу течь начал:

– Бежать, я, конечно, умею быстро, не хуже Миусика. Но ведь не всегда ноги – главное. Иногда еще и голову неплохо бы иметь на плечах. Потеку себе пока не торопясь, огляжусь сперва, подумаю. И потек.

И за Миусом, как и за Миусиком, куча речушек и ручейков увязалась, увидевших, что отправился он в путешествие.

Не сильно спешил Миус, каждую речушку ждал, чтоб никого не забыть, не обидеть. Когда и не прямо, а извилисто русло себе прокладывал, чтоб и самый слабый ручеек дорожку к нему найти смог.

– Вместе, – говорит, – идти веселее. Да и путь короче становится.

Тек он теперь в большой компании рек да ручейков, с два десятка их собрал вокруг себя. Струился, окрестными холмами любовался, на дубы глядел, ковыли слушал, прибрежные осоки мыл. Наконец, тоже добрался до заветного дуба, где его ворон да Миусик ждали.

Посмотрел на обоих братьев ворон и сказал:

– Оба вы молодцы, хоть куда. Ты, Миусик, первый прибежал, тут и спору нет.

– Ты, Миус, больше рек за собой привел, больше воды принес, больший путь прошел.

– Хочу я знать, прежде чем решение свое вынести, как каждый из вас сам судил-рядил, когда ко мне спешил, чем руководствовался.

Миусик объясняет:

– Тот из нас старший, кто первый к тебе пришел. Потому что набольший тот, кто самый быстрый да удалый.

Выслушал Миусика ворон, на Миус посмотрел.

Миус ответил:

– Тот самый главный, кто о других думать способен. Потому я так задержался, что все ручьи да родники собрал, которые со мной течь хотели. Слабым русло помогал промыть, сильных рядом вел. Вместе мы к тебе нашу воду донесли.

Опустил голову ворон, задумался. Потом черным клювом черные перья почистил и молвил:

– Польза реки – в том, какой ширины пояс ее водяной, да в том, как глубока вода ее.

– Ты, Миусик, торопился, да не так много воды принес. Ты, Миус, меньше спешил, зато воды, в жаркой степи жизнь несущей, больше собрал.

– Смотрю я на вас и не только я, любой судья скажет вам, что большая сила у Миуса-реки. Больше в нем воды, а значит, больше пользы от него. Быть Миусу из вас, братьев, набольшим, а Миусику, отныне, во всем его слушаться.

Как сказал, так и стало. С тех пор у Миуса два Миусика.

* * *

ЧЕСТОЛЮБИВАЯ ЕЛЕНА

Есть у города Енакиево несколько поселков-пригородов. Один, в северо-восточной стороне лежащий, Оленовкой или Еленовкой называется. И, хоть два века прошло уже, как появилось на карте его прозвание, до сих пор помнят люди, как оно возникло.

У героя Бородино – генерала Раевского, который в этих местах большими наделами земли владел, кроме сыновей, несколько дочерей было. И одну из них Еленой звали.

Хоть была Елена девушкой, да не девичий характер имела, строптива уродилась и горда, любому парню сто очков вперед по упорству да упрямству даст, а уж по своеволию – так и вовсе все тысячу.

Пока маленькой была, только Раевский еще хоть как-то ее в узде держать мог, а как выросла и чин фрейлины при царском дворе получила, даже генерал-отец ей не указ стал. Самовольно замуж за помещика Петухова выскочила, родительского благословения не спросившись.

За это осерчал на нее генерал, и, памятуя, что больше всего на свете любит Елена цветы и сады, нарочно по смерти ей в наследство оставил самую худшую свою землю, что на правом берегу реки Булавины находилась. Одни камни и неудобца на этом участке располагались.

Приехала Елена, глянула на наследство и поняла, что отец напоследок решил ее за своеволие наказать. Тогда сказала себе: «Пусть хоть небо на землю упадет, хоть светопредставление состоится, хоть сама я в нитку вытянусь, а будет у меня здесь, на этой неудобце, райский сад и лес густой, какого и на лучших землях моих сестер не видывали!»

Решила так и поселение на этих берегах новое, Оленовку, основала. Крепостных крестьян сюда привезла. И заставила их, словно древняя царица Семирамида, день-деньской по всему участку деревья, кусты и цветы сажать.

Плохо они приживались. Приходилось работать крепостным много и трудно. По пять-семь лет за каждым ростком ухаживать, из Булавины воду возить, поливать, пока дерево само в полную силу не войдет.

Не выдерживали крестьяне адского труда, и, прокляв барскую блажь, убегали на Дон. Но ловили их слуги помещицы, домой возвращали, наказывали жестоко, а потом еще больше работать заставляли: уже не пять, а десять, пятнадцать лет за молодыми деревьями ухаживать.

Так постепенно все имение лесом покрылось, а там, где дом Елены стоял, и где ныне кладбище шахтерское, так вовсе райский сад-цветник появился, на всю округу славившийся своей пышностью и красотой.

Прошли годы. Лес прижился и вырос, а крепостное право отменили. Тогда, уже не с проклятиями, с радостью стали люди на Елениной земле, в Оленовке, селиться.

* * *

ШАНХАЙ И ПЕКИН ГОРЛОВСКИЕ

В верховьях Крынки речка одна течет, Корсунь называется. В истоках ее в девятнадцатом веке рудники и шахты строить начали, уголь и киноварь добывать. Так первую шахту и называли – Корсунская Копь. Больше тысячи человек на ней работало, и была она крупнейшей на всем Донбассе. Потом рядом с Корсунской Копью еще шахты выстроили, а с ними заводы: по производству ртути, машиностроительные, алебастровые, кирпичные, цементные. Железнодорожную станцию основали, в честь реки и поселка, где шахтеры жили, тоже Корсунью называли.

А уж после, еще несколько лет спустя, Корсунь в Горловку переименовали, почет оказав русскому горному инженеру Петру Николаевичу Горлову.

Много народу жило в Горловке к началу двадцатого века – тридцать тысяч человек. В центре города дома владельцев шахт и заводов

стояли, после них – инженеров и управляющих. Еще ближе к окраине – казармы солдатские были, а за ними, по всем 18 линиям города – типовые дома на три окошка располагали, где селился самый разный более или менее зажиточный люд. А на самой окраине города, чуть не возле самих шахт, лепились к терриконам землянки, сараи и летние кухни, в которых жила третья часть всего горловского населения – шахтеры и рабочие.

Два поселка образовывали эти землянки. В одном из них семья жила шахтера Андрея Гудименко. Большая семья, бедная. Не один Андрей в семействе работал, но и дети, чуть подрастая, в шахту на заработки шли. И жена Андрея, Прасковья, тоже прачкой трудилась, богатым людям белье сутками стирала, чтоб копейку лишнюю добыть. Работали все, а из бедности никак выбиться не могли.

Потом война русско-японская началась. Мужиков горловских забирать стали, Порт-Артур оборонять. Забрали и Андрея, и товарищей его.

Прасковья одна с детьми осталась. Думала, вовсе помрет с голоду. Бог весть, чем жила и детей кормила.

Наконец, вернулся ее Андрей. И товарищи его вернулись. Битые, обозленные. Много чудес в краях заморских повидали. А пуще всего интересно было им поглядеть, как живут в китайских землях такие же рабочие и шахтеры, как они. И увидели Андрей с товарищами, что живут китайские кули, и в Шанхае, и в Пекине, в такой же нищете, грязи и убожестве, что и наши донбасские мужики. Хуже собак бездомных живут.

Домой вернулись, глянули на свои хижинки – еще больше обозлились. «Сколько терпеть можно, громить надо проклятых толстосумов! Довольно крови они нашей попили! Так с ними надо поступить, как они с нами много лет поступали. Жажду их утолим – накормим их углем да киноварью досыта! Попомнят они еще наши Шанхай и Пекин!»

Так решили на собрании своем. Вооруженное восстание в Горловке подняли. Напугали и владельцев шахт, и само правительство царское. На подавление мятежа оно отряды казаков с Дона срочно выслало.

Против военных – какие у рабочих, неделями голодавших, и мало вооруженных, силы? Подавили восстание. Андрея и товарищей его схватили. Кого в армию отправили, кого в тюрьму, нескольких расстреляли. Был в их числе и Андрей.

Казаки в поселках шахтерских поначалу разместились, хозяев из домов выгнав. Но недолго там оставаться смогли. Серный смрад, никогда не развеивающийся, сутками глаза ел. А в сарайчиках да хибарах с аршинными дверцами, где раньше шахтеры жили, и куда казаки лошадей поставили, такие были грязь и теснотище, что лошади болеть стали.

Ушли казаки в центр города. А шахтеры после их ухода свои

поселки стали звать Шанхаем и Пекином. Да еще – Собачевкой, отношение к себе страны и власти ее показывая.

Потом революция была. В Горловке, чуть не с первых дней октября, рабочие и шахтеры красные отряды стали формировать. Верили, что жизнь лучшую новая власть им даст.

Потом интервенция была, когда пришли на Донбасс немцы с австрияками. Немцы любое сопротивление жестоко карали. Погиб под их пулями и сын Андрея, Павлик – гармонист, весельчак и балагур. С тринадцати лет в шахте работал, а при новой власти отряд красный собрал, от немецких солдат Горловку оборонял.

После отгремела гражданская. Подниматься стала родина-матушка, а с нею и Донбасс. Только на Собачевке, в Шанхае и Пекине, жизнь лучше не стала. Как при царе рабочие жили в ветхих землянках, так и при новой власти жить стали.

И только в тридцать втором году, когда приехал в эти края Лазарь Каганович, решать, какому городу быть центром Донбасса, увидела новая власть Шанхай и Пекин. Каганович диву дался изобилию грязи, что шахту Всероссийская Кочегарка окружала, на горловских начальников рассердился, и уехал в Юзовку, центр Донбасса из города Сталино (ныне – город Донецк – Авт.) делать.

Через два года, в тридцать четвертом году, на первое мая, получила семья Прасковьи Гудименко просторную и светлую квартиру в новом четырехэтажном доме. И все шахтеры с рабочими, что в ста пятидесяти землянках с нею жили, тоже квартиры в новых домах получили.

Большой митинг шахтеры с рабочими на Собачевке устроили. А после свои хибарки, где по полвека в собачьих условиях протянули, без всякой жалости, со всех сторон подожгли. Распахали землю под хибарами, в зеленый парк ее превратили. Только две землянки оставили, стеклянным колпаком накрыв, в музей жизни трудового человека, превратив потомкам в наизидание.

До самой Великой Отечественной войны тот купол стоял, а потом в него немецкая бомба угодила, в щепки разнесла – не восстановишь. А жаль, ценный экспонат сегодня бы получился.

* * *

ХИТРОМУДРЫЙ ПРОНЬКА

Пришел как-то в наши края жить мужик один – рыжий да конопатый. Был он, по слухам, из хорошей семьи, вроде даже дворян польских. Но, кроме старого кафтана и сабли, ничего не имел. Потому, наверное, и прозвали его, скажем, не Прохором Алексеевичем, а, попросту, Пронькой.

Был этот Пронька, хоть и дворянский сын, а жадный да хитрый, словно цыган какой. Все мудрил, как бы богатства подольше и побыстрее добыть. Не было у него матери, но, была б, наверное, и ее Пронька продал бы, если б ему золото показали.

А во всем остальном – очень даже ничего был человек: разумный, утонченный, ухоженный. Разве что плечами узок, да собой худосочен. Ну, может, в поляках у них все такие...

Поселился Пронька там, где сейчас Грузская балка начинается. Хату себе сложил, огород развел, охотиться начал.

А вечерами, когда скучно становилось, в кабак ходил, со товарищами горькой выпить, да в карты в подкидного дурака перекинуться.

Вот однажды возвращались собутыльники домой, и по пьяному делу у старого колодца заспорили, кому из них лучшая жена достанется, самая богатая, да самая красивая.

Каждый, даже тот, кто кривой-косой, себя самым удачливым выставляет. Ну и Проньку, понятно, заело.

Домой пришел, думать стал, как бы ему товарищей переплюнуть, нос им утереть. Всю ночь и целый день думал. А к вечеру вот что случилось.

Постучал кто-то в дверь Пронькину. Открыл он засов, а на пороге девушка стоит. Росточком низенька, одета в простой мужицкий овчинный тулуп, мехом вовнутрь, а лицом красивенька, что солнышко весеннее.

– Ты кто? – Пронька удивился.

– Я – дух здешней земли. Над ковылем ветром летаю, травинки перебираю. В чабрецах истомой лежу – цветочки шевелю. Когда росой с веток терновых вниз качусь, когда шиповничком под ясным солнышком себе бока грею. Дух тутошней земли я, навеки к ней приставленный, богатства здешние храню.

А вчера вот услышала, как ты у колодца похвалялся, что самую лучшую жену себе найдешь, и решила прийти, посмотреть на тебя, в доме твоём погостить. Пустишь?

Пронька дверь пошире отворил:

– Милости просим. Такой-то красавице. А как звать-величать-то тебя?

– Навка я. Дух невидимый. Нету у меня имени крещеного. Как хочешь, так и назови. Да вот хоть Глафирой. Чем не имя? – девушка отвечает.

– Ну, Глафира, так Глафира. Только угощать мне тебя нечем. Сама знаешь, житье холостяцкое. Разве что чаем напоить могу.

И стал Пронька Глафиру чаем угощать. За чашками и просидели так вдвоем, поговорили сколько-то.

Пронька времени счет с навкой потерял. Будто вовсе она не мужичка, как по тулупу скажешь, а барыня, либо княжна какая.

Всю Пронькину любимую поэзию знала, о книжках ученых умно говорить могла, словно сама их читала, забытые песни, что Пронька в детстве от матери слышал, легко вспоминала. А уж какие шутки шутила да сказки сказывала – все ночные туманы за окном от смеха развеялись,

и на горизонт вышедшее утреннее солнце тоже улыбаться стало.

Думал-думал Пронька, и насмелился:

– А оставайся-ка ты, – говорит, – у меня насовсем жить. Вместе веселее. Будешь мне жена. Готовить-то умеешь?

– А то, – Глафира отвечает. – Как все девки в этих краях: и готовить, и стирать, и штопать, и за скотиной ходить.

– Ну, коли и за скотиной ходить, это вовсе хорошо, – Пронька руками от радости прихлопнул. – Значит, решено. Только надобно тебе тулуп твой нагольный на сарафан, какие бабы тутошние носят, сменить. Есть у тебя в богатствах такой?

Глафира ему:

– Про тулуп мой нагольный думать – не твоя печаль. Сама себе такой выбрала – в девках ходить. Захотела б – здешние цветы попросила, одели бы меня хоть в шелка, хоть в парчу.

Но, теперь ты, коли мужем стал, сам позаботься обо мне. Сарафан мне справь такой, какой тебе нравится. По мне – все красиво, во что оденешь меня.

Так и стал Пронька с Глафирой жить. Сердцем, конечно, тянулся к навке, нравилась она ему.

Но умом да хитростью тоже думал: «Коли и впрямь она – всей этой земли дух, то укажет мне путь короткий ко всем богатствам ее. А нет – так с собой в приданое принесет, уж, наверное. Нельзя такое счастье просто так из рук выпускать».

Время прошло. Живет с Глафирой Пронька. Всем жена хороша, в любом деле – загляденье. Только богатства в его хате особого не прибавляется. Ни золота, ни серебра, ни камней дорогих, чем перед товарищами в кабаке похвастаться можно было бы.

Пронька сердчать стал. На жену косо поглядывать. От чая со стихами и песнями его с души воротит, от запаха ковылей да чабрецов – голова болит. Тут еще забеременела Глафира, сына родила.

Думал Пронька, хоть после этого на его голову золотой дождь прольется, ан нет. Заколodило намертво. Вовсе озлился Пронька. А как сын ему спать мешать ночами стал, совсем волком выверился, в темную ночь выгнал обоих из дому. Глафире, с сыном на руках, вслед ее овечий тулуп выбросил и дверь захлопнул. Отказался от обоих.

Ушла Глафира в чисто поле, бухнулась грудью о землю сырую и обернулась речкой – Нагольною, а сына обернула реченком – Нагольчиком.

Потекли себе вдвоем неспешно по степи широкой по своим речным делам. Только один раз водой в сторону пронькиного дома Нагольная плеснула: «Пожалеешь ты».

Время идет, Проньку обида гложет. В кабак стал все чаще заглядывать. В карты с собутыльниками да случайными людьми стал все чаще поигрывать. И вот однажды сел он играть со старым казачьим сотником из Леоново-Степановки, что выше по реке стояла, да

проигрался ему вчистую. И хату свою проиграл, и землю, и хозяйство, и кафтан, что на плечах был надет, и собственные штаны. Захотел отыгаться, а сотник ему и говорит:

– Дам тебе отыгаться. Но – уговор. Слышал я – дворянин ты. Коли опять проиграешь, возьму я тебя зятем. Дочке моей единственной как раз муж нужен, а мне – сын. Ну а выиграешь – твое счастье, все долги тебе прощу.

Услышал Пронька о женитьбе – на сотника получше поглядел. Вроде небедный мужик. Наверняка за дочкой хорошее приданное даст. Да и незастенчиво будет перед товарищами зятем сотниковым себя оказывать. Подумал-подумал Пронька и согласился.

Стали играть. Пронька, теперь уж нарочно, сотнику проигрывает. Победил сотник.

Живо Проньку к себе в бричку посадил и в свое село повез. Дочке своей под хомут.

Как ехал Пронька в Леоново-Степановку, все думал, сколько выгод от женитьбы ему перепадет. А на деле по-другому вышло.

Жена досталась Проньке ленивая, старая, толстая да рябая. Живого весу в ней, почитай, пудов восемь было. Красоты и вовсе никакой. А характером – не приведи господь, хуже армейского фельдфебеля. Чуть что не по ней – живо мужа тумаками да затрещинами воспитывала. А скажет он хоть слово против – под себя подомнет, сверху на грудь сядет, да ну Проньку по щекам хлестать и волосы ему с макушки клочьями драть.

Про детей да любовь, какая у мужа с женой случается, и слышать не хотела.

Думал Пронька, хоть имение свое ему сотник отпишет, а он его одной дочери завещал. Зятя вовсе бесправной церковной мышью перед народом выставил. При важной жене-помещице в простого денщика превратил.

Жалел потом Пронька, лысину от солнца лопухом прикрывая, что за большим счастьем погнался, а малое потерял, да поздно. Видно, насмеялась над ним навка, подарила ему жену такую, какую заслуживал.

* * *

ЦАРСКАЯ РЫБА

В нижнем течении Миуса, там, где брод каменный поперек него лежит, раньше крепость турецкая стояла. Таш Гечиди, Каменный Проход, турки ее называли. Построили ее, чтоб эти земли от казачьих набегов защитить.

Казачьи, которым османы раньше путь из Дона в Азов висящей на двух башнях цепью перегородили, повадку завели: вверх по Донцу и Тузлову подниматься, а оттуда, волоком струги да челны свои перетянув, по Миусу да Самбеку в обход в море Азовское скатываться, турецкие берега разорять.

Вот и поставили турки свою Таш Гечиди на самой реке, на ближнем к лиману каменистом пороге – мол, милости просим, гости дорогие, здесь мы вас из пушек да пищалей и перестреляем.

Крепость поставили, гарнизон в ней оставили и однажды к нему командира назначили – Керим-бей, турка знатного. Месяц сидел в крепости Керим-бей, два сидел, полгода сидел. Весна наступила, по степи крокусы с гиацинтами зацвели. Обоз татарский к воротам пришел. А при нем пленники из сел и хуторов казачьих украинских, в Азов их везли.

Поглядел Керим-бей на пленников, и глянулась ему девушка одна, Оксаной ее звали. Решил: будет Оксана наложницей его, пока он в этой крепости сидит. Гордая, видать, а красивая – слов нет. Купил эту девушку и одежду турецкую ей купил. В бане ее вымыть приказал, жасминовым маслом надушить.

Ласков был к пленнице Керим-бей, на нежности щедр, на подарки широк, к Оксаниным просьбам внимателен. Как дикое животное, пленницу к себе приручать стал. Парчовых платьев преподнес, дорогими гривнами шею украсил. Рахат-лукум из Стамбула выписал – красавицу угостить. Кота персидского рыжей масти подарил. Кроме как царицей своей души, никак и не звал ее, так хотел Оксанино сердечко покорить.

Потому, хоть и турок был Керим-бей, хоть и враг ее, а полюбила его Оксана, душу свою вместе с объятиями ему раскрыла. Все для него сделать готова была, даже турчанкой стать.

Целый год она вместе с Керим-беем в башне Таш-Гечиди прожила. А, как новая весна настала, стали турки обозов торговых ждать, да своих турецких шпионов, что по всем окраинам империи сведения собирали. В один из дней случилось, что гарнизон в засаду пошел – на отряд донцов, вниз по Миусу шедший, напасть, и сонными поутру казаков повязать.

Так и вышло. Отряд небольшой был, в разведку его казаки послали, и турки пленили посланных. В крепость доставили, чтоб Керим-бей судьбу их решал: убить пленников или татарам с черкесами продать.

Глянула Оксана с башни на казаков, сердце защемило. Свою родню вспомнила, речь русскую услышав. На глазах слезы выступили. Думать стала, чем братьям своим помочь. Через слугу велела еды и питья им в подземелье отнести. А, как пришел к ней Керим-бей, расспрашивать начала, о милости просить.

Только, видно, не к добру мольбы ее были. Рассердился на нее турок, оттолкнул. Всего и узнать смогла Оксана, что через неделю, как придет с севера новый татарский обоз, пленников вместе с ним в Азов отправят, а оттуда – в Стамбул, где на рынке, как рабов, продадут.

Узнала об этом Оксана и пожалела. Стало рваться сердечко ее от жалости к казакам, дома семьи свои оставившим. От жалости к себе, навеки родины лишенной. А еще – поняла она вдруг, что охладел к ней Керим-бей, сердце ее покорив и победу обретя. По-другому смотреть

стал, не любит больше.

Хотела было тайну свою ему раскрыть, о которой никто пока, кроме нее, не ведал, что ребеночка она ждет. Да в глаза Керим-беевы глянула и промолчала. К себе ушла. Подождать решила.

Два дня прошло, третий наступил. Керим-бей, утром от Оксаны уйдя, завтракать отправился к начальнику стражи. Сидели они вдвоем, беш-бармак кушали, о предстоящем приезде торговцев говорили. Не ведали, что Оксана за дверью стоит, слушает.

И узнала она, что Керим-бею письмо пришло от нарочного, с переводом в Крым, в Сугдею, где он на дочери богатого паши женится. И, коли начальнику стражи Оксана не по нраву, он ее вместе с пленными казаками, что в подземелье томятся, продаст заезжим черкесам. За год натешился, а теперь решил с глаз долой спихнуть, хоть в горы Кавказские отправить.

Себя не помня, в свою комнату Оксана ушла. Дверь тихо-тихо затворила. Весь день задумчива и молчалива сидела, словно изваяние каменное, лишь изредка катилась по ее щеке одинокая слезинка.

Только к вечеру беззаботна стала. На галерею прогуляться пошла. После ужин хороший велела приготовить, из погребов все лучшее достать, да солдата позвать, который музыку играть обучен. Сама в баню сходила, вымылась, словно под венец собралась. Любимым Керим-беевым жасминовым маслом тело умастила и лучшее свое платье надела.

Словно в сказку попал тем вечером Керим-бей. Потчевала его Оксана лучшими яствами, шутками да забавными историями слух услаждала, танцевала перед ним танцы знойные. Весела и радостна была.

А, как ужин кончили, под покров сама его за руку повела. Любить Керим-бея стала. Целовала и ласкала так, что не знал осман, жив он еще или уже умер, и к Аллаху в сад попал, где его райские гурии встретили. Лишь глубокой ночью уснул Керим-бей, Оксану к груди прижимая.

Долго лежала она, смотрела, как в окне башни молодой месяц звезду качает в своих объятиях. Дыхание любимого, рядом с нею спящего, слушала, запах тела его запоминала и шелковистость кожи под пальцами. Плакала беззвучно. Наконец, встала тихонько, и вынула из-за полога принесенный вечером из галереи кинжал.

Рукой замахнулась и вонзила его в грудь спящему своему возлюбленному. Только глаза он раскрыл, вздохнул в последний раз и успокоился навеки. Из сада с райскими гуриями не вернулся.

Наклонилась Оксана над ним, глаза любимые закрыла, дорогую голову к груди прижала, и не то слезами, не то поцелуями покрывала. Тогда встала, слезы утерла, и, кинжал в руке зажав, вниз пошла. Из подземелья тихонько пленников выпустила, и, где оружие у турок хранилось, им указала.

Захватили казаки крепость, весь турецкий гарнизон перебили. В подземелье Таш-Гечиди весь порох сложили, подожгли. Так, бесславно, перестал существовать Каменный Проход, в котором сотни донцов и запорожцев гибель свою нашли.

Казаки коней, что при крепости были, в степь вывели, обратно на Дон собираться стали. Оксану с собой звали. Но отказалась она.

– Некуда мне отсюда идти, – сказала.

У развалин крепостных, там, где был ее Керим-бей схоронен, осталась.

Уехали казаки, и никто из них больше никогда Оксаны не видел. Но по весне, когда над каменным бродом молодой месяц всходил, а в степи крокусы с гиацинтами зацветали, стала появляться в Миусе приходящая из моря Азовского царская рыба – турецкая Шах-Мая, за вкусную сладость свою так прозванная. Царская рыба – это по-турецки, а по-нашему, по-миусски – шемайка...

* * *

ДОБРЫЙ ШУБИН

Вроде и нет высоких гор в местности нашей, где реки Миус с Крынкой протекают. Лишь старый, разрушенный Донецкий кряж своими холмами и небольшими скалистыми уступами ошетинился, словно на поверхность из-под земли выбраться хочет, да силу потерял.

Нет гор в Примиусье, а подземный горный дух, хозяин всех шахт Донбасса, поселившийся в этих местах три столетия назад вместе с первыми шахтерами да рудокопами, есть. И зовут его Шубин.

Так рассказывают. Пришли в эти места вслед за царем Петром, по воле его, переселенцы со всех уголков России-матушки, Дикое Поле заселять.

И показали им казаки дивный горюч-камень, что в изобилии встречался в этих краях. Стали переселенцы шахты да штольни вглубь земли бить, горюч-камень добывать, печи этим камнем топить и металл выплавлять для царя-батюшки.

Много народу прибыло в края эти, счастья-доли искать. Пришел и парень один молодой, по имени Ильюха.

Сирота был, родни никакой. Богат только тем, что в руках держал, да тем, чему отец с дедом в юности научили. Вот и решил этот Ильюха в Дикое Поле податься, горного счастья попытать.

Пришел на шахту одну, в верховьях Крынки-реки, в горнорабочие нанялся. А понятия о деле – никакого. Заметил это мастер, что над всеми старшим был, да и решил сыграть злую шутку с парнем. Он, мастер этот, шибко пакостный человек был.

Шахтеры, те, что не первый день в шахту ходят, знали, понятно, привычки его, да молчали. Не к добру это – с начальством ссориться.

Вот мастер этот позвал к себе Ильюху, и говорит ему:

– Вижу я, что в забой тебе хочется. Горняком желаешь быть. А, знаешь ли, что дело это – трудное да важное, и кого попало, в

горнорабочие не берут? Испытать я тебя должен.

– Твоя воля, – Ильюха отвечает. – Испытывай.

– Что ж, – мастер ухмыльнулся, – вот тебе испытание. Одень тулуп этот овчинный, после спустишься в шахту один, с факелом зажженным, да пройдишь по пустым выработкам с полверсты. Коли не испугаешься, да все сделаешь, как я велел – быть тебе шахтером. А нет – шагай туда, откуда пришел.

Подумал Ильюха: «Что ж, боязно, конечно, одному под землю спускаться. Да ведь делать нечего, отступить некуда, раз решил судьбу такую выбрать».

И ответил мастеру:

– Давай факел. Все сделаю, как ты велишь.

Дал ему мастер факел, стал Ильюха под землю спускаться. Только и успел Ильюха увидеть, как солнце красное вставало на востоке, как сразу под землю ушел. Ушел, а назад не вернулся. Мастер-то этот, видишь, обманул парня, не сказал ему, что на смерть посылает.

В шахте-то, в пустотах, часто газ невидимый скапливается, метаном называется. Когда много его сразу – вовсе задохнешься. Когда мало – одной искры от каелки достаточно, чтоб взорвался метан не хуже динамиту.

Вот и придумали горняки на свой страх и риск выжигать этот газ факелами. Шел рабочий-газожег, в овчинном тулупе, мехом вовнутрь, с факелом в руках, да поджигал газ в выработках. Пока совсем не выгорит, не идут туда остальные горняки.

Иной раз и не получалось газ выжечь. Взрывался он, погибал газожег. Под завалами оставался, породой придавленный.

Так и с Ильюхой случилось. Отправил мастер его вместо такого рабочего. А он и погиб.

В шахте народ бывалый, к смерти привычный. Как поняли, что не вернется парень, и искать не стали, шапки с голов сняли, за помин души выпили – вот и вся честь. Некому особо горевать по Ильюхе было, не знал его никто.

Так и забылся бы тот случай, да стали сначала на той шахте, а потом и на всех шахтах донбасских, дела чудные совершаться.

Поначалу того мастера, что Ильюху под землю отправил, в забое мертвым нашли. Отчего умер – непонятно. Только в руках углина длинная, а на конце набалдашник. Ни дать ни взять – факел.

Подивились шахтеры, плечами пожали. Мало ли чудес бывает. Может, газу надышался, угорел. Или дурная кровь в голову бросилась. Известный случай.

Потом больше. Стал кто-то шахтеров кашлем да смехом пугать, за ноги хватать.

Это только на земле все храбрые, и никто плача да хохота не страшится. А когда глубоко под землей в забое один в темноте каелкой машешь, да светит тебе малюсенькая лампадка, поневоле забоишься.

Разное говорили шахтеры. Кто видел в свете лампы своей, что стоит пред ним невысокий мужик в тулупе овечьем, и глаза его, как две плошки горят. Другие клялись, что являлся им старик седой, в шубе мохнатой, с ключом в руках, каким вагонетки таскают. Сквозь стену являлся, что ему надо было делать, делал, да обратно сквозь стену уходил, словно и не было никогда.

Время шло. Привыкли шахтеры к своему призраку. Прозвали его Шубиным, за тулуп овечий, да еще хозяином земли донецкой и покровителем всех шахтеров.

Задобрить старались шахтеры своего Шубина. Знали, когда добрый он, может помочь угля набить много и сорту лучшего, а может и от беды уберечь. А уж коли рассердился на кого горный дух, так лучше тому человеку вовсе в шахту не спускаться, доведет его Шубин до амбы, совсем как того подлого мастера, что его в забой с факелом послал.

А еще знали шахтеры, что Шубин трудолюбивых да простодушных любит, на него самого в молодости похожих. Потому рассказывали про меж собой историю о парне Игнате, что однажды в забое узком – «печке», был поставлен крепкий пласт рубить.

Рубит Игнат уголь, повернуться некуда, пот градом катится.

Вдруг кто-то сзади его за чунь на ногу схватил, потянул. Думает Игнат: «Шутит видно кто. Да недосуг сейчас». И дальше, не оборачиваясь, уголь рубит.

Сзади снова его – дерг да дерг.

Заругался Игнат:

– Такие-сякие, раз так вас да раз этак! Оставьте шутки свои, после поговорим! – И снова не отвлекся на того, кто сзади его дергал.

Вдруг как хватит его кто-то, да так сильно, что вывалился Игнат кубарем из «печки», где работал, в продольный ход. И тут же там, где стоял прежде Игнат, что-то затрещало, загрохотало. Столбы черной пыли до самого потолка поднялись, свет застелили. А из «печки» большие куски угля стали выкатываться, в кучу сами собой складываться.

Смотрел-смотрел Игнат, да и подумал: «Не иначе, как Шубин мне помогает. Надо спасибо ему сказать». Повернулся, а у стены позади него седой старик в тулупе стоит, глаза, точно раскаленные угли, светятся.

Поклонился ему Игнат:

– Спасибо тебе, Добрый Шубин. Ты меня сегодня от смерти спас, да и денег дал много заработать. Выпью я на поверхности чарочку за здоровье твое.

Поднял голову, а Шубин и пропал с глаз.

Сдержал Игнат обещание, не только рюмку за здоровье Шубина выпил, но и молебен ему в церкви заказал, за помин души.

Кто знает, может, за доброту Игната, может, еще за что, только Шубин о нем никогда не забывал.

Погаснет у Игната лампа в забое, останется он один в темноте – Шубин его к себе своим фонарем поманит. Пойдет Игнат за фонарем, и выйдет к другим шахтерам.

И знак Шубин подавал, когда обвалу случиться. Трещать начинал, гул да шум устраивать над головой, ногами по потолку топать да бегать. Сразу ясно становилось Игнату: Шубин беду предсказывает, уходить надо. Подумает так Игнат, сам из забоя уйдет и товарищей уведет, жизнь им сохранит.

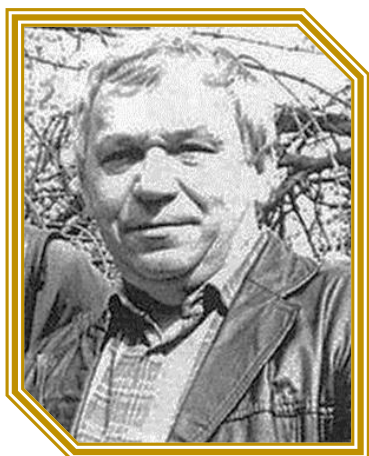
Так и дожил до старости. Детям да внукам завещал хозяина шахт почитать.

А от них да от других шахтеров и мы с вами про Доброго Шубина знаем.

Костыря Иван Сергеевич

(1932–2003)

Иван Сергеевич Костыря родился 13 января 1932 года на хуторе Федоровка Межевского района Днепропетровской области в семье сельского учителя. Закончил Днепропетровскую акушерско-фельдшерскую школу, затем – Киевский медицинский институт. В 1957-1965 годах работал в Горловке врачом – сначала детским, а потом психиатром. В 1967 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М.Горького в Москве. Принимал участие в геологических экспедициях в Восточное Забайкалье и Среднюю Азию, на Урал и Кольский полуостров; плавал на ледоколах в Арктике; рыбачил с азовскими рыбаками; как журналист сотрудничал в республиканской и донецких областных газетах; заведовал отделом русской прозы и поэзии журнала «Донбасс»; много путешествовал по родной земле и за рубежом. Первый рассказ «Разговор двух мальчиков» был опубликован в 1955 году; первая книга «Подземный ход», сборник рассказов для детей, вышла в Донецке (Сталино) в 1960 году. В Донецке, Киеве и Москве издал более 50 книг. Отдельные его произведения печатались на азербайджанском, молдавском, удмуртском, болгарском, белорусском, польском, венгерском и немецком языках. За плодотворную творческую деятельность И.С.Костыря награжден Грамотой Президиума Верховного Совета СССР, знаками «Шахтёрская слава» III и II степеней, значком «Отличнику здравоохранения», высшей наградой Общества Красного Креста Украинской ССР, удостоен Всеукраинской литературной премии им. В. Короленко и областной им. В. Шутова; ему присвоены звания

Почетный Гражданин Межевой и Заслуженный работник культуры Украины. Не стало Ивана Костыри 27 августа 2003 г.

Похоронен в г.Донецке на Свято-Игнатьевском кладбище.

* * *

СКАЗКА О СОЛНЕЧНЫХ БРАТЬЯХ

Давным-давно, ещё в сказочные времена, жил на Солнце старый Спектр. Было у него семь взрослых и двое маленьких сыновей. Соседи часто говорили Спектру:

– Эй, старик, сыновья у тебя славные! Сколько рук молодых и сильных – любую работу за тебя сделают. Теперь бы тебе жить да радоваться, а ты всё невесёлый.

Спектр горько вздыхал:

– Рук много, это правда. И силы в них тоже много...

Старый Спектр восторженно поднимал огненно-рыжие брови и тут же с сожалением приговаривал:

– Всё правда! Но какая польза от них на раскалённой, почти безжизненной планете? Каждое мгновение юные жители Солнца вылетают в неведомые концы света, чего-то ищут, что-то делают... А чем мои сыновья хуже? Неужели для того они родились, чтобы бесславно умереть?

– Как-то странно на старости ты стал говорить, – возразили ему старики-соседи – высохший Водород и почерневший Углерод.

– Странно стал ты говорить, – снова повторили они. – Чего ты хочешь? Мало ваших предков, молодых и здоровых сыновей Солнца, пробовали зародить жизнь на разных планетах: и на Меркурии, и на Луне, и даже на далёкой планете Земля...и не возвращались. Неужели ты не отец своим детям? Ты уже седой и слабый – тебе самому нужна помощь. А помощников у тебя достаточно. Чего ты ещё хочешь?

– И то так, – спокойно отвечал им Спектр. – Многие из них не вернулись. Но на земле теперь, говорят, от их тепла и света живые существа появились... А оставить после себя жизнь – всё равно, что бессмертным себя сделать.

Соседи остались равнодушными к словам Спектра. Ни один мускул не дрогнул на их лицах. Спектр помолчал, помолчал, раздумывая, почесал брови и начал разговор с другого конца.

– Ваши дальние родственники, дорогие мои соседи, – сказал он, – тоже там делают полезное дело. Без углеводов никакая жизнь невозможна. Ты же, сосед Углерод, не станешь отрицать своих родственных связей с углеводами?

– Нет, – живо откликнулся сморщенный Углерод.

– А твои родственники, Водород, будто подружились с Азотом и из всех сил производят на Земле аммиак, без которого жизнь тоже не возможна.

– Да... – откликнулся в свою очередь Водород.

Мудрый Спектр вопросительно посмотрел на разгорячённых

соседей и вдруг предложил:

– Может, возьмём и полетим на Землю, поможем людям?

Углерод и Водород сразу потухли, закрыли глаза и прикинулись, что спят.

– Эх, вы, – рассмеялся Спектр, потирая глаза, на которые накатила слеза от собственного яркого света. – Я знал, что вы не двинетесь с места – на стороне отлеживаться легче. Но земные жители и без вас обойдутся. А вот без помощи сыновей Солнца им ничего живого не сотворить ...

Прошли столетия, но сыновьям Солнца не удавалось довести до конца начатое на Земле дело: они погибали все от тяжелой работы. Это мучило старого Спектра. Он ходил как тень...

Однажды пришли к нему сыновья: Красный луч, самый сильный, Оранжевый луч, который не уступал в силе старшему брату, Жёлтый, который стеснялся собственного цвета, Зелёный, широкий и пучеглазый; самый весёлый – Голубой и Синий, напыщенный, с холодным взглядом, а ещё Фиолетовый, у которого и пальцы, и нос, и язык были, как всегда, в чернилах. Самыми последними прибежали молодые, незаметные лучи – Инфракрасный и Ультрафиолетовый. Разгорячённые, они спрятались за спины своих старших братьев.

Сыновья Спектра пришли узнать, почему это отец мрачен: не обидел ли кто его, не заболел ли он?

Отец, прикрывая глаза рукой, отмахивался:

– Не прыгайте, неугомонные! – по-доброму ворчал он. – В глазах от вас мелькает.

Когда сыновья улеглись, Спектр поведал им о своей печали. Выслушав его внимательно, Лучи в ответ засверкали весело и ярко.

– Нам ничего не страшно, папа!

Глаза старого Спектра вспыхнули на мгновение с гордостью за своих сыновей.

– Дети мои, – заговорил он. – Я верю вам. Но вы молоды и у вас горячие головы. Земля от нас очень далеко, и чтобы не умереть в дороге, вы должны лететь туда с огромной скоростью.

– Летим, папа, сегодня же летим, – не задумываясь, отвечали солнечные братья.

Старый Спектр глухо бросил:

– Но с вами, дети мои, может произойти самое страшное: вы можете не вернуться оттуда и никогда не увидеть свою родину – Солнце. Вы об этом подумали?

Братья замолчали. Только видно было, как Синий и Голубой лучи помигивали тусклым светом, переступая с ноги на ногу. Им это не понравилось, потому что они привыкли жить легко и беззаботно.

Отец смотрел на своих детей внимательно, выжидающе. Наконец, встрепенулись Красный и Оранжевый лучи, за ними – Жёлтый и Зелёный:

– Мы подумали, отец – летим!

– Ну, если так, – обрадовался Спектр, – тогда собирайтесь. А я тем временем схожу к дядюшке Гелию и поговорю с Углеродом и Водородом, расшевелю этих лентяев: пусть нам хоть взлететь помогут.

Вернулся отец с хорошей новостью. Неповоротливый дядюшка Гелий даже засуетился, когда узнал, какими стали Углерод и Водород.

– Вот уж мне эти домоседы! – возмущенно пыхтел он. – Огненной силы у них ещё на целую вечность хватит, а они себя заживо похоронили ... Иди, успокой своих сыновей – мы всё устроим.

Вскоре Спектр и сыновья увидели, как Водород стал подсакивать и шипеть, когда его посадили на огонь, а в глазах у него молнии стали вспыхивали. Это огонь стал клекотать у него в груди. Углерод стоял по соседству и вдруг подхватился, стал носиться по кругу, поднимая за собой огненный вихрь. А мудрый Спектр молча посмеивался и благодарил за помощь дядюшку Гелия и старых друзей...

Вокруг Солнца во всю клекотал огонь, и семья Спектра ощутила чрезвычайную легкость – Лучи едва сдерживались, чтобы не взлететь высоко вверх... И вдруг они оторвались от родной планеты и понеслись с небывалой скоростью прямо к Земле!

* * *

ДУМА О ЛЮБВИ К МАЛОЙ РОДИНЕ

(отрывки)

Во время последней Отечественной войны наш земляк, известный русский писатель Борис Горбатов в своих знаменитых «Письмах к товарищу» доверительно и страстно признавался в любви к малой родине:

«Родина! Большое слово... Но для каждого человека Родина начинается в том селении и в той хате, где он родился. Для нас с тобой – за Днепром, на руднике, в Донбассе. Там наши хаты, под седым очеретом – и твоя, и моя. Там прошумела наша веселая юность – и моя, и твоя. Там степь бескрайна, и небо сурово, и нет на земле парней лучше, чем донбасские парни, и заката красивей, чем закат над копром, и запаха роднее, чем горький, до сладости горький запах угля и дыма. Там мы родились под дымным небом, под глеевой горой; там до сих пор звенит серебряной листвой тополь, под которым ты целовал свою первую девушку; там мы плескались с тобой, товарищ, в мелком рудничном ставке, и никто меня не уверит, что в море купаться лучше. Но и спорить об этом не буду ни с одесситом, ни с севастопольцем. – свое».

Воистину у каждого своя отчина и каждый по-своему выражает к ней свою любовь. И спорить тут нечего. Но одно дело как бы со стороны глядеть на нее, тосковать по ней и восторгаться ею. А другое – постоянно жить в отчем крае, не отстраняясь ни от его славы, ни от его нужд и насущных проблем. Край, в котором есть и черная земля – уголь,

и белая – соль, и железная – железные руды. И не просто наличествуют, а усиленно разрабатываются...

В послевоенные годы, когда Донбасс возродился, его, как и всю страну, захватила гигантомания в постройке заводов, шахт, разработке карьеров, машиностроении, портовых грузооборотов, ловле рыбы в Азовском море, освоении приречных лугов пашнями...

И вот уж, почти что сразу после перестройки, последующего распада Советского Союза, а заодно и перехода на рыночную экономику, его, гиганта современной индустрии, сначала исподволь, а потом и всюю залихорадило – и сверху, и в добычных недрах, что называется в самом нутре.

Надо думать, перестарались во многом. Шахты из-за их количественного перепроизводства, да к тому же без должного технического переоснащения, а в результате – нерентабельности добываемого угля, доводится выборочно закрывать вовсе либо ставить на так называемую «консервацию». И столь огромные заводы для более-менее успешной работы нам вроде бы ни к чему. И землю вспахали там, где не нужно было, ибо подзахирели тут же и малые реки, и родники с доброй водой. И Азовское море оскудело на рыбу без должного, опережающего лов, воспроизводства малька. И заповедные уголки природы очутились под угрозой перерождения от того, что в окрестностях ихних безоглядно хозяйствовали крестьяне. И небо закоптили трубы без дымоулавливателей, а вода в искусственных ставках и речушках попортилась отходами химкомбинатов, потому как, то ли по забывчивости и неоглядности, то ли по хитромудрию, дабы любым способом экономить лишнюю копейку, вовремя не соорудили очистных сооружений. Но известно, что скупой платит вдвое больше.

В конце концов все стало в такой остроте, и не только у нас – во всей державе! – что на государственном уровне была создана управленческая служба по экологической безопасности и природным ресурсам. Возродить же патриотизм в человеке, подутраченный в сегодняшней рыночной суете, в борьбе за выживание и ежедневное пропитание, не так-то просто. Никакие воззвания, никакие лозунги, никакие призывы и напоминания тут не помогут — они просто бессильны что-либо сделать из-за своей отталкивающей схоластики.

Любовь к малой родине нужно заронять смалу. Если, допустим, какой-нибудь мудрый дед возьмет своего внука за руку и поведет в соседнюю балку, и там совместно с ним отроет хотя бы один заиленный родник, выпустит на волю веселый ручеек, это дитя уже будет любить свою отчину, как саму Родину. Или отец и мать покажут мальцу погибших в посадках птиц от удобрений, которые бездумно сыпали на поля в немеряных количествах, да объяснят, отчего погибли и воробьи, и сороки, и синицы, и дикие голуби, и скворцы, о которых ребятишки пеклись и в зиму, сооружая кормушки и подсыпая в них зерно, и загодя мастерили для них скворечники, – вот тогда и зародится в

подростающем поколении патриотизм как ответственное – не только умилительное и восторженное! – чувство. Или старший брат и сестра, допустим, обратят его внимание на то, как из городских прудов, куда сброшены вредные стоки, в смертельном страхе выбираются чувствительные, как ни странно, к человеческой нечисти, раки и карабкаются на прибрежные пеньки, надеясь спастись от гибели, какую учинил им человек своей неразумной хозяйственной деятельностью.

Или растолкуют в школе, отчего участились взрывы на шахтах, поведают горькую правду, не ссылаясь на сказовые козни подземного властелина Шубина. А еще и деревце посадить в память о каждом погибшем шахтере. Ну хотя бы вместо тех, которые повсеместно вырубаются в донбасских городах шустрыми предпринимателями для постройки своих скорых на выручку магазинов и магазинчиков, баров и пиццерий, шикарных с виду, но не доступных карману простолюдина макдональдовских заманушек...

Приучая, точнее – научая детей поначалу воспринимать все это в образах и картинках, а потом и осознавать эту пестроту жизни на родной земле и тем самым зарождать в подрастающем поколении корневую привязанность к отчему краю, точно к самой Родине, лишь при таком условии, на мой взгляд, можно рассчитывать, что из них не вырастут Иваны, не помнящие родства. Составлять многоветвистые родовые древа, чем заняты нынче и краеведы, и учителя со своими учениками по школам, – дело стоящее, памятливое, привязывающее к предкам, а стало быть, и к тому, чем они занимались на прадедовской земле, к их ремеслам, их выборочным родовым пристрастиям и песням.

Однако подкрепить все эти познания чем-то конкретным в отчих пределах, скажем, тем же возрожденным родником, – все равно, что проследить обратную неразрывную связь понятий Родина – народ – род – родник.

Возрождение патриота в каждом донбассовце – это и будет подлинным возрождением в нашем крае, в Донбассе, охваченным нынче лихорадкой новой экономической политики, какую уже доводилось переживать в первой четверти XX столетия, – с ее частным предпринимательством, арендами, натуроплатой, рынком рабочей силы, безработицей, неизбежным теневым бизнесом и расслоением населения на очень богатых и очень бедных... Выбраться из всего этого бедлама наверняка поможет и чувство патриотизма, боль за каждого земляка, за весь Донбасс, долг и совесть перед ним как перед землей, заповеданной предками и дарованной Богом.

Усовеститься бы любому из нас до глубины души, оглянуться на прошлое, в котором было столько горя и радостей, опомниться и покаяться, если в чем либо отступили от библейских заповедей бессмертных и от того, что заказывали предки, весь твой род как народ, Родина.

Век каждого смертного короток. И выстраивать свой житейский путь между харчевней и отхожим местом, считать это счастьем – великое заблуждение. Оно, может, и сытое, и крутое, как теперь говорят, однако противно Богу, не богоугодное, сиречь убожеское. Прозреть все это, как если бы обрести спасение, прозрев и собственную сущность, – не в этом ли настоящее счастье?

Будем же добиваться его, именно такого! И помыслами, и трудами своими. И не когда-нибудь, и не где-нибудь. А прямо сегодня, сейчас же. И в первую очередь – на малой родине. И непременно – с врожденной и возрожденной любовью к ней.

* * *

ДУМА О САУР-МОГИЛЕ

(отрывки)

Едва показывается солнце над ширью донецкой степи, из белесой дымки медленно вырастает величественный курган, издавна прозванный Саур-Могилей. Утренний туманец сползает с его склонов, покидая дубовый лес у подножия, тянется к Миус реке, и уже на много верст окрест видна могила, вершина которой, кажется издали, уходит в самое небо. Саур могила объята думами и легендами. Молчалива, она стоит, как немой свидетель пронесшейся над нею вековой истории. До слуха, обостренного воображением, исподволь доносятся храп и топот копыт, бряцают латы, звенят мечи: сошлись русичи и половцы в смертной схватке. А то вдруг, среди мертвой тишины, почудится последний вздох предводителя турков – завоевателя Саура: не думалось, знать, ему, что у русских богатырей верный глаз и рука тяжела.

Корни матерого дуба вцепились в каменистый Донецкий кряж. Да так, что не отторгнуть его от родимой земли никаким силам. А ствол у дуба крепкий, сутулый, в наростах мозолях. А в окаменелой коре борозды – то следы от сабель турецких. Уж и погуляли они, потешились над казацким станом!.. У дуба ветви длинные и кривые, как руки от работы и сечи нелегкой. И шапка еще зеленая.

У Миус реки кони воду пьют. Над Миус рекою туман застыл. И не понять изведать, по каким векам в белом мареве струятся тихие прохладные воды...

...какие ветры ласку ковылям шепчут...

...кому цвет бессмертник поклон кладет.

Гуляют кони под кручей у самой дубравы. Пугливо прядают ушами на далекое бряцанье казацкой сбруи, цокот копыт стихает, а ранящие сердце звуки могучей кобзы полнят тебя. Машут кони хвостами, хрустят белояром, копытами по росной траве переступают.

Вороной конь, будто и впрямь услышал голос казака, заржал в ответ, застучал о землю кованым копытом и побежал прочь от табуна на Саур-Могилу. Замелькали промеж ног его серебряные лучи рассвета,

радугой засверкала разбрызганная в пыль роса. Бежит конь, карабкается по каменному склону, торопится на вырастающие слова песни. Блестят глаза вороного, красные в тревоге. Развевается длинная грива. Копыта камни рушат. Взобрался конь на вершину. Стал, как вкопанный... Храбры вольные казаки, но турков несметная сила. Гик, свист, ветер, набитый стрелами, пена комками срывается с боков коней, славянская и чужая речь, пыль над всем полем вокруг и над курганом, и небо серым от нее становится. И утро не стихает бой, и день, лишь к ночи глухой все затихло.

Этот былинный плач матери Морозенко из наваждения становится явью – он перерастает в плач уже другой матери и по другому сыну: медленно подымается к вершине могилы седовласая женщина, вся в черном... А рядом еще и еще, и еще... Их сыновья погибли на подступах к Саур-Могиле в Великую Отечественную войну... Седые головы матерей и седые головы ветеранов, взбирающихся к вершине могилы, на которой навеки застыл бронзовый солдат, волнами колеблются, будто ковыль накатывается на склоны кургана. Тихо позвякивают медали, скрипят костыли. Без малого два года создавались гитлеровцами глубокие рубежи обороны, которые начинались у Северского Донца, тянулись вдоль реки Миус и доходили до самого Таганрога. Гитлер надеялся, что здесь будет пролегать новая восточная граница Германии. Вместо армии генерала Паулюса, плененной в Сталинградской битве, была создана новая и названа тоже Шестой. Но отомстить, как надеялись фашисты, за разгром под Сталинградом им не удалось. Войска Южного и Юго Западного фронтов прорвали вражескую оборону. Впереди – Саур-Могилы. Фашисты превратили подступы к ней и ее склоны в крепость... До тридцати огневых точек на квадратный километр укреплений. Бронированные колпаки. Заграждения из колючей проволоки. Минные двухсотметровые в ширину поля... Как говорится у нас в народе, черта лысого только и не хватало! Все последующие поколения не смогут оплакать тех, кто пал на подступах к Саур могиле, на ее склонах и вершине, пытаясь выбить оттуда врага и водрузить знамя победы... И по сей день там шагу нельзя сделать, чтоб не наступить на осколок или пулю... Ежегодно, в сентябре, когда в Донбассе наступает бабье лето, с ясными, погожими деньками, с летящей паутиной и прощальными криками из поднебесья отлетающих на зимовье в южные страны журавлей, на Саур могиле собираются бывшие воины, ветераны, вдовы, их дети и внуки, и правнуки... На праздник Освобождения. Ребятишки пристают к ветеранам с расспросами о боях и подвигах. Те покручивают, собираясь с памятью, поределые усы, трясут белыми головами.

– Да, полегло здесь народа – тьма тьмущая...

И никто из них и не заикнется, что можно было бы, наверно, и обойти курган с боков, не переть напролом... Разве ж приказы командиров обсуждались когда? Не положено по уставу! Да и сердце

солдатское рвалось к победе! И ненависть лютая была на врага. А он – рядом, на высоте. Куда уж тут до обходов?

– Скажите, – допытывались ребята, – а помнили вы тогда, что Саур-Могила – это народная слава, памятник старины, героического украинского и русского эпоса, что когда-то на этом самом месте запорожцы с турками воевали за родную отчизну?

Ветеран придерживает пустой рукав, вздернутый ветром, отвечает со смущенной заминкой:

– Как вам сказать... Нет, наверно, не помнили. Именно тогда – не помнили. Внутри, конечно, все это было. Чувство гордости, славы... Но только глубоко внутри. Тогда другое на уме у нас крутилось: взять вот эту самую высоту 277,9. Ворота Донбасса. Разрушить хваленый немцами Миус фронт. Добиться свободы, счастья краю нашему, сынам, внучатам... Вот вы сейчас, молодцы, все помните.

«Нас помнят... Нас помнят...» – пронесся шепот по склонам Саур-Могила. И ветерок подхватил его и понес в обозримую степную даль.

С Саур-Могила и вправду далеко видать! Вьющийся Миус. Табун лошадей. Дубовая роща. И в роще тот самый дуб, корни которого намертво вцепились в донецкую землю. А у дуба ствол крепкий, как славянский стан. А борозды в окаменелой коре – то следы от сабель турецких, от осколков немецких. А ветки дуба к реке тянутся... Над седыми материнскими головами и седыми головами ветеранов плывут белые облака, и ветер сплывает материнской думой, полной скорби и тревоги за будущее отчей земли, тихо ложится в окрестных полях.

РАЗДЕЛ II. РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ДОНБАСС

Байдебура Павел Андреевич

(1901–1985)

Павел Андреевич Байдебура родился 1 марта 1901 года в деревне Нерубайка, Семеновская волость, Елисаветградский уезд, Херсонская губерния, Российская империя (ныне – село Нерубайка Новоархангельского района Кировоградской области Украина).

В 1920-х годах переехал в Донбасс. С 1922 по 1924 год участвовал в Гражданской войне в рядах РККА. Работал на шахте № 2 «Краснодон». Публиковал в донецких газетах стихи и рассказы.

Учился в Харьковском коммунистическом университете с 1927 по 1930 год, затем переехал в Алчевск, позже вернулся в Харьков.

В Харькове Байдебура работал заведующим отдела газеты «Харьковский пролетарий», оргсекретарём Харьковской организации союза писателей Украины, редактором республиканского издательства «Искусство и культура». Жил в доме «Слово».

Работал редактором шахтной газеты «Углекоп».

Во время Великой Отечественной войны пошёл на фронт добровольцем. Работал корреспондентом фронтовой газеты «Знамя Родины».

В послевоенное время в течение двадцати лет возглавлял Донецкую организацию союза писателей Украины.

Автор 30 книг.

С Донбассом связаны книга Байдебуры «Земля Донецкая» (1944), рассказы «Месть» и «Мария», а также детские книги «Дети шахтёров», «Тайна степного шурфа», «Как мы шахту строили»

Умер 26 января 1985 года. Похоронен на Мушкетовском кладбище Донецка.

* * *

ШАХТЕРСКАЯ ЧЕСТЬ

(отрывки)

Олекса Варич будто впервые переступил порог нарядной. Было так радостно и тревожно, что замирало сердце. Сколько здесь знакомого и незнакомого народу! Просторном помещении лавок не хватило, многие расположились на полу – в шахтерках, с обушками, топорами, лампами.

Четыре года не был Олекса в таком родном кругу, не слышал

шахтерских разговоров, любимых слов и словечек, всегда волновавших сердце и будораживших воображение.

Четыре года крутые и долгие дороги уводили Варича от его шахты – и вот замкнулось гигантское кольцо тех дорог, дней и событий... И уже все это заволакивается в памяти туманом: он вернулся к истокам той жизни, за утверждение которой прошел с боями от Волги до Шпрее.

Снова – поселок, шахта, друзья-шахтеры и похожий на обряд наряд утренней смены. Вроде бы все по-прежнему. А на поверку – совсем иное, новое. Взять хотя бы нарядную – что в ней осталось от прошлого? Только название. Теперь она просторней, светлей... <...>

Перед окончанием наряда поднялся начальник шахты Осадчий. Напомнив о том, что шахта 2-бис борется за переходящее красное знамя Донбасса... <...>

Осадчий отметил, что на шахту прибыло пополнение – колхозники с Киевщины, Запорожья и других областей. Потом назвал Варича, сказал, сказал что он кадровый шахтер, только что вернулся из армии и снова входит в шахтерскую семью. Варич встал. Десятки голов повернулись в его сторону, раздались дружные аплодисменты. Олексу смутила такая торжественная встреча. Высокий, в новой, отутюженной шахтерской одежде, он стоял перед людьми в полном замешательстве. Куда ни глянет – всюду искренние улыбки друзей... Выручил Осадчий. Он поздравил Олексу с благополучным возвращением на шахту, крепко пожал руку и объявил, что забойщик Варич отныне будет работать в пятой восточной лаве. Шахтеры обрадовано зашумели, окружили его, кто-то заметил, что именно в пятой восточной Олекса показал себя до войны.

– Олексу мы знаем, шахтерского роду-племени!

– Этот знает, где берут уголек!

– Что и говорить, из лучших мастеров...

Варичу тем приятней было слышать эти похвалы, что шли они от старых опытных мастеров, его наставников-учителей.

Вместе со всеми Олексу приветствовал и Зиновий Осташко. Приземистый, широкоплечий, в замусоленной шахтерке, он казался наспех вырубленным из огромной угольной глыбы. Неторопливые движения, спокойный взгляд серых, слегка прищуренных глаз и низкого тембра голос – все это говорило об уверенности в своей силе и незаурядном упорстве. Раздвинув круг, он пожал Варичу руку, назвался и как бы походя сообщил, что года два тому назад он тоже был новичком.

– Ну держись, Зиновий Павлович, – бросил шутя старый крепильщик Оноприй Иванович Труханов, – нашелся тебе соперник!

– Верно говоришь! Варич умеет нажимать на педали.

– Конечно, если не разучился, – заметили из толпы.

– Думаю, что нет, – не удержался Варич. Его захватила общая приподнятость, было приятно находится в центре внимания этих людей.

– Что ж, посмотрим, – ответил с притворным равнодушием Осташко и так пристально посмотрел на Варича, будто взвешивал, на что он способен.

Наряд закончился. Шахтеры двинулись к стволу шахты. У входа столпились, ждали очереди. Две клетки, попеременно ныряя и всплывая, обдавали шахтеров теплом и влагой – таким знакомым духом подземелья. Друзья нескоро посвящали Варича во все, что пришло в шахту с ее восстановлением: нарезаны две новые лавы, механизирована откатка, а на третьем горизонте вскорости заработают новые врубовые и самоновейшая машина – горный комбайн. Когда упомянули третий горизонт, Варичу вспомнилось начало его шахтерского пути, первый рекорд, удививший всех шахтеров Донбасса, цветы при выезде на-гора, портрет на видном месте в нарядной – молодая шахтерская слава... Так было когда-то... «А теперь попасть хотя бы в один ряд с другими, – поймал себя на робкой мысли Варич. И тут же спохватился: – А почему бы не выйти вперед? Силы разве сдали или охоты нет? Хватит и того и другого! Да и шахтерская честь обязывает...».

Варич отошел в сторону, чтобы оглядеть новые шахтные постройки. Ему на плечо легла рука Труханова:

– Немцы оставили нам одни камни да обгорелые бревна, а теперь видишь? – и он обвел рукою широкий полукруг, который охватил не только шахтные постройки, эстакады, бункера, но и повитый сизой дымкой террикон, и глубоко врезавшийся в степь шахтерский поселок. – Все своими руками поднимали, нажимали, как говорят, до седьмого пота. Зато стало, как видишь, лучше, чем было, – сказал он с гордостью. <...>

Варич видел, что старик болеет за шахту, радуется его возвращению, надеется на него. Уже в шахте, перед тем, как разойтись, сказал:

– Вот присмотрюсь, подберу хлопцев и времени терять не буду. Не в моем это характере.

– Верю, Олекса, верю! – воскликнул Оноприй Иванович и с чувством пожал руку Варичу. Старый шахтер не сомневался – так оно и случится, как говорит Олекса. «...»

Прошел месяц. Олекса Варич с нетерпением ждал подведения итогов. В день появления цифр на доске показателей Варич проснулся раньше всех. Дорогу от своей квартиры до шахтного двора одолел не за полчаса, как всегда, а за десять минут. Здесь было тихо. Лишь от постройки возле ствола, где никогда не замирает жизнь, то и дело доносились шахтные сигналы, шуршание канатов на шкивах копра, громохание вагонеток да порой – человеческие голоса с эстакады. Он поспешил к доске показателей. Правда, он понимал, что его бригаде претендовать на какое-то видное место еще рановато, а все же... Но то, что он увидел, его потрясло: свою фамилию он обнаружил почти в конце

списка. Даже не глянув на верхнюю фамилию, повернул от доски прочь, но вынужден был остановиться. Сюда приближались шахтеры.

– Давай-ка и мы посмотрим на доску, – послышался голос Осташко.

Слово «посмотрим», как показалось Варичу, Зиновий произнес не просто, а с нажимом. Шахтеры направились к доске, Осташко еще издали заметил: его фамилия красовалась первой. Кто-то стал читать. Осташко вежливо поздоровался с Варичем и поспешил в нарядную. За ним двинулись и остальные. И Труханову, и еще некоторым друзьям Варича не нравилось его поведение в работе. Трудился бы, как все, так нет, затеял эксперименты! «...»

А Варич и впрямь добивался, чтобы впустую не пролетала ни одна секунда рабочего времени. Теперь в бригаде каждый имел свое определенное место, свое задание и точный расчет времени на его исполнение. Один забойщик дополнял работу другого, а все вместе вершили одно общее дело. Так на шахте 2-бис зародилась цикличность в добыче угля. <...>

– Я искал причину нашей беды, – говорил Варич, – и я нашел ее. Это неудобство рабочего места, потеря времени. И я думал о том, как поступить? Я понимал: одного, пусть даже огромного, желания и ловких, сильных рук для настоящего успеха мало. Одной силой много не сделаешь, нужно умение, нужен график, нужна четкая организация всего хода работы: от лавы и до ствола все должно быть подчинено работе угольной бригады.

– Теперь бригада Варича выходит вперед!

– Вышла! – поправил Осадчий. – Поучиться у соседей, как видим, полезно. <...>

* * *

МАЛЕНЬКИЙ ТИМКО

(рассказ)

Напуганный ворвавшимися в комнату немцами, Тимко забился в уголок между столом и кроватью и внимательно следил за тем, что происходит. Около дверей стояли, будто бы приросли к земле, два вооружённых карабинами рыжих, круглолицых солдата. Третий – долговязый, с длинной, как дыня, мордой – тыкал матери в грудь пистолетом и что-то лопотал невразумительное. Из картавой смешной речи немца Тимко понял лишь два слова – «партизан» и свою фамилию.

Мать стояла около окна неподвижная, бледная как мел и, понутив голову, молчала. Такой Тимко её ещё не видел никогда.

Но вот мать шевельнулась и сказала тихо, но решительно:

– Ничего не знаю!

Она подняла голову и смело глянула на долговязого, Тимко был уверен, что немцы поверили матери и не сделают в доме ничего плохого. Он даже перестал их бояться.

Но вдруг долговязый завизжал, аж захлебнулся, быстро забежал по

комнате, подскочил к матери, о чём-то забормотал и начал тыкать пистолетом ей в лицо.

Мать по-прежнему стояла суровая и молчаливая. Тогда долговязый что-то крикнул, обращаясь к немцам, находившимся около дверей, и те стали переворачивать всё вверх дном. Безжалостно трещало всё, что попадалось им под руки, срывали со стен полотенца, с кровати стащили одеяло, перевернули этажерку с книгами, рвали и топтали книги. А потом втроем начали возиться около сундука.

Мать стояла всё такая же неподвижная и гневная. Её руки дрожали, сжимались в кулаки.

Выбрасывая вещи из сундука, долговязый наткнулся на какие-то бумаги и письма отца. Он даже захохотал от удовольствия. Мать подскочила к гитлеровцу, выхватила у него из рук бумаги, порвала их и тут же бросила в помойное ведро.

Долговязый, как кошка, прыгнул, вытащил из воды размякшие в синих пятнах обрывки бумаги и среди них уцелевшую маленькую фотографию отца Тимка. Глянул на неё, что-то выкрикнул и ударил мать пистолетом в лицо. Она пошатнулась, упала на подоконник.

Тимко не стерпел такого надругательства и обиды. Он ястребом кинулся на фашиста, толкнул его, но сил не хватило даже сдвинуть с места. А фашист хрипел; что-то выкрикивал и беспрестанно бил мать. Тимко всё же изловчился, ухватил долговязого за руку и что есть силы вцепился в неё зубами. Но тот рванулся, отбросил от себя Тимка и навёл на него пистолет.

В ту же минуту мать бросилась от подоконника и заслонила собою сына.

– Беги, сынок, прячься! – толкнула она Тимка к двери.

Слова матери заглушили выстрелы. Пули сверлили дверь, впивались в стену. Но Тимко был уже во дворе.

Притаившись за плетнём под кустом сирени, он увидел, как вывели окровавленную, со связанными руками мать: с плеч у неё свисали ключья рваной сорочки. Вслед за матерью немцы вынесли узлы с одеждой и с домашними вещами. В руке долговязого фашиста Тимко разглядел свой любимый маленький кувшинчик, который сделал ему отец из красной листовой меди. Но сейчас этот кувшинчик Тимка не интересовал. Он прикипел глазами к матери; едва-едва ступая, она шла по двору и тревожно озиралась вокруг: наверное, искала его, Тимка.

Да, она искала сто. А он не мог подняться с земли. Лежал неподвижно. Только сердце билось быстро-быстро, и казалось, что бьётся оно не в груди, а в этой холодной и твёрдой земле.

Немцы без конца подталкивали мать. Она отходила всё дальше и дальше. Вот она уже за калиткой, вот уже на середине улицы, остановилась. Оглянулась. Рыжий немец ударил прикладом, мать пошатнулась и снова пошла.

– Мама!.. – крикнул Тимко.

Мать не слышала. Тогда он крикнул снова, крикнул во весь голос. Но она опять не отозвалась, даже не оглянулась. Тимко не переставал кричать. Он говорил нежные слова, просил, чтобы мать не оставляла его одного, что ему очень страшно.

Мать не слышала. Да и не могла она слышать, так как с детских пересохших губ от страха и отчаянии вместо слюны слетали только стон и шёпот.

На улице – никого. В соседних дворах пусто. Нет нигде ни одной живой души. Тимко умерен, что здесь в посёлке он остался один. Тимко заплакал отчаянно громко – и сразу стало как-то легче, он поднялся и побежал.

Только за посёлком Тимко увидел мать. Она шла вместе с мужчинами и женщинами, в окружении немецких солдат. Тимко не видел лица матери, он увидел только её выпрямленную спину и связанные верёвкой руки. Толпа двигалась по направлению к глубокому оврагу. Двигалась медленно.

Тимко шёл вслед за толпой, не отрывая глаз от высокой фигуры матери. Ему очень хотелось подойти к ней близко, прижаться, вцепиться цепкими ручонками так, чтобы никто не смог бы оторвать. Но он боялся немцев.

Тимко слышал выстрелы и страшные крики людей. Он кричал вместе с ними и плакал, потому что там была мама. Казалось даже, что он слышал её голос.

Фашисты возвращались в посёлок той же дорогой. Тимко спрятался от них в густом бурьяне. А когда гитлеровцы совсем скрылись из виду, он помчался по степи к оврагу.

Мать лежала в заросшей полынью канаве. Неподалёку от неё лежали ещё люди, но Тимко будто не видел их. Он бросился к матери, обнял ручонками и стал целовать её, тёплую и невыразимо родную. Целовал и не находил утешения. Мать не отмечала на его ласки. Она лежала вверх лицом, беспорядочно раскинув руки. На левой руке затянута верёвка, а в горсти правой зажата земля, казалось, мать загребла её вместе с травой, намереваясь бросить её в кого-то, и не успела. На лице кровь и раны. Это, наверное, тот, долговязый, разбил пистолетом...

Тимко решил, что мать спит. А может, и нет? Ведь только правый глаз закрыт, а левый всматривается в небо. Наверное, мать следит за полётом облаков и вслушивается в шум ветра в траве, в пение птиц.

«Пусть немножко отдохнёт, – решил Тимко, – ведь она очень утомилась. Пусть отдыхает».

Успокоившись, он лёг около матери, обнял ручками её шею и стал рассказывать на ухо, потихоньку, как он испугался тех проклятых немцев, как прятался под сиреневым кустом, как страшно было бежать по полю. На бегу наколол пятку, ещё и сейчас болит. Ох, как он быстро бежал, спешил, боялся, что немцы заведут её куда-то далеко и он уже

никогда её не увидит. И ещё ему было очень страшно, когда стреляли здесь, в овраге. Но всё это прошло, и они снова вместе. Пусть мамулька не горюет, раны скоро заживут, а там, где у неё болит, он поцелует, и перестанет болеть.

И Тимко целовал мать и снова начинал щебетать. Вспомнил об отце, рассказал, как в тот день, когда отец уходил с ружьём и пистолетом из дома, они долго играли с ним в коня и всадника, носились по комнате, падали на пол, боролись и смеялись до слёз. Вспомнил, как отец посадил его к себе на колени и сказал: «Ты уже достаточно вырос, тебе, Тимко, уже пятый год, будь умным, слушайся маму. На улице ни с кем не заводи драку, а если тебя кто-нибудь обидит, то смело давай ему сдачи...».

Мать слушала молча и всё смотрела в синюю небесную высь.

Наговорившись, Тимко достал из кармана сухарь, немного отломил матери – поест, когда проснётся, а остальное съел сам. Потом подsunул голову под руку матери и не заметил, как уснул.

Вокруг, залитая весенними красками, широко расстилается степь. Ветер плавно катит зелёные волны, лохматит, ласкает и расчёсывает травы: на гребнях волн всплывают перламутрово-белые венчики ромашек, плеснули и застыли мраморные плёсы бессмертников, пламенеют и роняют на землю свои огненные лепестки маки.

Куда ни глянь, цветы и цветы.

Мчат над землёю ветры, взмывают ввысь и уже под самым солнцем звенят серебристыми переливами в песнях жаворонков. Звенят, рассыпаются смехом и снова падают на землю, в травы, или на крыльях степных орлов улетают за горизонт, куда-то вдаль...

Но ничего этого не могут уже увидеть или услышать те, что лежат в овраге посреди степи. Из шахтёрского посёлка сюда был их последний путь. Лежат они в непробудном сне. Кровь и слёзы прожгли землю на месте их гибели. Это место топтал кованый сапог фашиста. Но кровь затоптать нельзя. Она горит, будто перелившись в красные маки. Она зовёт к возмездию. Последний предсмертный стоп убитых ветер будет носить над степью, над жильём живых людей, будет носить и звать к отмщению, к расплате...

Проснувшись, Тимко долго сидел будто ошалелый и никак не мог понять, где он. А на степь тихо надвигался вечер. Большой раскалённый круг-солнце уже коснулся на западе земли. В овраг вползли чёрные тени, и он казался сейчас ещё глубже и длиннее. Тимко прижался к матери, начал её тормошить, просил, чтоб она вставала, так как уже темнеет, и пора идти домой. Но напрасно: мать лежала неподвижно.

Тимко всматривался в лицо матери. Застывшее, почерневшее, оно казалось ему совсем чужим. Пятна крови на лице и на руках густо укрыли муравьи. И вдруг Тимко понял, что мать не спит, а умерла. Ему стало страшно. Он оцепенел. Над головой низко пролетела какая-то птица и пронзительно крикнула. Перепуганный Тимко встрепенулся и

начал отползать от матери. В бурьяне наткнулся на какую-то женщину. Она тоже была мёртвая, с почерневшим лицом.

Тимко поднялся и стал озиаться вокруг. Куда бы он ни глянул – везде лежали страшные, с перекошенными лицами люди. Тимку хотелось кричать, плакать, но грудь будто чем-то сдавило, как тогда, под кустом сирени, и он молчал.

Зажмурив глаза, Тимко выскочил из страшного круга мертвецов и во весь дух помчал в направлении посёлка.

Остановился он только тогда, когда добежал до первых домов. Вон и шахта, а рядом гора породы, под которой он каждый день играл с соседскими детьми. Уже совсем стемнело.

Тимко обошёл террикон и направился к своему дому. Но дома не было. На его месте дымились чёрные руины. На повисших деревянных стропилах вспыхивали, будто живые, жёлтые огоньки. Там, где был палисадник с цветами, торчали обугленные колья и обгоревшие кусты сирени.

По улице, недалеко от пожарища, медленно прохаживался часовой. Дойдя до переулка, он остановился, поднял голову и стал всматриваться в небо. Но вот часовой повернул назад, начал приближаться к Тимку. Уже хорошо было видно его одутловатое безусое лицо. «Это, наверное, тот, который стрелял в маму», – подумал Тимко. Детское сердце закипело гневом. Тимко вспомнились вдруг слова отца, сказанные ему на прощанье.

Недолго думая, он схватил твёрдый кусок породы, размахнулся, бросил в часового и попал. Немец испуганно вскрикнул, отскочил в сторону, пригнулся и несколько раз выстрелил. Где-то вблизи тоже начали стрелять. А Тимко был уже на другой улице.

Ночь укрыла землю. Тихо. Над посёлком в кружеве облаков купается круглая луна. Тимко вышел в степь и зашагал по дороге, которая вела к матери. Он уже почти дошёл до оврага, но повернул назад. Вернувшись в посёлок, отдохнул под стеной разрушенного дома и снова пошёл в степь. И так много раз. Тимко боялся приблизиться к страшному месту с мертвецами, он не мог успокоиться и всё время плакал. Ему очень хотелось быть около матери. Хотелось увидеть отца, чтобы рассказать ему, что он, Тимко, всё же отомстил за обиду... Хотелось встретить кого-нибудь живого, только где они, люди?..

Ночь укрыла всё густым мраком. Над молчаливой землёй плыла безразличная к людскому горю большая круглая луна и навевала сон.

1943

Бунин Иван Алексеевич

(1870–1953)

Иван Алексеевич Бунин – русский писатель и поэт, первый лауреат Нобелевской премии по литературе из России (1933 год). Родился Иван Бунин в небогатой дворянской семье 10 (22) октября 1870 года. Затем в биографии Бунина произошел переезд в имение Орловской губернии неподалеку от города Елец. Впервые стихи Бунина были опубликованы в 1888 году. Биография Ивана Алексеевича Бунина почти вся состоит из переездов, путешествий (Европа, Азия, Африка). В эмиграции Бунин активно продолжает заниматься литературной деятельностью, пишет лучшие свои произведения: «Митина любовь» (1924), «Солнечный удар» (1925), а также главный в жизни писателя роман – «Жизнь Арсеньева» (1927-1929, 1933), который приносит Бунину Нобелевскую премию в 1933 году.

Перед смертью писатель часто болел, но при этом не переставал работать и творить. В последние несколько месяцев жизни Бунин был занят работой над литературным портретом А.П.Чехова, но работа так и осталась незаконченной.

Умер Иван Алексеевич Бунин 8 ноября 1953 года. Его похоронили на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже.

Весной 1895 года Иван Бунин побыл в Святых горах. Под впечатлением написал рассказ «На Донце».

* * *

НА ДОНЦЕ

(отрывок)

Донец под Святыми Горами бистр и узок. Правый берег его возвышается почти отвесной стеной и тоже щетинится лесной чащей. Под ним-то и стоит белокаменная обитель с величавым, грубо раскрашенным собором посреди двора. Выше, на полугоре, белея в зелени леса, висят два меловых конуса, два серых утеса, за которыми ютится старинная церковка. А еще выше, уже на самом перевале, рисуется в небе другая.

С юга надвигалась туча, но весенний вечер был еще ясен и тепел.

Солнце медленно уходило за горы; широкая тень слалась по донцу от них. По каменному двору обители, мимо собора, я пошел к крытым галереям, что ведут в гору. В этот час пусто было в их бесконечных переходах. И чем выше подымался я, тем все более веяло на меня

суровой монастырской жизнью – от этих картинок, изображающих скиты и кельи отшельников с гробами вместо ночных лож, от этих печальных поучений, развешанных на стенах, даже от каждой стёртой и ветхой ступеньки. В полусумраке этих переходов чудились тени отошедших от мира сего иноков, строгих и молчаливых схимников...

Меня тянуло туда, к меловым серым конусам, к месту той пещеры, где в трудах и молитве, простой и возвышенный духом, проводил свои дни первый человек этих гор, та великая душа, которая полюбила горный гребет над Малым Танаисом. Дико и глухо было тогда в первобытных лесах, куда пришел святой человек. Лес бесконечно синел под ним. Лес глушил берега, и только река, одинокая и свободная, плескала и плескала своими холодными волнами под его навесом. И какая тишина царила кругом! Резкий крик птицы, треск сучьев под ногами дикой козы, хриплый хохот кукушки и сумеречное уханье филина – все гулко отдавалось в лесах. Ночью величавый мрак простирался над ними. По шороху и плеску воды угадывал инок, что вплавь переходят Донец люди. Молчаливо, как рать дьяволов, перебирались они через реку, шуршали по кустам и исчезали во мраке. Жутко тогда было в горной норе одинокому человеку, но до рассвета мерцала его свечечка и до рассвета звучали его молитвы. А утром, изнуренный ночными ужасами и бдением, но с светлым лицом, выходил он на божий день, на дневную работу, и опять коротко и тихо было в его сердце...

Глубоко внизу подо мною все тонуло в теплых сумерках, мелькали огни. Там уже начиналась сдержанно радостная тревога приготовлений к светлой заутрене. А здесь, за меловыми утесами, было тихо и еще брезжил свет зари. Птицы, живущие в трещинах скал и под карнизами церковки, реяли вокруг, визжа, как старый флюгер, и всплывали снизу и неслышно падали вниз, в сумрак, на своих мягких крыльях. Туча с юга заволокла все небо, вея теплотой дождя, весенней душистой грозы, и уже содрогалась от вспышек молний. Сосны горного обрыва сливались в темную опушку и чернели, как горб спящего зверя...

Я успел сходить и на вершину горы, в верхнюю церковку, нарушил шагами ее гробовую тишину. Монах, как привидение, стоял за ящиком со свечами. Два-три огонька чуть потрескивали... Поставил и я свою свечу за того, кто, слабый и преклонный летами, падал ниц в этом маленьком храме в те давние грозные ночи, когда костры осады пылали под стенами обители...

Утро было праздничное, жаркое; радостно, наперебой трезвонили над Донцом, над зелеными горами колокола, уносились туда, где в ясном воздухе стремилась к небу белая церковка на горном перевале. Говор гулом стоял над рекой, а на баркасе прибывало по ней в монастырь все больше и больше народу, все гуще пестрели праздничные малороссийские наряды. Я нанял лодку, и молоденькая хохлушка легко и быстро погнала ее против течения по прозрачной воде: Донца, в тени береговой зелени. И девичье личико, и солнце, и

тени, и быстрая речка – все было так прелестно в это милое утро...

Я побывал в скиту – там было тихо, и бледная зелень березок слабо шепталась, как на кладбище, – и стал взбираться в гору.

Взбираться было трудно. Нога глубоко тонула во мху, буреломе и мягкой прелой листве, гадюки то и дело быстро и упруго выскальзывали из-под ног. Зной, полный тяжелого смолистого аромата, неподвижно стоял под навесами сосен. Зато какая даль открылась подо мною, как хороша была с этой высоты долина, темный бархат ее лесов, как сверкали разливы Донца в солнечном блеске, какою горячею жизнью юга дышало все крутом! То-то, должно быть, дико-радостно билось сердце какого-нибудь воина полков Игоревых, когда, выскочив на хрипящем коне на эту высь, повисал он над обрывом, среди могучей чащи сосен, убегающих вниз!

А в сумерках я уже опять шагал в степи. Ветер ласково веял мне в лицо с молчаливых курганов. И, отдыхая на них, один-одинешенек среди ровных бесконечных полей, я опять думал о старине, о людях, почивающих в степных могилах под смутный шелест седого ковыля...

Вересаев Викентий Викентьевич

(1867-1945)

Викентий Викентьевич Вересаев (настоящая фамилия – Сми́дович) родился 4 (16) января 1867 года в Туле. Отец – Викентий Игнатьевич Смидович, дворянин, был врачом, основателем Тульской городской больницы и санитарной комиссии, одним из создателей Общества тульских врачей. Мать организовала в своём доме первый в Туле детский сад. Окончил Тульскую классическую гимназию (1884) и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1888 году. В 1894 году окончил медицинский факультет Дерптского университета и приступил в Туле к медицинской деятельности. Скоро переехал в Петербург, где в 1896-1901 годах работал ординатором и заведующим библиотекой в Городской барачной в память С.П.Боткина больнице, а в 1903 году поселился в Москве. В годы разочарований и пессимизма примыкает к литературному кружку легальных марксистов (П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановский, П.П.Маслов, Неведомский, Калмыкова и другие), входит в литературный кружок «Среда» и сотрудничает в журналах: «Новое слово», «Начало», «Жизнь». Русский писатель, переводчик, литературовед. Лауреат последней Пушкинской премии

(1919) и Сталинской премии первой степени (1943). В Первую мировую войну служил в качестве военного врача. Послереволюционное время провёл в Крыму. С 1921 года жил в Москве. В 1941 эвакуировался в Тбилиси. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Викентий Вересаев посещал Юзовку дважды. Будущий писатель побывал в Юзовке в студенческие годы в качестве медика-практиканта на руднике, где работал его брат-инженер. Он приезжал в 1890 году, чтобы написать восемь очерков под названием "Подземное царство" («Товарищ», «Под землей», «Запальщик», «В пути», «Шахтеры-мужики», «Перекасти-поле», «Праздник»). В своей работе писатель рассказал о рудниках Донецкого бассейна, где работал во время эпидемии холеры. Одна из его визитаций пришлась на самое яркое в ранней юзовской истории событие – холерный бунт.

В августе и сентябре 1892 года В.Вересаев работает врачом на Вознесенских рудниках, где возникла эпидемия холеры. Он сближается с шахтёрами, глубоко проникает в их проблемы.

* * *

ПОДЗЕМНОЕ ЦАРСТВО

(отрывки)

ПОД ЗЕМЛЕЙ

Скучные тут места! Безобразные здания шахт, ряды рабочих землянок, удушливый запах каменноугольного дыма: от зданий шахт под высокими деревянными эстакадами тянутся громадные отвалы угля и «пустой породы». Черная земля, черные дороги... На всем руднике – ни одного деревца, ни одного кустика; нет ни пруда, ни ручейка. Кругом, куда глаз хватает, – однообразная, выжженная солнцем степь.

В шесть часов утра далеко где-то раздается гудок, соседние рудники подхватывают его, и гудок проходит по всей бесконечной линии шахт. Рудник оживляется: подъемные машины вытаскивают из-под земли ночную смену; от зданий шахт расходятся во все стороны черные мокрые фигуры шахтеров сходящими лампочками. Собирается дневная смена. Раздается второй гудок, рабочие зажигают лампочки, по три, по четыре человека садятся в клеть и исчезают в шахте. Рабочие ночной смены завтракают и укладываются спать. На руднике снова становится безлюдно. Только стучат топоры плотников, строящих новую контору, да на эстакадах мелькают фигуры откатчиков; согнувшись и вытянув перед собой руки, они катят нагруженные углем вагончики и с грохотом опрокидывают их под отвалами.

В полдень на руднике опять раздается гудок. Рабочие вылезают обедать. Через час они уже снова под землей. В шесть часов вечера происходит смена. По подъездному пути приходит со станции поезд, оставляет пустые вагоны и увозит нагруженные. К девяти часам на руднике все смолкает. В тихой, душной ночи раздается только стук

подъемной машины и бесчисленные сверчки без умолку трещат вщелях стен. На горизонте стоит зарево от громадных коксовых печей соседнего рудника.

В больших сапогах и непромокаемых куртках мы с штейгером стояли на «приемном полку» шахты.

В черном отверстии ствола гудел канат. Рабочий принес нам лампочки. Шахтерская лампочка представляет небольшой чугунный резервуар, прикрепленный к цепочке с крючком; на цепочке укреплен щиток с надписью: «Бог в помощь!» Лампочка без стекла; горит в ней конопляное масло.

Внизу раздался звонок, канат пошел медленнее, и из отверстия шахты выплыла клеть с нагруженным вагончиком. Рабочий повернул рычаг, и клеть стала. Откатчик выдвинул вагончик и покати́л его поэстакаде.

Мы с штейгером взяли зажженные лампочки и вошли в клеть. Я попросил спускать себя так, как обыкновенно спускают рабочих.

— Ну, смотрите только, чтоб голова не закружилась— с улыбкой сказал штейгер. Рабочий дал «СВИСТОК».

Клеть дрогнула и начала медленно опускаться. Вскоре наверху исчез просвет, стало темно. Шахтерская лампочка чадит и коптит, по срубам игривыми струйками бежит вода. Клеть вдруг словно сорвалась со страшной быстротой полетела вниз; сверху слышен гул быстро развертывающегося каната; голована́чинает слегка кружиться; становится тяжело дышать; в ушах странно давит, словно уши ватой заложило. Вода бежит уже ручьями, как будто проливной дождь обда́ет нас сверху, холодные капли забираются под воротник и ползут по спине, Приходится прикрыть лампочку рукой, чтобы не погасла.

Клеть снова пошла медленнее. В срубе показалась дыра; тускло, как в тумане, замелькали чадящие огни шахтерских лампочек. Клеть стала, и мы сошли в камеру. В фантастическом свете лампочек лю́ди кажутся непомерно большими; блузы их мокры и перепачканы, лица черны; только чубы и белки глазарко вспыхивают. Они неохотно снимают шапки перед штейгером и с любопытством оглядывают меня.

Мы пробрались между вагончиками, загромождавшими камеру, и вошли в темный коридор, аршина в два высоты; это — «продольная», по которой идет рельсовый путь к стволу шахты. В воздухе было сыро, пахло сероводородом. Под ногами хлюпала вода, где-то совсем заливавшая путь; приходилось идти, низко нагнувшись.

Мы, спотыкаясь, брели по рельсам, Вдали послышался раскатывающийся гул, как будто что-то огромное с страшной быстротой мчалось на нас, В темноте замелькал свет, и мимо нас быстро прокатился нагруженный углем вагончик, подкатываемый сзади согнувшимся рабочим; лампочка его качалась напередке, Снова все стихло. Мертво и тихо. Только вдали где-то слышны глухие, редкие удары: то забойщики бьют в «печах» уголь, Лампочка бросает неверный,

колеблющийся свет на балки, подпирающие свод, играет искорками на выглядывающих из-за них породах. Взглянешь дальше – жутко: темь крошечная, непроглядная.

Мы снова отправились в путь. Привычный штейгер шел довольно свободно, чуть наклонив голову; но я не мог дождаться конца продольной: идешь, низко согнувшись, – спину ломит, колени дрожат.

Соблазнившись примером спутника, выпрямишься – и начнешь считать головой перекладыны, так что невольно принимаешь прежнюю позу.

Наконец мы свернули с продольной в «печь», ведущую к «лаве», где бьют уголь. Приходится ползти по норе, высотой в три четверти аршина: дорога идет круто в гору, так круто, что ползущий перед тобой человек находится уже на аршин выше тебя. Порода под ногами чрезвычайно крепкая и слоистая, скользкая, как паркет: по всему пути рассеяны острые кусочки угля. Попробуешь двигаться на четвереньках, – невыносимо больно бьешься спиной о шероховатый свод; начнешь ползти – рассеянные на пути камни дерут колени и руки.

Впереди опять мелькнул свет: мы прижались к стенам; по проходу быстро, как кошка, прополз на четвереньках рабочий, таща за собой на веревке нагруженные углем санки. Это – «саночник»; всю двенадцатичасовую упряжку он ползает взад и вперед по норе в двадцать пять сажен длины, отвозя на себе уголь в вагончики; человек обращается в четвероногое.

– Вот мы и в лаве. Перед нами – низкая широкая щель, свод которой подперт стойками; в воздухе стоит густой туман от угольной пыли; кое-где тускло горят лампочки, слышны тяжелые, глухие удары кайл. Забойщики по пояс голы; мускулистые плечи и спины испачканы и исцарапаны углем; лица, волосы, бороды – все черно, и только белки глаз странно белеют. Свод настолько низок, что сидя работать невозможно: рабочий бьет уголь лежа.

Мы присели отдохнуть. Возле меня, сидя на коленях и низко согнувшись, работал плотный забойщик с курчавой головой. Острое кайло его с размаху вонзилось в стену, во все стороны с силою разлетались мелкие осколки угля.

– О-ох! О-ох! – вырывалось у него с каждым ударом; глыбы угля сыпались к его ногам.

– Ведь ишь ворочает-то! – сказал штейгер, кивая на него, – небось целковых два выработает сегодня.

– Два... – угрюмо проворчал шахтер, – Без восьми гривен – и то хорошо бы.

– Без восьми? Эка ты, тетенька! Ну, хочешь, я тебе полтора целковых от себя заплачу, а там что у тебя – больше ли, меньше ли – это уж на меня пойдет. Желаеть так?

Зубы шахтера блеснули улыбкой из-под запачканного лица,

– По рукам: два с полтиной!

– Ага! – расхохотался штейгер, – Ишь, скажите, рубль двадцать! Шахтеры захохотали,

– Без восьми гривен! Он, брат, тоже. Пальца ему в зубы не клади!

– А много ли от этих денег останется! – по-прежнему угрюмо проговорил шахтер, свертывая папиросу.

– И очень просто: ничего и не останется, – сказал штейгер, – У Мироныча (кабатчика) небось уж теперь сердце вот как весело играет.

– Чего Мироныч? Не один тут Мироныч. А Чафонов-то, а Химыч? А Шлемзона-то позабыл? Поди-ка, понаведайся ко всем! – сердито возражал шахтер. Кругом хохотали: перечисленные лица были всекабатчики.

Саночники, между тем, нагрузили санки, приладили веревки и полезли в печь. Мы двинулись вслед за ними.

Карабкаться по печи вверх еще было более или менее сносно, но теперь, спускаясь вниз, я никак не мог приноровиться ползти: и на четвереньках попробуешь, и ползком... А проходу, кажется, конца нет. Наконец приспособился так: опираешься рукой и одним коленом в землю, другой ногой переступаешь, – и как-то странно скоро двигаешься, то и дело ударяясь головой о выступы свода.

Мы, наконец, добрались до продольной. Голова кружится. Несколько бревен из крепи и просвечивающий между ними искрящийся уголь заходили кругом. Пламя лампочки заканчивается длинной коптящей струей дыма, – невыразимо противный, масляный запах его бьет в нос: начинает тошнить. Я присел на кучу угля. Промок я еще при спуске в шахту: мокрая одежда, пропитанная угольной пылью, неприятно липла к телу.

– Что, господин, ай устали? – с легкой усмешкой спросил саночник.

– Устал.

– Устанешь тут, – проговорил он, взглянув в глубь печи.

– Да, тяжелая работа ваша.

– Да ведь, как же не тижолоя? Вот как работаешь, еле до квартиры иной раз доползешь. Не задаром копейку получаем.

Мы зашли еще в несколько забоев, дошли до другого конца шахты: здесь уголь был уже весь выработан и происходила «забутка» выработанных мест. Перед нами был откос, круто поднимавшийся вверх.

На расстоянии сажени один под другим сидели рабочие; нижний из них наклонялся, брал из лежащей перед ним кучи камень, разгибался, поднимал его на весу и, откидываясь назад, через голову передавал следующему: тот таким же образом передавал камень выше, а первый снова нагибался к куче.

Дело в том, что откос слишком крут, – наклон больше чем 50 градусов; никаких санок на такой откос не ввезешь, и практикуется способ подъема камней посредством живой человеческой цепи.

– Удивительное дело! – вполголоса заметил мне штейгер. –

Почему-то страшно глупеют люди при этой работе: положительно идиотами становятся.

Длинная цепь лампочек исчезла наверху в тумане пыли. Рабочие сгибались и разгибались медленно и ровно, как автоматы.

Мы пробыли в шахте еще около часу. Бесконечные, узкие норы, тусклый свет лампочек, 11-12-летние мальчишки, стоящие на сквозном ветру у вентиляционных дверей, голые, черные тела людей, мрак и сырость... Станным кажется, как подумаешь, что наверху теперь ярко светит солнце, что там сухо и тепло...

Когда я воротился домой, мне с полчаса пришлось мыться, чтобы отмыть насевшую копоть и угольную пыль.

* * *

ЗАПАЛЬЩИК

Я был у знакомого инженера на соседнем руднике и видел там за работой Захара Лобача.

Шла проходка новой шахты. Углубляют здесь шахты, взрывая динамитом; Захар Лобач был запальщиком, дело которого заключалось во взрывании динамитных патронов. Все было готово к спуску, и Захар сидел на приемном полку, покуривая папироску: я напрасно старался подметить на его лице хоть тень беспокойства или волнения. Немного прищурившись и оглядывая всех веселыми, ласковыми глазами, он разговаривал с верховым, как будто шел на самую обыкновенную работу.

Выкурив папиросу, Захар ощупал спички в кармане, взял под мышку заряженные динамитные патроны и стал в бадью. Верховой дал свисток; Захар исчез в черной глубине шахты.

Долгое время внизу все было тихо: слышались только редкие глухие удары кайла; я смотрел в ствол шахты, – там было темно, как в могиле. Прошло с четверть часа.

– Го-то-во-о-о?.. – глухо донеслось из глубины. Верховой дал сигнал машинисту; машинист положил руку на рычаг машины, готовый по первому знаку пустить ее в ход.

– Готово! – крикнул верховой.

– Па-ли-ить?

– Пали с богом!

В темной глубине мелькнул огонек, за ним другой, третий; раздался сильный удар сигнального молотка, верховой дал свисток, и машина заработала с отчаянной быстротой; канат загудел, как струна, и изстола быстро вылетела бадья с Захаром; он соскочил на землю. Через минуту раздались в глубине шахты один за другим три тяжелых, глухих взрыва, потрясшие землю.

В следующее воскресенье возвращался я в шарабане от знакомого помещика. Вечерело, но было по обыкновению жарко; по дороге, в неглубокой балке, я обогнал шедшего откуда-то Захара.

– Здравствуйте, ваше благородие! – ласково поклонился он мне.

– Домой идете? – спросил я.

– Домой.

– Садитесь, подвезу. (Дорога шла через рудник, где жил Захар).

– Ну спасибо, — сказал он и сел со мной,

Я разговорился с ним о его работе.

– Что ж работа? – сказал он, – Работа ничего, интересная. Для интересу народ и идет: 60-70 рублей в месяц заработаешь.

– А что, несчастья часто бывают при этих взрывах?

– Как вам сказать... Да, довольно бывает несчастий. Ведь динамит – он тоже шутить не любит.

Бывают несчастья.

– Ну, а с вами бывали они?

Захар улыбнулся.

– Да вот каков я перед вами сижу, – три раза за свой век был бит динамитом, в носилках несли; в шахту два раза падал, ребра одного в боку нет; сколько раз под обвалами двое, трое суток живал; догорят лампочки, есть нечего, отощажешь, холодно; чтоб согреться, начнешь вагончики катать. Всяко бывало.

Такое уж дело: лезешь в шахту, а душа тем временем у бога в закладе.

Он помолчал.

– Был я раньше стволовым, внизу у ствола шахты стоял. Сидим мы раз, папироски курим, А тут же неподалеку – динамит, порох. Запальщиком тогда у нас один итальянец был; встал он, идет запалить, папироску в зубах держит, Вдруг слышу я – запал; в ушах звон пошел, дух захватило, так ипокатился в сторону, ничего не помню... Очнулся я – лампочки все потухли, кругом, слышу, ойкают, темно. Окликаю — не отвечают, Кое-как добрался я до сигнала, дал знак наверх; вытащили. Зажгли огонь: штейгер, десятник прибежали, спустились. Видим – три человека ранены, а от остальных и неосталось ничего: так, где рука, где нога лежит, кровь везде... Похоронили их всех в общей могиле; один шахтер надпись сочинил: «Шахтерская братия».

Захар усмехнулся,

– «Братия»... Кто откуда: один туляк, другой чухонец, третий вон из каких стран, а теперь все братьями стали: кровью побратались...

Мы несколько времени ехали молча.

– Много, много несчастий бывает, – задумчиво повторил Захар.

– Сколько у меня тут приятелей побито, – числа-счета нет. Прошлой зимой брата родного убило. Палили они в продольной; зажгли нитки, отбежали за угол, все как следует; пошла пальба, стали они выстрелы считать... «Все»? – «Словнобы все»... Пришли, начали кайлами разбивать... Вдруг из угля выстрел – обсчитались одним. Взорвало...

Царь небесный! Брата моего насмерть убило, другого исковеркало всего на отделку, – и до сих пор в больнице валяется...

Он долго рассказывал о своих товарищах, разорванных в куски

динамитом, обожженных гремучим газом, погибших в обвалах шахт...

«Несимпатичный народ», – говорят про здешних шахтеров хозяева... Эти несимпатичные хозяевам люди гибнут десятками в мрачных проходах шахт, обогащая тех же хозяев.

Я видел впоследствии за работой многих запальщиков; они идут на свою страшную работу с ясным лицом, беззаботно посвистывая... Им не «жутко» в шахте, им ничего не «жутко»; это люди какой-то безумной, бешеной отваги, ставящие на карту жизнь из-за самого ничтожного пустяка, из-за ничего. Изудали они спускаются в шахту без бадьи, просто по разделам ствола, ежеминутно рискуя сорваться и полететь вниз: динамит они носят в карманах, как табак. На моих глазах был такой случай: к шахте подходил по подъездному пути поезд; какому-то шахтеру, спешившему на шахту, он перерезал путь: тот, недолго думая, нырнул под вагоны и невредимый выскочил из-под колес по ту сторону поезда. Всевидевшие ахнули, а шахтер, как ни в чем не бывало, продолжал свой путь. Конечно, поезд шел нескоро, но все-таки!..

Для любителей сильных ощущений небезынтересно было бы также посмотреть на работу крепильщиков, когда они «раскрепляют» в шахте выработанные места. Лес здесь дорог, и каждая новая стойка обходится руднику в 10 копеек; ввиду этого контора не скупится платить крепильщику по 4-5 копеек за каждую выбитую старую стойку, которая еще годится в дело. Работа эта очень опасная, потому что свод, лишенный подпоры, ежеминутно грозит обвалиться и придавить рабочего.

Начинает крепильщик с конца забоя. Обухом топора он выбивает стойки одна за другой и быстро отбрасывает назад, где саночники подбирают их и увозят прочь. За первым рядом стоек следует второй, третий; летят стойки, а впереди раскрепленный свод начинает уже рушиться: огромные глыбы камней с шумом и треском валятся сверху к ногам крепильщика; пыль стоит столбом; свод над головой начинает зловеще трещать и оседать. Иногда оставшиеся стойки не в состоянии выдержать тяжести свода, бревна ломаются, как сухие прутья, и все кругом начинает рушиться.

– Спасайся! – раздается крик крепильщика, и рабочие убегают...

Вот эти-то люди в случае больших общих несчастий, как, например, взрыв газов, первыми лезут в пылающую шахту спасать гибнущих товарищей.

Скажу еще два слова о Захаре Лобаче. Как я потом узнал, он погиб этою же осенью. Дело было так: углубляли шахту, и Захар с другим запальщиком спустились вниз. Машинист был не новичок, но при запалах ему работать еще не приходилось. Снизу дали сигнал. Тут произошло нечто странное: сознание необходимости как можно скорее пустить машину в ход, сознание громадной опасности от каждой секунды промедления вдруг отшибло у машиниста всю его опытность: он растерялся. Повернул рычаг, – показалось ему, что бадья идет вниз:

он нагнул рычаг в другую сторону,...

– На низ канат идет! Куда правишь?! – раздался испуганный крик верхового.

У машиниста опустились руки. Он с полминуты простоял неподвижно, с тупым ужасом глядя на машину; потом вдруг схватил рычаг и поставил его как следует; канат пошел вверх.

Внизу между тем происходило следующее; запальщики зажгли затравки, быстро сели в бадью и дали сигнал. Бадья стоит. Наконец медленно начала подниматься, – поднялась на сажень, постояла и опять пошла вниз, где, шипя и разбрасывая искры, уже догорали затравки... Что делать? Шахтеры соскочили и бросились вырывать затравки у патронов. Бадья опять стала подниматься; товарищ Захара вскочил в нее, но Захар не успел и мог только ухватиться руками за ее края; бадья с цеплявшимся за нее человеком помчалась вверх, как стрела.

Может быть, так бы и спасся Захар, но на половине пути поперечная перекладина суживала просвет ствола шахты: Захар со всего размаха ударился об эту перекладину, сорвался и с разбитой головой полетел вниз. Почти одновременно с этим, только товарищ Захара успел выпрыгнуть из бадьи, внизу гремели выстрелы... От Захара не осталось ни порошинки.

Машинист отказался от места. Хозяин рудника предлагал ему остаться, обещал даже прибавить жалованья, но тот не согласился и навсегда ушел из этих краев.

* * *

ШАХТЕРЫ-МУЖИКИ

Дни идут. Жара стоит невероятная; не верится, что только вторая половина мая. Яркое солнце режет глаза; душно; и ветер не освежает: дунет он – словно пахнет из жерла раскаленной печи. Пожелтевшая степь однообразно тянется во все стороны; на горизонте слабо зеленеют густые леса, блестит вода; подует ветер – леса колеблются и тают в воздухе, вода исчезает... Это марево. Сохнет трава, выгорают посевы. А с севера прибывают все новые и новые толпы косарей.

В рабочей колонии тихо и безлюдно. Я не знаю, можно ли себе представить что-нибудь унылее и однообразнее этой колонии. В голой степи тянется ряд полуземлянок с отлогими крышами и еле видными оконцами; нет ни клочка тени, нет ничего, что бы говорило о желании хоть немного скрасить жилище рабочего; все деловито-сухо и казенно. Придет воскресенье, работы прекращаются, но на руднике тихо по-прежнему; нет почти ни одного пьяного, нет веселья. Получка была на Святой, новая будет только на Троицу. Шахтеры заходят друг к другу в гости и вяло разговаривают, играют в орлянку и карты (с расплатой после получки); надоест – заваливаются спать и спят без просыпу весь день. Тоска смертная: вместо отдыха – вялая дремота. Работают всю неделю, чтобы дожидаться воскресенья, и протомятся воскресенье,

дожидаясь начала работы.

Тридцать лет уже стоит тут каменноугольное дело, добыванием угля занято до двадцати тысяч человек, ежегодная производительность края определяется более чем в сто миллионов пудов, – но постоянного, оседлого рабочего здесь нет и до настоящего времени. Большая часть шахтеров – пришлые из внутренних губерний, и живут они, словно на бивуаках, В этой сбродной массе пока еще мало общего: все бродит, ничего не установилось, только еще начинают вырисовываться самостоятельные типы, продукт новой здешней жизни.

Немалую часть шахтеров составляют серые деревенские мужики, пришедшие сюда с одной заботой — поправить свое распадающееся деревенское хозяйство. Больше всего их из Курской губернии, вообще дающей наибольший процент переселенцев и бродячих работников; затем следуют туляки (преимущественно белевцы), черниговцы, орловцы и др, Горькая нужда, земельная безурядица, кулаки-благодетели загнали их в здешние шахты, но мыслями они всегда дома. Мне часто приходилось тут писать или просматривать письма шахтеров на родину; в письмах этих поражала самая внимательная, мелочная заботливость обо всем, касающемся далекого деревенского хозяйства шахтера; он советует, где и как дешевле купить лошадь, напоминает о необходимости перекрыть сарай, заготовить к осени слеги и т. п. «Еще Ивану Матвееву господину Косикову», – прибавляет он, – «просим убедительно не теснить наших родителей долгом, мы в скором времени разоцтемся с благодарностью, за это об вас будем Богу молить за ваши благодетельства нас бедных людей». И вот он работает здесь в шахте, отказывает себе в самом необходимом; накопит нужную сумму денег – и уйдет отсюда, чтобы никогда больше не возвращаться.

Особенно интересовала меня здесь одна артель тамбовцев. Обыкновенная упряжка здесь двенадцать часов, – они работают шестнадцать; зарабатывают они много и живут очень скромно; после получки, во время всеобщего пьянства, они сложатся на ведро, разопьют его и больше уже не пьют. У каждого из них уже принакоплено рублей по 200-300. Неудобства здешней жизни они переносят равнодушно, потому что все это для них только временное, на что не стоит обращать внимания.

Но не все относятся к этому так равнодушно. Из жерл двух громадных печей пышет жаром; кочегар Исаенко сидит на приступочке, поглядывая на манометр котла, и чинит сапоги. Блуза его хотя и перепачкана углем и маслом, но сидит на нем очень аккуратно: вообще все в нем аккуратно – и черные усики, и гладко причесанные волосы, и вся фигура. Родом он из Курской губернии и уже шесть лет служит тут кочегаром. Ни у кого из здешних рабочих не встречал я такого глубокого отвращения к своей работе и такого страстного стремления вырваться отсюда на родину, сесть на землю: как в могиле томится Исаенко в своей дымной и душной кочегарке. Вечером он уходит в степь и бродит

по ней целыми часами: между местными хохлами-земледельцами у него много знакомых; вместе с ними он болит душой за выгорающие всходы, вместе с ними ждет не дождется дождя. Печаль его совсем бескорыстна, потому что лично для него, кочегара, решительно все равно, стоит ли засуха или нет. В то же время радости и печали шахтерской жизни нисколько не волнуют Исаенко: в этом отношении его печалит только то, что касается лично его, — например, сокращение платы; но и к этому он относится совершенно страдательно. Года два назад здесь была большая стачка (до 2000 человек); работы прекратились, стачечники никому не позволяли спускаться в шахты; начальствующие лица выехали с рудников. Исаенко в толпе других шахтеров явился к начальнику ближайшей железнодорожной станции с просьбой переписать их всех, как не принимавших участия в стачке. К своему брату-шахтеру он относится вежливо и сдержанно, но под этой сдержанностью чувствуется глубокая пропасть, разделяющая их друг от друга. О чем с ним ни заговори, он всегда сведет разговор на свою землю и на то, как хорошо у них в Курской губернии.

— Вы посмотрите, тут что такое: ни деревца нет, ни речки, каюты грязные, балаганы еще того грязней, ткнуться некуда. А у нас там хаты белые, чистые, кругом черешни растут, тополи; муравка на улицах... Хорошо!

— Отчего вы домой не возвращаетесь?

— Не с чем ворочаться: земля у меня в аренду сдана, ни хаты нет, ни инструменту. Вот зароблю тут рублей 500, тогда и хату построю, и лошадку заведу; жена моя в Белгороде в кухарках служит, — ее к себе потребую. А так что ворочаться? Все равно там придется в бараках жить.

Получает он в месяц 20 рублей: я его спрашивал, почему он не пойдет в шахтеры, — тогда бы он вырабатывал больше. Исаенко немного сконфузился.

— Спускался я в шахту, смотрел, — нет, жутко показалось: не гожусь в шахтера.

Наклевывалось ему кучерское место в Бахмуте: плата была хорошая — 150 руб. в год на хозяйских харчах. Пришел он, посмотрел, — оказывается, жить нужно будет в казарме с тридцатью рабочими.

«Нет, говорит, вы мне не господа, я вам не раб», — и ушел обратно.

Так вот и живет Исаенко на своих двадцати рублях в месяц: он знает немного сапожное ремесло и берет в починку шахтерские сапоги; это служит ему вспомогательным источником дохода.

«Жутко» в шахте далеко не одному Исаенко. Тут только видишь, как велика у нашего мужика любовь к «вольному воздуху». Грузят здесь, например, вагоны углем; работа эта очень нелегкая, труднее иной шахтерской; навалив уголь на носилки, рабочие бегом сходят с ними по колеблющимся доскам на площадку вагона; носилки тяжелые, пудов 8-10. Нередко бывает, что наймется мужик в грузчики на неделю, а

приходит за расчетом дня через три: тяжелые носилки протирают самые грубые руки, прорвавшиеся кровавые мозоли делают дальнейшую работу совершенно невозможной. И все-таки приходящие мужики предпочитают эту работу шахтерской: единственная причина, – что работать приходится на вольном воздухе.

Так же относятся к шахте и местные хохлы. Им-то, казалось бы, всего выгоднее было бы работать на шахте: живут близко, от семьи и от дома не оторваны; и главное – бедность самая горькая, зимой и весной питаются Бог знает чем. А на шахту они все-таки не идут. «Натура их не принадлежит к шахтерству», – объясняет кочегар Исаенко. «Непривычно», – отвечают сами хохлы.

Если хохол и работает в руднике, то исключительно «на поверхности», но и тут возьмет цену выше обыкновенной: одну и ту же работу в помещичьей экономии он возьмется делать за 40 коп., а на руднике – не меньше как за 60 коп.

– Что ж, тебе не все равно, где бревна-то таскать?

– Та як же так? – удивленно возражает он. – Тут же, бач, шахта!

* * *

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Если позднью осенью выйдешь здесь в поле, то в глаза бросается множество каких-то больших серых шаров, скачущих по молчаливой, безлюдной степи; шары катятся по ветру со страшной быстротой – на лошади не догонишь. Это – перекати-поле. Иногда шар застрянет в меже; овцы шарахаются от него в стороны, волы, тяжело дохнув, останавливаются и выпученными глазами неподвижно смотрят на шевелящийся шар. Дунет ветер – и шар поскачет дальше...

Таких «перекати-поле» среди шахтеров множество. Мало кто из рабочих, кроме семейных, засиживается долго на одном руднике. Чуть только повеет весной, появятся в поле жаворонки, – как шахтеры, чуя волю, начинают выходить в степь. Стает снег, зазеленеет трава – и они берут расчет. И начинается вплоть до осенней Казанской кочевка с одного рудника на другой; шахтеры ночуют в степи, поработают на руднике неделю-другую – идут дальше. Если год стоит урожайный, то хозяевам приходится плохо: рабочие бросают шахты и уходят на косовицу; наступает кризис... И только осенняя непогода снова загоняет шахтера в какой-нибудь рудник на всю зиму.

Однажды по дороге с почтовой станции меня застал сильный дождь. Я завернул в корчму, одиноко стоявшую у перекрестка. В темной низкой комнатке пахло винными парами; по стенам были прибиты портреты высоких особ и картинки с кровавыми сюжетами, вырезанные из одного журнальчика. Хохол-кабатчик дремал за стойкой. Я сел к столу и спросил себе пива. Народу в корчме было немного. Недалеко от стойки стоял, прислонясь к косяку окна, плотный,

широкоплечий шахтер с окладистой бородой, с гармоникой в руках: на затылке его была лихо заломлена старая соломенная шляпа с оборванными полями. В углу сидели четыре хохла, а перед ними стоял и говорил что-то высокий человек в обдерганном пиджаке, с красным лицом, слезящимися, сконфуженными глазками и жидкой бороденкой; он выглядел сильно подвыпившим.

Как только я сел, он сейчас же подошел ко мне и стал озабоченно рассказывать о каком-то ростовском купце, у которого приказчик выкрал любовницу; мимоходом сообщил о себе, что он – мещанин, родом из Полтавы и что уж пятый год работает здесь в шахтерах; затем стал говорить о каком-то наследстве, оставленном соседним кабатчиком.

– Ты что, голова, о чужом деле печалишься? – прервал его излияния шахтер с гармоникой.

– Чужое дело легко разводить. Ты свое-то разведи!

– Я свое разведу!

– Разведи! Дескать, Иван Петрович Марье Ивановне... Свое-то разведи!

– Да разведу свое! – возражал полтавец, сконфуженно хихикая. Шахтер повернулся на каблуках и пустил на своей гармонике залихватскую фиоритуру; чистые, резкие звуки так и посыпались, словно он с размаху пустил по комнате меру сухого гороху.

– Вот у нас тульский-то перехват какой! – подмигнул он мне. -

– Вы туляк сами? – спросил я.

– В Тульской губернии имения мои.

– Большие имения?

– У меня? — Он заломил шляпу и широко расставил руки.

– Вся Тульская губерния моя! Куда ни взгляните – все мое.

– Ей-Богу-с! В Туле три собственных дома есть – больница, полиция и острог. Да вот еще шляпа иностранная.

Он снял шляпу и махнул ею под носом полтавца.

– Видал, голова, шляпу аглицкую? Понюхай!

Полтавец засмеялся, для чего-то стащил свой картузишко, осмотрел его со всех сторон и, плюнув в сторону, быстро напялил на голову.

– Да ужь шляпа, что говорить! – сказал он, тряхнув головой.

– Давно вы в шахтерах тут? – спросил я владельца шляпы.

– Я-то?.. Да вы вот что, господин: поставьте вы мне бутылку пива хорошую, — я вот на это место сяду и все вам объясню.

– Ну, садитесь.

– Видал, голова, как господа-то нас уважают? – обратился он к полтавцу, садясь за стол.

– Ну, извольте послушать: время жительства моего в этой местности, или, просто сказать, тракте, – три года с половиной. За это время работал во французской компании, у господ Рыковских работал, у

Юза, у Иловецких, в Горловке... В брянцевских соляных копиях работал... Дай дух переведу! В Мариуполе пыльщиках состоял, в Севастополе хлеб на пароходы грузил, в Керчи – соль; на Лозовой крючником был... Довольно, ай нет?

– Довольно! – засмеялся я.

Он вздохнул.

– Я, милый человек мой, сам себе никак не могу угодить, а хозяину я всегда угожу. Везде, где я живу – всегда мною интересуются; на все руки: пекарем могу быть, поваром, сейчас коидорнымили дворником, – что угодно. Мороженое я такое могу сделать, – до завтра не растает, без льду, безвсего: называется масляное мороженое.

– Он хозяину угодит, – сказал полтавец. – В Славянске в кучерах служил, так от барских лошадейовес на сторону продавал: большое ему спасибо хозяин сказал. В Мариуполе тоже на рынке ненарокомчужие сапоги захватил...

– И не на рынке вовсе, а на Большой улице, – поправил шахтер, посмеиваясь в бороду, и почесал затылок. – Ишь сидят! – кивнул он на хохлов. – И глупый же народ – Боже ты мой! Только и знают: «був», «иго», «аже»... А спросите, чего на шахту не идут?

– Не привыкли, – сказал я.

– Не привыкли? Небось привыкнут! А ужь хозяева как бы ими довольны были: хохлу прикащик даст по зубам, — он только заворотит морду и побредет прочь; вот, как волы ихние:хватишь его поленомв бок, а он думает, что это ему ласка... Ну, а наш брат, из России, так, пожалуй, и сам сдачи даст; а нет, такуж все-таки прикащику полностью объяснит, на чем таком белый свет держится.

Дождь перестал. Я посидел еще немного, простился с собеседниками и отправился своей дорогой.

Гаршин Всеволод Михайлович

(1855–1888)

Всеволод Михайлович Гаршин родился 14 февраля 1855 года в имении Приятная Долина Бахмутского уезда Екатеринославской губернии (ныне с. Переездное Артёмовского района Донецкой области). Это была знатная дворянская семья. Род Гаршиных, по преданию, происходил от мурзы Гарши, выходца из Золотой орды. Детские годы Всеволода прошли в военной среде.

Сева рос очень развитым ребёнком. Он рано научился читать и уже на пятом году жизни сам читал книги. «Никогда, кажется, я не перечитал такой массы книг, как в три года жизни с отцом, от пяти – до восьмилетнего возраста», – вспоминал позже писатель.

С самого раннего детства Всеволод рос очень впечатлительным ребёнком. Поэтому зародившуюся в это время любовь к природе он сохранил на всю жизнь. В семье Гаршиных жил слуга – старый солдат Жуков, участник многих военных походов. Маленький Всеволод очень любил слушать его рассказы. Под их влиянием ещё в четыре года маленький писатель много раз собирался «в поход», на войну. Эти «сборы» не были для мальчика игрой, он тогда искренне верил в то, что может немедленно стать солдатом.

С 1864 года Гаршин учился в петербургской 7-й гимназии. В 1874 году он окончил гимназию и поступил в Горный институт. Но там он не закончил обучение: война с турками прервала его занятия. Он поступил добровольцем в армию, был ранен в ногу, а когда вышел в отставку, полностью посвятил себя литературе.

Первый его рассказ под названием «Четыре дня» был написан в 1876 году и сразу сделал писателя популярным. Гаршин написал достаточно рассказов и сказок для детей.

* * *

СКАЗКА «ATTALEAPRINCEPS»

В одном большом городе был ботанический сад, а в этом саду – огромная оранжерея из железа и стекла. Она была очень красива: стройные витые колонны поддерживали всё здание; на них опирались легкие узорчатые арки, переплетенные между собою целой паутиной железных рам, в которые были вставлены стекла.

Особенно хороша была оранжерея, когда солнце заходило и освещало ее красным светом. Тогда она вся горела, красные отблески играли и переливались, точно в огромном, мелко отшлифованном

драгоценном камне.

Сквозь толстые прозрачные стекла виднелись заключенные растения. Несмотря на величину оранжереи, им было в ней тесно. Корни переплелись между собою и отнимали друг у друга влагу и пищу. Ветви деревьев мешались с огромными листьями пальм, гнули и ломали их и сами, налегая на железные рамы, гнулись и ломались. Садовники постоянно обрезали ветви, подвязывали проволоками листья, чтобы они не могли расти, куда хотят, но это плохо помогало. Для растений нужен был широкий простор, родной край и свобода. Они были уроженцы жарких стран, нежные, роскошные создания; они помнили свою родину и тосковали о ней. Как ни прозрачна стеклянная крыша, но она не ясное небо. Иногда, зимой, стекла обмерзали; тогда в оранжерее становилось совсем темно. Гудел ветер, бил в рамы и заставлял их дрожать. Крыша покрывалась наметенным снегом. Растения стояли и слушали вой ветра и вспоминали иной ветер, теплый, влажный, дававший им жизнь и здоровье. И им хотелось вновь почувствовать его веянье, хотелось, чтобы он покачал их ветвями, поиграл их листьями. Но в оранжерее воздух был неподвижен; разве только иногда зимняя буря выбивала стекло, и резкая, холодная струя, полная инея, влетала под свод. Куда попадала эта струя, там листья бледнели, съеживались и увядали.

Но стекла вставляли очень скоро. Ботаническим садом управлял отличный учёный директор и не допускал никакого беспорядка, несмотря на то, что большую часть своего времени проводил в занятиях с микроскопом в особой стеклянной будочке, устроенной в главной оранжерее.

Была между растениями одна пальма, выше всех и красивее всех. Директор, сидевший в будочке, называл ее по-латыни *Attalea*! Но это имя не было её родным именем: его придумали ботаники. Родного имени ботаники не знали, и оно не было написано сажей на белой дощечке, прибитой к стволу пальмы. Раз пришёл в ботанический сад приезжий из той жаркой страны, где выросла пальма; когда он увидел ее, то улыбнулся, потому что она напомнила ему родину.

– А! – сказал он. – Я знаю это дерево. – И он назвал его родным именем.

– Извините, – крикнул ему из своей будочки директор, в это время внимательно разрезывавший бритвою какой-то стебелек, – вы ошибаетесь. Такого дерева, какое вы изволили сказать, не существует. Это – *Attalea princeps*, родом из Бразилии.

– О да, – сказал бразильянец, – я вполне верю вам, что ботаники называют ее – *Attalea*, но у неё есть и родное, настоящее имя.

– Настоящее имя есть то, которое дается наукой, – сухо сказал ботаник и запер дверь будочки, чтобы ему не мешали люди, не понимавшие даже того, что уж если что-нибудь сказал человек науки, так нужно молчать и слушаться.

А бразильянец долго стоял и смотрел на дерево, и ему становилось

всё грустнее и грустнее. Вспомнил он свою родину, ее солнце и небо, ее роскошные леса с чудными зверями и птицами, ее пустыни, ее чудные южные ночи. И вспомнил ещё, что нигде не бывал он счастлив, кроме родного края, а он объехал весь свет. Он коснулся рукою пальмы, как будто бы прощаясь с нею, и ушел из сада, а на другой день уже ехал на пароходе домой. А пальма осталась. Ей теперь стало ещё тяжелее, хотя и до этого случая было очень тяжело. Она была совсем одна. На пять сажен возвышалась она над верхушками всех других растений, и эти другие растения не любили её завидовали ей и считали гордою. Этот рост доставлял ей только одно горе; кроме того, что все были вместе, а она была одна, она лучше всех помнила свое родное небо и больше всех тосковала о нем, потому что ближе всех была к тому, что заменяло им его: к гадкой стеклянной крыше. Сквозь нее ей виднелось иногда что-то голубое: то было небо, хоть и чужое, и бледное, но все-таки настоящее голубое небо. И когда растения болтали между собою, Attalea всегда молчала, тосковала и думала только о том, как хорошо было бы постоять даже и под этим бледненьким небом.

– Скажите, пожалуйста, скоро ли нас будут поливать? – спросила саговая пальма, очень любившая сырость. – Я, право, кажется, засохну сегодня.

– Меня удивляют ваши слова, соседка, – сказал пузатый кактус. – Неужели вам мало того огромного количества воды, которое на вас выливают каждый день? Посмотрите на меня: мне дают очень мало влаги, а я все-таки свеж и сочен.

– Мы не привыкли быть чересчур бережливыми, – отвечала саговая пальма. – Мы не можем расти на такой сухой и дрянной почве, как какие-нибудь кактусы. Мы не привыкли жить как-нибудь. И кроме всего этого, скажу вам еще, что вас не просят делать замечания.

Сказав это, саговая пальма обиделась и замолчала.

– Что касается меня, – вмешалась корица, – то я почти довольна своим положением. Правда, здесь скучновато, но уж я, по крайней мере, уверена, что меня никто не обдерёт.

– Но ведь не всех же нас обдирали, – сказал древовидный папоротник. – Конечно, многим может показаться раем и эта тюрьма после жалкого существования, которое они вели на воле.

Тут корица, забыв, что её обдирали, оскорбилась и начала спорить. Некоторые растения вступились за неё, некоторые за папоротник, и началась горячая перебранка. Если бы они могли двигаться, то непременно бы подрались.

– Зачем вы ссоритесь? – сказала Attalea. – Разве вы поможете себе этим? Вы только увеличиваете свое несчастье злобою и раздражением. Лучше оставьте ваши споры и подумайте о деле. Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайте ветви, напирайте на рамы и стёкла, наша оранжерея рассыплется в куски, и мы выйдем на свободу. Если одна какая-нибудь ветка упрется в стекло, то, конечно, её отрежут, но

что сделают с сотней сильных и смелых стволов? Нужно только работать дружнее, и победа за нами.

Сначала никто не возражал пальме: все молчали и не знали, что сказать. Наконец саговая пальма решилась.

– Всё это глупости, – заявила она.

– Глупости! Глупости! – заговорили деревья, и все разом начали доказывать Attalea, что она предлагает ужасный вздор. – Несбыточная мечта! – кричали они.

– Вздор! Нелепость! Рамы прочны, и мы никогда не сломаем их, да если бы и сломали, так что ж такое? Придут люди с ножами и с топорами, отрубят ветви, заделают рамы и всё пойдет по-старому. Только и будет, что отрежут от нас целые куски...

– Ну, как хотите! – отвечала Attalea. – Теперь я знаю, что мне делать. Я оставлю вас в покое: живите, как хотите, ворчите друг на друга, спорьте из-за подачек воды и оставайтесь вечно под стеклянным колпаком. Я и одна найду себе дорогу. Я хочу видеть небо и солнце не сквозь эти решетки и стекла, – и я увижу!

И пальма гордо смотрела зеленой вершиной на лес товарищей, раскинутый под нею. Никто из них не смел ничего сказать ей, только саговая пальма тихо сказала соседке-цикаде:

– Ну, посмотрим, посмотрим, как тебе отрежут твою большую башку, чтобы ты не очень зазнавалась, гордячка!

Остальные хоть и молчали, но все-таки сердились на Attalea за ее гордые слова. Только одна маленькая травка не сердилась на пальму и не обиделась ее речами. Это была самая жалкая и презренная травка из всех растений оранжереи: рыхлая, бледненькая, ползучая, с вялыми толстенькими листьями. В ней не было ничего замечательного, и она употреблялась в оранжерее только для того, чтобы закрывать голую землю. Она обвивала собою подножие большой пальмы, слушала её, и ей казалось, что Attalea права. Она не знала южной природы, но тоже любила воздух и свободу.

Оранжерея и для нее была тюрьмой. «Если я, ничтожная, вялая травка, так страдаю без своего серенького неба, без бледного солнца и холодного дождя, то что должно испытывать в неволе это прекрасное и могучее дерево! – так думала она и нежно обвивалась около пальмы и ласкалась к ней. – Зачем я не большое дерево? Я послушалась бы совета. Мы росли бы вместе и вместе вышли бы на свободу. Тогда и остальные увидели бы, что Attalea права».

Но она была не большое дерево, а только маленькая и вялая травка. Она могла только ещё нежнее обвиться около ствола Attalea и прошептать ей свою любовь и желание счастья в попытке.

– Конечно, у нас вовсе не так тепло, небо не так чисто, дожди не так роскошны, как в вашей стране, но все-таки и у нас есть и небо, и солнце, и ветер. У нас нет таких пышных растений, как вы и ваши товарищи, с такими огромными листьями и прекрасными цветами, но и у нас растут

очень хорошие деревья: сосны, ели и берёзы. Я – маленькая травка и никогда не доберусь до свободы, но ведь вы так велики и сильны! Ваш ствол тверд, и вам уже недолго осталось расти до стеклянной крыши. Вы пробьете ее и выйдете на божий свет. Тогда вы расскажете мне, всё ли там так же прекрасно, как было. Я буду довольна и этим.

– Отчего же, маленькая травка, ты не хочешь выйти вместе со мною? Мой ствол твёрд и крепок: опирайся на него, ползи по мне. Мне ничего не значит снести тебя.

– Нет уж, куда мне! Посмотрите, какая я вялая и слабая: я не могу приподнять даже одной своей веточки. Нет, я вам не товарищ. Растите, будьте счастливы. Только прошу вас, когда выйдете на свободу, вспоминайте иногда своего маленького друга!

Тогда пальма принялась расти. И прежде посетители оранжереи удивлялись её огромному росту, а она становилась с каждым месяцем выше и выше. Директор ботанического сада приписывал такой быстрый рост хорошему уходу и гордился знанием, с каким он устроил оранжерею и вёл своё дело.

– Да-с, взгляните-ка на *Attalea princeps*, – говорил он. – Такие рослые экземпляры редко встречаются и в Бразилии. Мы приложили всё наше знание, чтобы растения развивались в теплице совершенно так же свободно, как и на воле, и, мне кажется, достигли некоторого успеха.

При этом он с довольным видом похлопывал твердое дерево своею тростью, и удары звонко раздавались по оранжерее. Листья пальмы вздрагивали от этих ударов. О, если бы она могла стонать, какой вопль гнева услышал бы директор!

«Он воображает, что я расту для его удовольствия, – думала *Attalea*. – Пусть воображает!..».

И она росла, тратя все соки только на то, чтобы вытянуться, и лишая их свои корни и листья. Иногда ей казалось, что расстояние до свода не уменьшается. Тогда она напрягала все силы. Рамы становились всё ближе и ближе, и наконец молодой лист коснулся холодного стекла и железа.

– Смотрите, смотрите, – заговорили растения, – куда она забралась! Неужели решится?

– Как она страшно выросла, – сказал древовидный папоротник.

– Что ж, что выросла! Эка невидаль! Вот если б она сумела растолстеть так, как я! – сказала толстая цикада, со стволом, похожим на бочку. – И чего тянется? Всё равно ничего не сделает. Решётки прочны, и стекла толсты.

Прошёл ещё месяц. *Attalea* подымалась. Наконец она плотно уперлась в рамы. Растить дальше было некуда. Тогда ствол начал сгибаться. Его листовая вершина скомкалась, холодные прутья рамы впились в нежные молодые листья, перерезали и изуродовали их, но дерево было упрямо, не жалело листьев, несмотря ни на что давило на решётки, и решётки уже подавались, хотя были сделаны из крепкого

железа. Маленькая травка следила за борьбой и замирала от волнения.

– Скажите мне, неужели вам не больно? Если рамы уж так прочны, не лучше ли отступить? – спросила она пальму.

– Больно? Что значит больно, когда я хочу выйти на свободу? Не ты ли сама ободряла меня? – ответила пальма.

– Да, я ободряла, но я не знала, что это так трудно. Мне жаль вас. Вы так страдаете.

– Молчи, слабое растение! Не жалея меня! Я умру или освобожусь!

И в эту минуту раздался звонкий удар. Лопнула толстая железная полоса. Посыпались и зазвенели осколки стёкол. Один из них ударил в шляпу директора, выходявшего из оранжереи.

– Что это такое? – вскрикнул он, вздрогнув, увидя летящие по воздуху куски стекла. Он отбежал от оранжереи и посмотрел на крышу. Над стеклянным сводом гордо высилась выпрямившаяся зелёная крона пальмы.

«Только-то? – думала она. – И это всё, из-за чего я томилась и страдала так долго? И этого-то достигнуть было для меня высочайшею целью?»

Была глубокая осень, когда Attalea выпрямила свою вершину в пробитое отверстие. Моросил мелкий дождик пополам со снегом; ветер низко гнал серые клочковатые тучи. Ей казалось, что они охватывают её. Деревья уже оголились и представлялись какими-то безобразными мертвецами. Только на соснах да на елях стояли тёмно-зелёные хвои. Угрюмо смотрели деревья на пальму: «Замерзнешь! – как будто говорили они ей. – Ты не знаешь, что такое мороз. Ты не умеешь терпеть. Зачем ты вышла из своей теплицы?». И Attalea поняла, что для неё всё было кончено. Она застывала. Вернуться снова под крышу? Но она уже не могла вернуться. Она должна была стоять на холодном ветре, чувствовать его порывы и острое прикосновение снежинок, смотреть на грязное небо, на нищую природу, на грязный задний двор ботанического сада, на скучный огромный город, видневшийся в тумане, и ждать, пока люди там, внизу, в теплице, не решат, что делать с нею.

Директор приказал спилить дерево.

– Можно бы надстроить над нею особенный колпак, – сказал он, – но надолго ли это? Она опять вырастет и всё сломает. И притом это будет стоить чересчур дорого. Спилить её!

Пальму привязали канатами, чтобы, падая, она не разбила стен оранжереи, и низко, у самого корня, перепилили её. Маленькая травка, обвивавшая ствол дерева, не хотела расстаться со своим другом и тоже попала под пилу. Когда пальму вытащили из оранжереи, на отрезе оставшегося пня валялись размозженные пилою, истерзанные стебельки и листья.

– Вырвать эту дрянь и выбросить, – сказал директор. – Она уже пожелтела, да и пила очень испортила её. Посадить здесь что-нибудь новое.

Один из садовников ловким ударом заступа вырвал целую охапку травы. Он бросил её в корзину, вынес и выбросил на задний двор, прямо на мертвую пальму, лежавшую в грязи и уже полусасыпанную снегом.

* * *

СКАЗКА О ЖАБЕ И РОЗЕ

Жили на свете роза и жаба. Розовый куст, на котором расцвела роза, рос в небольшом полукруглом цветнике перед деревенским домом. Цветник был очень запущен; сорные травы густо разрослись по старым, вросшим в землю клумбам и по дорожкам, которых уже давно никто не чистил и не посыпал песком. Деревянная решётка с колышками, обделанными в виде четырехгранных пик, когда-то выкрашенная зеленой масляной краской, теперь совсем облезла, рассохлась и развалилась; пики растащили для игры в солдаты деревенские мальчишки и, чтобы отбиваться от сердитого барбоса с компанией прочих собак, подходившие к дому мужики.

А цветник от этого разрушения стал нисколько не хуже. Остатки решётки заплели хмель, повилика с крупными белыми цветами и мышиный горошек, висевший целыми бледно-зелёными кучками, с разбросанными кое-где бледно-лиловыми кисточками цветов. Колющие чертополохи на жирной и влажной почве цветника (вокруг него был большой тенистый сад) достигали таких больших размеров, что казались чуть не деревьями. Жёлтые коровяки подымали свои усаженные цветами стрелки ещё выше их. Крапива занимала целый угол цветника; она, конечно, жглась, но можно было и издали любоваться её темною зеленью, особенно когда эта зелень служила фоном для нежного и роскошного бледного цветка розы.

Она распустилась в хорошее майское утро; когда она раскрывала свои лепестки, улетающая утренняя роса оставила на них несколько чистых, прозрачных слезинок. Роза точно плакала. Но вокруг неё всё было так хорошо, так чисто и ясно в это прекрасное утро, когда она в первый раз увидела голубое небо и почувствовала свежий утренний ветерок и лучи сиявшего солнца, проникавшего её тонкие лепестки розовым светом; в цветнике было так мирно и спокойно, что если бы она могла в самом деле плакать, то не от горя, а от счастья жить. Она не могла говорить; она могла только, склонив свою головку, разливать вокруг себя тонкий и свежий запах, и этот запах был её словами, слезами и молитвой.

А внизу, между корнями куста, на сырой земле, как будто прилипнув к ней плоским брюхом, сидела довольно жирная старая жаба, которая проохотилась целую ночь за червяками и мошками и под утро уселась отдыхать от трудов, выбрав местечко потенистее и посырее. Она сидела, закрыв перепонками свои жабыи глаза, и едва заметно дышала, раздувая грязно-серые бородавчатые и липкие бока и отставив одну безобразную лапу в сторону: ей было лень подвинуть её к брюху. Она не радовалась ни утру, ни солнцу, ни хорошей погоде; она уже наелась и

собралась отдыхать.

Но когда ветерок на минуту стихал и запах розы не уносился в сторону, жаба чувствовала его, и это причиняло ей смутное беспокойство; однако она долго ленилась посмотреть, откуда несётся этот запах.

В цветник, где росла роза и где сидела жаба, уже давно никто не ходил. Ещё в прошлом году осенью, в тот самый день, когда жаба, отыскав себе хорошую щель под одним из камней фундамента дома, собиралась залезть туда на зимнюю спячку, в цветник в последний раз зашёл маленький мальчик, который целое лето сидел в нём каждый ясный день под окном дома. Взрослая девушка, его сестра, сидела у окна; она читала книгу или шила что-нибудь и изредка поглядывала на брата. Он был маленький мальчик лет семи, с большими глазами и большой головой на худеньком теле. Он очень любил свой цветник (это был его цветник, потому что, кроме него, почти никто не ходил в это заброшенное местечко) и, придя в него, садился на солнышке, на старую деревянную скамейку, стоявшую на сухой песчаной дорожке, уцелевшей около самого дома, потому что по ней ходили закрывать ставни, и начинал читать принесённую с собой книжку.

– Вася, хочешь, я тебе брошу мячик? – спрашивает из окна сестра.
– Может быть, ты с ним побегаешь?

– Нет, Маша, я лучше так, с книжкой.

И он сидел долго и читал. А когда ему надоедало читать о Робинзонах, и диких странах, и морских разбойниках, он оставлял раскрытую книжку и забирался в чащу цветника. Тут ему был знаком каждый куст и чуть ли не каждый стебель. Он садился на корточки перед толстым, окружённым мохнатыми беловатыми листьями стеблем коровяка, который был втрое выше его, и подолгу смотрел, как муравьиный народ бежит вверх к своим королям – травяным тлям, как муравей деликатно трогает тонкие трубочки, торчащие у тлей на спине, и подбирает чистые капельки сладкой жидкости, показывавшиеся на кончиках трубочек. Он смотрел, как навозный жук хлопотливо и усердно тащит куда-то свой шар, как паук, раскинув хитрую радужную сеть, сторожит мух, как ящерица, раскрыв тупую мордочку, сидит на солнце, блестя зелёными щитиками своей спины; а один раз, под вечер, он увидел живого ежа! Тут и он не мог удержаться от радости и чуть было не закричал и не захлопал руками, но боясь спугнуть колючего зверька, притаил дыхание и, широко раскрыв счастливые глаза, в восторге смотрел, как тот, фыркая, обнюхивал своим свиным рыльцем корни розового куста, ища между ними червей, и смешно перебирал толстенькими лапами, похожими на медвежьи.

– Вася, милый, иди домой, сыро становится, – громко сказала сестра. И ёжик, испугавшись человеческого голоса, живо надвинул себе на лоб и на задние лапы колючую шубу и превратился в шар. Мальчик тихонько коснулся его колючек; зверёк ещё больше съежился и глухо и

торопливо запыхтел, как маленькая паровая машина. Потом он немного познакомился с этим ёжиком. Он был такой слабый, тихий и кроткий мальчик, что даже разная звериная мелкота как будто понимала это и скоро привыкала к нему. Какая была радость, когда ёж попробовал молока из принесённого хозяином цветника блюдечка!

В эту весну мальчик не мог выйти в свой любимый уголок. По-прежнему около него сидела сестра, но уже не у окна, а у его постели; она читала книгу, но не для себя, а вслух ему, потому что ему было трудно поднять свою исхудалую голову с белых подушек и трудно держать в тощих руках даже самый маленький томик, да и глаза его скоро утомлялись от чтения. Должно быть, он уже больше никогда не выйдет в свой любимый уголок.

– Маша! – вдруг шепчет он сестре.

– Что, милый?

– Что, в садике теперь хорошо? Розы расцвели?

Сестра наклоняется, целует его в бледную щеку и при этом незаметно стирает слезинку.

– Хорошо, голубчик, очень хорошо. И розы расцвели. Вот в понедельник мы пойдём туда вместе. Доктор позволит тебе выйти.

Мальчик не отвечает и глубоко вздыхает. Сестра начинает снова читать.

– Уже будет. Я устал. Я лучше посплю.

Сестра поправила ему подушки и белое одеяльце, он с трудом повернулся к стенке и замолчал. Солнце светило сквозь окно, выходявшее на цветник, и кидало яркие лучи на постель и на лежавшее на ней маленькое тельце, освещая подушки и одеяло и золотя коротко стриженные волосы и худенькую шею ребёнка.

Роза ничего этого не знала; она росла и красовалась; на другой день она должна была распуститься полным цветом, а на третий начать вянуть и осыпаться. Вот и вся розовая жизнь! Но и в эту короткую жизнь ей довелось испытать немало страха и горя.

Её заметила жаба.

Когда она в первый раз увидела цветок своими злыми и безобразными глазами, что-то странное зашевелилось в жабьем сердце. Она не могла оторваться от нежных розовых лепестков и всё смотрела и смотрела. Ей очень понравилась роза, она чувствовала желание быть поближе к такому душистому и прекрасному созданию. И чтобы выразить свои нежные чувства, она не придумала ничего лучше таких слов:

– Постой, – прохрипела она, – я тебя слопаю!

Роза содрогнулась. Зачем она была прикреплена к своему стебельку? Вольные птички, щебетавшие вокруг неё, перепрыгивали и перелетали с ветки на ветку; иногда они уносились куда-то далеко, куда – не знала роза. Бабочки тоже были свободны. Как она завидовала им! Будь она такою, как они, она вспорхнула бы и улетела от злых глаз,

преследовавших ее своим пристальным взглядом. Роза не знала, что жабы подстерегают иногда и бабочек.

– Я тебя слопаю! – повторила жаба, стараясь говорить как можно нежнее, что выходило еще ужаснее, и переползла поближе к розе.

– Я тебя слопаю! – повторила она, все глядя на цветок.

И бедное создание с ужасом увидело, как скверные липкие лапы цепляются за ветви куста, на котором она росла. Однако жабе лезть было трудно: её плоское тело могло свободно ползать и прыгать только по ровному месту. После каждого усилия она глядела вверх, где качался цветок, и роза замирала.

– Господи! – молилась она, – хоть бы умереть другою смертью!

А жаба всё карабкалась выше. Но там, где кончались старые стволы и начинались молодые ветви, ей пришлось немного пострадать. Тёмно-зеленая гладкая кора розового куста была вся усажена острыми и крепкими шипами. Жаба переколола себе о них лапы и брюхо и, окровавленная, свалилась на землю. Она с ненавистью посмотрела на цветок...

– Я сказала, что я тебя слопаю! – повторила она.

Наступил вечер; нужно было подумать об ужине, и раненая жаба поплелась подстерегать неосторожных насекомых. Злость не помешала ей набить себе живот, как всегда; её царапины были не очень опасны, и она решилась, отдохнув, снова добираться до привлекавшего её и ненавистного ей цветка.

Она отдыхала довольно долго. Наступило утро, прошёл полдень, роза почти забыла о своем враге. Она совсем уже распустилась и была самым красивым созданием в цветнике. Некому было прийти полюбоваться ею: маленький хозяин неподвижно лежал на своей постельке, сестра не отходила от него и не показывалась у окна. Только птицы и бабочки сновали около розы, да пчёлы, жужжа, садились иногда в её раскрытый венчик и вылетали оттуда, совсем косматые от желтой цветочной пыли. Прилетел соловей, забрался в розовый куст и запел свою песню. Как она была не похожа на хрипение жабы! Роза слушала эту песню и была счастлива: ей казалось, что соловей поёт для нее, а может быть, это была и правда. Она не видела, как её враг незаметно взбирался на ветки. На этот раз жаба уже не жалела ни лапок, ни брюха: кровь покрывала её, но она храбро лезла все вверх – и вдруг, среди звонкого и нежного рокота соловья, роза услышала знакомое хрипение:

– Я сказала, что слопаю, и слопаю!

Жабы глаза пристально смотрели на неё с соседней ветки. Злому животному оставалось только одно движение, чтобы схватить цветок. Роза поняла, что погибает...

Маленький хозяин уже давно неподвижно лежал на постели. Сестра, сидевшая у изголовья в кресле, думала, что он спит. На коленях у неё лежала развернутая книга, но она не читала её. Понемногу её усталая голова склонилась: бедная девушка не спала несколько ночей,

не отходя от больного брата, и теперь слегка задремала.

– Маша, – вдруг прошептал он.

Сестра встрепенулась. Ей приснилось, что она сидит у окна, что маленький брат играет, как в прошлом году, в цветнике и зовет её. Открыв глаза и увидев его в постели, худого и слабого, она тяжело вздохнула.

– Что милый?

– Маша, ты мне сказала, что розы расцвели! Можно мне... одну?

– Можно, голубчик, можно! – Она подошла к окну и посмотрела на куст. Там росла одна, но очень пышная роза.

– Как раз для тебя распустилась роза, и какая славная! Поставить тебе её сюда на столик в стакане? Да?

– Да, на столик. Мне хочется.

Девушка взяла ножницы и вышла в сад. Она давно уже не выходила из комнаты; солнце ослепило её, и от свежего воздуха у неё слегка закружилась голова. Она подошла к кусту в то самое мгновение, когда жаба хотела схватить цветок.

– Ах, какая гадость! – вскрикнула она.

И схватив ветку, она сильно трянула её: жаба свалилась на землю и шлепнулась брюхом. В ярости она было прыгнула на девушку, но не могла подскочить выше края платья и тотчас далеко отлетела, отброшенная носком башмака. Она не посмела попробовать ещё раз и только издали видела, как девушка осторожно срезала цветок и понесла его в комнату.

Когда мальчик увидел сестру с цветком в руке, то в первый раз после долгого времени слабо улыбнулся и с трудом сделал движение худенькой рукой.

– Дай её мне, – прошептал он. – Я понюхаю.

Сестра вложила стебелёк ему в руку и помогла подвинуть её к лицу. Он вдыхал в себя нежный запах и, счастливо улыбаясь, прошептал:

– Ах, как хорошо...

Потом его личико сделалось серьезным и неподвижным, и он замолчал... навсегда.

Роза, хотя и была срезана прежде, чем начала осыпаться, чувствовала, что её срезали даром. Её поставили в отдельном бокале у маленького гробика. Тут были целые букеты и других цветов, но на них, по правде сказать, никто не обращал внимания, а розу молодая девушка, когда ставила её на стол, поднесла к губам и поцеловала. Маленькая слезинка упала с её щеки на цветок, и это было самым лучшим происшествием в жизни розы. Когда она начала вянуть, её положили в толстую старую книгу и высушили, а потом, уже через много лет, подарили мне. Потому-то я и знаю всю эту историю.

Горбатов Борис Леонтьевич

(1908–1954)

Соавтор сценариев к телефильмам «Это было в Донбассе», «Непокорённые» и «Донецкие шахтёры», один из создателей объединения пролетарских писателей Донбасса «Забой», отец знаменитого романа «Донбасс» – родом с Луганщины. Большую часть жизни провёл в Москве, где и похоронен на Новодевичьем кладбище. Но и в нашем крае, а именно в Артёмовске (тогда – Бахмут) – провёл немало времени. Здесь Борис Леонтьевич окончил школу, нашёл своё призвание, начал печататься. В 14 лет он уже был рабкором губернской «Кочегарки». Некоторое время трудился строгальщиком по металлу на Краматорском заводе, а потом с головой ушёл в журналистику. Первые повести и роман («Наш город») Горбатов создал на донецкой земле.

Родился 2 (15) июля 1908 года на Петромарьевском руднике (ныне Первомайск Луганской области Украины), в еврейской семье. В детстве поступил учеником строгальщика на Краматорский завод в Донбассе, затем стал рабкором.

Дебютировал в 1922 году рассказом «Сытые и голодные», который был напечатан в губернской газете «Всесоюзная кочегарка», после чего был приглашён в эту газету журналистом. Один из создателей Объединения пролетарских писателей Донбасса «Забой». Как его представитель вошёл в руководство ВАПП и в 1926 году переселился в Москву. В 1930-х был корреспондентом газеты «Правда» в Арктике.

Во время Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом. «Письма к товарищу» (1941-1944), по оценке К.М.Симонова, «вершина публицистики военных лет». Секретарь СП СССР. Депутат ВС РСФСР с 1946 года. Член ВКП(б) с 1930 года. Входил в художественный совет Министерства кинематографии.

Б.Л. Горбатов умер 20 января 1954 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Автор романов: «Алексей Гайдаш» (неокончен), «Наш город» (1930), «Ячейка» (1928); повестей: «Алексей Куликов, боец...» (1942), «Моё поколение» (1933), «Непокорённые» (1943); пьес: «Закон зимовки», «Одна ночь», «Юность отцов». Задуманный Горбатовым многотомный роман «Донбасс» (1-й том, 1951), в котором он возвращается к теме 1930-х годов и стахановского движения, остался незаконченным.

НЕПОКОРЕННЫЕ

(отрывки)

Проходили обозы, повозки с сеном и пустыми патронными ящиками, Санитарные двуколки, квадратные домики радиостанций; тяжело ступали заморенные кони; держась за лафеты пушек, брели серые от пыли солдаты – все на восток, все на восток, мимо Острой Могилы, на Краснодон, на Каменск, за Северный Донец... Проходили и исчезали без следа, словно их проглатывала зеленая и злая пыль...

Только один человек у Острой Могилы был с виду спокоен в этот июльский день 1942 года – старый Тарас Яценко. Он стоял, грузно опершись на палку, и тяжелым, неподвижным взглядом смотрел на все, что творилось вокруг. Ни слова не произнес за целый день. Потухшими глазами из-под седых насупленных бровей глядел он, как в тревоге корчится и мечется дорога. И со стороны казалось – был этот каменный человек равнодушно чужд всему, что совершалось.

Уже в сумерках вернулся Тарас к себе на Каменный Брод. Он прошел через весь город и не узнал его. Город опустел и затих. Был он похож на квартиру из которой поспешно выехали. Обрывки проводов болтались на телеграфных столбах. Было много битого стекла на улицах. Пахло гарью, и в воздухе тучей носился пепел сожженных бумаг и оседал на крыши...

Двери были на запоре, ставни плотно закрыты. Дневной свет скупо струился сквозь щели и дрожал на полу. Ничего не было на земле – ни войны, ни немцев. Запах мышей в чулане, квашни на кухне, железа и сосновой стружки в комнате Тараса...

Целые дни проводил он теперь один, у себя в комнате: строгал, пилил, клеил. Он привык всю жизнь мастерить вещи, – паровозные колеса или ротные минометы, все равно. Он не мог жить без труда, как иной не может жить без табака. Труд был потребностью его души, привычкой, страстью. Но теперь никому не нужны были золотые руки Тараса, не для кого было мастерить колеса и минометы, а бесполезные вещи он делать не умел...

Жить было невозможно.

На семью Тараса еще не обрушился топор немцев.

Никого не убили из близких. Никого не замучили. Не угнали. Не обобрали. Еще ни один немец не побывал в старом домике в Каменном Броде. А жить было невозможно...

Как жить? От этого вопроса нельзя было отмахнуться. Нельзя было сказать себе: «Нас это не касается». Перед каждым человеком в городе вставал вопрос: как жить, что делать? И каждый человек должен был сам его решить для себя и для своей совести...

Немцы теперь часто бывали в домике Тараса. Через город на фронт под Сталинград сплошным потоком шли колонны.

Останавливались на короткий отдых, на ночь, иногда на день.

Немцы были хмурые, злые. Он боялись степи. Они боялись самого слова «Сталинград» и произносили его неохотно, редко. По ночам они вздыхали, ворочались, бредили во сне. Однажды Тарас услышал даже, как немец плакал.

В эти дни Марийка редко выходила на улицу, сидела в уголке на своей скамеечке, подперев кулачками подбородок, и думала. Вся душа ее была в кровавых рубцах. По ночам с ней часто случались странные припадки – припадки страха. Она начинала кричать, плакать, метаться в постельке, ей мерещились ужасы, кровь, девочка из сундука. Она успокаивалась только на руках Тараса. Он один мог успокоить её, словно от него исходила какая-то спокойная, уверенная сила. Марийка прижималась к груди старика и, цепко охватив ручонками его плечи, засыпала.

Он бережно клал её в постельку, садился рядом на табурет и так сидел часами.

Все можно залечить, восстановить, поправить, думал он, глядя на сведенное в больной гримаске лицо девочки. Война кончится, и все раны зарубцуются, все заводы отстроятся, вся жизнь обновится. Но чем вылечить окровавленную, искалеченную, оскорбленную душу ребенка? – Где же вы, сыновья мои? Где вы?..

Куприн Александр Иванович

(1870–1938)

Александр Иванович Куприн родился 26 августа (7 сентября) 1870 года в уездном городе Наровчате (ныне Пензенская область) в семье чиновника, потомственного дворянина Ивана Ивановича Куприна. В шесть лет мальчик был отдан в Московский Разумовский пансион (сиротский), откуда вышел в 1880 году. В том же году поступил во Второй Московский кадетский корпус. В 1887 году был выпущен в Александровское военное училище. Впоследствии опишет свою «военную юность» в повестях «На переломе (Кадеты)» и в романе «Юнкера». Первым литературным опытом Куприна были стихи, оставшиеся неопубликованными. Первое произведение, увидевшее свет, – рассказ «Последний дебют» (1889). В 1890 году Куприн в чине подпоручика был выпущен в 46-й Днепровский пехотный полк, стоявший в Подольской губернии (в Проскурове). Офицерская жизнь, которую он вёл в течение четырёх лет, дала богатый материал для его будущих произведений. В 1893-1894 годах в

петербургском журнале «Русское богатство» вышли его повесть «Впотьмах», рассказы «Лунной ночью» и «Дознание». На армейскую тему у Куприна несколько рассказов: «Ночлег» (1897), «Ночная смена» (1899), «Поход». В августе 1894 года Куприн выходит в отставку и отправляется в странствование по югу России. На киевских пристанях разгружает баржи с арбузами, в Киеве организует атлетическое общество, в 1896 году несколько месяцев работает на одном из заводов Донбасса, на Волыни служит лесным объездчиком, управляющим имением, псаломщиком, занимается зубоврачебным делом, играет в провинциальной труппе, работает землемером, сближается с артистами цирка. Запас наблюдений Куприна дополняется упорным самообразованием и чтением. Именно в эти годы Куприн становится профессиональным литератором, постепенно публикуя свои произведения в различных газетах. В 1896 году была напечатана повесть "Молох", основанная на донецких впечатлениях.

* * *

ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР

Следующий рассказ не есть плод досужего вымысла. Все описанное мною действительно произошло в Киеве лет около тридцати тому назад и до сих пор свято, до мельчайших подробностей, сохраняется в преданиях того семейства, о котором пойдет речь. Я, с своей стороны, лишь изменил имена некоторых действующих лиц этой трогательной истории да придал устному рассказу письменную форму.

— Гриш, а Гриш! Гляди-ка, поросенок-то... Смеется... Да-а. А во рту-то у него!.. Смотри, смотри... травка во рту, ей-богу, травка!.. Вот штука-то!

И двое мальчуганов, стоящих перед огромным, из цельного стекла, окном гастрономического магазина, принялись неудержимо хохотать, толкая друг друга в бок локтями, но невольно приплясывая от жестокой стужи. Они уже более пяти минут торчали перед этой великолепной выставкой, возбуждавшей одинаковой степени их умы и желудки. Здесь, освещенные ярким светом висящих ламп, возвышались целые горы красных крепких яблоков и апельсинов; стояли правильные пирамиды мандаринов, нежно золотившихся сквозь окутывающую их папиросную бумагу; протянулись на блюдах, уродливо разинув рты и выпучив глаза, огромные копченые и маринованные рыбы; ниже, окруженные гирляндами колбас, красовались сочные разрезанные окорока с толстым слоем розоватого сала... Бесчисленное множество баночек и коробочек с солеными, вареными и копчеными закусками довершало эту эффектную картину, глядя на которую оба мальчика на минуту забыли о двенадцатиградусном морозе и о важном поручении, возложенном на них матерью, — поручении, окончившемся так неожиданно и так плачевно.

Старший мальчик первый оторвался от созерцания очаровательного зрелища. Он дернул брата за рукав и произнес сурово:

– Ну, Володя, идем, идем... Нечего тут...

Одновременно подавив тяжелый вздох (старшему из них было только десять лет, и к тому же оба с утра ничего не ели, кроме пустых щей) и кинув последний влюбленно-жадный взгляд на гастрономическую выставку, мальчуганы торопливо побежали по улице. Иногда сквозь запотевшие окна какого-нибудь дома они видели елку, которая издали казалась громадной гроздью ярких, сияющих пятен, иногда они слышали даже звуки веселой польки... Но они мужественно гнали от себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на несколько секунд и прильнуть глазком к стеклу.

По мере того как шли мальчики, все малолюднее и темнее становились улицы. Прекрасные магазины, сияющие елки, рысаки, мчавшиеся под своими синими и красными сетками, визг полозьев, праздничное оживление толпы, веселый гул окриков и разговоров, разбуряемые морозом смеющиеся лица нарядных дам – все осталось позади. Потянулись пустыри, кривые, узкие переулки, мрачные, неосвещенные косогоры... Наконец они достигли покосившегося ветхого дома, стоявшего особняком; низ его – собственно подвал – был каменный, а верх – деревянный. Обойдя тесным, обледенелым и грязным двором, служившим для всех жильцов естественной помойной ямой, они спустились вниз, в подвал, прошли в темноте общим коридором, отыскивали ощупью свою дверь и отворили ее.

Уже более года жили Мерцаловы в этом подземелье. Оба мальчугана давно успели привыкнуть и к этим закоптелым, плачущим от сырости стенам, и к мокрым отрезкам, сушившимся на протянутой через комнату веревке, и к этому ужасному запаху керосинового чада, детского грязного белья и крыс – настоящему запаху нищеты. Но сегодня, после всего, что они видели на улице, после этого праздничного ликования, которое они чувствовали повсюду, их маленькие детские сердца сжались от острого, недетского страдания. В углу, на грязной широкой постели, лежала девочка лет семи; её лицо горело, дыхание было коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящие глаза смотрели пристально и бесцельно. Рядом с постелью, в люльке, привешенной к потолку, кричал, морщась, надрываясь и захлебываясь, грудной ребенок. Высокая, худая женщина, с изможденным, усталым, точно почерневшим от горя лицом, стояла на коленях около больной девочки, поправляя ей подушку и в то же время не забывая подталкивать локтем качающуюся колыбель. Когда мальчики вошли и следом за ними стремительно ворвались в подвал белые клубы морозного воздуха, женщина обернула назад свое встревоженное лицо.

– Ну? Что же? – спросила она отрывисто и нетерпеливо.

Мальчики молчали. Только Гриша шумно вытер нос рукавом своего пальто, переделанного из старого ватного халата.

– Отнесли вы письмо?.. Гриша, я тебя спрашиваю, отдал ты письмо?

– Отдал, – сиплым от мороза голосом ответил Гриша,

– Ну, и что же? Что ты ему сказал?

– Да все, как ты учила. Вот, говорю, от Мерцалова письмо, от вашего бывшего управляющего. А он нас обругал: «Убирайтесь вы, говорит, отсюда... Сволочи вы...».

– Да кто же это? Кто же с вами разговаривал?.. Говори толком, Гриша!

– Швейцар разговаривал... Кто же еще? Я ему говорю: "Возьмите, дяденька, письмо, передайте, а я здесь внизу ответа подожду". А он говорит: "Как же, говорит, держи карман... Есть тоже у барина время ваши письма читать..."

– Ну, а ты?

– Я ему все, как ты учила, сказал: "Есть, мол, нечего... Машутка больна... Помирает..." Говорю: "Как папа место найдет, так отблагодарит вас, Савелий Петрович, ей-богу, отблагодарит". Ну, а в это время звонок как зазвонит, как зазвонит, а он нам и говорит: "Убирайтесь скорее отсюда к черту! Чтобы духу вашего здесь не было!.." А Володьку даже по затылку ударил.

– А меня он по затылку, – сказал Володя, следивший со вниманием за рассказом брата, и почесал затылок.

Старший мальчик вдруг принялся озабоченно рыться в глубоких карманах своего халата. Вытащив наконец оттуда измятый конверт, он положил его на стол и сказал:

– Вот оно, письмо-то...

Больше мать не расспрашивала. Долгое время в душной, промозглой комнате слышался только неистовый крик младенца да короткое, частое дыхание Машутки, больше похожее на непрерывные однообразные стоны. Вдруг мать сказала, обернувшись назад:

– Там борщ есть, от обеда остался... Может, поели бы? Только холодный, – разогреть-то нечем...

В это время в коридоре слышались чьи-то неуверенные шаги и шуршание руки, отыскивающей в темноте дверь. Мать и оба мальчика – все трое даже побледнев от напряженного ожидания – обернулись в эту сторону.

Вошел Мерцалов. Он был в летнем пальто, летней войлочной шляпе и без калош. Его руки взбухли и посинели от мороза, глаза провалились, щеки облипли вокруг десен, точно у мертвеца. Он не сказал жене ни одного слова, она ему не задала ни одного вопроса. Они поняли друг друга по тому отчаянию, которое прочли друг у друга в глазах.

В этот ужасный, роковой год несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала он сам заболел брюшным тифом, и на его лечение ушли все их скудные сбережения. Потом, когда он поправился, он узнал, что его место, скромное место управляющего домом на двадцать пять рублей в месяц,

занято уже другим... Началась отчаянная, судорожная погоня за случайной работой, за перепиской, за ничтожным местом, залог и перезалог вещей, продажа всякого хозяйственного тряпья. А тут еще пошли болеть дети. Три месяца тому назад умерла одна девочка, теперь другая лежит в жару и без сознания. Елизавете Ивановне приходилось одновременно ухаживать за больной девочкой, кормить грудью маленького и ходить почти на другой конец города в дом, где она поденно стирала белье.

Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий выжать откуда-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. С этой целью Мерцалов обегал чуть ли не полгорода, кланча и унижаясь повсюду; Елизавета Ивановна ходила к своей барыне, дети были посланы с письмом к тому барину, домом которого управлял раньше Мерцалов... Но все отговаривались или праздничными хлопотами, или неимением денег... Иные, как, например, швейцар бывшего патрона, просто-напросто гнали просителей с крыльца.

Минут десять никто не мог произнести ни слова. Вдруг Мерцалов быстро поднялся с сундука, на котором он до сих пор сидел, и решительным движением надвинул глубже на лоб свою истрепанную шляпу.

– Куда ты? – тревожно спросила Елизавета Ивановна.

Мерцалов, взявшийся уже за ручку двери, обернулся.

– Все равно, сидением ничего не поможешь, – хрипло ответил он. – Пойду ещё... Хоть милостыню попробую просить.

Выйдя на улицу, он пошел бесцельно вперед. Он ничего не искал, ни на что не надеялся. Он давно уже пережил то жгучее время бедности, когда мечтаешь найти на улице бумажник с деньгами или получить внезапно наследство от неизвестного троюродного дядюшки. Теперь им овладело неудержимое желание бежать куда попало, бежать без оглядки, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи.

Просить милостыни? Он уже попробовал это средство сегодня два раза. Но в первый раз какой-то господин в енотовой шубе прочел ему наставление, что надо работать, а не кланчить, а во второй – его обещали отправить в полицию.

Незаметно для себя Мерцалов очутился в центре города, у ограды густого общественного сада. Так как ему пришлось все время идти в гору, то он запыхался и почувствовал усталость. Машинально он свернул в калитку и, пройдя длинную аллею лип, занесенных снегом, опустился на низкую садовую скамейку.

Тут было тихо и торжественно. Деревья, окутанные в свои белые ризы, дремали в неподвижном величии. Иногда с верхней ветки срывался кусочек неба, и слышно было, как он шуршал, падая и цепляясь за другие ветви. Глубокая тишина и великое спокойствие,

сторожившие сад, вдруг пробудили в истерзанной душе Мерцалова нестерпимую жажду такого же спокойствия, такой же тишины.

«Вот лечь бы и заснуть, – думал он, – и забыть о жене, о голодных детях, о больной Машутке». Просунув руку под жилет, Мерцалов нащупал довольно толстую веревку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове. Но он не ужаснулся этой мысли, ни на мгновение не содрогнулся перед мраком неизвестного.

«Чем погибать медленно, так не лучше ли избрать более краткий путь?». Он уже хотел встать, чтобы исполнить свое страшное намерение, но в это время в конце аллеи послышался скрип шагов, отчетливо раздавшийся в морозном воздухе. Мерцалов с озлоблением обернулся в эту сторону. Кто-то шел по аллее. Сначала был виден огонек то вспыхивающей, то потухающей сигары. Потом Мерцалов мало-помалу мог разглядеть старика небольшого роста, в теплой шапке, меховом пальто и высоких калошах. Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросил:

– Вы позволите здесь присесть?

Мерцалов умышленно резко отвернулся от незнакомца и подвинулся к краю скамейки. Минут пять прошло в обоюдном молчании, в продолжение которого незнакомец курил сигару и (Мерцалов это чувствовал) искоса наблюдал за своим соседом.

– Ночка-то какая славная, – заговорил вдруг незнакомец. – Морозно... тихо. Что за прелесть – русская зима!

Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. Мерцалов молчал, не оборачиваясь.

– А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил, – продолжал незнакомец (в руках у него было несколько свертков). – Да вот по дороге не утерпел, сделал круг, чтобы садом пройти: очень уж здесь хорошо.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он резким движением повернулся в сторону старика и закричал, нелепо размахивая руками и задыхаясь:

– Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомым ребятишкам подарочки!.. А я... а у меня, милостивый государь, в настоящую минуту мои ребятишки с голоду дома подыхают... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребенок целый день не ел... Подарочки!..

Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных, озлобленных криков старик поднимется и уйдет, но он ошибся. Старик приблизил к нему свое умное, серьезное лицо с седыми баками и сказал дружелюбно, но серьезным тоном:

– Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мне все по порядку и как можно короче. Может быть, вместе мы придумаем что-нибудь для вас.

В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того спокойное

и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же без малейшей утайки, но страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Он рассказал о своей болезни, о потере места, о смерти ребенка, обо всех своих несчастьях, вплоть до нынешнего дня. Незнакомец слушал, не перебивая его ни словом, и только все пытливее и пристальнее заглядывал в его глаза, точно желая проникнуть в самую глубь этой наболевшей, возмущенной души. Вдруг он быстрым, совсем юношеским движением вскочил с своего места и схватил Мерцалова за руку. Мерцалов невольно тоже встал.

– Едемте! – сказал незнакомец, увлекая за руку Мерцалова. – Едемте скорее!.. Счастье ваше, что вы встретились с врачом. Я, конечно, ни за что не могу ручаться, но... поедemте!

Минут через десять Мерцалов и доктор уже входили в подвал. Елизавета Ивановна лежала на постели рядом со своей больной дочерью, зарывшись лицом в грязные, замаслившиеся подушки. Мальчишки хлебали борщ, сидя на тех же местах. Испуганные долгим отсутствием отца и неподвижностью матери, они плакали, размазывая слезы по лицу грязными кулаками и обильно проливая их в закопченный чугунок. Войдя в комнату, доктор скинул с себя пальто и, оставшись в старомодном, довольно поношенном сюртуке, подошел к Елизавете Ивановне. Она даже не подняла головы при его приближении.

– Ну, полно, полно, голубушка, – заговорил доктор, ласково погладив женщину по спине. – Вставайте-ка! Покажите мне вашу больную.

И точно так же, как недавно в саду, что-то ласковое и убедительное, звучавшее в его голосе, заставило Елизавету Ивановну мигом подняться с постели и беспрекословно исполнить все, что говорил доктор. Через две минуты Гришка уже растапливал печку дровами, за которыми чудесный доктор послал к соседям, Володя раздувал изо всех сил самовар, Елизавета Ивановна обворачивала Машутку согревающим компрессом... Немного погодя явился и Мерцалов. На три рубля, полученные от доктора, он успел купить за это время чаю, сахару, булок и достать в ближайшем трактире горячей пищи. Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумажки, который он вырвал из записной книжки. Окончив это занятие и изобразив внизу какой-то своеобразный крючок вместо подписи, он встал, прикрыл написанное чайным блюдечком и сказал:

– Вот с этой бумажкой вы пойдете в аптеку... давайте через два часа по чайной ложке. Это вызовет у малытки отхаркивание... Продолжайте согревающий компресс... Кроме того, хотя бы вашей дочери и сделал осьлущше, во всяком случае пригласите завтра доктора Афросимова. Это дельный врач и хороший человек. Я его сейчас же предупрежу. Затем прощайте, господа! Дай бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнесся к вам, чем этот, а главное – не падайте никогда духом.

Пожав руки Мерцалову и Елизавете Ивановне, все еще не оправившимся от изумления, и потрепав мимоходом по щеке разинувшего рот Володю, доктор быстро всунул свои ноги в глубокие калоши и надел пальто. Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор уже был в коридоре, и кинулся вслед за ним.

Так как в темноте нельзя было ничего разобрать, то Мерцалов закричал наугад:

– Доктор! Доктор, постойте!.. Скажите мне ваше имя, доктор! Пусть хоть мои дети будут за вас молиться!

И он водил в воздухе руками, чтобы поймать невидимого доктора. Но в это время в другом конце коридора спокойный старческий голос произнес:

– Э! Вот еще пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорей!

Когда он возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов...

В тот же вечер Мерцалов узнал и фамилию своего неожиданного благодетеля. На аптечном ярлыке, прикрепленном к пузырьку с лекарством, четкою рукою аптекаря было написано: "По рецепту профессора Пирогова".

Я слышал этот рассказ, и неоднократно, из уст самого Григория Емельяновича Мерцалова – того самого Гришки, который в описанный мною сочельник проливал слезы в закоптелый чугунок с пустым борщом. Теперь он занимает довольно крупный, ответственный пост в одном из банков, славя образцом честности и отзывчивости на нужды бедности. И каждый раз, заканчивая свое повествование о чудесном докторе, он прибавляет голосом, дрожащим от скрываемых слез:

- С этих пор точно благодетельный ангел снизошел в нашу семью. Все переменялось. В начале января отец отыскал место, Машутка встала на ноги, меня с братом удалось пристроить в гимназию на казенный счет. Просто чудо совершил этот святой человек. А мы нашего чудесного доктора только раз видели с тех пор – это когда его перевозили мертвого в его собственное имение Вишню. Да и то не его видели, потому что то великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невосвратимо.

1897

Паустовский Константин Георгиевич

(1892–1968)

Константи́н Гео́ргиевич Паусто́вский (19 (31) мая 1892, Москва – 14 июля 1968, там же) – русский советский писатель, классик русской литературы. Член Союза писателей СССР. Книги К. Паустовского неоднократно переводились на многие языки мира.

Непоседу Костю забросило на Брянский металлургический завод в Днепропетровске – тогда Екатеринославе. А потом его в качестве наказания направили в Юзовку (теперь – Донецк), на завод Новороссийского общества, ставший впоследствии ДМЗ. Дело в том, что в марте 1916-го браковщик снарядов Паустовский, откомандированный в Таганрог на котельный завод, к месту назначения прибыл... с недельным опозданием. И хоть он был вольнонаемным, однако – служащим Главного артиллерийского управления. Учитывая, что время было военное, проштрафившегося работника, совершившего «самоволку» в Севастополь (там жила его невеста Екатерина Загорская), примерно наказали, отправив «на юзовский завод для временных работ по приемке корпусов гранат». Летом того же 1916 года Паустовский возвращался из Таганрога в Москву. Путь пролегал через Мариуполь, который Константин Григорьевич описал так: «Синие барки, лавчонки, город на горах. Церковь. По крутому спуску – к базару. Черешни. Полу-Юзовка, полу-Екатеринослав». Более подробно он рассмотрел Мариуполь в июле 1924 года, когда, будучи сотрудником журнала «30 дней», был командирован в ряд портов Азовского и Черного морей.

* * *

БЕСПОКОЙНАЯ ЮНОСТЬ

(отрывки)

В Юзовке я поселился в дешевом номере гостиницы «Великобритания». Это зловонное логово было названо так в честь страны Юза и Бальфура – двух британцев, владевших в Донском бассейне огромными заводами и шахтами.

Теперь от прошлой Юзовки не осталось и следа. На ее месте вырос благоустроенный город. Тогда же это был беспорядочный и грязный поселок, окруженный лачугами и землянками.

Скопление этих землянок назывались по-разному: Нахаловка, Собачевка, Кабыздоховка. Мрачный юмор этих названий лучше всего определял их безрадостный вид.

В котловине рядом с поселком дымил тот самый Новороссийский металлургический завод, куда меня прислали налаживать приемку снарядов. Дым шел не только из заводских труб. Дымили самые здания цехов. Дым был желтый, как лисья шерсть, и зловонный, как пригорелое молоко.

Неправдоподобно багровое пламя качалось над жерлами доменных печей. С неба сыпалась жирная сажа. Из-за дыма и сажи в Юзовке исчез белый цвет. Все, чему полагалось быть белым, приобретало грязный, серый цвет с желтыми разводами. Серые занавески, наволочки и простыни в гостинице, серые рубахи, наконец, вместо белых, серые лошади, кошки и собаки.

В Юзовке почти не бывало дождей, и жаркий вечер днем и ночью завивал мусор, штыб и куриный пух.

Все улицы и дворы были засыпаны шелухой от подсолнухов. Особенно много ее накапливалось после праздников.

Грызть подсолнухи называлось по-местному «лузгать». Лузгало все население. Редко можно было встретить местного жителя без прилипшей к подбородку подсолнечной шелухи.

Лузгали виртуозно, особенно женщины, судачившие около калиток. Они лузгали с невероятной быстротой, не поднося семечки ко рту, а подбрасывая их издали ногтем.

При этом женщины успевали злословить еще так, как умеют злословить только мещанки на юге, – с наивной наглостью, грязно и зло. Каждая из этих женщин была, конечно, «в своем дворе самая первая».

Несмотря на сплетни и лузганье семечек, женщины еще успевали драться. Как только две женщины с звериным визгом вцеплялись друг другу в волосы, тотчас собиралась гогочущая толпа, и драка превращалась в азартную игру – на победительницу ставили по две копейки. Банк держали старожилы-пропойцы. Деньги собирали в рваный картуз. Женщин нарочно стравливали и дразнили. Бывало, что в драку постепенно ввязывалась вся улица. Выходили распоясской мужчины. Шли в ход свинчатки и кастеты, трещали хрящи, лилась кровь. Тогда из «Нового Света», где жила «администрация» шахт и заводов, на рысях приходил взвод казаков и разгонял дерущихся нагайками.

Трудно было сразу понять, кто населял Юзовку. Невозмутимый швейцар из гостиницы объяснил мне, что это «подлипалы» – скупщики поношенных вещей, мелкие ростовщики, базарные торговки, кулачье, шинкари и шинкарки, кормившиеся около окрестных рабочих и шахтерских поселков. Заводы дымили со всех сторон. Шахты стояли по горизонту серыми и пыльными пирамидами своих терриконов.

Гостиница «Великобритания» заслуживает того, чтобы ее описать, как давно вымершее ископаемое. Стены ее были выкрашены в цвет грязного мяса. Но это владельцу гостиницы показалось скучным. Он приказал покрыть стены модной тогда декадентской росписью – белыми и лиловыми ирисами и кокетливыми головками женщин,

выглядывавшими из водяных лилий. Неистребимый запах дешевой пудры, кухонного чада и лекарств стоял повсюду. Электричество горело тускло, читать при его желтушном свете было нельзя. Все кровати были продавлены, как корыта.

Коридорные девушки в любое время дня и ночи «принимали гостей».

Внизу в штопаном и перештопанном сукне биллиарда отщелкивали «пирамидки» испитые юноши с кепками набекрень и в галстуках бабочкой. Каждый вечер кому-нибудь проламывали кием голову.

Играли по-крупному. Деньги клали в лузы, но зорко следили, чтобы их не крали так называемые «поддыхачи» – мелкий биллиардный люд.

Стены между номерами в гостинице были очень тонкие. По ночам я слышал вздохи, стоны, грубый торг, а временами душераздирающий женский вопль. Тогда вызывали швейцара, дверь номера выламывали, оттуда выскакивала с рыданиями растерзанная женщина, чаще всего знакомая коридорная девушка из этой же гостиницы, а за ней выволакивали какого-нибудь мутного парня с мокрой челкой. Он мычал и бил всех наотмашь направо и налево. «...»

Жизнь завода была так далека от удушливой жизни в гостинице, что казалось, между заводом и «Великобританией» протянулись сотни верст.

Каждый вечер после работы я ходил в бессемеровский цех. Часами я мог смотреть, как из исполинских вращающихся печей, похожих на стальные груши высотой в три этажа, льется расплавленная сталь.

По ночам я ходил смотреть на каждый выпуск чугуна из доменных печей. Зрелище было зловещее. Чугун лился по канавам в земле, дымясь багровым паром. Все вокруг было густо окрашено только в два цвета – черный и красный. Рабочие в зареве жидкого чугуна были похожи на выходцев из ада.

Иногда я ходил в рельсопрокатный цех. Огромный вальцы, вздрагивая и скрежеща, заглатывали раскаленные добела стальные болванки и мяли их в своей металлической холодной пасти, чтобы выбросить вместо толстой болванки длинный брус. Он быстро шел из одних вальцов в другие, все время вытягиваясь, пока не превращался в темно-багровый рельс.

Готовые рельсы катились около самых ног по железным каткам, мерцая сотнями искр.

Все вокруг гремело, скрежетало, лязгало, свистело паром, дымило, сыпало искрами, ухало и звенело. Сквозь грохот доносились протяжные крики: «Берегись!» Рабочие быстро катили на стальных тачках раскаленные болванки. Если встречные не успевал вовремя отскочить, на нем начинала тлеть одежда. Кран проносил над головой такую же раскаленную болванку, придерживая ее в воздухе, как краб, двумя стальными клещами «...»

Приблудный Иван

(Яков Петрович Овчаренко)
(1905–1937)

Иван Приблудный (настоящее имя Яков Петрович Овчаренко; 1 (14) декабря 1905, село Безгиново, Старобельский уезд, Харьковская губерния, Российская империя – 13 августа 1937, Москва, СССР) – русский советский поэт.

Принадлежал к кругу «новокрестьянских» поэтов, входил в окружение Сергея Есенина.

Репрессирован в 1937 году, реабилитирован посмертно.

* * *

МАТЕРИ

Там, где вербы дол окутали,
У овражьего угла,
Ты живешь на том же хуторе,
Где родилась и цвела.

Так же мечется околица
Между взгорьями стогов,
Так же речка беспокоится
Под покоем берегов.

Тихнет ночь, шумит гармоника,
Ветер спрятался в овес;
Ты сидишь у подоконника,
Поседевшая от слез.

Водит небо лунным факелом,
В камышах синеет мгла,
Сколько ж темных ты проплакала,
Сколько горьких пролила.

Ждешь меня, как роща дождика,
И, готовая для встреч,
Просишь дуба-придорожника
У дорог меня стеречь.

Просишь ветра, чтобы реющей,
Расчищающий мне путь,
О тебе, моей седеющей,

Прошептал мне что-нибудь.
Не проси ж у ветра милости –
Этих благ у ветра нет,
Он далек, по ком томилась ты
И томишься столько лет.

Он, прикинувшийся соколом,
Слепо веря в свой полет,
все кружит вокруг да около
неизведанных высот...

...Мой удел мне дан по жребию,
И без кровли мой приют,
Много я от жизни требую,
И немного мне дают.

Но не жалуюсь, не сетую,
Пусть в начале труден путь,
Все же песню недопетую
Допою когда-нибудь.

Если ж нет... навек потерянный
Для тебя и для отца,
Я, в победах не уверенный,
Молча буду ждать конца.

И когда подбитым соколом
Дрогнет ветер у плетня –
Помяни меня, далекого,
Бесталанного меня.

* * *

ОБНОВЛЕНИЕ

...От Славянска до Бучала,
От Айдара до Донца
Этим вербам нет начала,
Этим хатам нет конца...

Ах, не там ли я скитался
И стада чужие пас,
Подаянием питался,
Одежкой ветхой тряс?

Не по тем ли пням и кочьям
Десять лет и десять зим
Был я вроде как всеобщим
Оттого, что был ничьим?

Никогда не позабуду

Как у пастбищ, ям и скал
Я блуждал везде и всюду,
Все пристанища искал.

Как ушел я в мир огромный,
Безымянный и ничей,
Словно облако – бездомный,
Беспрестанный как ручей.

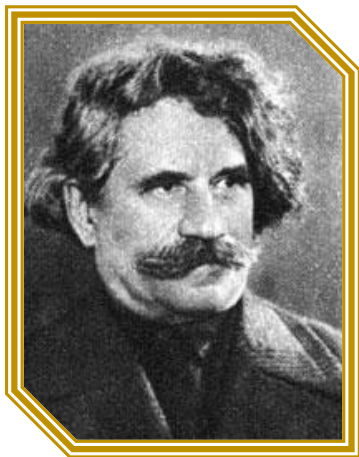
Двадцать лет, как я в разлуке
С тем, о чем я говорил.
Двадцать лет, как эти руки
Не касались тех перил,

Что вели к той двери хлипкой,
За которой в те лета
Вместо матери над зыбкой
Запевала темнота.

Сергеев-Ценский Сергей Николаевич

(1875-1958)

Родился 18 (30) сентября 1875 года в селе Бабино (ныне – село Преображение Рассказовского района Тамбовской области) в семье учителя. С пяти лет жил в Тамбове. В 1890 году окончил уездное училище, поступил в подготовительный класс Екатерининского учительского института, начал писать стихи. В 1892 году в «Тамбовских губернских ведомостях» был опубликован его первый прозаический опыт «Кочетовская плотина». В это время он прибавляет к своей фамилии псевдоним Ценский, который взят писателем от названия реки Цны, на берегах которой прошло его детство. В 1895 году окончил Глуховский учительский институт. Первые литературные публикации относятся к 1898 году. Был учителем до 1904 года. В 1904-1905 годах принимал участие в русско-японской войне. В 1914-1915 годах вновь призывался на военную службу офицером. Поручик запаса.

С конца Первой мировой войны жил в Крыму. В 1943 году получил степень доктора филологических наук за произведения о русских классиках.

Умер 3 декабря 1958 года. Похоронен в Алуште на территории своего дома-музея.

Произведения Сергеева-Ценского действительно явились эскизами к большой картине "Преображение России". Некоторые из них вошли в состав эпопеи: дополненный автором "Пристав Дерябин", рассказ "Небо", превратившийся в первую главу "Загадки кокса", "Наклонная Елена", "Валя".

Материал для повести "Наклонная Елена" (1913) Сергееву-Ценскому дали его поездки по стране, в частности поездки в Донбасс, Ростов-на-Дону, Екатеринослав. Горький при первой личной встрече с Сергеевым-Ценским в 1928 году удивлялся, как мог писатель, не будучи горным инженером, с таким знанием дела написать повесть из горнозаводского быта. Поведав жестокую правду о жизни шахтеров, Сергеев-Ценский тем самым продолжил лучшие традиции критического реализма. Интересна дальнейшая литературная судьба главного героя "Наклонной Елены" инженера Матийцева. После Великой Октябрьской социалистической революции Сергеев-Ценский показал превращение Матийцева в закаленного большевика, в стойкого борца за народное счастье (в повестях "Суд", "Память сердца", "Свидание").

* * *

НАКЛОННАЯ ЕЛЕНА

(отрывок)

Молодой горный инженер Матийцев, заведующий шахтой «Наклонная Елена», решил застрелиться в воскресенье, 6 мая, в 11 часов вечера, и рано утром в субботу, подымаясь привычно по гудку, он старался как можно тверже прочертить в сознании последовательность того, что нужно сегодня сделать... Прежде всего непременно обойти шахту – это для того, чтобы в последний раз оглядеть спокойно то, что горячо прокляло и от чего, наконец, уходишь совсем...

На заводах и в шахтах кругом было тысяч семь рабочих, и это они год за годом заселяли поселок Голопеевку. Сначала долго ходили осматривать и всячески измерять отдающийся в аренду участок, потом решительно устанавливали угловые столбы дома, натягивали крышу, нанимали баб смазывать кое из чего сбитые стены глиной с навозом, а месяца через два справляли уж новоселье и звонко переругивались с соседями из-за цыплят, поросенка, котенка, собаки, помоев, ребят, бабьих сплетен. Так вырастали улицы, очень широкие, степные, и на главной десятка два предприимчивых торговцев устроили бакалейные магазины, фруктовые лавки, винные погреба, на одном углу появилась прекрасная вывеска: «бараночное и крендельное заведение Восход Ивана Пескунова»; на другом – «Готовое платье Перешивайлова», потом акушерка Бабкина, сапожник Кислый, портной Желтобрюх, а кто не очень дорожил своим здоровьем мог достать здесь даже колбасы «собственной заготовки Мокроусова из Козлова». Ближе к заводам и кладбищу разбит был чахлый общественный сад с деревянным собранием и открытой сценой, на которой подвизались иногда весьма

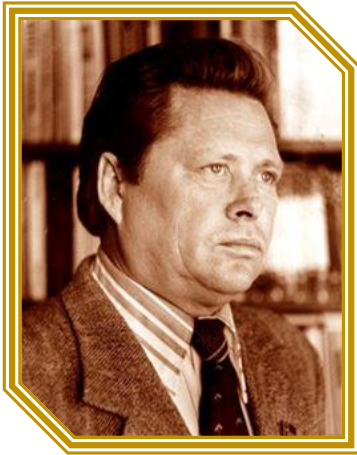
захудалые людишки актерского звания, или шансонетки, или борцы, или труппа ученых слонов, или какой-то «заезжий шут Капуцинов» оповещал о своем прибытии сюда красной огромной афишей: «Проезжий, если даже ты с дамой, остановись передсею рекламой!..» Какой-то Кубабчиев устроил в Голопеевке гостиницу, и о том, что при это м отеле имеется «роскошная ванная комната» оповестил все станции в окружности верст на двести: до того хотел обрадовать как можно больше народу. А ванная действительно весьма не мешала в Голопеевке, так как вечно дул ветер над степью и летом вздымал тучи черной пыли по дорогам, а в самом поселке стояла густая гарь и копоть из труб. Реки здесь не было, а пруд, устроенный в балочке заводами, ими же и загрязнялся до того, что даже привычные шахтеры, приходившие сюда иногда погулять и постирать на свободе портянки, и те долго крутили носами, выбирая местечко посвежей... Когда входил в шахту по грязному, скользкому узкому спуску, крыса шмыгнула из-под ног, – здесь в шахте их было много: питались объедками, плодились в конюшне. Прежде у Матийцева были счастливые дни и несчастные, как у всякого, кто каждый день рискует жизнью. Он не любил, когда попадались под ноги крысы, но теперь что же могло случится? Прежде всю жизнь щемило что-то : что-то могло прийти откуда-то непрошенное, прийти и случится; а теперь что же еще могло прийти?..

В «Наклонной Елене» работало всего восемнадцать лошадей. Когда случалось им заболеть, их выдавали наверх ветеринару. Были очень опытные, умные, послушные, работавшие точно и сознательно, как человек, а попадались и такие, конечно, из новеньких, что хоть убей на месте. И их били иногда зверски, а когда совсем ничего нельзя было сделать, в дело вмешивался Божок. Тогда в темных штреках начиналось состязание: Божок подымал забурившийся вагон и бил лошадь кнутом из проволоки. Лошадь упрямо дергалась и шагов через пять опрокидывала вагон. Божок подымал его и бил лошадь вагонной цепью. Лошадь лягалась, визжала, слабела, дрожала, парила, но через десять-двадцать шагов опять сбрасывала вагон. В вагоне с углем пудов пятьдесят. Коногон один в пустом, черном, длиннейшем, грязном штреке – помочь некому, но работа не ждет. Мальчишки (а коногоны больше мальчишки лет семнадцати) обыкновенно надрываются на подъеме забурившихся вагонов и лет в двадцать никуда уже почти не годны. Но Божок не даром же был силен, как зверь, и жесток. Он задевал крючьями за пах лошади и разрывал кожу, или вбивал гвоздь в ее ноздри, или крутил репицу хвоста так, что лошадь, устав лягаться, садилась на зад, как собаки, и только мотала головой, визжала и оскалив зубы...

Титов Владислав Андреевич

(1934–1987)

Родился 10 ноября 1934 года в деревне Калиновка (ныне Добринский район, Липецкая область). После окончания Чуевской средней школы Добринского района (в настоящее время Добринская школа № 2) овладел шахтерской профессией на Луганщине. Служил в армии. С 1957 по 1959 год В. Титов продолжил обучение в Боково-Антраците (ныне Антрацит, Луганская область). Во время учебы проходил практику на шахтах Красного Луча, а после защиты диплома, уезжает работать в Донецкую область. Поселился в шахтерском поселке Северный. В 1960 году во время аварии на шахте, когда он спас своих товарищей, лишился обеих рук.

Переехал в Луганск на постоянное место жительства. Здесь стал писателем. Не имея рук, писал, держа карандаш в зубах. Большую помощь в литературном процессе ему оказывала жена, Рита Петровна Титова.

Был членом редколлегии журналов «Юность», «Радуга», «Донбасс», членом президиума областного Комитета защиты мира, членом Союза журналистов, депутатом Луганского городского совета народных депутатов.

Умер 30 апреля 1987 года в Ворошиловграде (ныне Луганск).

* * *

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

(отрывки)

Сидеть одной в пустой квартире всегда было мучительно для Тани. На этот раз особенно. Второй день она в отпуске, а еще не ясно, когда отпустят Сергея. И дадут ли ему вообще возможность отдохнуть в этом месяце? Может случится так: отгуляет она свои двадцать четыре дня, выйдет на работу, а потом коротать дома отпускные дни будет Сергей...Таня ждет. <...>

Рано нынче пришла весна. Как-то сразу сникли и обессилели снежные бураны, завывавшие долгими ночами по тихим улочкам молодого шахтерского поселка. Робко, словно боясь рассердить седую стужу, улыбнулось из-за туч солнце. И зима действительно рассердилась. Ощетинилась на ночь ледяными штыками крыш, злобно захрустела под ногами ломкой белесой пленкой луж, обожгла колючим дыханием дымящуюся вершину террикона.

А потом осмелело солнце. Засуетились, ускоряя бег, облака,

расплылось в широкой улыбке небо, и солнце горячим лучом припало к холодной, дремлющей земле. Где-то у балки, будто выпущенная на волю птица, зыбилась песня. Рванулась ввысь и загрустила томительным ожиданием грядущих перемен.

Девчушка с реденькой прядью на лбу, в распахнутом пальто, остановилась, сощуренными глазами отыскала в небе жаворонка, чему-то улыбнулась да так и замерла с поднятым кверху лицом.

Добралась весна и до шахтного вентилятора. Воздух, пропитанный запахами земли, как бы остановился перед бешено кружащимися лопатками, мгновение подумал и ринулся в темную, сырую пасть ствола ворвался в штреки и пошел гулять по лавам, забоям, будоража души шахтеров необъяснимо сладкой тоской по солнцу, по высокому темно-голубому небу.

Сергей Петров шел по штреку в лихо сдвинутой набекрень шахтерской каске. Казалось, крикни кто «гопля» – и он пустится в пляс, стремительный, неугомонный, несуразный.

Сергей торопился. И не потому, что того требовала работа. Нет. Просто им владел ничем не объяснимый восторг и очень хотелось поскорее выехать на-гора, поближе рассмотреть солнышко. К тому же в столе начальника участка его ждали подписанные документы на отпуск.

Сергей подцепил носком сапога кусок породы, подбросил его и улыбнулся. Он представлял себе, как Таня всплеснет руками, затанцует от восторга, а потом бросится на шею и, смеясь воскликнет: «Хочешь, задушу тебя, противного?» «...»

В глубине штрека замерцал свет, бросая красноватые блики на мокрый рельс, покосившуюся раму крепления. Наперегонки защелкали контакты магнитных пускателей. Захрапел, брызгаясь и дуясь тонкими резиновыми шлангами, маленький насос орошения. Сергей прошел еще несколько шагов от участкового распределительного пункта и, удивленный, остановился. Возле погрузочного люка кто-то пел:

Донбасс, мой Донбасс,

Цвети, мой любимый Донбасс...

Пел вагонщик, и непонятный отклик в душе вызвала эта уже много раз слышанная песня. В другом месте Сергей, вероятно, и не прислушался бы к ней. А здесь, на трехсотметровой глубине, в узком, мрачном коридоре, песня неожиданно сильно щипнула за сердце. Казалось, залетевший в подземелье запах весны, смешавшись с терпким зловонием плесени и газа, вдруг загрузил по широким просторам земли, по безмятежным далям планеты.

В груди Сергея все так и поднялось, стало невесомо легким. <...>

Смена близилась к концу. Все объекты были проверены, и Сергей теперь уже не спеша шел по штреку. Весенний восторг, овладевший им некоторое время назад, сменила неторопливая, мечтательная задумчивость. Он ясно представил себе, как зеленеют деревца, посаженные комсомольцами на улицах шахтерского поселка. Они

подрастут, станут кудрявыми, к тому времени у них с Таней обязательно появится сын. Маленький смешной карапуз! Сергей и Таня будут, гулять с ним по тихим аллеям и рассказывать, какой здесь несколько лет назад был пустырь. <...>

Но не пришлось поехать в отпуск Сереже Петрову... не было его и среди друзей в день присуждения комсомольско-молодежный бригаде звания бригады коммунистического труда. И деревца, что шумят листвой на тихих улочках шахтерского поселка, посажены... не его руками... <...>

Вагонетка сошла с рельсов, упала набок и краем кузова расплющила подвешенный к металлической стойке бронированный кабель. Автоматическая защита не сработала. Белым факелом вспыхнула дуга короткого замыкания. Голубая змейка огня, зловеще треща, ползла по кабелю к трансформатору. Через несколько секунд она доберется до камеры, и ... произойдет непоправимое... Трансформатор взорвется! Завалит выход всего восточного крыла. Вспыхнет пожар! В лавах люди. Скорей!

«Отключить! – Сергей срывается с места и бежит к камере. – Ручку влево, до щелчка. Корпус ячейки наверняка под напряжением».

Тугие корявые нити, пронзившие стрелами тело, упруго дрожат, с хрустом скручиваются в спирали и ввинчиваются в руки, в голову, в ноги. Спиралей мириады. Они в каждой клетке тела. Вытягиваются и снова скручиваются, ввинчиваются и дрожат. Тянут к трансформатору. Там смерть. Мгновенная. В пепел...

«Какой жуткий сон! Надо скорей проснуться!» Сергей хочет крикнуть, но в языке спираль. Она жжет. Становится страшно.

– Лю-у-у-ди-и-и! – Крик застревает в мозгу. – Ы-ы-ы! – прорывается к горлу и задыхается там судорогой.

«Надо оттолкнуться!» Руки не слушаются. Спирали резко выпрямились, слились в дрожащую нить. В мозгу что-то взорвалось, закружилось в вихре.

– А-а-а! – закричал вихрь.

Погас свет. Нить перестала дрожать.

«Там же шесть тысяч вольт!»

– Помоги-и-и-те-е-е! – В горле хрипит, не хватает воздуха. «Где-то рядом телефон».

Сергей встает, делает несколько шагов вперед и падает лицом вниз, в жидкую холодную грязь.

«Надо встать, встать, встать... – командует он и не слушается собственных команд. – Ток выключен. Кабель еще горит».

Сергей поднимается на коленях, проползает несколько метров и падает мокрым телом на голубую змею огня.

Его нашли проходчики. Он лежал на кабеле метрах в десяти от трансформаторной камеры, тихо стонал и просил пить. Глаза Сергея были широко раскрыты и удивленно смотрели вверх. На правой ноге

горел резиновый сапог. Когда его попытались снять, Сергей вскрикнул и закрыл глаза.

– Пить!

У Коли Гончарова дрожит рука, и вода из фляжки льется на подбородок, на щеки, стекает за шею, оставляя на лице белые полосы.

– Ребята, я жив? – Сергей поднимает голову и тут же роняет ее. – Пить...

– Сережа, потерпи, может, нельзя много воды... – В голосе Николая мольба, просьба, жалость.

Удары по колоколу, торопливые, тревожные. Машинист шахтного подъема настораживается и крепче усаживается в кресле.

...Шесть, семь, нет, он не ошибся. На световом табло загорается цифра 7. она зажигается редко и, может, поэтому кажется чужой и страшной. Семерка требует: «Самый осторожный подъем, машинист, в клетки раненый шахтер...»

Шахтная клеть зависает на тросе и плавно ползет вверх. Набегающая струя воздуха шепеляво свистит в железном козырьке клетки, врывается внутрь и брызжет мелкими каплями дождя. Капли пахнут весной и прелью окоlostвольного двора. Коля Гончаров стоит на коленях и осторожно поддерживает голову друга.

Сергей открывает глаза и смотрит на склоненные к нему лица.

«Почему они молчат? Что случилось? Неужели это явь? Там же шесть тысяч вольт. Если не сон, то я мертв. Разбудите же меня!» Сергей пытается приподнять руки и морщится от боли. На мгновение к нему возвращается ясное сознание. «Неужели со мной?..». По телу пополз страх, сердце сжалось и вдруг упало. «Молчат...».

Когда в шахту приходит беда, шахтеры угрюмы и молчаливы.

Клеть остановилась у приемной площадки. Яркий весенний свет слепит глаза, давит в уши, щекочет в носу. В открытую дверь Сергей видит машину с красным крестом на боку. Крест, как огромный паук, неуклюже ворочается, тянет беспалые красные лапы к лицу и хрипло скрипит: «По-о-пался-а-а...».

– Петров, Петров! – донеслось откуда-то издалека, и колесо стало черным.

– Какой молодец!.. Отключил!.. На верную смерть шел... Руки, руки... осторожней... <...>

В небе звенит жаворонок. Лужи раздаются по сторонам и после долго волнуются разбитыми осколками солнца.

На чистом бланке истории болезни несколько строк: «Сергей Петров. Электроожог 4-5-й степеней обеих верхних конечностей и правой стопы. Доставлен каретой «скорой помощи» в глубоком шоке».

Срочно созданный консилиум заседал недолго.

- Надежды мало. Положение больного почти безнадежное... Смерть может наступить каждую секунду. Это чудо, что после поражения током в шесть тысяч вольт человек жив. Наш долг – сделать все от нас

зависящее... – Главный врач больницы отодвинул бланк истории болезни и тихо добавил: – Будим надеяться... <...>

За окном капелью звенела весна, обиженно стучала по окну головой веткой сирени, будто хотела сказать: «Что же вы, люди, забыли обо мне?».

А людям стало не до весны...

4

Таня стояла у окна и смотрит, смотрит...

Цепочка люде, растянувшаяся от шахты до поселка, заметно редет и через несколько минут совсем обрывается. На руке тикают часы. Таня сердится: «Опять у Сергея какое-нибудь заседание!»

На дороге появилась группа людей. Шли, размахивая руками, – вероятно, спорили. Тане показалось, что среди них нет Сергея. Рассмотрела лучше и рассердилась еще больше: Сергея нет. Люди прошли, и дорога опять опустела. «...»

Таня не заметила, как к дому подъехала голубая «Победа». Хлопнули дверцы, она увидела людей, торопливо идущих от машины к их дому.

«Это ж Сережкин начальник... и дед с их участка. Где Сергей?» Таня почувствовала, как мозг царапнула мысль, от которой кровь прилипла к лицу, часто-часто застучало сердце и вдруг упало, сжавшись в болезненный комок. «Может быть, не к нам. Чего же я боюсь?»

В дверь постучали. Стук грохотом ударил по комнате. Таня подняла руки к похолодевшим щекам и села. «Не открою!» – мелькнула безрассудная мысль.

Стук робко повторился. Послышались приглушенные голоса.

«Надо открыть». Руки дрожат, никак не могут найти задвижку на двери. И когда медленно, словно в квартире покойник, сняв шапки, вошли Петр Павлович и старый мастер, Кузьмич, Таня без слов поняла: случилось что-то ужасное.

– Что с Сережей? – И заплакала.

Метнулась к шкафу за косынкой, но ноги подломились, в глазах пошли черные круги.

– Не плачь, дочка, бог даст все обойдется. – У Кузьмича срывается голос, старчески дрожит, и нельзя понять, надежда в нем или соболезнование. Большая шершавая ладонь неуклюже гладит щеку. Ничего... там хорошие врачи, организм у него молодой, крепкий... не плачь... Что ж теперь делать... всякое бывает... такую уж мы выбрали себе долю – на работу, как в бой... Случаются и шальные пули... – Спohватившись, что сказал лишнее, заторопился: – Поехали, дочка, одевайся... «...».

Какая-то неизвестная сила рванула Таню из машины, заставила пробежать по длинному коридору больницы и остановилась именно перед теми дверьми, за которыми был он, ее муж, Сергей Петров. Толкнула дверь, сделала шаг в палату и застыла на месте.

Слева, на койке, закутанный в бинты, с бледным, с осунувшимся лицом лежал Сергей. Таня боком подвинулась к постели и безвольно осела на пол.

– Сереженька, родной мой, как же ты так, а? <...>

На вторые сутки утром Сергей открыл глаза. Таня, сидевшая рядом на стуле, затаила дыхание. Тихонько позвала:

– Сережа!

Глаза повернулись к ней и закрылись.

– Таня, разбуди меня. Я не могу сам проснуться.

– Сереженька, тебе больно?

– Буди скорей!

– Ты не спишь, Сережа. Мы в больнице. Тебе руки током обожгло... немного...

– Неправда... меня убило... Там же шесть тысяч вольт...

Таня молчала. Глотала комок, подступивший к горлу, и не могла проглотить. «Заговорил, заговорил,- значит, будет жить, будет!» А слезы заливали лицо. «...»

– Не надо смотреть! Не надо...

Горюнов наклонился над койкой, спрашивает:

– Больно? А здесь?

Сергей не чувствует боли и, только когда укололи в плечо, ойкнул.

– Я так и предполагал... плохи твои дела, парень! Может быть, придется ампутировать. Я о руках говорю.

– Как ампутировать?! Резать!? Вы шутите, да?!

Горюнов смотрит мимо больного и молчит.

– Ам-пу-ти-ро-вать... Как же это, а?! как же я жить-то буду?! Руки... Таня! – И вдруг закричал диким, нечеловеческим криком: – Не дам, варвары, лучше убейте меня!

И затих.

На третий день началась гангрена. Выход был один – ампутация.

И немедленная... «...»

Во время операции Сергей не мигая смотрел на яркую операционную лампу и молчал. Бездонными омутами голубели широко раскрытые глаза, которые ничего не видели, не желали и не чувствовали. Даже боли. И только когда противно завизжала хирургическая пила, Сергей весь сжался и отвернулся от света. <...>

Он на минуту замолчал, кусая губы, а потом строго сказал: – Вот и кончилось наше счастье...- И заспешил: – Ты не ходи ко мне, Таня. Так будет лучше. Для нас обоих. Брось меня, уйди. Уходи, я не люблю тебя... я... – Сергей болезненно сморщил лицо и умолк.

Таня судорожно закрылась руками.

– Зачем ты обижаешь меня, Сережа? – Она хотела задушить подступившийся вскрик и не смогла. – Зачем ты так?.. Я же люблю тебя.

– Тебе двадцать лет, твоя жизнь впереди... Для меня все кончено. Уходи, я прошу... <...>

Состояние Сергея час от часу становилось все хуже и хуже. Оттягивать ампутацию второй руки стало опасно.

За несколько минут до начала ампутации он открыл глаза, обвел взглядом суевившихся вокруг врачей и сказал:

– Значит и правую...

– Сережа, речь идет о твоей жизни.

– Позовите Таню.

В белой маске вошла Таня.

– Прости, Таня, если что было не так... За вчерашнее... Не хочется мне... Не успели мы пожить... по-настоящему...

По-настоящему... А что было настоящим в их жизни? Кольцо, подаренное Сережкой в день свадьбы? Нет, оно было не настоящим. Его сделали из трехкопеечной монеты Сережкины друзья. Таня понимала: откуда у студента деньги? – и не обиделась. Оно и сейчас у нее на руке, рядом с тем золотым, что купил ей Сергей с первой полочки. Десять настоящих не надо ей за то блеклое, медное...

Может, настоящей была свадьба? В разгар веселья им вдруг стало тесно под крышей дома, захотелось поделиться своим счастьем со всем миром. Сергей шепнул:

– Давай сбежим!

И они сбежали со свадьбы. Шли по пустынным улицам ночного города, под ногами скрипел снег, и от избытка чувств им хотелось крикнуть: «Люди! Смотрите, какие мы счастливые!»

У Тани мерзли руки, и Сергей грел их в своих, больших крепких. Потом он целовал ее в глаза, щеки губы и шептал: «Родная моя, я тебя через всю жизнь на руках пронесу».

У Тани перехватило дыхание, она согласно кивала головой, закусывала губы, боясь разрыдаться, и не могла говорить.

Через два часа Сергей Петров лежал в палате без обеих рук...

Утром, после операции, приехал отец. Старый солдат, сам не раз смотревший смерти в глаза, сел как подкошенный у изголовья лежащего без сознания сына.

Двое суток Сергей был на грани жизни и смерти. Двое суток не отходила от него Таня. Она словно окаменела, сидя на стуле. На уговоры пойти отдохнуть молча качала головой и опять неподвижно застывала, уставившись взглядом в одну точку. «...»

«Что ж ты наделал с собой, Сережка? – подумала Таня. – Неужели оставишь меня одну? Совсем одну?... Нет, нет! Ты не имеешь на это права! Я не хочу, не дам тебе умереть! Врачи просто растерялись, да и возможности районной больницы невелики. Поеду в Донецк, к профессорам...» <...>

Донецк шумел разноголосицей улиц, шуршал по асфальту колесами автомобилей, громыхал переполненными вагонами трамваев. Порывистый апрельский ветер раскачивал деревья, словно будил их от долгой зимней спячки, торопил насладиться жизнью.

Бойкая синеглазая девушка Таниных лет долго объясняла Тане, как проехать в клинику имени Калинина, где, по ее мнению, должны быть хорошие врачи. Смешно сощурилась и сочувственным голосом спросила:

– У вас мама больна, да?

– Нет, муж.

Серая громада главного корпуса больницы, холодно блеснув глазницами окон, вселила в Таню робость и вместе с ней слабую уверенность: ехала не зря.

Сергей очнулся. Обвел взглядом палату и уставился на отца.

– Ты приехал, папа? А мы собирались к вам...

– Доехал хорошо. Дома все здоровы, – заторопился отец. – Мать... мать тоже здорова. Поклон тебе шлет. У нас половодье. Волчий лог разлился... Ждали тебя... Ну ничего, выздоровеешь – приезжайте... – Отец смолк, мучительно подбирая бодрые слова, а они, как угри, ускользали, наталкиваясь на канем повисший вопрос: как же теперь, сынок, жить-то будешь?

– Прости, что не уберег себя... Ты всегда говорил мне : «Будь смелым, сын». Я не струсил, папа. Не знаю, что будет со мной. Говорят, не выживу. Не хочется верить, но... Отрезали левую... на очереди правая... а там нога...

Отец с тревогой смотрел в лицо сына: не бредит ли? Ведь руки ампутированы обе. И вдруг по спине пополз мороз: не помнит!

– Сынок, ты все помнишь?

На уровне груди двумя острыми углами поднялась простыня, Сергей широко раскрыл глаза, лизнул пересохшие губы и тихо сказал:

– Где она?

Обезумевшим взглядом поводил по забинтованным культиям рук, ампутированных выше локтей, и вдруг захохотал страшным истерическим хохотом.

С правой стороны по белой простыне, все расширяясь, ползло алое пятно...

Обратись-ка ты, Танюша, в здравотдел.

– К кому?

– Стукало там есть. Главный хирург области. Он поможет.

Под утро Сергей попросил пить. Таня поднесла стакан с водой.

– Пей, Сережа, пей! Врачи рекомендуют больше пить. – Стараясь не расплескать воду, крепко сжимала стакан обеими руками и чуть не вслух твердила: «Это в первый раз. От непривычки... привыкну... приучу свои руки к нему...» А они от напряжения дрожали, и вода, минуя сергеевы губы, текла в нос, к глазам, за шею.

Сергей отдышался.

– Где отец?

– Дома у нас ночует. Завтра ему надо ехать. К тебе приходили ребята. Управляющий трестом был.

– Локти у меня остались?

– Не надо об этом, Сережа. Живут же люди... Я все могу делать. Вот! – Таня порывисто встала, протянула руки к лицу Сергея. – Они твои... тоже... на двоих будут. Ты не смотри, что они маленькие и сама я маленькая! Я все смогу! Мы еще лучше других жить будем! – Не дожидаясь ответа, зашпорила: – Сегодня поеду в Донецк, тебя перевезут туда. Там хорошие доктора, они сразу вылечат!

А новый день нес с собой новые тревоги и опасения. Порой казалось, что минуты жизни Сергея сочтены. Но сильный организм яростно дрался со смертью, гнал ее, и она была вынуждена давать все новые и новые отсрочки.

К вечеру тридцатого апреля зеленый «Москвич», вздымая придорожную пыль, мчался в районный городок. Человек спешил на помощь к другому человеку.

Ознакомившись с историей болезни Петрова, Стукало в окружении свиты врачей прошел в палату.

– Как самочувствие, шахтер?

– Хвастаться нечем, доктор...

– О-о-о! Вы я вижу, упали духом. Не годиться, не годиться! Представитель такой мужественной профессии – и какой пример подаете вы больным! Вам предстоит еще долго жить, и, знаете, стыдно станет за свою слабость. Вот ведь как-с!

Стукало повернулся к врачам, сказал:

– Подготовьте Петрова к эвакуации! Человек рожден жить! Этого в наших стенах никто не должен забывать! Врачи не забывали об этом в бою, под разрывами снарядов... До областной травматологии полста километров. Испугались?..

Стукало вышел. У дверей его встретила Таня.

– Доктор он будет жить?

– Сколько ему лет?

От встречного вопроса Таня побелела, вихрем пронеслось в мозгу – сейчас скажет: «Жаль, но...» Попятилась назад и замахала руками:

– Не надо, доктор, я не хочу, не надо...

– Что вы, что вы, детка! Я хотел только сказать, сколько ему осталось жить до ста лет.

– Ему двадцать пять.

– Ну вот-с! Значит, семьдесят пять. Повезем его к нам. Сразу скажу: лечиться придется долго. Ожоги заживают не скоро. Крепись, шахтерская жена! <...>

Из семейного дневника Петровых

17 марта. Ура, Таня! Пишу! Сам! Сам! Сам! Пишу!

Два часа ночи. Утром ты проверишь мою писанину. Не ставь, пожалуйста, двойку. Ты и так их сыпала как из рога изобилия за те мои палочки и крючочки, что я терпеливо выводил, как заправский первоклассник. Поставь мне пятерку, мой строгий учитель! Я очень хочу

получить ее. Ты никак не хочешь понять, что даже самый плохой первоклассник выводит свои палочки рукой, а я зубами. <...>

В чем смысл жизни? Сколько копий поломано на этом вопросе! Смешно, как вспомню сейчас те дискуссии! О каком смысле может идти речь, если во главу угла не ставить труд. Будничный, повседневный, честный труд. Отбери у человека возможность трудиться – и все блага жизни теряют смысл. <...>

Для жизни смерти нет. Жизнь бессмертна. Только когда человек за свою жизнь не сделал ничего хорошего, не совершит доброго дела, он умирает. Самой настоящей, самой страшной смертью. «...»

Сережа, у нас будет ребенок...«...»

Таня, Танечка, Танюша!! Родная моя! Любимая! Солнышко ненаглядное мое!.. <...>

Сейчас мне особенно близко стихотворение Константина Симонова:

Жди меня, и я вернусь

Всем смертям назло...

И наиболее дорогие его заключительные строки:

Как я выжил, будем знать

Только мы с тобой...

Все эти дни хожу пьяный от счастья. Забываю, что у меня нет рук. Выросли крылья, и я лечу и лечу куда-то над цветущей, радостной землей. Иногда наплывает облачко беспокойства: а все ли будет хорошо?

Каким ты будешь, родной, незнакомый человек?

Сколько пережито, просто не верится, что и в наш дом стучится простое и такое желанное человеческое счастье.

* * *

РАНЕННЫЙ ЧИБИС

(отрывки)

Чибис вдруг перевернулся спиной вниз, неловко взмахнул крылом и камнем полетел к земле.

– Ты ранил меня

– Зачем, зачем, зачем? ... – эхом заголосила степь и поплыла рыжими волнами ковыля.

Птица всем клювом судорожно хватала воздух, сжалась в упругий комок, словно готовилась прыгнуть в синюю высь, растворить в ней свою боль, но тоненькие ножки дрогнули, и чибис неуклюже ткнулся грудью в упругую, свистящую волну...

Откуда-то появился Саша. По его лицу бежали слезы, а он не вытирал их и исступленно шептал:

– Птичка моя, он ранил тебя! Родная моя... как же ты теперь в небо поднимешься? Птичка моя...

Я хотел крикнуть: «Саша, ты же не мог говорить! Ты же глухонемой от рождения! Ты же...» но мой голос повис в пустоте, и я с ужасом

ощутил, что беззвучно шевелю губами, не в силах произнести фразы...

– Эх ты... ну что она сделала тебе? За что ты ее так? За что?

– Человек должен быть добрым! – гулко простонала степь.

– Саша, Сашок... ты же... ну, понимаешь, вчера еще был глухонемым...

– Эх ты! Она же птица, она любили небо, за что ты ее так?

– Саша, Саша, Сашка!

– Ты ранил их, безумец!

– Са-а-а-ша-а-а-а...

Тяжелое хриплое «а-а-а...» вырвалось из моей груди, и, разбуженный собственным криком, я вскочил с полки. На меня с усмешкой смотрели двое.

– Я... Я, наверное, кричал во сне?

– Ничего, это бывает, – нараспев протянул тот, что сидел у окна.

– В вашем возрасте, молодой человек, мне тоже снились и Саши, и Маши, и Даши...

«Саша, Санька, дружище ты мой! Чибис ты мой, раненный судьбой... Как же ты так... босиком через степь... Спасибо тебе, мальчик мой»...

До сих пор не пойму, почему я не рассказал им эту историю. Впрочем, сколько их в жизни, этих «почему», на которые трудно, а порой и очень больно ответить.

Торин Владимир

(Ильевич Леонид Абрамович)

(1911–1965)

Владимир Торин (настоящее имя – Леонид Абрамович (Ефремович) Ильевич) родился 21 февраля 1911 г. в Горловке. Согласно постановлению Президента Горловского местного отделения в сентябре 1924 г. была открыта школа-рудник с названием «Рудуч» (рудничное ученичество). Писатель Владимир Торин, возглавлявший в 1936–1937 годах Донбасское отделение Союза писателей Украины, – тоже выпускник «Рудуча». В 1938–1941 гг. – ответственный редактор журнала «Молодой большевик». Участник Великой Отечественной войны. Имеет награды. Прозаик. Писал на русском языке. Автор книг «Два Донбасса» (1930), «Чья земля?» (1932), «Крепь» (1933), «Утверждение» (1935), «Друзья детства» (1938), «У человека одна жизнь» (1940), «Одна семья» (1946), «Перед праздником» (1948), «Шахтёрская слава» (1949), «Донецкий кряж» (1954), «По зову сердца» (1956), «Подвиг Авдея» (1957). Умер 28 октября 1965 г.

* * *

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ

(отрывок из романа «Донецкий кряж»)

Сразу же после шахтерского праздника, первого сентября, настал наконец долгожданный день для маленького Мишутки. В школах начинался учебный год. Ранним утром по улицам горняцких городов и поселков шагали группами и в одиночку девочки в белых передниках, мальчики с остриженными под машинку светлыми и темными головками. Ребяتيшки несли букеты цветов, ученические портфели, книги, тетради. В широко раскрытых дверях школы детвору встречали преподаватели в парадных платьях.

В десятилетку имени Олега Кошевого вел Мишутку Павел Овражный.

Лина работала в ночной смене на электроподстанции и к восьми утра прийти домой.

Двор школы празднично убран. На фасаде красная лента: «Добро пожаловать!».

Мишутка выпустил руку Павла и остановился.

– Смотри: это ведь тебя зовут, Мишутка, – сказал Овражный и вслух прочел написанное.

– Да, меня зовут, папа...Папа!

И это открытие, которое сделал для себя мальчик, впервые сказав Овражному «папа» именно здесь, во дворе школы, так взволновало и растрогало Павла, что он порывисто обнял Мишутку.

Вместе с мальчиком вошел Овражный в здание школы. В коридоре их встретила Антонина Петровна, седая высокая учительница, которую хорошо знал Овражный. Она-то и разводила по классам детей, впервые пришедших в школу. Склонившись над Мишуткой сказала:

– Пойдешь в первый «Б». Будешь моим учеником. Согласен? – она взяла мальчика за руку. – Как же тебя зовут?

– Михаил, – ответил мальчик, все еще оборачиваясь к Павлу, который тоже следовал за ними.

– Мишутка! – сказал Павел, расставаясь с сыном.-

Антонину Петровну нужно слушаться, ты будешь учиться в ее классе.

-Не беспокойтесь, Павел Николаевич, все будет хорошо...

Нет, Павел не беспокоился, он отлично знал, что отдает ребенка в надежные руки.

Павел вышел во двор. Свежим, молодым и бодрым казалось ему это прохладное сентябрьское утро. В легкой дымке тумана, отливаясь серебром, издали выделялись контуры нового шахтерского города.

Горняцкий город не был еще готов... многое предстояло сделать людям, которые всего лишь несколько лет назад пришли сюда, в незастроенную степь. А уже сегодня она сверкала на солнце ослепительно белыми зданиями домов, рабочих, дворцов, школ...

В эту минуту, глядя на новый, еще недостроенный город, Павел был

поглощен радостным ощущением того, что он выполнял свой, казалось бы, самый простой и в то же время самый сокровенный отцовский долг.

Обернувшись, Овражный еще раз взглянул на школу и быстро зашагал вдоль улицы. Шел девятый час, нужно было встретить Лиину, рассказать ей о только что пережитых минутах, позавтракать и к половине девятого – а Абакумову.

Идя по Садовой, Павел увидел, как на встречу ему в легкой, раздуваемой ветром голубой кофточке, в новой темненькой юбке бежала Лиина. Розовощекая, подвижная, с короной тугих светлых кос, она напоминала ему веселую студентку.

Пятнадцать минут назад она сменилась с дежурства и спешила к седьмой школе Олега Кошевого, желая во что бы то ни стало поспеть к началу занятий, увидеть своего Мишутку за ученической партой.

Овражный ускорил шаг, наконец они встретились. Он обнял Лину.

– Учиться? Уже учится мой мальчик? – спросила она, с трудом переводя дыхание.

– Учиться, как же! – ответил Овражный. – Уже школьник наш Мишутка.

Фадеев Александр Александрович

(1901-1956)

Фадеев Александр Александрович родился в г.Кирмы Тверской губернии в семье профессиональных революционеров. В 1908 семья переехала на Дальний Восток, где Фадеев учился во Владивостокском коммерческом училище. Закончил гражданскую войну в должности комиссара бригады. В 1921 был делегирован на X съезд партии, вместе со многими делегатами участвовал в подавлении мятежа в Кронштадте, был тяжело ранен. Оставленный в Москве, Фадеев поступил в Московскую горную академию, где окончил два курса. В 1923 напечатал свой рассказ "Против течения". С 1924 был направлен на партийную и литературную работу на Северный Кавказ, где находился до 1926. Вернувшись в Москву, Фадеев стал профессиональным литератором. Автор романов "Разгром", "Молодая гвардия", "Последний из Удэге", теоретик "социалистического реализма". В состоянии глубокой депрессии покончил жизнь самоубийством. Вопреки последнему желанию Фадеева быть похороненным рядом с матерью, был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Идею своей книги «Молодая гвардия» Фадеев взял из книги

В.Г.Ляковского и М.Котова «Сердца смелых», изданной в 1944 году. Сразу после окончания Великой Отечественной войны (1941-1945) Фадеев садится за написание романа о Краснодонской подпольной организации «Молодая гвардия», действовавшей на оккупированной нацистской Германией территории Донбасса, многие члены которой были уничтожены нацистами.

* * *

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(отрывки)

Как ни тяжела и ни страшна война, какие бы жестокие потери и страдания ни несла она людям, юность с ее здоровьем и радостью жизни, с ее наивным добрым эгоизмом, любовью и мечтами о будущем не хочет и не умеет за общей опасностью и страданием видеть опасность и страдание для себя, – пока они не нагрянут и не нарушат ее счастливой походки.

Уля Громова, Валя Филатова, Саша Бондарева и все остальные девушки только этой весной окончили школу-десятилетку на руднике Первомайском.

Окончание школы – это немаловажное событие в жизни молодого человека, а окончание школы в дни войны – это событие совсем особенное.

Все прошлое лето, когда началась война, школьники старших классов, мальчики и девочки, как их все еще звали, работали в прилегающих к городу Краснодону колхозах и совхозах, на шахтах, на паровозостроительном заводе в Ворошиловграде, а некоторые ездили даже на Сталинградский тракторный, делавший теперь танки.

Осенью немцы вторглись в Донбасс, заняли Таганрог и Ростов-на-Дону. Из всей Украины одна Ворошиловградская область еще оставалась свободной от немцев, и власть из Киева, отступавшая с частями армии, перешла в Ворошиловград, а областные учреждения Ворошиловграда и Сталино, бывшей Юзовки, расположились теперь в Краснодоне.

До глубокой осени, пока установился фронт на юге, люди из занимаемых немцами районов Донбасса всё шли и шли через Краснодон, меся рыжую грязь по улицам, и казалось, грязи становится все больше и больше оттого, что люди наносят ее со степи на своих чоботах. Школьники совсем было приготовились к эвакуации в Саратовскую область вместе со своей школой, но эвакуацию отменили. Немцы были задержаны далеко за Ворошиловградом, Ростов-на-Дону у немцев отбили, а зимой немцы понесли поражение под Москвой, началось наступление Красной Армии, и люди надеялись, что все еще обойдется.

Школьники привыкли к тому, что в их уютных квартирах, в стандартных каменных, под этернитовыми крышами домиков в

Краснодоне, и в хуторских избах Первомайки, и даже в глиняных мазанках на Шанхае – в этих маленьких квартирках, казавшихся в первые недели войны опустевшими оттого, что ушел на фронт отец или брат – теперь живут, ночуют, меняются чужие люди: работники пришедших учреждений, бойцы и командиры ставших на постой или проходивших на фронт частей Красной Армии.

Они научились распознавать все роды войск, воинские звания, виды оружия, марки мотоциклов, грузовых и легковых машин, своих и трофейных, и с первого взгляда разгадывали типы танков – не только тогда, когда танки тяжело отдыхали где-нибудь сбоку улицы, под прикрытием тополей, в мареве струящегося от брони раскаленного воздуха, а и когда, подобно грому, катились по пыльному ворошиловградскому шоссе и когда буксовали по осенним расползшимся, и по зимним, заснеженным, военным шляхам на запад.

Они уже не только по обличью, а и по звуку различали свои и немецкие самолеты, различали их и в пылающем от солнца, и в красном от пыли, и в звездном, и в черном, несущемся вихрем, как сажа в аду, донецком небе.

– Это наши «лаги» (или «миги», или «яки»), – говорили они спокойно.

– Вон «мессера» пошли!..

– Это «Ю-87» пошли на Ростов, – небрежно говорили они.

Они привыкли к ночным дежурствам по отряду ПВХО, дежурствам с противогазом через плечо, на шахтах, на крышах школ, больниц, и уже не содрогались сердцем, когда воздух сотрясался от дальней бомбежки и лучи прожекторов, как спицы, скрещивались вдали, в ночном небе над Ворошиловградом, и зарева пожаров вставали то там, то здесь по горизонту, и когда вражеские пикировщики среди бела дня, внезапно вывернувшись из глубины небес, с воем обрушивали фугаски на тянувшиеся далеко в степи колонны грузовиков, а потом долго еще били из пушек и пулеметов вдоль по шоссе, от которого в обе стороны, как распоротая глицером вода, разбегались бойцы и кони.

Они полюбили дальний путь на колхозные поля, песни во весь голос на ветру с грузовиков в степи, летнюю страду среди необъятных пшениц, изнемогающих под тяжестью зерна, задушевные разговоры и внезапный смех в ночной тиши, где-нибудь в овсяной полове, и долгие бессонные ночи на крыше, когда горячая ладонь девушки, не шелохнувшись, и час, и два, и три покоится в шершавой руке юноши, и утренняя заря занимается над бледными холмами, и роса блестит на серовато-розовых этернитовых крышах, на красных помидорах и каплет со свернувшихся желтеньких, как цветы мимозы, осенних листочков акаций прямо на землю в палисаднике, и пахнет гниющими в сырой земле корнями отвянувших цветов, дымом дальних пожарищ, и петух кричит так, будто ничего не случилось...

И вот этой весной они окончили школу, простились со своими

учителями и организациями, и война, точно она их ждала, глянула им прямо в очи.

23 июня наши войска отошли на Харьковском направлении. 2 июля завязались бои на Белгородском и Волчанском направлениях с перешедшим в наступление противником. А 3 июля, как гром, разразилось сообщение по радио, что нашими войсками после восьмимесячной обороны оставлен город Севастополь.

Старый Оскол, Россошь, Кантемировка, бои западнее Воронежа, бои на подступах к Воронежу, 12 июля – Лисичанск. И вдруг хлынули через Краснодон наши отступающие части.

Лисичанск – это было уже совсем рядом. Лисичанск – это значило, что завтра в Ворошиловград, а послезавтра сюда, в Краснодон и Первомайку, на знакомые до каждой травинки улочки с пыльными жасминами и сиренями, выпирающими из палисадников, в дедов садочек с яблонями и в прохладную, с закрытыми от солнца ставенками, хату, где еще висит на гвозде, направо от дверей, шахтерская куртка отца, как он ее сам повесил, придя с работы, перед тем как идти в военкомат, – в хату, где материнские теплые, в жилочках, руки вымыли до блеска каждую половицу и полили китайскую розу на подоконнике, и набросили на стол пахнущую свежестью сурового полотна цветастую скатерку, – может войти, войдет немец!

В городе так прочно, будто на всю жизнь, обосновались очень положительные, рассудительные, всегда всё знавшие бритые майоры-интенданты, которые с веселыми прибаутками перекидывались с хозяевами в карты, покупали на базаре соленые кавуны, охотно объясняли положение на фронтах и при случае даже не щадили консервов для хозяйского борща. В клубе имени Горького при шахте № 1-бис и в клубе имени Ленина в городском парке всегда крутилось много лейтенантов, любителей потанцевать, веселых и не то обходительных, не то озорных – не поймешь. Лейтенанты то появлялись в городе, то исчезали, но всегда наезжало много новых, и девушки так привыкли к их постоянно меняющимся загорелым мужественным лицам, что все они казались уже одинаково своими. <...>

* * *

Со времени великого переселения народов не видела донецкая степь такого движения масс людей, как в эти июльские дни 1942 года.

По шоссейным, грунтовым дорогам и прямо по степи под палящим солнцем шли со своими обозами, артиллерией, танками отступающие части Красной Армии, детские дома и сады, стада скота, грузовики, беженцы – то нестройными колоннами, то вразброд, толкая перед собой тачки с вещами и с детьми на узлах.

Они шли, топча созревающие и уже созревшие хлеба, и никому уже не было жаль этого хлеба – ни тем, кто топтал, ни тем, кто сеял, – они стали ничьими, эти хлеба: они оставались немцам. Колхозные и совхозные картофельные поля и огороды были открыты для всех.

Беженцы копали картофель и пекли его в золе костров, разведенных из соломы или станичных плетней, — у всех, кто шел или ехал, можно было видеть в руках огурцы, помидоры, сочащийся ломоть кавуна или дыни. И такая пыль стояла над степью, что можно было не мигая смотреть на солнце.

Взятие немцами Миллерова, города и крупной железнодорожной станции на магистрали Воронеж-Ростов, и стремительное движение их танковых и моторизованных частей на Морозовскую, станцию на железной дороге, связывавшей Донбасс со Сталинградом, отрезало Ворошиловградскую и Ростовскую области от центра страны, поставило под угрозу Сталинград и изолировало армии Южного фронта.

То, что поверхностному взгляду отдельного человека, как песчинка вовлеченного в поток отступления и отражающего скорее то, что происходит в душе его, чем то, что совершается вокруг него, казалось случайным и бессмысленным выражением паники, было на самом деле невиданным по масштабу движением огромных масс людей и материальных ценностей, приведенных в действие сложным, организованным, движущимся по воле сотен и тысяч больших и малых людей, государственным механизмом войны.

Армии Южного фронта, выставив заслоны у Ворошиловграда и по реке Миус, выбрасывая по пути сильные отряды флангового охранения, отходили в направлении на Новочеркасск и Ростов, с тем чтобы успеть пройти за Дон, избежав глубокого флангового охвата их с севера. И в том же направлении двигались эвакуировавшиеся из Ворошиловграда и области крупные предприятия и учреждения.

Другие, меньшие потоки отступавших воинских частей отходили в направлении на Каменск, город километрах в сорока от Краснодона, расположенный южнее Миллерова, в том пункте, где железная дорога Воронеж-Ростов пересекает реку Северный Донец, и в направлении через Лихую на Белокалитвенскую, станцию на железной дороге Донбасс-Сталинград, в пункте, где эта дорога пересекает Северный Донец. Эти части должны были прикрыть правый, северный, фланг отступающих армий Южного фронта.

Как это бывает в вынужденном быстром отступлении, кроме этих главных, больших, хотя и трудных, но осмысленных движений масс войск и гражданского населения, по всем дорогам и прямо по степи в направлении на восток и юго-восток шли беженцы, мелкие учреждения и коллективы, разрозненные команды и обозы войск, разбитых в боях, потерявших связь, сбившихся с пути, группы военных, отставших по болезни или ранению, по недостатку транспорта. Эти, то большие, то меньшие группы, не имевшие никакого представления о том, что же в действительности происходит на фронте, шли, куда им казалось вернее и выгоднее, забивали все поры и вены главного движения и прежде всего забивали переправы через Донец и Дон, где у паромов и понтонных мостов, подвергаясь вражеской бомбардировке с воздуха, в

течение суток крутились целые таборы людей, машин, подвод.

Как ни бессмысленно было движение на Каменск в условиях, когда немецкие части уже вышли далеко по ту сторону Донца, значительная часть беженцев из Краснодона устремилась именно в этом направлении, потому что в этом направлении еще шли воинские части. И именно в этот бессмысленный поток попала запряженная двумя добрыми гнедыми конями селянская телега, на которой ехали Уля Громова, Анатолий Попов, Виктор Петров и его отец.

Едва скрылись из глаз последние хуторские строения, когда подвода среди других подвод и машин уже перевалила на пологий съезд с холма, из глубины неба внезапно вырвался чудовищный рев моторов, и снова низко над головами, застив солнце, промчались немецкие пикировщики, ударили по шоссе из пулеметов.

Отец Виктора, энергичный большой мужчина в кожаной фуражке, с мясистым лицом и сильным голосом, вдруг побелел.

– В степь! Ложись! – крикнул он ужасным голосом. <...>

* * *

И вспомнилась Олегу мама с мягкими, добрыми руками...

...Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и зимой, – он был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. А может быть, они были и грубее, руки твои, – ведь им столько выпало работы в жизни, – но они всегда казались мне такими нежными, и я так любил целовать их прямо в темные жилочки.

Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении тихо, в последний раз положила мне голову на грудь, провожая в тяжелый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе. Я помню, как они сновали в мыльной пене, стирая мои простынки, когда эти простынки были еще так малы, что походили на пеленки, и помню, как ты в тулупчике, зимой, несла ведра на коромысле, положив спереди на коромысло маленькую ручку в рукавичке, сама маленькая и пушистая, как рукавичка. Я вижу твои с чуть утолщенными суставами пальцы на букваре, и я повторяю за тобой: «бе-а-ба, ба-ба». Я вижу, как сильной рукой своею ты подводишь серп под жито, сломленное жменью другой руки, прямо на серп, вижу неуловимое сверкание серпа и потом это мгновенное плавное, такое женственное движение рук и серпа, откидывающее колосья в пучке так, чтобы не поломать сжатых стеблей.

Я помню твои руки, не сгибающиеся, красные, залубневшие от студеной воды в проруби, где ты полоскала белье, когда мы жили одни, – казалось, совсем одни на свете, – и помню, как незаметно могли руки твои вынуть занозу из пальца у сына и как они мгновенно продевали нитку в иголку, когда ты шила и пела – пела только для себя и для меня. Потому что нет ничего на свете, чего бы не сумели руки твои, что было бы им не под силу, чего бы они погнушались! Я видел, как они месили

глину с коровьим пометом, чтобы обмазать хату, и я видел руку твою, выглядывающую из шелка, с кольцом на пальце, когда ты подняла стакан с красным молдаванским вином. А с какой покорной нежностью полная и белая выше локтя рука твоя обвилась вокруг шеи отчима, когда он, играя с тобой, поднял тебя на руки, – отчим, которого ты научила любить меня и которого я чтил, как родного, уже за одно то, что ты любила его.

Но больше всего, на веки вечные запомнил я, как нежно гладили они, руки твои, чуть шершавые и такие теплые и прохладные, как они гладили мои волосы и шею, и грудь, когда я в полусознании лежал в постели. И когда бы я ни открыл глаза, ты была всегда возле меня, и ночник горел в комнате, и ты глядела на меня своими запавшими очами, будто из тьмы, сама вся тихая и светлая, будто в ризах. Я целую чистые, святые руки твои!

Ты проводила на войну сыновей, – если не ты, так другая, такая же, как ты, – иных ты уже не дожدهшься вовеки, а если эта чаша миновала тебя, так она не миновала другую, такую же, как ты. Но если и в дни войны у людей есть кусок хлеба и есть одежда на теле, и если стоят скирды на поле, и бегут по рельсам поезда, и вишни цветут в саду, и пламя бушует в домне, и чья-то незримая сила подымает воина с земли или с постели, когда он заболел или ранен, – все это сделали руки матери моей – моей и его, и его.

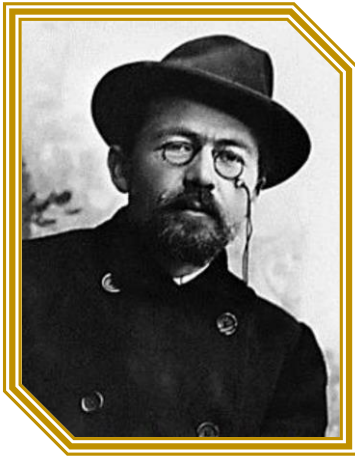
Оглянись же и ты, юноша, мой друг, оглянись, как я, и скажи, кого ты обижал в жизни больше, чем мать, – не от меня ли, не от тебя, не от него, не от наших ли неудач, ошибок и не от нашего ли горя сидят наши матери? А ведь придет час, когда мучительным упреком сердцу обернется все это у материнской могилы.

Мама, мама!.. Прости меня, потому что ты одна, только ты одна на свете можешь прощать, положи на голову руки, как в детстве, и прости...
<...>

Чехов Антон Павлович

(1860–1904)

Имя Антона Павловича Чехова тесным образом связано с нашим краем. В апреле-мае 1887 года Чехов побывал не только в Таганроге у родственников, но и во многих городках и селах Донбасса и Донщины. Писателю было 27 лет – возраст впечатлений и внутреннего обогащения.

В Таганрог он приехал в начале апреля 1887 года. Родные, друзья, старые знакомые. Его встречают не просто как земляка, уехавшего учиться в Москву, но и, по меркам провинциального городка, как столичную знаменитость. Тем не менее, он не сидит на месте. Юг России влечет его. И он путешествует. Из Новочеркасска Чехов отправляется гостить к своему другу, мелкому землевладельцу Петру Гаврииловичу Кравцову в Рагозину Балку.

Имение Кравцовых Рагозина Балка располагалось в Таганрогском округе Области Войска Донского, недалеко (23 версты) от села (местечка) Ивановка (ныне это Антрацитовский район Луганской Народной Республики, село Ивановка). В Ивановку Чехов неоднократно ездил из Рагозиной Балки за почтой.

– И сам хутор Кравцовых, и его обитатели, и живописные местности вокруг были описаны Чеховым в рассказах "Счастье", "Печенег", "Огни", в повести "Степь".

Всё увиденное Антоном Чеховым в Рагозиной Балке и её окрестностях не просто отобразится в его прозе. Сама проза становится другой. Описания "красивой грозы", степных пейзажей есть в его повести "Степь", но к ней он приступил лишь в январе 1888 года, когда впечатления от поездки на Юг России сложились в нечто более существенное, чем впечатления. Можно обратить внимание и на то, какую художественную роль играют дивные "роскошные" горы Нагольного кряжа (самая высокая часть Донецкой возвышенности) в прекрасном рассказе "Счастье".

Впрочем, не следует думать, что Чехову увиденные южные городки понравились. В его письмах мы найдём очень нелюбимые (и с тем – правдивые) характеристики Таганрога, Славянска, Краматоровки (сейчас – Краматорск). В письме сестре М.П.Чеховой Антон Павлович рисует схему Донецкой железной дороги и даёт пояснение: "Центральный шарик – это ст.Дебальцево. Остальные шарики – это всяческие Бахмуты, Изюмы, Лисичански, Лугански и прочие пакости...".

РУССКИЙ УГОЛЬ

В одно прекрасное апрельское утро русский граф Тулупов ехал на немецком пароходе вниз по Рейну и от нечего делать беседовал с «колбасником». Его собеседник, молодой сухопарый немец, весь состоящий из надменно-ученой физиономии, собственного достоинства и туго накрахмаленных воротничков, отрекомендовался горным мастер Артуром Имбс и упорно не сворачивал с начатого и уже надоевшего графу разговора о русском каменном угле.

– Судьба нашего угля весьма плачевна, – сказал, между прочим, граф, испустив вздох ученого знатока. – вы не можете себе представить! Петербург и Москва живут английским углем, Россия жжет в печах своих роскошные девственные леса, а между тем недра нашего Юга содержат неисчерпаемые богатства!

Имбс печально покачал головой, досадливо крикнул и потребовал карту России.

Когда лакей принес карту, граф провел ногтем мизинца по берегу Азовского моря, поцарапал тем же ногтем возле Харькова и проговорил:

– Вот здесь... вообще... Понимаете? Весь юг!..

Имбсу хотелось точнее узнать те именно места, где залегают наш уголь, но граф не сказал ничего определенного; он беспорядочно тыкал своим ногтем по всей России и раз даже, желая показать богатую углем Донецкую область, ткнул на Ставропольскую губернию своей родины. Он ужасно удивился и даже изобразил на своем лице недоверие, когда Имбс сказал ему, что в России есть Карпатские горы.

– У меня у самого, знаете ли, есть в Донецкой области имение, – сказал граф. – Восемь тысяч десятин земли. Прекрасное имение! Угля в нем, представьте себе... неисчисляемая... океанская масса... миллионы в земле зарыты... пропадают даром... Давно уже мечтаю заняться этим вопросом... Подыскиваю случая... подходящего человека. У нас в России нет ведь специалистов! Полное безлюдье!

Заговорили вообще о специалистах. Говорили много и долго... кончилось тем, что граф вдруг, как ужаленный, хлопнул себя по лбу и сказал:

– Знаете что? Я очень рад, что с вами встретился. Не хотите ли ехать ко мне в имение? А? что вам здесь делать, в Германии? Здесь ученых немцев и без вас много, а у нас вы дело сделаете! И какое дело!.. хотите? Соглашайтесь скорей!

Имбс нахмурился, походил по каюте из угла в угол и, рассудив и взвесил, дал согласие.

Граф пожал ему руку и крикнул шампанского...

– Ну, теперь я покоен, – сказал он. – У меня будет уголь...

Через неделю Имбс, нагруженный книгами, чертежами и надеждами, ехал уже в Россию, нецеломудренно мечтая о русских рублях. В Москве граф дал ему двести рублей, адрес имения и приказал

ехать на юг.

– Езжайте себе и начинайте там... Я, может быть, осенью приеду. Пишите, как и что...

Прибыв в имение Тулупова, Имбс поселился во флигеле и на другой же день после приезда занялся «снабжением России углем». Через три недели он послал графу первое письмо. «Я уже ознакомился с углем вашей земли, – писал он после длинного робкого вступления, – и нашел, что благодаря своему низкому качеству, он не стоит того, чтобы его выкапывали из земли. Если бы он был трое лучше, то и тогда бы не следовало трогать его. Помимо качества угля, меня поражает также полное отсутствие спроса. У вашего соседа, углепромышленника Алпатова, заготовлено пятнадцать миллионов пудов, а между тем нет никого, кто дал ему хотя бы по копейке за пуд. Донецко-Каменноугольная дорога, идущая через ваше имение, построена специально для перевозки каменного угля, но, как оказывается, ей за все время своего существования не удалось перевезти еще ни одного пуда. Нужно быть нечестным или слишком легкомысленным, чтобы подать вам хотя бы каплю надежды на успех. Осмелюсь также добавить, что ваше хозяйство до того расстроено и распущено, что добавление угля и вообще какие бы то ни было нововведения являются роскошью». В конце концов немец просил графа порекомендовать его другим русским «Князям или графам» или же выслать ему немного на обратный путь в Германию. В ожидании милостивого ответа Имбс занялся ужением карасей и ловлей перепелов на дудочку.

Ответ на это письмо получил не Имбс, а управляющий, поляк Дзержинский. «А немцу скажите, что он ни черта не понимает, – писал граф в постскриптуме. – Я показывал его письмо одному горному инженеру (тайному советнику Млееву), и оно возбудило смех. Впрочем, я его не держу, пусть себе уезжает. Деньги же на дорогу у него есть. Я дал ему 200 руб. Если он потратил на дорогу 50, то и тогда останется у него 150». Узнав о таком ответе, Имбс ужасно испугался. Он сел и покрыл своим немецким, расплывающимся почерком два листа почтовой бумаги. Он умолял графа простить его великодушно за то, что он скрыл от него в первом письме многое «очень важное». Со слезами на глазах и угрызаемый совестью, он писал, что оставшиеся после дороги из Москвы 172 руб. он имел неосторожность проиграть в карты Дзержинскому. «Впоследствии я выиграл у него 250 руб., но он не отдает мне их, хотя и получил с меня весь мой проигрыш, а потом осмеливаюсь прибегать к вашему всемогуществу, заставьте уважаемого господина Жзержинского уплатить мне хоть половину, чтобы я мог оставить Россию и не есть даром вашего хлеба» много воды утекло в море, и много карасей и перепелов поймал Имбс, пока получил ответ на второе письмо. Однажды, в конце июля, в его комнату вошел поляк и, севши на кровать, принялся припоминать вслух все ругательства, имеющиеся на немецком языке.

– Удивительный осел это граф! – сказал он, хлопая фуражкой о край стола. – пишет мне, что уезжает на днях в Италию, а не дает никаких распоряжений относительно вас. Куда мне вас девать? Уголь ему нужен так, как мне ваша физиономия, черт его возьми! И вы тоже хороши, нечего сказать! Глупый объевшийся баловень наболтал вам от нечего делать, а вы ему поверили!

– Граф уезжает в Италию? – удивился Имбс, бледнея. – А денег мне прислал? Нет? Как же я уеду отсюда? Ведь у меня ни копейки!.. Послушайте меня, уважаемый господин Держинский... если вы не можете отдать мне вашего проигрыша, то не купите ли вы моих книг и чертежей? В России вы сбудете их за очень большую сумму!

– В России не нужны ваши книги и чертежи.

Имбс сел и задумался. Пока поляк наполнял воздух своей желчью, немец решал свой шкурный вопрос и почувствовал всеми своими немецкими чувствами, как у него портилась в эти минуты кровь. Он похудел, обрюзг, и выражение надменной учености на лице уступило место выражению боли, безнадежности... Сознание безвыходного плена вдали от рейнских волн и компании горных мастеров заставило его плакать... Вечером он сидел у окна и глядел на луну... Кругом была тишина. Где-то вдали пиликала гармоника и ныла жалобная русская песенка. Эти звуки защемили Имбса за сердце... Его охватила такая тоска по родине, по праву и справедливости, что он отдал бы всю жизнь за то только, чтобы очутиться в эту ночь дома...

«И здесь светит эта луна, и там она светит, а какая разница!» – думал он.

Всю ночь тосковал Имбс. Под утро он не вынес тоски и порешил уйти. Сложив свои «ненужные в России» книги и чертежи в котомку, он выпил натошак воды и ровно в четыре часа утра поплелся к северу. Он порешил идти в тот самый Харьков, который еще так недавно граф поцарапал своим ногтем. В Харькове надеялся он встретить немцев, которые могли бы дать ему денег на дорогу.

– Дорогой стащили с меня, сонного, сапоги, – рассказывал Имбс своим приятелям, сидя через месяц на том же пароходе. – Такова «русская честность»! но в конце концов нужно отдать ей справедливость: от Славянска до Харькова русский кондуктор провез меня за сорок копеек – деньги, вырученные мною за мою пеньковую трубку. Это нечестно, но зато очень дешево!

* * *

ПЕРЕКАТИ ПОЛЕ

(отрывки)

Я возвращался со всенощной. Часы на святогорской колокольне, в виде предисловия, проиграли свою тихую мелодичную музыку и вслед за этим проиграли свою тихую, мелодичную музыку и вслед за этим пробили двенадцать. Большой монастырский двор, расположенный на

берегу Донца у подножия Святой Горы и огороженный, как стеною, высокими гостиными корпусами, теперь, в ночное время, когда его освещали только тусклые фонари, огоньки в окнах да звезды, представлял из себя живую кашу, полную движения, звуков и оригинальнейшего беспорядка...

Сосны, которые громоздились на отвесной горе одна над другой и склонялись к крыше гостиного корпуса, глядели во двор, как в глубокую яму, и удивленно прислушивались; в их темной чаще, не умолкая, кричали кукушки и соловьи... Глядя на сумятицу, прислушиваясь к шуму, казалось, что в этой живой каше никто никого не понимает, все чего-то ищут и не на ходят и что этой массе телег, кибиток и людей едва ли удастся когда-нибудь разъехаться.

К дням Иоанна Богослова и Николая Чудотворца в Святые Горы стеклось более десяти тысяч. Были битком набиты не только гостинные корпуса, но даже пекарня, швальня, столярня, каретная...

Нужно было бегать, носить, неумолкаемо говорить, но мало того, нужно еще быть любезным, тактичным, стараться, чтобы мариупольские греки, живущие комфортабельнее, чем хохлы, помещалось не иначе, как с греками, чтобы какая-нибудь бахмутская или лисичанская мещанка, одетая «благородно», не попала в одно помещение с мужиками и не обиделась...

– Господин, – остановил меня гостиник, – будьте добры, позвольте вот этому молодому человеку переночевать в вашем номере! Сделайте милость! Народу много, а мест нет – просто беда!

И он указал на невысокую фигуру в легком пальто и в соломенной шляпе. Я согласился, и мой случайный сожителю отправился за мной...

Дорога из монастыря, прорытая к меловой горе и стоившая немалых трудов, шла вверх, в объезд горы почти спирально, по корням, под нависшими суровыми соснами... Сначала скрылся с глаз Донец, за ним монастырский двор с тысячами людей, потом зеленые крыши... Оттого, что я поднимался, все казалось мне исчезающим в яме. Соборный крест, раскаленный от лучей заходящего солнца, ярко сверкнул в пропасти и исчез. Остались одни только сосны, дубы и белая дорога. Но вот коляска въехала на ровное поле, и все это осталось внизу и позади; Александр Иванович прыгнул и, грустно улыбаясь, взглянув на меня в последний раз своими детскими глазами, стал спускаться вниз и исчез для меня навсегда...

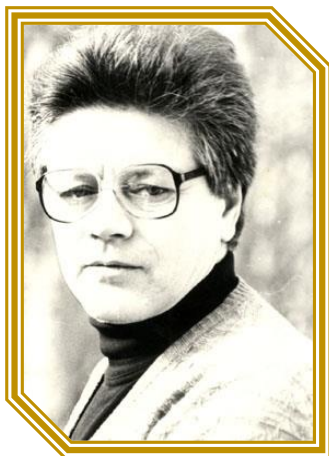
Святогорские впечатления стали уже воспоминаниями, и я видел новое: ровное поле, беловато-бурую Валь, рощицу у дороги, а за нею ветряную мельницу, которая стояла не шевелясь и, казалось, сучала оттого, что по случаю праздника ей не позволяют махать крыльями.

РАЗДЕЛ III. «Я НЕ ТОЛЬКО ПИШУ О ДОНБАССЕ, Я ДОНБАССОМ ЖИВУ И ДЫШУ»

Алымов Сергей Александрович

(1954)

Родился Сергей Александрович 28 января 1954 года в городе Торезе Донецкой области. Окончил Донецкий государственный медицинский институт. И уже много лет трудится врачом Скорой медицинской помощи г. Мариуполь. Сергей Алымов – участник ликвидации аварии на ЧАЭС, о чем написал и опубликовал цикл стихов в 1986 году. Публиковался в городских, областных газетах, коллективных сборниках, альманахах. Автор книги стихов «Запомни меня», изданной в Харькове в 1993 году. Много лет сотрудничает с «Приазовским рабочим».

Его перу принадлежат не только стихи, но и рецензии на спектакли, книги, стихотворные шаржи на друзей-литераторов.

* * *

НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

Горит неяркая звезда
И на душе легко и ясно,
Не много нужно иногда,
Чтоб ощутить, как жизнь прекрасна.

Нужна всего одна река,
На берегу реки палатка,
Вода, горящая слегка,
И долгий день и вечер краткий...

Какая в мире тишина!
Но словно видя нас с тобою,
На меловой горе сосна
Всю ночь качает головою...

* * *

ПОГОДА

У этого мелкого моря,
Где мы проживаем с тобой,
Погода, с прогнозами споря,
Меняется наперебой.

То ветер порывисто вздорный,
А то надоедливый зной,
То снег не на шутку упорный,
То дождь, как на грех, проливной!

Не в этом ли скрыта разгадка
Всех наших бессмысленных ссор?
Когда в небесах неполадки,
И в душах таится раздор...»

* * *

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Давай побываем в осеннем лесу,
В печальных владениях осени поздней,
В лесу, где качаются на весу
Последней листвы побуревшие космы.

Давай побываем в тех самых местах,
Где лето бросало счастливые блики,
Где мы друг от друга еще не устав,
Гадали на вечных цветках земляники.

Давай побываем в осеннем лесу,
Где эхо любви бродит тенью бесплотной,
Где лист пролетевший скользнет по лицу
Твоим поцелуем, сухим и холодным...

* * *

ИЗ ЦИКЛА «В ЧЕРНОБЫЛЕ»

Отчаянно цветет сирень
В беспечном упоенье,
Как дорог ей хотя бы день,
Последнего цветенья!
Что ей до наших новостей!
Ей жить одно лишь лето.
И странный цвет её кистей
Зловеще фиолетов.
А ночью, черной, как графит,
Она почти пунцова.
И месяц спрятаться спешит
За облаком свинцовым.
Слепую вспышку наших чувств,
Безумно обреченных,-
Все объясняет этот куст
Сирени облученной...

СОНЕТ

Когда бы знать, кто нас соединил,
 Всерьез, быть может, а быть может, в шутку,
 И если бы я верил в предрассудки,
 Зачем близки мы были, я б спросил.
 Наверное, есть выше наших сил
 Влечение невнятное рассудку,
 Оно и диктовало нам поступки,
 Победные движение светил,
 В котором все известно изначально
 И каждая случайность не случайна.
 Все это называется судьбой,
 А может быть, могло любовью зваться...
 Мы не могли с тобою не расстаться,
 Как не могли не встретиться с тобой.

Анциферов Николай Степанович

(1930–1964)

Николай Степанович Анциферов родился в Макеевке 28 октября 1930 года в потомственной шахтерской семье. После окончания Великой Отечественной войны обучался в ремесленном училище и работал на макеевской шахте имени Батова («София») электрослесарем.

Первые его стихи были опубликованы в городской газете «Макеевский рабочий» 20 мая 1951 года, а вскоре после этого и в областной газете «Комсомолец Донбасса».

Окончив вечернюю школу, Николай поступил в Литературный институт имени Горького в Москве. Вскоре он уже руководил отделом поэзии в журнале «Москва».

Сердце поэта остановилось слишком рано, 16 декабря 1964 года. При его жизни успели увидеть свет четыре книги: «Дайте срок» (Сталино, 1956г.), «Молчание – не золото» (Сталино, 1960г.) «Подарок» (Москва, 1961г.), «Случайная гостья» (Москва, 1964г.). Позже вышли еще несколько изданий: «Избранная лирика» (Москва, 1965г.), «Избранное» (Донецк, 1966г.), «Шахтерская лампочка» (Москва, 1977г.).

Наш земляк похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

* * *

О ДОНБАССЕ ПИШУТ...

О Донбассе пишут в географии,
Что Донбасс – край угля и металла.
Верно. Но для полной биографии
Это очень сухо, очень мало.
Кажется, есть песня о Донбассе,
Терриконы и копры воспеты.
Верно, есть такие. Я согласен.
Только это – внешние приметы.
Ну, а где же люди? Их не видно...
Потому мне горько и обидно...
Я хочу сказать о земляках.
Может быть, получится коряво,
Все-таки
Горняк
О горняках,
Как могу,
Сказать
Имею право.

* * *

ВЕЛЬМОЖА

Я работаю, как вельможа,
Я работаю только лежа.
Не найти работенки краше,
Не для каждого эта честь.
Это – только в забое нашем:
Только лежа – ни встать, ни сесть.
На спине я лежу, как барин.
Друг мой – рядом, упрямый парень.
«Поднажмем!» – И в руках лопата
Все быстрее и веселей.
Только уголь совсем не вата:
Малость крепче и тяжелей.
Эх, и угольная перина!
Не расскажешь о ней в стихах.
Извиваешься, как балерина,
Но лопата играет в руках.
Отдохнуть бы минуту, две бы!
Отдыхаешь, когда простой.
Семьянин говорит о хлебе,
О любви говорит холостой.
Но промчится пара минут -
И напарник мой тут как тут.

Шепчет: «Коля, давай, давай!
Вместе взялись, не отставай!»
На спине снова пляшет кожа.
Я дружку отвечаю: «Есть!»
Я работаю, как вельможа,
Не для каждого эта честь.

* * *

Я СОЛНЦУ РАД

Когда я выхожу из-под земли,
Так улыбаюсь солнцу,
Будто с ним
Не виделся сто тысяч лет и зим.
И вдруг увидел,
Выйдя из земли.
Домой я мимо кладбища иду.
Я воздух пью – и не могу напиться.
На нашем кладбище, как в городском саду:
Цветет акация, насвистывают птицы...
«Привет, ребята. Я опять в гостях», –
Скажу, сняв кепку, холмикам могильным.
И под акацией с травинкою в зубах
Усну беспечным, молодым и сильным.
Я час просплю. А может быть, все пять.
Меня разбудит родственница чья-то
И скажет, что наклюкался опять,
Что ничего не дорого, не свято...
Вы, люди-судьи, не всегда правы:
Я пьян не от бутылочного зелья –
Я опьянел, придя из подземелья,
От свиста птиц, от зелени травы...
Но я перечить женщине не стану.
Я виноват.
Я извинюсь.
Я встану.
Уйду, не поднимая головы.
А завтра выйду из земли,
Так улыбаясь солнцу,
Будто с ним
Не виделся сто тысяч лет и зим
И вдруг увидел,
Выйдя из земли.

* * *

В ШАХТЕ

Шахта, товарищи, не метро
И не курорт на Кавказе...
На тысячу метров к Земле в нутро
Мы на работу лазим.
Где-то над нами тартарары,
Пекло над нами где-то
Здесь ни прохлады,
Здесь ни жары,
Здесь ни зимы, ни лета,
Здесь от пыли тесто во рту,
Здесь полуголы, блеским, в поту,
Чумазы, чернее негра.
Порода вверху,
Порода внизу,
Порода слева и справа.
Породу-песчаник машины грызут
Резцами особого сплава.
Железо и камень. Кто победит?!
Частенько бывают курьёзы:
Плавится, плача, металл «победит»,
Роняя железные слезы.
Нету резцов, и времени нет.
Стоим. За смену – ни с места...
Там наверху табак и обед,
А у меня – и невеста.
Там, наверху, весна и гармонии,
Там – песни и пляски.
А здесь бригадир клюет на ладонь
И – пару слов по-донбасски
(эти слова нельзя напечатать
И говорить при девчатах.)
Есть основания уйти домой:
Влипли, песенка спета.

* * *

ОБИДА

Угля не будет.
Будет атом.
И будут в сорок энный век
Читать историю ребятам,
Как по земле ходил когда-то
Шахтер – подземный человек.
Меня, шахтера, в общем – целом

Изобразит учитель мелом
И скажет с пафосом о том,
Что был я в жизни сильным, смелым,
Питался мясом, хлебом белым,
Но и не брезговал вином.
Попутно скажет коротенько
О трудовых моих делах,
Что я ходил на двух ногах,
А пласт рубил на четвереньках.
Я буду жизнью любоваться
Всю ночь из школьного окна.
Такие будут времена,
Что не додумаетесь, братцы.
А рано утром, спозаранку
Увижу с тряпкою гражданку.
Я крикну ей: «Давай не будем
Уничтожать сейчас меня!
Хочу поведать вашим людям
О людях нашенского дня.
О той далекой, незнакомой,
Нелегкой жизни, но большой.
Нет, я не лектор из райкома,
Я рассказать могу за дело:
Сотрет портрет, взглянув в глаза.
А у меня крупинкой мела
На землю скатится слеза.

Афонин Михаил Евгеньевич

(1974)

Родился 8 февраля 1974 года в Донецке. Окончил Донецкий национальный технический университет. Предприниматель. Публиковался в периодических изданиях. Номинирован на Национальную литературную премию «Поэт года 2015». Член Союза писателей ДНР.

* * *

ЛЕТО 2014

Не уйдёт бесследно это лето,
Не исчезнет пухом на ветру,
Нам ещё с тобой довольно света,
А не хватит – с окон пыль сотру.

Не исчезнет вмиг и не растает
То, что и случиться не должно,
Ну, а если света вдруг не станет,
Я возьму и выдавлю окно.

Закричу туда, где ходят люди:
«Люди, вы сейчас сошли с ума!
Не гоните свет – его не будет,
Будет только мерзкая зима».

Не слышали меня и не узнали,
Отвернулись, будто меня нет,
Гибли под снежинками из стали,
Убивали, но гасили свет.

Знаю, что один всегда неслышен,
Потому в окно и не кричу,
Я спокойно выхожу на крышу –
Я молчу, я жгу свою свечу.

15 июля 2014 г.

* * *

ДОНЕЦКУ

Как корабль по бурному морю,
Плывёт, неподвластный ненастью,
Мой любимый, мой солнечный город.
Город мира, любви. Город счастья.

Ты не спишь по ночам, добрый город.
Всё разрывы снарядов мешают.
Эти звуки, как капли за ворот,
Жутко вздрогнуть тебя заставляют.

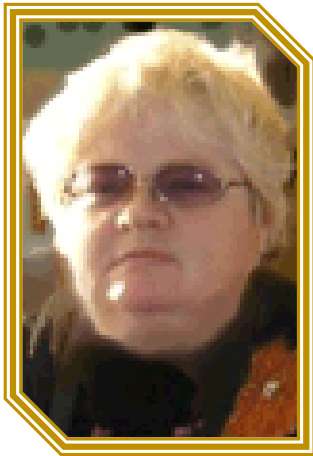
Тополей в небо смотрят ракеты,
И горбы терриконов верблюжьи.
Город мой – лучший город планеты.
И другой мне, конечно, не нужен.

Переходы, как гетры в полосу,
Светофоры проходим моргают.
Город мой, я же твой, свойский «в доску»!
Ты мой друг, а друзей не бросают.

Балинченко Оксана Иосифовна

(1955)

Балинченко Оксана Иосифовна – кандидат технических наук, доцент кафедры «Водоснабжение, водоотведение и охрана водных ресурсов» Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. Проживает в г. Макеевка.

* * *

ПЕСНЯ О ПОЗОЛОТЕ

Не спешите снега в меня бросить,
Я побуду красивой, как осень.
День осенний, в полете зависни
Медом жизни и золотом жизни!
Позолота моя, позолота,
Коротка, как венчальная мода,
Бал шикарный, в сезоне последний,
Тех, кто принял свой облик осенний,
Птицы мудро сбиваются в стаи,
Я ж листком золоченым витаю.
Мудрецов не услышу упрека:
Просто буду далек-далеко...
Позолота моя, позолота,
За собой позвала бы кого-то,
И на крыльях, привязанных туго,
Я достигла бы теплого юга.
Я, как осень, хочу быть красива,
Я весну о таком не просила,
Я о том не молила и лето,
И, надеюсь, зачтется мне это.
Позолота моя, позолота,
Краше верной – счастливая нота...
Все исправят, хоть мне и не важно,
В партитуре последнего марша.

Бахтаров Василий Ильич

(1937-1996)

Василий Ильич Бахтаров – донской грек-румей, самоотверженный подвижник сохранения и развития родного румейского диалекта, румейский поэт и переводчик. Подписывал произведения румейской формой своего имени – Василис Бахтарис.

Василий Бахтаров родился 17 марта 1937 года в греческой крестьянской семье, в селе Бугас, Волновахского района, Донецкой области. Среднюю школу Василий окончил в родном селе, а в 1960-1961 гг. учился в Мариупольском техническом училище.

Бахтаров сменил несколько профессий, служил в армии, был колхозником, преподавал трудовое обучение в Бугасской средней школе; долгое время работал на строительстве (в тресте «Ждановсельстрой» и других строительных организациях), плотником в шахте имени Максима Горького (Донецк). В конце жизни проживал в Донецке, но похоронен в Бугасе (биографы отмечают, что Василий Ильич с большим пиететом относился к родному селу, каждый свой приезд туда воспринимал как праздник). Активно выступал за возрождение родного языка и культуры донских греков. Бахтаров начал сочинять стихи в 1957 году; считал себя учеником Антона Шапурмы. Печатался в периодике (преимущественно донецкой областной), в русских или украинских переводах.

* * *

МЫ ВСЕ ЕМУ ПОКЛОНЫ БЪЕМ

Перед хрустальным родником
Я становился на колени,
Как возле пасмурных икон
Старушки в церкви –
На моление.

Старушки
Кланялись святым,
А я склонялся
Ниже даже, чтоб дотянутся до воды
И утолить скорее жажду.

Уже давно наверно нет
Того безвестного

Провидца,
Что, угадав,
Помог на свет из-под камней
Ключу пробиться.

Он одарил нас
Родником –
Лишь скромный труд его
Известен.
Но мы ему поклоны бьем,
И он достоин
этой чести!

* * *

ЭЛЕГИЯ

Высокий тополь, яблоневый сад,
А рядом дом и чистая криница.
Взбирается на крышу виноград,
Упрятал стены, вьется и ветвится.

Распахнуты душа моя и двор –
Входите все, кому я в жизни нужен.
Подстриг я подрастающий забор,
Цветы посеял и засыпал лужи.

Не узнаю и своего села:
Как все вокруг меня помолодело.
Где столько красок улица взяла?
Какую зелень свежую одела!

А был когда-то только черный цвет.
Дымы и пепелища, и руины,
И обгорелый колосок тех лет...
Поныне не забытые картины.

О детство! Возвратись хоть на день вновь!
Я вдоволь накормлю тебя, одену,
Узнаешь ты заботу и любовь,
Возьмешь конфет и на расходы денег.

Но пусть не возвращается война
Ни на одно проклятое мгновенье.
Пусть над землей ликует тишина,
А на земле весеннее цветенье.

Беженова Алла Наумовна

(1950–2002)

Родилась Алла Беженова 16 ноября 1950 года в пос. шахта «Капитальная» Войковского поссовета в семье учительницы истории Вили Моисеевны и студента исторического факультета Харьковского педагогического университета Наума Михайловича Бернер. В 1951 году отец был направлен на работу в Макеевку. В 1956 г. Алла поступила в среднюю школу № 22 и музыкальную школу № 2 по классу баяна, и уже, будучи девятиклассницей, написала свое первое стихотворение.

После школы Алла Беженова поступила на филологический факультет Таганрогского педагогического института. Была солисткой в вокально-инструментальном ансамбле. После окончания института работала библиотекарем в школе № 47, затем учителем русского языка и литературы.

Первые стихи А.Н. Беженовой появились в печати в 1977 году. Но первый сборник стихотворений поэтессы увидел свет в 1984 году («Не измени себе»). А.Н. Беженова является автором 14 сборников поэзии, и во всех без исключения она обращается к вечным, но не стареющим темам: любви, счастью, долгу. Судьба отвела ей всего 52 года жизни, но за это время Алла Беженова успела оставить яркий след в поэзии и сердцах людей. Алла Наумовна посвятила всю свою жизнь служению родному городу и его жителям. Её поэзия обращает на себя внимание искренностью, силой и глубиной чувств. Она создала свой мир – без предательства и лицемерия. В нём – свои часы и своя дорога, своя любовь и свои переживания. Это было её богатство. Когда поэт уходит от нас, жизнь его продолжается на страницах книг и в памяти читателей...

* * *

ПРЕДСКАЗАЛА ГАДАЛКА...

Предсказала гадалка: жить вы будете долго,
Если вдруг в тридцать три не случится беды.
Опасаться должны вы белой лошади только
В тот указанный срок, до тревожной черты.
Опасаться должны вы белого человека
Или белой, шептала она, головы...
Речка – Черная. Весть – по России, как эхо,
Как сиротское, страшное эхо, увы.

* * *

КРАСНОЕ ПЛАТЬЕ

Шел хлесткий дождь. Весенний дождь.
Долой сомнение и ложь.
Я в платье красном появилась, вся продрогшая.
Прилипли волосы ко лбу,
И, как сосульки о судьбу –
В тепле томились.
Чем, скажите, растревожили?
Вы посмотрели на меня,
Своей улыбкою маня,
Во свете добрых глаз такое удивление!
В костюме белом у окна
Стояли. Тлела тишина.
Я растерялась. Правда, на одно мгновение.
О, платье красное любви.
Ко мне ты счастье призови.
Глаза я Ваши вместо зеркала увижу.
По крыше – дождь.
По телу – дрожь.
По нервам – ночь.
По сердцу – нож.
И не беда, что не становимся мы ближе.
Я платье красное сорву,
Как будто сорную траву,
Надену рубище, пойду, чтоб повиниться.
Но от себя не убежишь.
Июнь пришла поэтом в жизнь,
Мне имя – страсть. –
Я – искушения царица.

* * *

ИЗ КНИГИ «НЕ ОТРЕКАЮСЬ»

Островки самых старых домов
С летней кухней и душем – из бочки,
Бьющим тонкой серебряной строчкой –
Резиденции наших отцов.

Островки, островки, островки –
Терема уходящего века.
Ваши корни врезаются в штреки,
Как артерии в мышцы руки.

Островки в этом мире большом,
В этом вихре горячем и шумном,

В этом городе древнем и юном,
Где звезда залегла над копром.

Нас теперь опекает тепло,
Телефон и привычная ванна.
Мы грустим у цветного экрана...
Сколько лет и воды утекло!

В белом море взлетающих зданий –
И стекло, и кирпич, и гранит.
Только память пускай сохранит
Острова, что не знали названий.

Белаш Борис Федорович

(1941)

Родился 1 августа 1941 года руднике Чирагидзор в Азербайджане.

В 1944 году вместе с семьёй переехал в Донбасс. Юные годы прошли в Горловке, где закончил Индустриальный техникум после которого работал горнорабочим очистного забоя и забойщиком на легендарной донбасской шахте «Кочегарка».

Образование высшее, сперва закончил Харьковский педагогический институт, а позже в 1974 году окончил Литературный институт им.

М.Горького в Москве по специальности «поэзия». Член Союза советский писателей СССР, после развала страны, автоматически оказался в рядах Союза писателей Украины. Автор множества поэтических книг. Также является автором гимна города Святогорск.

* * *

ТЕРРИКОН

Выбран старый террикон,
Не осталось в нем и трети,
Бородавчатый дракон
Проступает в силуэте.
Словно мироте, на нем кусты.
Выпсидающе горбато,
Он над городом застыл
В красном мареве заката.
Видимый издалека,
Вот раздуются тона

И задышат пылью ноздри.
И вокруг цветут сады,
Из тумана голубея...

* * *

КРИНИЦА

С горы стенает в степь дорога,
Сейчас пустынна и светла.
Луна в разгаре.
А тень от стога,
Чернея, прячется ветла.
Пропахла терпким чебрецом.
Я зачерпну степной водицы,
Плесну ладонями в лицо.
Она прохладой защиплет.
Смахнет морщин тревожный след...
Да жаль,
Сейчас как не ищи ты,
Уже криницы этой нет.

* * *

ПРИЛЬНИ К СТУДЕНЫМ РОДНИКАМ

Прильни к студенным родникам,
О чем доверчивый их лепет?
Еще природа верит нам,
Еще – но матерински терпит.
Ей чужды суета и чам,
Обманная сиюминутность.
И чьим-то, может быть, устам
Она свою доверит мудрость.
Может так в канун беды
сладко нежилась Помпея.

* * *

МОЙ ГОРОД

Будет месяц наивнее ребенка
Из весенних глазеть ночей,
И в полях прокоптят звонко
Табуны молодых дождей.
В мой ворвутся шахтерский город,
Полонят его и пролетят,
На заре я услышу шепот
Оперившихся тополят.
Будут радуги – коромыслом,
Растрезвонятся воробы,
И нахлынувшим светлым смыслом

Перепополнятся дни мои.
Словно мне заревое утро
Явит жадную зоркость глаз.
И увижу я мир, как будто
В самый редкостный – первый раз.

* * *

ДОНЕЦКУ

Твоя,
Мой город, поступь широка,
Ты хорошеешь, в век спеша грядущий,
Но внешняя парадность далека
От настроенья всех в тебе живущих.
Твои кафе одеты в европлащ
И на витринах: вина, водка, бренди.
Ты вымощен красиво.
Ты блестящ.
Твой выласканный центр похож на денди.
Повсюду иностранные авто
Снуют – одно другого современной.
Ты раньше был попроще, но зато
Лицом своим добрее и душевней.

* * *

АПРЕЛЬ

Меня в апрель из шахты клеть выносит.
И весело, как будто я лечу,
Тропинкою сбегая по откосу
К разбуженному, тихому ручью.
А на лугу по высыпкам цветочным,
Согретые живым теплом земли,-
В боярских шубках , в желтых оторочках,-
Гудят неторопливые шмели.
Захватывает дух неодолимо,
Когда пахнет призывно у двора
Забытым детством терпкий запах дыма
Веселого весеннего костра.
В березовом застыну окруженье
И вдруг с улыбкой ощущаю я
Неповторимость светлого движенья-
Живую грусть и радость бытия.

* * *

В РОСАХ ПЕРЕЛИВЧАТЫХ ПОЛЯНА...

В росах переливчатых поляна.
Робко восходящая заря.
Смутно проступает из тумана
Величавый лик монастыря.
Старины седой поверья, были
В нем нашли приют и свой оплот.
Может быть, его бойницы зрили
Игоря, идущего в поход.
Может, на чужбине сердце болью
Бережил потом плененный князь,
К этим кручам на простор и волю
Беспокойной мыслью устремись.
Обретали новое значенье
В памяти его: сосновый лев,
Световых вод раздольное течение,
Кроткая распаханность небес.
И с бедой строптивым духом споря,
И себя надеждой окрыляя,
Он душой касался Святогорья,
За которым – русская земля...

* * *

В ДУБОВОЙ РОЩЕ

Черед времен. Всему – свое.
В дубовой роще сыро, голо.
Провозглашает воронье
Приход наследницы престола.
Угрюмой сумеречность дня.
Уже ничто вернуть не в силе
Местам, где мы с тобой бродили,
Отполыхавшего огня.
И лишь прощальные слова,
Что обронили на опушке,
Еще пылают, как листва
У черноклена на верхушке.

* * *

В АПРЕЛЕ

Среди апрельского рассвета
И не поверишь – смех и грех –
В потоках солнечного света
Замельтешил над нами снег.
Такое начало твориться

В разгуле снежной кутерьмы!
Не в силах даже удивиться,
Молчим растерянные мы.
Снег жжет и оставляет метки
На крышах изб и на лугу.
Зеленые склоняя ветки,
Горит черемуха в снегу.
Ты неожиданно седая,
Глядишь с недоумением ввысь...
Скажи мне что-нибудь, оттаяв,
И на прощанье улыбнись.

* * *

ЩЕНОК

Опять с зарей встречаю день я:
Над рощей дымчатый мороз.
Недвижны речка и берез
Заиндевелые виденья.
У ног – умора и потеха –
Безмерной радости комок,
Как будто ошалев от снега,
Визжит и прыгает щенок.
Ворон с лесистого отрога
Задорным лаем всполоша,
Бежит, и кажется, восторга.
Его не выдержит душа.
Вот замер он, как бы почуя
Вдали тревожное «не то».
Его тот час же подхвачу я
И нежно спрячу под пальто.
«Ну не ворчи, уймись, глупышка!..»
Сугробы. Солнце. Синева.
И слышу, как стучит сердчишко
Прижавшегося существа.

* * *

ТАЙНА

Домик с мезонином
Мне когда-то близкий,
Голубые ставни,
Роща за селом,
Пень, хранящий тайну
Нашей переписки,
Удивленно пялится
На меня дуплом.
Сколько лет минуло,

Как одно мгновенье,
Сколько зим и весен?..
Постою у пня,
Загляну с надеждой
Под его коренья:
Нет ли от любимой
Вести для меня.
Но пора в дорогу –
Хмурится завьсье...
Мой поклон вам низкий,
Липа, светлый луг
И тебе, хранящий
Вместо писем листья
В потаенном месте,
Одинокий друг.

Белозерова Лидия Семеновна
(1951)

Учитель русского языка и литературы.
Руководитель творческой мастерской для учителей
русского языка и литературы. Публикует
материалы уроков в методических журналах.
Принимает участие в телевизионных передачах.
Автор книг, сборников, сценариев областных
мероприятий.

* * *

РУССКИЙ ЯЗЫК

Мой светодарный, мой заревой!
Живительный и живоносный!
Весь – самоцветы на тропинках росных,
То снежно-царственный, то жарко-огневой!
В колодце времени ты – чистая вода,
Что черпать ковшиком из бересты – услада!
Жар-птицею есенинского сада!
Ты – не улов, а сети-невода,
В которых – мы, весь летописный код,
Стожаров жар, и ладушки-опушки,
И звонницы, и тройки, песни, Пушкин!

Раскаянье и смуты горький мед...
Мой светоносный, вещий, болевой,
На расстанях судьбинских ты – спасенье.
И Православие! И вера! Воскресенье!
Врачующий и заповедный – м о й!
Во времени, что стиснуло виски, –
То тракт великий, а то мостик узкий.
Язык, мне Богом данный, вышло –
р у с с к и й !
Под дланью Неба – чудо – колоски –
Слов, что не станут полем битв.
Язык души! И жизни! И молитв!
Мой повивальный – от рожденья.

* * *

*Светлой памяти моей сестры
Валентины посвящается*

АЛИБИ

*Лучшее в нас как одежда на смерть
Не востребовано при жизни.*

На будущем холсте памяти
Что я потом нарисую?
Может, на тихой заводи
Лебеди пригрезятся в поцелуе?
Может, в тоске-пампасах
След одинокий увижу,
А на палитру красок
Только зеленую выжму.
А может, всего лишь
разводы,
Абстракции дней похожих.
...Кому-то когда-то в угоду
Секунды мои – порошей –
Падали, таяли под ногами кого-то.
Из бывшей огромной тайны –
Лишь маленькое болото.
Что я потом нарисую,
Дней четки перебирая?
Может, в коконе боли исполосую
Розовость бывшего рая.
А если просто: холст нечем заполнить?
Мимо – все ветры хлесткие.
Все перекрестки –
Нечего вспомнить!
Холст жизни пуст.
От этого сойти с ума,

В слезе утонуть своей.
Что я сделаю потом сама –
Без прошлого, всех бедней?
Чужая юность с радуг дожди
перехватит
Чужая молодость звездами небо
засеет.
И скажут тебе:
– Хватит!
Вы ничего не сумели!
Уже не сумеете! –
И, стараясь сдержать за узду
Дни-кони мчащиеся,
Я в последний раз упаду –
И не будет участия.
Прошепчу:
– Хоть немного бы ... дали бы...
... Только свет, вдали
исчезающий,
И найду ли тогда я
алиби
Перед жизнью –
шагренью тающей?

Березин Федор Дмитриевич (1960)

Дончанин Фёдор Березин, служивший офицером-ракетчиком в Казахстане, а затем на Дальнем Востоке, уволившись в запас в звании капитана, вернулся в родной город. Был предпринимателем, проходчиком. А 15 лет назад занялся писательством. Да не шутейно — в 2001-м он основал в столице края клуб любителей фантастики «Странник», а также взял первое место на международном фестивале фантастики «Звёздный мост» в номинации «Лучший дебют» (за роман «Пепел»). Свой жанр Березин определяет, как «фантастико-философский технотриллер». Его книги печатают московские издательства.

Помощник коменданта Донецка. Заместитель министра обороны Донецкой Народной Республики по промышленности. Депутат парламента Новороссии.

* * *

ПЕПЕЛ

*...Помню я дело одно, но времен
стародавних, не новых:
Как оно было, хочу я поведать меж
вами, друзьями.
Брань была меж куретов
и бранолюбивых этолян
Вкруг Калидона града,
и яростно билися рати:
Мужи этольцы стояли за град
Калидон, им любезный,
Мужи куреты пылали обитель
их боем разрушить.
Горе такое на них Артемида
богиня воздвигла...
Гомер (древнегреческий поэт,
слепой от рождения)
Фонащик Вселенной
Потушит сегодня
Несколько звезд.
В сущности, это так мало!
Прошу вас,
Не надо слез.
Константин Кинчев*

ЧАСТЬ I. ЛАБИРИНТЫ

(отрывки)

Сутки здесь равнялись восьмидесяти земным часам, но сейчас солнце этого мира стремительно взлетало от линии горизонта. Оно просматривалось на фоне загаженной атмосферы как бледное светлое пятно, а эффект его взлета достигался за счет собственной умопомрачительной скорости летательного аппарата. Держать такой темп на высоте всего двадцати метров человеку было невыносимо – через считанные минуты голова начинала пухнуть от напряжения, появлялась предательская тяга плюнуть на все и остановить эту бешеную карусель. Да и вообще реакции живого существа не хватало: перед глазами, запаздывая в нервных волокнах, проносилось то, что в действительности уже осталось далеко позади истребителя. Поэтому человек был всего лишь наблюдателем: его уставшие зрачки внимательно бегали по рядам лампочек и индикаторов, экраны переднего обзора были отключены за ненадобностью, самолетом управляла автоматика, живущие в стальных внутренностях токи фиксировали и выдавали на пульт: высоту, скорость, расстояние и время до очередной точки трансформации маршрута. Можно было

закрыть глаза и лишь по изменениям нагрузки на тело судить о том, в какую сторону маневрирует летательный аппарат: вверх, вниз, вправо, влево, в зависимости от того, какой маневр робот посчитал экономичным при огибании нового препятствия. Приборы бесстрастно фиксировали норму, и ни одна стрелка на виртуальных дисплеях не заходила за красный сектор. Он уже отбомбился, хотя в этом полете он не сбрасывал привычные высокоточные самонаводящиеся десятикилотонные «хлопушки» или обычные мегатонные «погремушки», сегодня он просто равномерно разлил на площади десять миллиардов квадратных метров цистерну какой-то химической пакости. Какой? Откуда он знает какой, он же не химик. Зачем это знать? Это знают те, кому платят за это деньги. Ему платят за другое, и сегодня он добросовестно выполнял условия контракта. Там, вдали, остались нервные напряжения, задание, сделанное на «ура», и поскольку противник его не преследует, техника функционирует, он мог попытаться немного понежиться. Человек снова взглянул на часы: через семь минут будет перегрузка четыре «Ж», самолет опрокинется вертикально и выйдет в стратосферу, затем нагрузка еще более увеличится, сработают ускорители, и «прощай, дорогая планета!». Произойдет техническая трансформация универсального летательного аппарата – это будет уже малый планетолет либо космолет, любое название подходяще, а менее чем через час наступит невесомость. Пилот прикрыл веки, расслабляясь перед грядущим гравитационным напряжением, и тут ожил репродуктор.

– Внимание! – произнес красивый женский голос. – Во «втором-левом» ускорителе самопроизвольное воспламенение.

Кресло бросило в сторону, даже через скафандр ребра ощутили удар.

– Соблюдайте спокойствие! – продолжал динамик, но он уже не слушал.

На трех датчиках стрелки резко упали в красный сектор. Еще неосознанно он сорвал пломбу с надписью: «Храни радиомолчание!», щелкнул тумблером, затем включил экран переднего обзора, отключил автопилот и, протягивая руку к панели управления, доложил в микрофон, закрепленный ниже правого уха:

– Аксельбант, докладывает Гвидон. Авария! Пытаюсь набрать высоту.

Пальцы пробежали по панели управления. Его вдавило в кресло, машина взвилась на дыбы, подставляя брюхо бешеному потоку встречного воздуха. Главный двигатель, перейдя в форсированный режим, взвыл, словно стадо мастодонтов. Струя фиолетового пламени полыхнула по земле и отразилась, расплескиваясь вокруг озером плазмы. Два мозга – один человеческий, один электронный – лихорадочно оценивали ситуацию. Электронный считал быстрее, но его действия уже были блокированы хрупким созданием, ощущающим себя

венцом Вселенной. Поэтому компьютер не мог осуществить запланированную отцепку взбесившегося ускорителя, теперь он мог только советовать красивым женским голосом, заложенным в него разработчиками:

– Рекомендуется освободиться от «второго-левого».

Но человек уже имел свой план. Пока машина наращивала скорость и высоту, он ввел в вычислительную систему запросные данные, одновременно продолжая доклад на базу:

– Аксельбант, намерен выйти на орбиту без промежуточного маневра в стратосфере. Нахожусь над зоной «У», квадрат А-213. Сейчас пытаюсь запустить остальные ускорители.

В этот момент робот уже получил ответ по результатам обработки запроса пилота, и в динамике прозвучало:

– «Первый-правый» запустить незамедлительно для нейтрализации крена.

Пилот нажал кнопку, и теперь ребра другого бока почувствовали толчок.

– Запуск остальных по загоранию сигнальной лампы. Осталось сорок секунд. Ускорение будет критическим. Сейчас необходимо увеличить тягу основного двигателя.

Он послушно последовал рекомендации, и тут появилась новая идея: с помощью простого приема можно было снизить необходимое ускорение хотя бы на немного, нужно просто избавить корабль от лишнего веса. Он поспешно обвел взглядом пульт, оценивая, от чего можно освободиться немедленно. Щелчок – и из брюха вывалилась магнитная пушка со всем своим неиспользованным запасом снарядов, за ней последовали пустые контейнеры из-под химикалий и лазерная аргонная дальнобойная установка. Затем были отстрелены все восемь крыльев, он не собирался более маневрировать в атмосфере. Теперь истребитель необратимо превратился в ракету. Начался отсчет времени до включения двух оставшихся ускорителей, и он переложил эту операцию на автопилот. При счете «ноль» его веки невольно дрогнули, а при скачке перегрузки он почувствовал себя счастливым, хотя его лицо под прозрачной маской кислородного шлема сделалось багрово-синим от прилива крови. И тут бархатисто-меланхоличный голос снова произнес:

– «Первый-левый» ускоритель не запускается. Во избежание осложнений рекомендуется отстрел всех ускорителей.

Если бы при таком давлении можно было побледнеть, он бы это сделал. Ему показалось, что все происходящее – дурной сон: такого невезения просто не могло быть. И когда одна часть мозга уже начала поддаваться панике, другая продолжала бесстрастно фиксировать и управлять окружающей обстановкой. Он снова заблокировал автомат: он еще надеялся или только хотел надеяться, что «первый-левый», пусть и с опозданием, выйдет на режим. Он ждал тридцать секунд.

Корабль бросало из стороны в сторону, он с трудом мог компенсировать главными соплами вводимую неравномерно работающими ускорителями асимметрию. Теперь можно было уже не ждать, потому что через несколько секунд должен был закончить работу, съев топливо, злополучный «второй-левый», подвешенный когда-то под не существующим ныне нижним крылом, и тогда космолет, имея преимущественную тягу в двадцать тысяч лошадей только с одной стороны, неминуемо опрокинется. Он нажал кнопку отстрела, глядя в экран заднего обзора. Было видно, как, кувыркаясь, пошел вниз «первый-левый», затем он вспыхнул, возможно, взорвавшись или, может, наконец входя в режим. А на экране переднего обзора он некоторое время наблюдал яркие отсветы сопел пороховых ускорителей, обгоняющих остатки его гиперзвукового истребителя-бомбардировщика.

Он посмотрел на приборы, снизил тягу главного двигателя и вновь попытался связаться с базой:

– Аксельбант, говорит Гвидон. Выйти на орбиту не смог. Начиная снижение над зоной «У», квадрат А-310.

Ответа не последовало: возможно, мешали помехи, вызванные радиационными поясами, и база его не слышала, а возможно, она хранила молчание из стратегических соображений. Он наклонился и резким ударом кулака сверху разбил стекло над черной кнопкой с надписью: «Ввод программы самоликвидации». Он надавил ее и стал готовиться к катапультированию.

* * *

Он некоторое время сидел, приходя в себя. Это было стоящее занятие после пережитого ощущения. Не любил он катапульты, да, в принципе, он не знал ни одного человека, который был бы в восторге от этого необходимого, но крайне мерзопакостного изобретения. Только бог ведает, сколько медведей извели, отрабатывая первые образцы этой штуковины, поскольку именно данному виду животных не повезло: по строению тела они более всего сходились с сидячими людьми, даже обойдя по столь сомнительному показателю человекообразных обезьян. Были когда-то такие звери. Да и вообще много чего ранее на матушке-Земле водилось, была планетная эволюция ужасно плодovита до возникновения разумного вида, а уж ему пришлось попотеть, нивелируя ее плодovитость и сводя это расточительство к приемлемому для разума числу. Не справиться ему бы ни в жизнь, если бы не ее медлительность. Интересно, теряли ли медведи при выбрасывании кресла порохом сознание? А вот он потерял, и тренировки нисколько не помогли. Но выбраться из космолета без пиротехники на таких скоростях было явно невозможно, несмотря на то что встречный поток разряженного высотного воздуха был слабее, чем внизу: остатки заднего наклонно-вертикального оперения рассекли бы его туловище на части.

После более половины пути он планировал в отключенном состоянии. В принципе это было предусмотрено инженерами, они явно не зря ели свой хлеб. Весь спуск он находился в герметичной капсуле, не подвластной ни холоду, ни жару, ни бескислородному окружению верхних слоев атмосферы, только силы тяготения и аэродинамика правили полупрозрачным яйцом, превосходящим размерами насесты динозавров.

* * *

Он брел, размышляя о разном, и чем сильнее на него наваливались сиюминутные тяготы и чем более неопределенность окружающей обстановки сводилась к неминуемо надвигающейся развязке, тем далее и далее его мысли уносились отсюда прочь.

Окружающий его локальный участок Вселенной был явно настроен не слишком дружелюбно. Он нарушил теорию вероятностей или, по крайней мере, свел ее к малоизмеримой величине. В обычном мире два ускорителя одновременно выйти из строя никак не могли, однако это случилось. Явная аномалия осуществилась, и именно с ним. А ведь исходя из той же вероятности, почему бы сейчас, прямо из окружающего воздуха, не материализоваться баночке охлажденного пивка? Ведь все необходимые для этого атомы вокруг имеются? Ну, может, конечно, и не все, но ведь где-то они есть? А ведь в какой-то из бесчисленных вселенных, которые плодились в первые секунды после Большого Взрыва гораздо резвее кроликов, наверняка должны же происходить настоящие чудеса, бешеные скачки антиэнтропийных процессов, должны происходить вещи неизмеримо маловероятные, ведь метагалактик, судя по некоторым теориям, просто пруд пруди, а следовательно... Но почему бы нашей, родной Вселенной не сделаться хотя бы локально очень везучей? Он уже почти чувствовал перед носом запах темного пива, может, ожидаемое чудо начало происходить, но, не добравшись до нужного числа нулей отрицательно-вероятной флуктуации, прервало процесс на середине. «К черту пиво! – подумал он с внезапной злобой. – В настоящий момент есть гораздо более важные вопросы». Запах исчез, он ощутил привкус резины вперемешку с металлом, глянул на показатель давления в баллоне: впереди предвиделось еще много-много часов единения с маской и скафандром. Ну а потом их придется снять.

Он на мгновение остановился, даже споткнулся на ровном месте. Он, как бы впервые, увидел потресканную почву под ногами. С запада дул слабый ветерок неизвестной природы, может, освежающе бодрящий, а может, неприятный – сухой. Он не мог этого чувствовать сквозь искусственную кожу-оболочку. Подсознательно используя заминку, невольно стремясь ее продлить, он осмотрел горизонт. Вокруг было довольно светло. С запада сквозь цветастые облака угадывалось медленно садящееся местное солнце, звезда Индра – старый умирающий желто-оранжевый карлик. Невысокие холмы простирались

до далекого края без ориентиров. Стоило ли двигаться далее и тратить при ходьбе бесценный кислород гораздо в большем количестве, чем при спокойных лежебокских размышлениях? Но он знал: если отдалиться лени и просто сидеть, осматривая окрестности, ожидая помощи извне, – очень скоро паника завладеет им целиком. Ведь надежды не было, ее не было вовсе. Пока база пришлет за ним спасатель, пройдет слишком много времени, а найти его без пеленга спасатели просто не смогут, несмотря на примерное знание координат. Они не услышат его маломощный нашлемный передатчик через парящий над планетой сверхионизационный слой.

* * *

Вообще-то на планете Гаруда, в той точке, где он сейчас находился, в настоящий момент был день. Он все еще тянулся, тот долгий местный день, в середине которого он спланировал на материковое плато. Однако и здесь близился вечер. Но для этих безлюдных мест все эти промежуточные стадии ночи и дня давно стали условностью. Лучи Индры с трудом пробивали себе дорогу до поверхности, это были уже не лучи, в процессе проползания сквозь высотные пылевые облака они давно потеряли свою прыть, а здесь, внизу, их встретила еще более плотная завеса из недавно поднятой пыльной бурей мелкодисперсной взвеси. Пилот с трудом всматривался сквозь окружающий мрак, несколько подсвеченный лившимся с неизвестного направления сиянием. Этот мир напоминал царство мертвых, по крайней мере, у человека отсутствовала тень, впрочем, так же как и у остальных живых и неживых предметов. Пилота звали Хадас Кьюм, и все окружающее он воспринимал нормально – он уже привык. Он более не заглядывал на счетчик радиации: к его показаниям он тоже притерпелся. Он брел вперед без всякой цели. Хадас уже совершенно не верил в счастливый конец этой истории. Он просто переставлял ноги, такие тяжелые и ватные, с единственной целью – оттягивать время. Когда-то мастер космопилотажа, Кьюм поставил себе цель экономить воду, вот уже сутки (земные, разумеется, а не местные) он ничего не пил. Вода была несжимаемым веществом, поэтому ее запас в скафандре не мог быть большим, в отличие, например, от воздуха. Он уже смутно понимал, что у него кончится раньше, однако воздух на крайний случай имелся в окружающем мире, пусть даже несколько зараженный, а вот вода и пища не наблюдались. Последнее, ясное дело, тоже сохранялось в неприкосновенности: употребление пищи неминуемо бы привело к глотку жидкости.

Впереди нечетко вырисовались далекие разрушенные сооружения. Они простирались слева направо и тянулись в непознанные дали. Хадас кинул взгляд на счетчик: показания заходили в красный сектор. Он обеспокоенно посмотрел на разбитые вдребезги строения. Город? Судя по фону, поражен совсем недавно, но, черт возьми, по слухам, бродящим в подлунных (в буквальном смысле) помещениях базы,

городов на планете давно уже нет, а может, никогда и не было. Может, радиацию нанесло каким-нибудь шальным ветром? Так или иначе, Хадас решил держаться от греха подальше и отвернул в сторону. Некоторое время он брел, часто поглядывая на датчик, даже забыв о подсчете шагов, неблагодарном занятии, которым он занимался последнее время. Идти было тяжело, но он шел. Несмотря на периодически возобновляемые вычисления, он все равно сбился со счета пройденного пути. Возможно, для тренированного ходока он прошел совсем немного, однако он был жителем лунной базы с притяжением гораздо меньше местного, и со стороны, с непредвзятой точки зрения, его поход мог считаться подвигом местного значения. Ноги были ватными, однако он изводил себя, как делал это на тренировках. Он гнал мысли о неминуемом конце, он считал себя способным бороться до последнего и делал это. Силы еще были, а сознание надо было занять работой.

Теперь сооружения тянулись с левой стороны относительно движения, и тянулись долго. Он стал прикидывать, какого размера мог быть этот город, и невольно перешел к мысли о количестве когда-то живущих в нем. Эти подсчеты поразили его, но он успокоил себя тем, что, не зная плотности населения, безусловно, ошибался. Вокруг расстилалась планета, а не военная база: здесь не надо было паковать все плотно, как там, на Мааре. Возможно, в этом городе было очень мало жителей.

Окружающая обстановка действовала подавляюще. Однако неизвестно, что было бы хуже: вполне может быть, наличие открытого, не затянутого пеленой горизонта поставило бы его рассудок в гораздо более сложное положение, ведь он был жителем замкнутого пространства, по крайней мере последние два года, исключая полеты, но ведь там он видел все не напрямую, а сквозь экраны.

Хадас так увлекся борьбой с силой тяжести, что не заметил, как ступил на несколько отличное от пройденного место. Нога сразу увязла. Он провалился выше колена и потерял равновесие. Теперь обе ноги погрузились в невесомую текучую пучину. Пилот повалился на спину, мгновенно покрываясь потом. Сердце забилось учащенно, но он растопырил руки и удержался. Некоторое время он лежал, не шевелясь, подавленный своей беспомощностью перед неизвестностью. Какой-то внутренний ком замаскированных чувств выдавился наружу. Совсем неожиданно Хадас Кьюм почувствовал влагу около глаз. Это были слезы: черт возьми, он не плакал уже целую вечность. Задом-задом он выкарабкался из этой трясины неизвестной глубины. Теперь он мог встать и осмотреться. Слезы все еще давали искажение окружающего мира, однако оживший климатизатор, торопясь, высушивал внутри шлема лишнюю влагу. Человек словно заново посмотрел вовне. Он наклонился и потрогал непонятное образование, в котором едва не утонул. Оно текло между пальцами подобно жидкости, но это была не

вода: микропылинками оно скользило по перчаткам и легко подхватывалось слабейшим ветерком. Оно было такое же серое, как окружающий мир. Это был пепел: раздробленный временем, никогда не встречавшийся с дождями и снегом. Его смело и нанесло с окружающего ландшафта в эту яму неизвестной глубины. Хадас содрогнулся. Он впервые подумал о сухости здешнего мира. Неужели война так изменила или вообще остановила круговорот воды? Он помнил это с детства: на землеподобных планетах вода испаряется из растений и открытых водоемов и попадает в атмосферу, затем разносится ветром и выпадает снова в виде дождя. Черт возьми: их бомбы заставили опуститься тропопаузу, и осадки перестали выпадать на континенты. «В чем-то мы переборщили, – подумал Хадас Кьюм, – сильно переборщили». Теперь он двигался более осторожно, хотя у него по-прежнему отсутствовала серьезная цель для продолжения путешествия.

* * *

Он долго разгребал ногами пыль и песок, завалившие вход. Но то, что он обнаружил, направив наплечный фонарь вовнутрь, было очень печально. Там находились скелеты. Лестница уходила вниз, и по всей ее длине, насколько хватало лампы, красовались человеческие кости и черепа. Дернул же его черт тратить силы на откапывание этой братской могилы. Однако болезненное мазохистское любопытство погнало его вниз за конусом света. Он скользил по присыпанным пылью ступеням, поначалу стараясь не наступать на тазобедренные и реберные остатки, однако их было донельзя много, и, наверное, дух, витающий здесь, внутри непроветриваемой гробницы, давно бы удушил его и заставил захлебнуться скопившимся вокруг запахом смерти, если бы не щедрый спасительный шлем. Скоро он перестал морщиться, когда под вооруженной металлорезиновой подошвой ногой выстреливали в звуковую пустоту хрустящие быстрые хлопки растираемого праха.

Он добрался до низа: новая дверь, обложенная черепами разных размеров. Сюда они шли, и здесь их не пропустили. Он видел недостертые временем следы их тщетных попыток откупорить и эту массивную дверь. Те, кто ее сотворил, знали свое дело туго. В фотонном потоке из фонаря он наблюдал на ней вмятины и царапины от пуль и гранат, однако многотонная подземная громада смело выдержала эти уколы, все ей было нипочем, даже время. Хадас тронул ее, немного постоял, ожидая чуда: он не выдержал и минуты, а требовались столетия – когда еще ржавчина съест эту многотонную стальную глыбу до толщины фанеры. Затем он посветил вверх. Черепа посмотрели на него без увлечения, те, кто носил их напыленными на мозг, давно находились вне времени и пространства, и Хадас был им вовсе неинтересен: все его отличие в солидной временной проекции заключалось в том, что его череп будет иметь дополнительный саркофаг-хранилище в виде сложного шлема. А возможно, и красивый

скелет из него не получится, ведь он абсолютно не знал, витают ли в окружающем воздухе бактерии, разлагающие мертвечину, как в славные времена произошедшего вокруг мора.

Значит, сюда они шли, и их впустила первая дверь; сюда они спустились и уперлись во вторую носами, а сзади продолжали напирать, и вверх было не подняться – легче давить оттуда; и кто-то пытался остановить безумие, и кто-то запасливый рвал динамит прямо около людей, стремясь откупорить эту таинственную и, возможно, действительно спасительную дверь, а сзади все равно перли, несмотря на взрывы и стрельбу, потому как оттуда наваливалось еще более страшное; а где-то высоко-высоко заливался победным потом пилот, разворачиваясь для возвращения на базу и уносясь отсюда со скоростью, обгоняющей рев собственного двигателя, и слипался вжатый сам в себя плутониевый детонатор... А сверху продолжали напирать.

Хадас Кьюм сделал поворот кругом. Наверное, тогда, сразу после, здесь было бы некуда ступить; потом, когда трупы сгнили, стало свободней. Он наклонился и взял в руки прах. Тихо и ровно, как в древних песочных часах, он потек между резиновыми пальцами сверху вниз, как и тогда: сверху продолжали напирать. Он зажмурился и на мгновение пошатнулся, ощутив видение наяву.

Поспешно и нервничая, он стал выбираться вверх. Только сила тяжести и присыпанные осколками костей ступеньки мешали ему, но он все равно сбил дыхание. Непрерывной неумолимой дробью сопровождали его альпинизм хлопки-выстрелы лопающихся костей. Где-то ближе к выходу он грохнулся на четвереньки и чуть не скатился, попав ногой в чью-то затылочную крышку. Он замер и взял себя в руки: все окружающее случилось очень давно, так давно, что его не касается, но тем не менее было интересно: кто их не пустил туда и было ли там спасение? Глядя с его вознесенного во времени над их древними бедами наблюдательного пункта – спасения у них не было. Возможно, давным-давно ту таинственную райскую дверь внизу подпирают с обратной стороны такие же скелеты.

Выбравшись на свет божий, он не испытал облегчения. Его измотанное тело хотело тут же упасть, но он не дал ему этого шанса: он уходил от этих старых кошмаров, от краснеющего датчика радиоактивности, от неведомого мертвого города, от прикосновения к познанной неизвестности к новой, неведомой судьбе. У него не было шансов, и только внутренняя потребность была ему компасом, а напирать на него было некому.

* * *

Все: у него больше не было надежды. В костюме кончался ресурс, он прикончил почти весь воздух, а фильтр уже и так был переполнен радиоактивной гадостью, ноги отказывались идти, похоже, он их натер, скафандр явно не предназначался для длительных пешеходных прогулок, ну а главное, он так и не вышел в более-менее чистое от

ионизационного атмосферного слоя место и не получил ответа на свои импульсные обращения к звездам. Он больше не надеялся на помощь. Нужно было взглянуть правде в лицо: его никто не спасет, на своей практике он не помнил случая, чтобы сбитых пилотов спасали, правда, и не сбивали их при нем. У него был еще некоторый запас продовольствия и воды, но его можно было оплеушить в один присест. Это было все. Однако он знал, что не зря совершил это путешествие. Он не добился цели, да ее и не было, но зато он узнал ответы на загадки, которые еще не зародились в голове. Они породили следующие вопросы, но без этого путешествия они бы не возникли. Мозг получил работу, далеко уходящую от насущных проблем. Это было очень здорово, но времени на их решение у него более не было. Он присел возле скалообразного выступа и снова взглянул на индикаторы. Итак, он продержался две ночи и один день – только не короткие земные, а долгие местные, но этот медленно наступающий второй день он скорее всего не переживет. Через несколько часов он будет дышать местным, несколько разбавленным нуклидами воздухом, но их долгосрочное накапливаемое влияние будет не так страшно, самым страшным окажется сухость этой пепловой пустыни и еще ее холод. Холод обычно ассоциируется со льдом и снегом, однако здесь был другой случай. Хадас Кьюм не заметил, как среди этих невеселых размышлений задремал.

Проснулся он внезапно. Хотя веки не желали приподниматься, он глянул на часы. Он четко помнил время, когда присел: прошло двадцать пять минут. Можно было позволить себе поспать еще, тем более что при этом тратилось меньше кислорода, однако что-то не на шутку взволновало организм. Пилот некоторое время соображал, лениво шевеля извилинами, и вдруг понял. Ему сразу стало не до сна. Он вскочил. Сквозь привычный шелест окружающего воздуха он явственно слышал равномерный лязг, и источник этого нового шума перемещался. Хадас двинулся вперед, огибая скалу. Он сразу это увидел и невольно зажмурился. Не очень далеко, однако в полумраке он не мог точно определить расстояние, да и привычки не было, по склону двигался механизм. Впереди у механизма ослепительно сияли три фары, одна на самом верху. Хадас некоторое время стоял на виду, когда внезапно сообразил, что это вражеская машина. Помощь могла прийти только по воздуху. За эти три дня земного летосчисления, теперь казавшихся равными жизни, он освоился с мыслью, что планета мертва. Теперь он убедился в своей ошибке. Пилот развернулся, чтобы спрятаться или бежать, но здравый смысл остановил порыв. Надежды на спасение не было, он был ничем не связан. Но у него были вопросы, и, возможно, сейчас к нему приближались ответы на них. В эти дни он стал несколько фаталистом. Может, сейчас он сделал выбор в сторону еще более мучительной смерти вместо светившей ему в ближайшем будущем, а может, это было продолжение жизни. Он неуверенно шагнул в сторону

движения неизвестной машины, и этот шаг решил проблему и наградил его смелостью.

Когда высокий пластиковый корпус навис над ним, слепя фарами, он стоял, не шевелясь, подняв руки вверх. Хадас плохо видел против света, но те внутри, наверное, хорошо различали на его левой груди эмблему бомбардировочного звена «Фенрир». Они могли проехать по нему, не останавливаясь, но он знал, что они не сделают этого. Он никогда не видел своих врагов, и он хотел получить ответ на первый вопрос: люди ли это?

Сбоку откинулась в сторону створка.

* * *

Вокруг него были голые близкие стены – лучшее средство для развития клаустрофобии, одна плотно пригнанная дверь, поролоновый матрас на полу, какие-то синтетические тряпки, заменяющие постельные принадлежности, и два вделанных в стену плафона освещения. Вот, пожалуй, и все: явно негусто. Он не попадал на собственную базовую гауптвахту, но, по слухам, даже в отделении для рядового состава там было повеселей. Зато стены здесь явно отличались гигантской прочностью, он не мог знать их толщину, однако чувствовал ее. Это была пещера, то есть часть большой, выдолбленной естественными процессами в планете полости, но кто знает, может, это и полностью рукотворное сооружение: иногда трудно отличить одно от другого. Помещение после его заселения явно использовалось по прямому назначению. Значит, тюрьма у них в порядке вещей, и почти наверняка он здесь не единственный узник. Наличие места на содержание заключенных само по себе являлось информацией. Можно было сделать вывод, что местное общество не блистало гармонией межчеловеческих отношений. Интересно было бы знать размеры тутошних исправительных заведений и количество невольников в процентном содержании к свободному населению, если таковое присутствует. Однако этого было явно мало для выводов о непригодности этого мира к существованию на свете вообще, то есть к моральному оправданию превращения его в мишень для «колотушки». И все-таки было любопытно: на какой глубине от поверхности находилась его маленькая тюрьма? Какой, черт возьми, коэффициент поглощения гамма-излучения у скальной породы? Он этого не помнил. Да ведь и сами камни имеют повышенный фон по сравнению с воздухом, хотя наверняка нельзя сравнивать верхнюю, двадцать лет отравляемую атмосферу с обычным воздухом Земли – далекой и совсем вроде не причастной к местной трагедии планеты. Было бы интересно знать, какого размера эти искусственные или искусно расширенные пещеры и сколько в них проживает народу, рождаются ли здесь дети и увеличивается ли по этому поводу жилплощадь или только плотность населения. Странное существо человек: если ему уж не совсем плохо, в том плане, что его не пытаются в данный момент газовой

горелкой и не подгоняют кнутом, или даже подгоняют, но бьют не очень часто, он умудряется в эти свободные минуты задумываться о вещах, не имеющих к нему ровным счетом никакого отношения. Казалось бы, сейчас он находится в плену у людей, испытывающих к нему наверняка не самые приятные чувства по поводу доселе выполняемой им работы, а туда же... Надо бы размышлять о способах выбраться отсюда, методах связи с родимой базой и подобных, обычно происходящих в фильмах, событиях или, будучи реалистом, искать способы более-менее безболезненного самоубийства, дабы не стать жертвой пыток и не выдать родные военные секреты, а о чем думает он? Все эти мысли – отход от сиюминутной скуки и надвигающейся загадочной, но наверняка страшной развязки.

Хадас встал и прошелся по своей комнатке, затем сразу лег. Можно было продолжать наслаждаться отдыхом – бессмысленным лежанием на матрасике. Ложе казалось не слишком мягким, но сие наверняка от увеличенной силы притяжения. Однако Хадас лежал на нем с удовольствием. Вымотал его этот пеший переход до жути. Теперь, когда кончалось действие стимулирующих и подавляющих боль таблеток, он начал ощущать последствия своего геройства: это же надо, после столь долгого нахождения в семикратно уменьшенной силе тяжести проделать такой марш-бросок. Конечно, сказались и частые перегрузки при полетах и на тренажерах, но ведь там он просто сидел в кресле, изредка вертя головой и руками. К действиям пехотным порядком он никак не готовился. Теперь зуд в ногах и тягучая тупая предболь в мышцах начали давать о себе знать. Еще через сутки его можно будет не пытаться – просто заставить немного побегать в этом давящем на позвоночник одном «Ж».

* * *

Похоже, жизнь его стремительно и неминуемо двигалась к развязке. Он начал жалеть о том, что его не прикончила катапульта или пепловая пустыня, однако сокрушался ли он об этом серьезно, или в душе, в самом дальнем ее закутке, все еще теплилась надежда? Он облизнул губы и осмотрелся вокруг, насколько позволяла обстановка. Ситуация была патовая: он сидел на жестком табурете, приделанном к полу; его руки и ноги были, в свою очередь, пристегнуты к сиденью, и деться от надвигающегося страшного будущего ему было некуда. Сидел он уже долго, а его неугомонное воображение выдавало ему картинки невидимых визуально и неслышимых палачей, занятых разогревом щипцов, игл, топоришков и всяких иных средств, развязывающих язык. Там, на далекой базе, которая не торопилась к нему на помощь, их слабо инструктировали по поводу попадания в плен. Это была скользкая тема, и желательно было ее не касаться ни теоретически, ни тем паче практически. Когда-то давно, когда войны велись на матушке-Земле, существовали какие-то правила содержания военнопленных. Войны тогда велись не только тотально, а ради кое-каких мелкокалиберных

целей, и потому военнопленных захватившая их сторона могла использовать в переговорах как лишний козырь или просто для обмена мах на мах, однако в этом затянувшемся конфликте пленным покуда не брали, и вряд ли люди, его захватившие, будут предлагать базе какие-то условия, этим они выдадут не только свое местонахождение, но и просто свое существование на этом свете. Какие из сего производились выкладки? Его можно использовать просто как предмет для отмщения, так сказать, произвести на свет маленький ад для отдельного человека в ответ на большой катаклизм, так затянувшийся наверху. Иррациональная цель, порожденная такой же иррациональной причиной. Их даже не просвещали, что можно, а чего нельзя выдавать. При современных методах воздействия на психику и тело все инструктажи упирались в элементарный человеческий предел. Существуют психические блокировки, основанные на гипнозе и свойствах памяти: под действием внешних факторов вспоминать или забывать информацию, однако человек тем и ценен в отличие от машины, что его действия носят более широкодиапазонный характер принятия решений. Человек же, находящийся под воздействием неизвестной ему подсознательной, навязанной извне программы, подобен компьютеру, и потому его деятельность очень сильно предсказуема, что плохо воздействует на поведение в нестандартной ситуации. Однако сейчас Хадас Кьюм был в полной растерянности, и обстоятельства являлись безысходными. Он был бы не прочь поступления изнутри мозга заранее введенной кем-то программы действий, а может, и включения плана самоликвидации. Мысль о самоубийстве возникла у него не впервые, но сегодня он остро прочувствовал ее вкус. Он всегда считал самоуничтожение наиболее легким выходом из критических ситуаций, а потому трусливым путем, тем более что летная служба вела к смерти именно в случае ничегонеделания: иногда достаточно было просто на полсекунды дольше среагировать в повороте газовых рулей.

Он услышал голоса за дверью и сразу невольно напрягся. Капелька пота защекотала по ребрам, непривычно быстро в увеличенной силе тяжести сбегая вниз. Хадас попытался придать лицу достоинство и попробовал расслабиться. Он не собирался терять свой имидж офицера воздушно-космических сил перед этими пещерными землекопами. Когда они вошли, он был внешне спокоен. Прибывших было пятеро. Все они были одеты, если так можно выразиться, как обычно, однако форма отличалась цветом. Плавки и сандалии самого рослого мужчины имели черный цвет, и на его пояском ремне была подвешена увесистая дубинка, сразу выдавая его профессиональные обязанности. Двое вошедших были в красных плавках, а на груди у них имелись какие-то подобию фартуков такого же цвета. Руки у них были заняты кучей инструментов зловещего вида. Хадас невольно заострил на них внимание и тут же отвел взгляд: не хотелось выдавать охватывающую

изнутри панику. Оставшиеся были наряжены в темно-синие юбки, такие же сандалии и медальоны очень большого размера. Он сразу же догадался, что побрякушки на них – это что-то наподобие знаков отличия. На фоне одежды гостей его собственное полуобнаженное состояние могло показаться верхом приличия, почти деловым костюмом прошлого.

Все пятеро молча воззрились на приделанного к табурету человека, и эта сцена так всех увлекла, что длилась секунд восемьдесят. Молчание нарушил один из обладателей верхней одежды. Он настроил прицепленный к поясу прибор и что-то сказал, ни к кому конкретно не обращаясь. Пленник не успел разобрать что, когда миниатюрный механизм начал выпуливать вовне бессвязные фразы, явно на разнообразных языках. Это продолжалось очень недолго, пока прибор не выдал на чистейшем общеземном, лишь немного непривычно растягивая слова: «Вы тот самый разведчик?»

«С каких пор я стал разведчиком?» – подумал Хадас, но не стал возражать или подтверждать услышанное. Он уже знал, что в этом мире не принято говорить без команды, да и не знал, что ему выгоднее: быть разведчиком или пилотом бомбардировщика. Его молчание не слишком озадачило прибывших: они начали что-то активно между собой обсуждать, а прибор продолжал бормотать это все, спеша делать синхронный перевод и последовательно перебирая множество известных ему языков. До Хадаса долетали обрывки фраз типа: «...если не захочет, то...», «...отдать на биологические исследования...», «...извлечь мозг, а остальное как обычно...», «...выдать за посланника ардигов...», «...обменять не получится...», «прибор выключи, не сажай батареи». После этой фразы высокий в юбке, видимо, выполнил рекомендацию, и они некоторое время вели непонятную для пленника дискуссию. Говорили все время двое в более богатой одежде, остальные молчали, явно являясь подчиненными. Все время полемики Хадас думал, начинать ли с ними беседу, и пришел к выводу, что скрывать свою языковую принадлежность не имеет смысла, он ведь сам неоднократно пытался завести разговор со здешними, но, видимо, не к тем обращался. Странно было, что прибывшие пытаются установить, на каком языке он говорит, по идее, они должны были четко это знать. Когда к нему вновь обратились, он решил ответить.

– Я буду разговаривать на общепринятом языке Земли, если вы не против, – сказал он, глядя в глаза высокому.

Тот сосредоточенно прослушал перевод из своего аппарата и кивнул. Он тронул прибор, явно фиксируя настройку, и беседа началась.

– Кто вы такой?

– Я пилот гиперсамолета разведки климата с лунной базы «Беллона-1». Мое имя Хадас Кьюм. – Насчет разведки он врал.

– Как вы сюда попали?

Пленник вкратце доложил, как это случилось, не вдаваясь в

технические детали и цели своего полета.

– Вы будете отвечать на все наши вопросы?

Хадасу очень хотелось соврать, однако что-то внутри противилось этому.

– Я в вашей власти, и сдался я добровольно, однако я сам хочу получить ответы на некоторые мои вопросы, я не думаю, что вы чем-то рискуете, отвечая на них, я ведь никуда не денусь из вашего подземелья.

После этого заявления высокий, в нем было сантиметров сто семьдесят, и по сравнению с другими он казался большим, отключил свой прибор и немного посовещался с напарником. Все это время остальные прибывшие подобострастно стояли, не сходя с места и лишь иногда переминаясь с ноги на ногу. Хадас подивился их выдержке в этой непривычно большой силе тяжести: даже свои многочисленные инструменты они не положили на пол. Лишь полицейский с дубиной вел себя более развязно: он оглядывался вокруг, чесал нос и всячески показывал свою независимость.

Наконец высокий решил ответить:

– Мы думаем, пришелец, ты не вправе от нас чего-то требовать. Твой статус в нашем государстве равен нулю. Если ты не станешь нам отвечать или еще как-то проявишь непослушание – будешь подвергнут наказанию или умрешь. Запомни: все и всегда у нас делается по команде. И перестань приставать к младшим статусам, они не имеют права с тобой говорить, хотя их статус равен единице, а иногда более.

– А чему равен ваш статус?

– Я не давал тебе права спрашивать, но все же отвечу. Мой статус равен семи. Статус же Верховного – восемнадцати. Более не задавай вопросов, потому как, если мы посчитаем нужным, мы пришлем учителя с необходимым статусом, и он тебя обучит. Ты все понял?

– Да, вообще-то, – кивнул Хадас и добавил про себя: «Однако даже если „нет“, какой смысл говорить „да“, если вопросов задавать нельзя».

Затем последовала оживленная беседа.

– Ваша спутниковая база знает о нашем существовании?

Некорректно поставленный вопрос, отметил пленник и сразу воспользовался зацепкой:

– Извините, я не совсем понял. Чье существование вы имеете в виду? Ваше личное либо существование людей на планете вообще?

– Ясное дело, я разумею в своем вопросе государство Джунгария.

– Название мне ничего не говорит. Я не знаю его протяженность, координаты и прочие параметры. Можно ли их уточнить?

– Ты слишком хитер, разведчик. Но можно ли из твоих слов заключить, что ты о нас ничего не слышал?

– Вполне можно, – согласился Хадас. Он впервые подумал, что может вешать им на уши почти любую лапшу. Большинство данных, полученных через него, им абсолютно нечем проверить, и потому его

главная задача врать непротиворечиво, даже под возможной пыткой, и тогда его слова можно будет воспринимать со стороны либо как чистый вымысел, либо как истину – в зависимости от настроения.

– Но могут ли о нас знать другие, более высокие статусы на базе, чем ты?

Ну вот, отметил Хадас: собеседник уже перенес собственные общественные отношения на представителей Земли. Это была непростительная ошибка со стороны дипломата: явно давала себя знать двадцатилетняя изоляция планеты. Требовалось включаться в игру, раз уж ему подыгрывали.

– Я не могу знать всего, что известно вышестоящим статусам.

Собеседник был явно доволен таким ответом, видимо, считая, что столь хитрыми вопросами выведал у допрашиваемого большие секреты. Одним из них он явно считал социальное устройство Маарарской базы. Похожим образом они беседовали еще долго. У Хадаса затекли руки от крепления и ныл позвоночник, до сих пор не привыкший к увеличенной нагрузке, но он не хотел выдавать собеседнику свои слабости. Кроме того, ему сильно захотелось пить, но и здесь он сдержался. Однако чем дальше шла беседа, тем более он убеждался, что ничего не теряет от лишней просьбы.

– Извини, уважаемый статус Семь, я не могу разговаривать. У меня пересохло во рту, и мои руки уже почти отнялись. У тебя рядом охрана, и деться мне некуда: почему нельзя отвязать меня?

Статус Семь перекинулся несколькими фразами с полицейским, затем отдал команду, и один из одетых в красное исчез. Вскоре принесли воды, однако не развязали. Стало несколько веселее, и беседа текла ровно и не торопясь. Хадас никогда не общался с инопланетянами, да и вообще уже некоторое время варился в собственном соку вопросов без ответов, так что ему стало даже интересно нездоровым любопытством уличного автомата для продажи газет: «Купят – не купят?»

Вообще-то местные не являлись инопланетянами в начальном смысле слова, были они плоть от плоти свои: потомки колонистов, да и наверняка не далее второго-третьего поколения, но тем не менее у них явно проглядывались бешеные культурные отличия, взять хоть этот странный язык. Хотя он не лингвист, не ему судить. Мало ли разных языков имеется на Земле еще и в настоящее время, а сколько их было ранее, до исчезновения с лица планеты некоторых народов. Рассказывают, даже в Европе раньше столько водилось, были, например, какие-то немцы и еще много общин-государств поменьше, и вроде бы совсем недавно, однако повымерли постепенно: смертность у них превышала рождаемость – надо же, Земле бы в целом такие проблемы.

Хадас уже мало обращал внимания на руки, он вел милую беседу, одновременно не забывая вплетать в складывающееся повествование

непротиворечивую ложь. Было ли в том спасение? Он не знал, и для него самого его наверняка не было, но, может, оно было для других пилотов или для базы в целом?

Потом, как-то неожиданно, допрос прервался и все статусы, кроме полицейского, его покинули.

* * *

«...Стратегический военный расклад, сложившийся в системе звезды Индры – желтого карлика, лишь в полтора раза превосходящего Солнце по диаметру, выглядел следующим образом. Единственная из четырех планет, пригодная для жизни, – Гаруда, некогда заселенная землянами, из процветающей колонии со временем превратилась во враждебный Земле мир. Боевые действия по ее усмирению, помалу и помногу, обернулись непрекращающейся бомбардировкой суши планеты. Земляне закрепились на естественном спутнике Гаруды – Мааре, некоем аналоге земной Луны. (Как оказалось, наличие относительно крупного спутника возле планеты, находящейся в зоне приемлемой звездной температуры, ведет к благоприятным последствиям по поводу образования океана, а стало быть, жизни земного типа, и, следовательно, – кислородной атмосферы.)

Поскольку земляне так и не смогли разрешить научно-теоретическое противоречие с созданием звездолетов любого типа, связь с родной Солнечной системой осуществлялась через еще одну загадку космоса – Портал. Через него же военные Земли получали подкрепление и все необходимое для ведения войны. Превосходя колонистов техно-военной мощью, люди метрополии сразу получили перевес, однако вот уже долгие годы война все же не кончалась, а некогда счастливая Гаруда преобразовывалась в четвертый непригодный для жизни планетарный компонент системы Индры. Вот так обстояли там дела...»

Вольное толкование исторических документов. Том 7.

* * *

Он не знал счета времени, но милые беседы продолжались суток двое, его могли дернуть в любое время днем или ночью, здесь, в закопанном в грунт городе-государстве, такие биологические условности, наверное, не учитывались. Однажды он взъерепенился, но ведь к этому и шло.

Теперь это было другое помещение, не просторнее прошлого, но явно насыщенное некой зловещей аурой. Хадас Кьюм понимал, что сам обрек себя на муки, однако другого пути соврать у него не было. Самое смешное могло случиться лишь в том случае, если «землекопам» известно гораздо больше, чем он думает. Если они поймут, что он их намеренно обманывает, называя неправильные координаты базы, его муки приобретут не временный, а необратимый характер, и тогда наверняка он очень пожалеет о своей сегодняшней решимости. «А стоит ли вообще скрывать от них местонахождение Маарарской базы? –

иногда подумывал он. – Может ли от их знания что-либо измениться?» Он сильно сомневался в этом, но, однако, предпочел этот очень опасный для здоровья путь.

– Ну что? – спросили его в этот день. – Будете сотрудничать? Нам нужны точные географические координаты. Вы пилот, и вы их знаете. Если вы не захотите назвать их полюбовно – пеняйте на себя.

Он решил пенять на себя.

Дальше за дело взялись ребята в красных передниках. Когда они разложили напротив свои страшные прибабасы, он похолодел, но сдержался: пути назад уже не было. А когда эти страшные карлики закрепили его руки на столе специальными креплениями и первая иглолка воткнулась в средний палец, его мозг словно прошло током. Он поспешил расслабиться, однако его умелые пилотские руки, столь необходимо чувствительные, сейчас выделявали с ним страшные вещи. Он более не видел ничего перед глазами, которые ему не дали закрыть, ничего, кроме медленно входящей в палец толстой иглы. Он ясно наблюдал, как она вошла еще на один миллиметр, но это не могло быть правдой: он явственно чувствовал ее присутствие во всем теле. Мозг лихорадочно выдал решение – сдаться. Однако что-то остановило его от крика. Хадас увидел, как игла воткнулась еще чуть-чуть, и сразу палец стал самым главным органом в теле. Все мысли ушли, спешно стерлись из сознательного восприятия окружающие предметы, лица и чужие враждебные маленькие руки. Игла двинулась вперед, и он впервые почувствовал свою собственную кость – или это был обман органов восприятия? Затем по этой чудовищной иглолке стукнули молотком. Он дернулся всем телом, насколько позволяли крепления, и едва не захлебнулся слюной, однако не издал даже стоны: он начал жевать свой язык. Ничто не помогало. Он наблюдал, как игла вынырнула через ноготь наружу, выдавливая красную каплю. Он подумал, что прошел час, и вместе со слюной, не чувствуя этого, сглотнул собственную кровь. Визуальное время дробилось на столь малые отрезки, что каждая секунда обращалась в тысячелетие. Он услышал издали повторение вопроса и едва связал происходящее в единое целое. Собственная логика провалилась куда-то в тартарары, а внутри его появился какой-то удивленный наблюдатель, с ужасом фиксирующий происходящее вокруг. Вопрос повторили вновь: внутренний наблюдатель уже посоветовал Хадасу кивнуть, однако он не успел расшифровать его послание... Наконечник иглы перед носом начал выгибаться, и пленника снова прошла волна нарастающей боли. Он не понял, сколько это продолжалось, когда внезапно воспринял свое тождество с независимым наблюдателем. Теперь он видел себя более снаружи, чем изнутри, и отдаленно понял великолепие мазохизма. Хадас молча пронаблюдал, как игла втянулась под ноготь, и ощутил, как она покинула его внутреннее пространство. И сразу он почувствовал ускоренный ход времени. Он попытался моргнуть, и это получилось:

чужие пальцы не держали более его веки.

А затем все повторилось, но теперь он застонал: указательный палец явно был более чувствительным. Пора было сдаваться, но он снова не успел. Внешние, ушедшие из восприятия события опередили его. Он начал их воспринимать, лишь отдышавшись. Он не мог повернуть голову и скосил глаза в сторону голосов. В комнате находился какой-то новый человек. Судя по обилию одежды, это был большой шишка. Он оживленно ругался со статусом Семь. Человек был в белом, в чем-то наподобие рубахи без рукавов и еще, конечно, в юбке. Прибывший размахивал большой бумагой и показывал на свой медальон. Хадас боялся смотреть на свои пальцы, он прикрыл веки, пытаясь успокоить бухающее внутри сердце. Сквозь назойливый шум голосов он иногда отчетливо слышал перевод: высокий снова забыл отключить свой аппаратик. «Я получил указание от Нобуёси». – «Покажите». – «Это были устные указания». – «А у меня, любезный, письменные. Полюбуйтесь на печать». – «Но ведь это роспись Баджи Рао, а не Мюфке-Маруна». – «А я, по-вашему, от кого?» – «Меня никто не информировал. Я не имею права. У меня, дорогой, сроки поджимают». – «Представляю, как вы запоете, когда вам позвонит глава Демографического отдела». – «Вы меня не пугайте!» – «Слетите, слетите со своего теплого местечка как миленький». – «Что вы на меня давите, здесь младшие статусы». – «Плевал я на статусы, когда Мюфке-Марун узнает о телесных повреждениях, вас сбросят вниз сразу статуса на четыре». – «Да у меня же указания Гуттузо о проверке добытых данных». – «Подождут ваши данные». – «Как подождут, что я доложу Нобуёси. У меня сроки». – «Бумага останется у вас. К черту сроки. Вы что дураком кидаетесь, в вашем министерстве таких не держат». – «Откуда вам знать о нашем министерстве – оно секретное. У нас отдел». – «Я с вашим отделом ссориться не собираюсь, но я должен заполучить материал». – «Материал все не прочь заполучить, особенно белые отделы, но ведь он один». – «Вот и не упирайтесь, он был у вас сколько?» – «Но ведь никто не говорил о сроках поначалу». – «Это ваше, дорогой, упущение. Хотите свою нерадивость прикрыть теперешней прытью?» – «Как, к черту, прикрыть, да я первый раз слышу». Внезапно перевод прекратился, но перебранка шла еще долго, и Хадас радовался каждой секунде отсрочки будущей новой боли. Однако он ошибся. Вскоре его отвязали. И снова он не понимал причин и следствий, и снова его судьба была покрыта мраком, потому как повели его теперь по совершенно новому маршруту.

«...в результате отвлечения и уничтожения истребительной авиации противника, два звена „Б-29“, двигаясь на недоступной зенитной артиллерии высоте, сбрасывают пятнадцать бомб над двумя основными городами противника. После воздушных взрывов, в первом случае семи, а во втором восьми зарядов по двадцать килотонн, вследствие действия ударной волны и пожаров погибает примерно два

миллиона гражданского населения, а примерно три миллиона получают ранения тяжелой степени. Действие радиоактивного излучения на первой стадии не учитывается в связи с длительностью своего полного проявления. На этом этапе рекомендуется выждать несколько суток и отследить политические и психологические последствия акции. Притом продолжать массированное применение обычных средств поражения по вооруженным силам и коммуникациям противника. Срок отсрочки может быть удлинён или же сжат в соответствии с развитием событий на фронтах. На современном этапе, к сожалению, нет возможности непосредственно эффективно воздействовать на сухопутные и находящиеся вне порта военно-морские силы атомными бомбами, поэтому нашим войскам и армиям союзников придется проявить чудеса стойкости в открытом бою, однако и в этом случае мы рассчитываем на решающее воздействие нашей подавляющей воздушной мощи.

При всем том, если в итоге акции противник не примет наши условия любого характера, нужно начать выполнение плана в полном объеме. Приблизительно в течение тридцати суток на семьдесят объектов, включая города, будет сброшено более ста тридцати стандартных зарядов. Общее количество убитых более тридцати пяти – сорока миллионов гражданского населения. Понимая всю ответственность, разработчики плана тем не менее предполагают, что долгое затягивание с выполнением операции ведет к полной неясности последующих событий, и рекомендуют все-таки воспользоваться выданной нам Всевышним исторической форой.

В результате применения вышеперечисленных мер государство противника разбивается на отдельные оккупационные зоны, а также...»

Выдержки из документа. План не осуществлен, поскольку внушала опасение неясность в оценке сил противника, а также нерешительность политических лидеров страны-составителя. Местное летосчисление: год 1948-й. Место разработки и неосуществления – планета Земля, Солнечная система, галактика Млечный Путь, УГВ (Условно Главная Вселенная).

* * *

Однако заманчивое предложение, подумал он в очередной раз, хотя старался увести мысли в любую из возможных сторон от этой. Получалось как в старой легенде о способе бессмертия: «Постарайтесь, падишах, не думать о белой обезьяне, и никогда не умрете». Попробуйте, черт бы вас побрал! Никак, никак в голову не шли другие мысли, слишком давно он не видел женщин, настолько давно, что, можно сказать, забыл об их существовании, других забот хватало, да и привычный самоконтроль делал свое дело. Но после этого разговора с Доктором (так Хадас окрестил собеседника) все пошло наперекосяк: теперь у него в голове просто роились женщины. Там были молодые и постарше, красивые и не очень, и все в лучшем случае полуголые. Он никак не мог отогнать эти навязчивые видения. Он представлял себя с

ними, с целыми толпами сразу и с каждой наедине. Внезапно ему пришла новая мысль из той же пластинки: ведь если у них тут так плохо с мужскими достоинствами, ведь тогда скорее всего для всех этих красавиц он будет не только единственным, но еще и первым. Он внезапно покраснел от этого прозрения и осторожно осмотрелся в поисках скрытых камер. Они могли быть, а могли и не быть. Может, те, кто сейчас подсматривает за ним, читают по его лицу все эти пакости, но, черт возьми, что он мог поделывать? Он встал и прошелся по маленькому помещению. Все-таки здесь тесновато. А ведь если они даже не подсматривают за ним сейчас, уж процесс его грядущих романтических походов они точно внимательно пронаблюдают, еще и на пленку заснимут. Он на мгновение остановился. Как это вообще будет выглядеть? В этом подземном государстве по крайней мере несколько десятков тысяч людей, может, больше. Допустим, женского пола половина, ну пусть треть, ну, откинем какой-то процент на неспособных рожать по возрасту или по другим причинам, ну, отбросим еще некоторую часть, которую они приберегут на потом, ведь не хотят же они превратить свою ограниченную жилплощадь менее чем через год в сплошные ясли, у них ведь и других проблем хватает? И вот их будут приводить сюда... Поскольку этот процесс априорно надо будет поставить на поток, их будут быстренько раздевать или приводить уже раздетыми, ему некогда будет даже с ними говорить, впрочем, ему это и не надо, а вот им? Он будет с ходу делать свое дело, и так будет продолжаться весь день, наверное, они придумают ему подходящую диету во избежание быстрого истощения. Черт возьми, это будет резвее, чем у животных. Однако сейчас ему этого очень хотелось, древние инстинкты брали свое, и им было наплевать на этику. Он снова попытался увести сознание от щекотливого вопроса, начав вызывать из памяти маршруты последних полетов. Они явно бомбили не то и не там. Но кто мог предположить, что под этим побережьем, так близко к вулканической гряде, существует столь крупный подземный город? А впрочем, почему, собственно, они должны были его бомбить? Что, этот врытый в землю, наполненный импотентами погреб представляет опасность? Он ведь занят своими проблемами по уши. Но все равно, база явно не подозревала о его существовании, ведь именно над этими местами у него был намечен выход за стратосферу. Возможно, сейчас кто-то из ребят набирает там, над неизвестной толщины гранитным потолком, высоту и свечой взмывает в космос. В принципе мы бомбим по площадям, по заранее согласованному где-то наверху плану, ясное дело, вначале опасные цели, а уж потом дойдет очередь и до этих «землероев». Но ведь они же люди, может, их вовсе не стоит запечатывать в этой самими вырытой могиле насовсем. Вообще, ходили упорные, возможно, намеренно распускаемые кем-то слухи о том, что людей здесь уже вовсе не осталось и вся поверхность захвачена какими-то мутантами или смесью людей с какой-то местной формой

живого. И если сознаться, то он верил этим слухам, это было нечто в виде защитной реакции сознания на творимую им разрушительную, варварскую работу. В глубине души он надеялся, что его «колотушки» и «хлопушки» просто роют в затянутой облаками пустыне гигантские воронки, очень большие и глубокие на вид, но абсолютно безопасные для кого-либо. Они повышают радиационный фон просто так, для острстки этих мифических страшных и неуловимых чудовищ, мутировавших ранее из местных колонистов, может, иногда разрушают их хитрые, опасные для Земли механизмы. Все, все оказалось не так. Здесь были люди, и известная теперь наверняка мутация их заключалась в неумении продолжать свой род. Его бомбы, во множестве сброшенные наверху за эти годы, сделали с ними это. То, что эти взрывы устраивал не только он, а объединенная в общей задаче прогрессивная земная цивилизация, – не вдохновляло: он был на острие этого процесса.

* * *

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

«...под городом Васильков, вблизи столицы, случилась серьезная авария во время профилактических работ по перегрузке старых ракет. Имеются жертвы среди военнослужащих, в том числе срочной службы. Когда же наша армия окончательно перейдет на контракт? И кроме того, люди задумываются, не пора ли окончательно отказаться от опасного советского наследия, в виде некачественной, самоподрывающейся боевой техники? Пора это все списать. И более того, не пришло ли время предъявить счет России за весь этот ею же порожденный наследственный бардак?...» «...»

Беспощадный (Иванов)

Павел Григорьевич

(1895-1968)

Автор знаменитых строк «Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано» Павел Иванов (Беспощадный – псевдоним, ставший потом фамилией, – уж очень жёстко клеймил в стихотворениях буржуев) родился 29 июня (11 июля) 1895 года в селе Всеславль Смоленской губернии. Потом семья переехала в наш край. В 1924 году Павла Иванова пригласили на работу в редакцию газеты "Кочегарка". С этого времени Павел Григорьевич активно участвовал в работе Союза пролетарских писателей Донбасса, существовавшего позже (1927-1932) как донецкий филиал Всеукраинского союза пролетарских писателей (ВУСПП).

Печататься поэт начал в 1924 году в газете "Всероссийская кочегарка", в журналах "Забой" и "Горнорабочий". Выпустил сборники «Каменная книга», «Горный пламень», «Над шахтой летят журавли», «Шахтёрские поэмы», «Донецкие просторы»... Он очень помогал – как советом, так и делом – начинающим писателям.

Умер Павел Григорьевич Беспощадный в Горловке 25 мая 1968 года. Павел Григорьевич – почётный гражданин Горловки. Именем П.Г.Беспощадного названа улица в Центрально-Городском районе города Горловка.

* * *

РАССКАЗ О ЗЕМЛЯНКЕ

Дымные, приплюснутые стекла
(Горняков звериное жильё!)...
Здесь отволновалось и поблекло
Детство непутевое мое...
Сколько их, ровесников, ютилось
По землянкам – логовам медвежьим.
...Здесь читать мы по складам учились.
Здесь ковали яркие надежды:
У отца в получку... утворюем
Гривенник на лубочную книжку...
И в землянку грязную, сырую
Зарывались с головой мальчишки.
Милый миг, но жуткая землянка
Утопала в матерках и пьянках.

Вечно драки, слезы, причитанья,
Под гармошки нудные «страданья».
Рудник мой! Недаром утром синим
Ты собрал под музыку и песни
Матерей, в чьих косах стынет иней,
И ровесников веселых и ровесниц.
Проходили с песней пионеры.
Разбивали цветники и скверы.
Сколько здесь родимых и знакомых
Роят клумбы, строят стадионы?!
Где акация с кудрявым кленом
Обменялись дружеским поклоном...
Где по тротуару на работу
Прошагал с бригадой Изотов –
Посмотрел на горе-землянушку...
И сказал: «Не гневайся, старушка.
Не скучай в кругу красивых зданий.
Обнесем веселыми цветами,
Чтобы это черное жилище
Рассказало нашим горнякам
О тяжелой, беспросветной, нищей
Жизни на хозяйских рудниках».

* * *

КОНОГОН

Ноет, ноет дрянной мой бок,
Скоро легкое кашель вынет.
Смерть острит на меня зубок –
Словно уголь, пронзит навывлет.
Мне одну только шахту жаль –
С нею был уж очень дружен.
Вот и Стрепет опять не ржал:
Видно, знает, что я контужен.
Значит, знает мой верный конь,
Что его коногону больно,
Что рассыпал я свой огонь
По подземной кривой продольной.
Не тоскуй, не горюй, голубок!
Что же делать? Видать, так нужно...
Ой, и ноет дрянной мой бок,
Не могу довести до конюшни...
Распростимся, подземный друг...
Ты здоров, а я, видишь, заржавел...
На уклоне услышал вдруг –
На прощание мне заржал он.
Говорили в больнице днем:

Бредил я, и неясный лепет
Передал для других одно:
«Человек ты, мой милый Стрепет!»
Знаю, доктор мне ловко врет,
Будто скоро опять загарцую:
– Подождите, вот время придет –
Скоро легкое вам зарубцую.
Нет, истрепаны легких меха,
Обтоптались ноженьки-шины...
Доктор, слышите, смерть – чепуха!
Под землей заживут машины!
Он идет, этот сильный век.
Слышу грохот и лязг его брони.
На всю шахту один человек
Будет, будто шутя, коногонить.

* * *

КРАМАТОРКЕ

Пустела степь.
Гулял вихрастый ветер.
Трепал полынь,
Курчавил ковыли...
Не знала степь,
Что ей придется встретить
Упрямых повелителей земли.
Шумит, гудит
Дощатая трибуна,
Плывет в степи
Уверенная речь:
– Компартия
Скликает на борьбу нас,
Призыв ее
Сумел сердца зажечь –
Идут, идут
Рабочих батальоны.
(Последний раз
Шумите, ковыли!)
Слетелись в степь
Строителей знамена,
Упрямых
Повелителей земли.
Поднялся на высокую трибуну
Седой комдив
И начал говорить:
– Товарищи!

Суровую борьбу нам
Придется выдержать,
Чтоб победить!
Товарищи! Друзья!
Спокойно стройте,-
Красноармейцы
Зорки на часах.
Пусть будет
Так же безупречен
Строй тех,
Кто на строительных
Стоит лесах!
Сегодня степь
Закована оградой,
Мы эту степь
Изроем, изгорбим.
А завтра
Динамитной канонадой
Отметим новый
Жаркий день борьбы.
И – к черту кони
От полыни горькой!
Под динамитный
Гордый перелив
Здесь возведут
Стальную Краматорку
Упрямые хозяева земли!

* * *

ДУМА О ДОНЕЦКОМ КАМНЕ

Вот камень лежит одинокий,
Которому тысячи лет...
И самые жаркие строки
К нему обращает поэт.
Тот камень был Игорю ложем,
Певец на нем «Слово» слагал;
Объехав его осторожно,
Чума здесь в степи отдыхал,
Здесь саблю, как месяц, крутую
Пархоменко славный точил;
Пархоменко землю родную,
Донбасс свой, берег и хранил.
Не сполохи степь полошили –
Кипели шрапнели в бою...
Здесь вел на врага Ворошилов
Несметную силу свою!
И в пламени камень рожденный
Стал славой горячих боев.
На нем легендарный Буденный
Стоял с комиссаром вдвоем,
Приветствуя войско Советов,
Отвагу Отчизны родной.
Здесь южные ветры рассвета
Трубили победный отбой.
И камень – товарищ нетленный –
Горит на заре, что алмаз...
И трубят на шахтах сирены,
И славят свободный Донбасс.
Шумят по степи паровозы,
Богатые грузы везут...
На шахтах, заводах, в колхозах
Идет созидательный труд!
Поэт посмотрел на просторы,
На сотни огней и дорог
И с камнем простился, который
В легенду и песню облек.

1941

* * *

СЛОВО О РОДИНЕ

Друзья мои! Я не из сказки вышел,
Не из поверий древних и легенд,
Работал я в хозяйской шахте-нише,

Сегодняшний поэт-интеллигент.

Страна меня растила, поднимала,
Учила петь и двигала вперед,
Страна меня, как сына, окрыляла,
Как сокола, готовила в полет.
И я Советской Родиной любимой,
Как совестью, как жизнью, дорожу
И потому ее святое имя
С благоговением произношу.

1946

* * *

ЖИВЕТ ДОНБАСС!

Пока в груди шахтерской сердце живо
И в сердце кровь сыновняя тепла,
Хочу, чтоб песня с врубкой дружила,
Варила стали и стволы вела,
Клепала клетки и вздымала зданья
И на лесах большого созиданья
Примером высшей доблести была.
Живет Донбасс! Сирена шлет сирене
Горняцкой дружбы благовест стальной:
Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!
И нет земли прекрасней, вдохновенней,
Где все творцом-народом создано.
Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!
И нет отчизны чище и священной,-
Где все сердца сливаются в одно...
И это сердце осеняет Ленин –
Великий светоч партии родной!

* * *

ШАХТЕ

Я бы вынес сотни пыток,
Я б как каменный молчал,
Чтоб на шахте у калиток
Голос девушек звучал...
Я бы кровь по капле отдал,
Погасил бессильный стон,
Чтоб в знакомых вольных сводах
Просвистал мне коногон.
Я бы с солнцем распростился,-
Шахту я слепым найду,-

Ведь на память знают птицы
Путь к родимому гнезду.
Я копер найду по звуку,
По шумящему шкиву,
Да боюсь – беду-разлуку
Я едва ль переживу.

* * *

ВДОХНОВЕНИЕ МОЕ

Я хотел бы, как Гастелло,
Двинуть огненным броском
И на степь, где песня зрела,
Глянуть хоть одним глазком,
А затем – хоть в крошку-щепку.
Только б на земле родной,
Пусть копер в железной кепке
Встал бы снова надо мной.
Человек, рожденный в лодке,
Вечно верен парусам...
Конь-скакун – лихой походке,
Авиатор – небесам.
Жизнь цветка – роса и пчелы.
Жизнь охотника – ружье,
А шахтерский труд веселый –
Вдохновение мое!

* * *

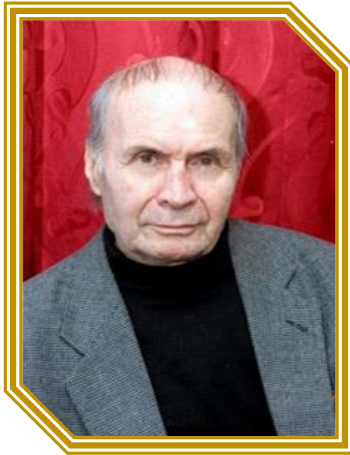
ДОНЕЦКАЯ СИРЕНЬ

Степь донецкая без края,
Чабрецы да ковыли...
Я люблю тебя, родня,
И в тюльпанах, и в пыли,
И в снегу акаций пряных,
И в сиреневом дыму,
И в монистах колчеданных,
Как подругу, обниму.
Я прильну к родным криницам-
Чудодейственным ключам,
Чтоб шахтеркам смуглолицым
Сладко пелось по ночам.
Я из сердца выну песню,
Им на сердце положу,
Я скажу им: труд ваш честен!
Больше слова не скажу.

Бессонов Павел Александрович

(1926)

Он родился в железнодорожном посёлке Грязи Воронежской области, в семье железнодорожника, учился в железнодорожной школе, но железнодорожником так и не стал, хотя трудовую биографию начал в 16 лет слесарем. В судьбу его (и всей страны) вошла война, и он стал сначала солдатом, а потом офицером, авиационным инженером. И отличным поэтом. После окончания знаменитой Военно-воздушной инженерной Академии имени Можайского почти всю жизнь прожил в Мариуполе. Павел Бессонов, уже перешагнувший порог своего 85-летия (!), автор нескольких книг и лауреат литературных премий, смело заявляет «Мы – не в отставке. Мы – запас».

* * *

ДЕТСТВО

Проходили составы под самыми окнами дома.
Тарахтела посуда
На полках, сама не своя.
А дорога со школы
Бежала по шпалам знакомым,
И звала прямизною,
Манила меня колея.
И мазутные капли
Глядели из синих проталин,
С тополей придорожных
Кричали грачи о весне.
Уходили составы
В еще неизведанные дали.
И не ведало детство
О близкой войне.

* * *

СЕМНАДЦАТИЛЕТНИМ

Мы были одеты не броско,
Но тоже старались форсить.
Лицованное из обноском
Мы с шиком умели носить.
В карманах – запалы, патроны,

Из старых обоев тетрадь.
А дома с письмом – похоронкой
От горя застывшая мать.
Худы, тонкошеи, неловки-
С тревогой глядели вокруг.
Стрелять из немецкой винтовки
Учил нас хромой военрук.
Мы метко бросали гранаты
В окопы пустые и рвы...
А в общем – то были ребята
Такие же точно, как вы.
Не кончив девятого класса,
Любимой «люблю» не сказав,
Мы шли повзрослевшие сразу,
В солдатском строю на вокзал.
Мы к подвигам были готовы
В тот грозный для Родины час
К войне испытаньям суровым...
...Мы были похожи на вас...

* * *

ВЫ ПЛАЧЕТЕ...

Вы плачете.
Какой пустячный повод.
Вам дела нет до тысячи зевак.
Ах, и со мной случилось точно так,
Когда я был невозвратно молод
Вы плачете.
Но это перед смехом,
Звонящимся, как игрушка из стекла,
Последняя слезинка из стекла,
Она улыбке вашей не помеха.
Вы плачете?
Как это превосходно!
А я запасы влаги иссушил...
И мне теперь, я знаю, от души
Не засмеяться принародно.

* * *

СЫНУ

Ты не согласен с мнением моим.
Ты начинаешь не на шутку злиться.
А мы ведь часто так благоволим
К умеющему сразу согласиться!
Но вот, порой, манеры хороши,
Да прячется под внешней лакировкой

Холодная расчетливость души
И подлость, затаившаяся ловко.
Синяк – не украшение лица,
Царапины, конечно, не медали,
Но оставаясь честным до конца,
Всем угодить сумеешь ты едва ли.
Судьба не раз проверит на излом –
Согнешься или стоишь упруго.
...Без синяков живут – мирясь со злом,
Скрывая правду, предавая друга.

Боженко Галина Николаевна

(1956)

Имя донецкой поэтессы Галины Николаевны Боженко хорошо известно любителям поэзии Республики. За 45 лет творческой деятельности Галина выпустила 32 сборника. Когда война пришла на Донбасс, ей хотелось помочь людям, и она нашла выход: золотую медаль весом 25 грамм, полученную за книгу, написанную о шахтерах, она заложила в России. На вырученные деньги закупила три тонны муки, и земляки получили хлеб. Галина с концертами посетила многие города России. На собранные пожертвования закупала самое необходимое: хлеб, продукты, медикаменты для жителей Донбасса. Благодаря ее доброму сердцу медаль вернулась к ней: жители поселка Куцевское выкупили награду и вернули хозяйке.

* * *

ГОРОДОК МОЙ В СТЕПИ...

Поклонюсь я тебе, мой поселок из детства,
Городок мой в степи, моя радость и боль
И спрошу тебя чутким, тоскующим сердцем:
- Как живешь ты и что там сегодня с тобой?

Как аллеи твои? Как там кружево кленов?
Кто любит ими осенней порой?
Как живут тополя, что скрывают влюбленных,
Ива плачет о чем над моею скамьей?

Я о главном еще у тебя не спросила:
- Как мои земляки и чем славны их дни?

Где для дел своих добрых берут они силы
И какими заботами живы они?

И услышу я чутким, тоскующим сердцем,
Что живешь хорошо ты, что ладны дела,
Поклонюсь я тебе, мой поселок из детства,
Моей радости песня и гордости колокола!..

* * *

И СНОВА КЛАНЯЮСЬ ТЕБЕ, МОЯ ДЕРЕВНЯ...

И снова кланяюсь тебе, моя деревня,
Твоим дворам, их с детства помню каждый наизусть,
Твоим тропинкам, улочкам, деревьям,
Твоим погостам, где застыла грусть...

Прими поклон мой и позволь согреться
У очага твоей большой семьи,
Ведь здесь навек мое осталось сердце
И здесь в земле лежат родители мои...

Пусть будет пухом им земля и светлой память,
Тебе, деревня, и здоровья и добра,
Не расставайся с дочерьми, и с сыновьями.
Всем хватит места у семейного костра!

1992

* * *

НАШИ НЕСРАВНЕННЫЕ МУЖЧИНЫ!

Наши несравненные мужчины!
Рыцари отваги и добра!
Есть воистину достойные причины
Дифирамбы петь Вам с самого утра!

Вы – защитники Отчизны нашей славной,
Вы – надежда наша, гордость и оплот,
Вы с Успехом и с Победою – на равных,
А тем более – когда Весна цветет!

Это Вы умеете цветами
Женщине дорогу устелить,
Самыми прекрасными словами
Ее сердце сходу покорить!

Вы, способны на подвиг, без сомненья,
Оптимизм храните, молодость любя,
Принимаете столь важные решения
И при этом не жалеете себя!

Это Вы, задачи выполняя,

Те, что жизнь пред Вами ставит и не раз,
Целый мир собою защищая,
В сердце место оставляете для нас!
В том и есть источник Вашей силы,
Я об этом не устану говорить:
- женщина Вас миру подарила,
И на подвиг в добрый час благословила,
От любви к Вам ее сердце не остыло,
Дай-то Бог взаимными Вам быть!

* * *

МЫ ГОЛОСУЕМ ЗА РОССИЮ!

За всё, что здесь мы пережили,
За эту боль, за этот ад,
С Россией быть мы заслужили,
Мы не воротимся назад!

Дороги нет у нас обратно,
Россия, мы всегда с тобой
Всё, что случилось – безвозвратно,
Нам так назначено судьбой!

Мы только вместе, только рядом,
И здесь никто нам не указ!
Ведь гибли мы на баррикадах,
Чтоб жить остался наш Донбасс,

Чтобы ходили в школу дети,
А не скитались по дворам,
Чтоб навсегда на белом свете
Жилось спокойно мирно нам!

Мы выдержали, всё стерпели,
Мы всё смогли и вэтот раз,
Чтоб быть с Россией в самом деле,
Чтоб жил шахтёрский наш Донбасс!

Мы не хотим судьбу другую,
Об этом знает вся страна,
За мир в Донбассе голосуем
Война вовек нам не нужна!

За всё, что здесь мы пережили,
Ценою судеб и смертей,
Мы Русь Святую защитили
От своры профашистской всей!
И нам не стыдно перед теми,
Кто в 43-м здесь полёг,

Сердцами признаны мы всеми
И это видит Господь Бог!

Донбассу силы посылает,
Невиданные никогда!
С Россией быть повелевает
Отныне раз и навсегда!

Какие могут разговоры
На эту тему ещё быть?
Исконно русские просторы
Донбасса нужно возродить.

С Россией быть мы заслужили
Ценой немыслимых утрат,
Мы всё смогли! Мы победили!
Дороги нет у нас назад!

Мы жить хотим под небом синим,
И мысли мирные у нас!
Мыголосуем за Россию,
Чтоб жить остался наш Донбасс!

20.08.2015

Борота Виктор Степанович (1936)

Родился 1 августа 1936 в селе Староигнатьевка Тельмановского района Донецкой области – русский и румынский поэт. Мастер спорта СССР. Заслуженный тренер СССР и УССР. Заслуженный работник физической культуры и спорта Украины. Член союза писателей СССР и Украины. Виктор Степанович начал работать тренером в родном селе Старогнатовка, где самостоятельно создал секцию – сельскую школу борьбы, которая воспитала чемпионов страны и мира. Самый титулованный воспитанник Виктора Бороты – Илья Мате, олимпийский чемпион, двукратный чемпион мира и Европы. Борота В.С. – Писатель и поэт, автор романа «Восхождение на Олимп», сборнике стихов и прозы о спорте «В плену цикад» и многие другие.

* * *

БАЛЛАДА О ГОРЮЧЕМ КАМНЕ

*Сей минерал ежели не нам, то
потомкам нашим зело полезен
будет.*

Петр I

Сдвинув брови, расправив краги, –
Гневно вздернув края усищ
Царь хмельной от пьянящей браги,
Был угрюм и лупаст как сыч.
Было время кровавых распрей,
Козней Софьи, бунта стрельцов.
Царь порывист, ершист, как рашпиль.
Ветр степной остудил лицо.
Горизонт глазищами цапнув,
Молвил царь: «Покорен Азов»...
Вдруг застыл, осторожней цапли,
Над вечерним дымом костров.
И, забавней смешных комедий,
Ассамблей и иных потех,
Царь горячий камень заметил,
И, заметив его, вспотел.
Черный камень! Черней арапа!
Он в огне – словно кровь из ран,
Распылясь золотистым крапом,
Опалил по краям кафтан!
В лисьей балке, на скользком кряже,
Отмахнув с лица мошкару,
Сквозь шиповник, как вол в упряжке,
Царь обратно ушел в Москву.
Он могущественными руками,
Мир и сечу верша второпях,
Не забыл про горячий камень,
Что лежал в донецких степях.
Страсть к открытые – сильней проказы,
Тверже власти и скипетра,
Затемняла ямки подглазий
И вздувала виски Петра.
Но не взять твердыни нахрапом,
Ломом, заступом и венцом!..
Распылясь золотистым крапом,
Пламенеют копры над Донцом!

* * *

ОХОТНИК

Я иду туда, где тропка козья
Заросла пахучим чебрецом,
Где в полях зеленые колосья
Ершиками тычутся в лицо.
Я иду, влюбленный в эту землю:
Слева – поле, справа – сизый лог,
И ковыль волнистый, словно змейка,
Тихо ускользает из-под ног...
За спиной нехитрое ружьишко.
Но к чему охотничья мне страсть?
Мой Донбасс! Тебя люблю я слишком,
Чтобы даже в малом обокрасть...
Я в ладонь поймаю лучик солнца,
И припрячу в сумку до зимы.
Пусть гуляет ветер за оконцем,
Пусть поет на флейте бузины.

* * *

БЕГУН

И показалось – не земля	От этой бешеной запарки
Под ним летит, а легкий мячик,	Умчался вдаль наискосок.
А впереди него маячит	А он под сердца дробный стук,
Тартана гибкая змея.	Еще не слыша комплиментов,
Еще прорыв, еще бросок...	Упал на финишную ленту,
И бледный лик луны за парком	Как на базальтовый уступ.

* * *

ДУМА О СПОРТЕ

...Остановиться! Отдышаться. Хватит! –
Весь исчерпался, силы все отдал.
Вот яркий свет в твоей просторной хате,
Костюм – и в снах такого не видал.
Союз! Европа! Мир! Затеял сечу... -
Смири бурлящий ток больших кровей!
Молчу... А в мыслях – сам себе перечу. –
Я весь в огне от пяток до бровей!
... Я помню голод. Из гнилой картошки
Мать выпекала на плите блины.
Утихла боль, отгрохали бомбежки,
Стирались раны проклятой войны.
И день веселый жаркого июля.
И на зубах хрустящий колосок...
Унялся голод отжужжали пули,

Летели гуси вдаль наискосок.
Я свой пролог запомнил, постигая
Житейские извечные азы, -
От холода земляночного рая
И до победной утренней звезды.
И стану спорить, доходя до ража,
В предстартовой звенящей маете:
Без рук в мозолях трактористки Паши
На пьедестале не было б Мате!..
... Арена. Пятый сектор. Верхний ярус. –
В глазах стоят листы черновика,
А над ковром мечта, как белый парус,
И страстное лицо ученика.
Какие дни! Атак! Защит! И стиля!
На все словами света не прольешь,
Ведь жизнь перин не стала и не льстила.
Остановись, предстартовая дрожь!
Сомнения, как после солнца плесень,
Растаяли!.. И под напором сил
В моей душе зажглась такая песнь,
Какой доселе в сердце не носил!

* * *

СТИХИ МАРАФОНУ

Вот поле, лес... Вот просека, тропинка,
Отстал гудок, умолк собачий брех,
Неверующим мнится сто помех,
А мне кивает тонкая тростинка,
И я бегу, я – сотворяю бег.
Я вызов брошу горестям и бедам
Грудь распирает, как кузнечный мех,
Все подчиню – от альф и до омег.
Вдох – выдох! Скоро ль? Где ж она, победа?
И я бегу и обгоняю всех.
Растворены в дожде озон и мускус
И веет пряной свежестью орех,
И все мощней захватывает бег, -
Спаялись воедино дух и мускул,
И я бегу...
И я – счастливей всех!

Бугорков Степан Степанович

(1920–1991)

Степан Бугорков родился 27 декабря 1920 года в селе Кремёнки Дивеевского района Горьковской области в крестьянской семье. В сентябре 1940 года был призван в ряды Советской Амиирии Киевским ГВК и ушёл на фронт. Начинал службу в качестве санинструктора, а закончил редактором дивизионной газеты в звании старший лейтенант. В феврале 1943 году, вместе со своей дивизией, участвовал в освобождении Ворошиловграда (теперь Луганск). На фронте начал писать стихи и печататься в газетах и журналах. Более десяти лет — 1950 по 1961 годы работал в редакции газеты «Ворошиловградская правда», где заведовал отделом культуры. Умер в 1991 году, похоронен в Луганске на закрытом городском кладбище «Острая могила» рядом с Владиславом Титовым.

* * *

ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

Лили в осень дожди – не пройти никуда,
Ветер плакал в деревьях надсадно и жутко.
К нам в землянку сквозь бревна сочилась вода,
В котелки ударялись... Бежали минуты.
Полкового оркестра в ту полночь не ждя,
При тревожном мерцание неясного света
Коммисар под холодные звоны дождя
Молодым коммунистам вручал партбилеты.
Мы стояли в молчанье, не смея дышать,
Чувство радости светлой сердца согревало.
Что слова? Разве это в славах передать?
Песню спеть бы об этом...
И вдруг запевала
«Это есть наш последний....!-поднял и понес.
И казалось, отчизна ему подпевала.
По фронтам сквозь разрывы сверкающих гроз
Звучали слава Интернационала.
И развеялась полночь, дождем отпыля,
Темнота отступала в немом увидении.
И земля загудела, узнала земля-
Коммунисты пошли в тот час в наступленье.

Мы пришли на рассвете на пыльный пустырь,
Тихо стыли туманы у древних курганов.
И земля, точно в сказке седой богатырь,
Зарастила под небом колючим бурьяном.
Тишина на сто верст. Степь да спеть без конца.
Лишь по утренней свежести на поле чистом
Скупое плавал томительный дух чебреца.
И прораб нам промолвил: – Качнем, коммунисты!
По земле крутолобой металл застучал,
Известковая пыль поднялась пеленою.
О горняцком труде наш напев зазвучал
И поплыл над донецкой степной стороною
В заозерную даль, где шумят тополя,
Где сады расплескались в весеннем цветенье.
И земля загудела, узнала земля-
Коммунисты пошли в этот час в наступленье.
Звездный дождь в удивленье прольет Водолей,
Млечный Путь заискрился немыслимым светом,
Когда люди со звездных сойдут кораблей
На чужую в космических бурях планету.
И светила вокруг заведут хоровод,
Закружатся кометы в молчании строгом.
В шлемофоне сигнал: «Коммунисты, вперед!»
И Колумбы пойдут по холодным дорогам.
По неведомой им неземной целине,
Что скрывала все тайны миллионы столетий.
Самым первым запев прозвучит в тишине-
Об Отчизне советской на дальней планете.
По невидимым трассам, сердца веселя,
Сквозь миры пролетит тот напев вдохновенья.
И земля улыбнется, узнает земля-
Коммунисты пошли в тот час наступленье.

* * *

ПАМЯТНИК

Где гордый тополь, обожженный пулей,
Ветвями держит раннюю звезду,
Стоит солдат в почетном карауле
Над братскою могилою в саду.
В его чертах ваятель вдохновенно
Поведал миру волшебством резца
И скорбь бойца, и мести гнев священный,
И клятву не сдаваться до конца.
Над ним кружатся облаков громады,
Приплывшие сюда со всех широт.
Ему в часы ночного звездопада

Вселенная салюты отлает.
Ложатся тихо росные туманы
У изголовья мраморной плиты.
здесь у подножья и зимой не вянут
Живые искрометные цветы.

* * *

Я ДОНЕТЧИНУ СЕРДЦЕМ НАВЕК ПОЛЮБИЛ

Я Донетчину сердцем навек полюбил
И поистине лучшего края не знаю.
Где бы ни был, в каких бы краях не ходил-
Красота ее светил простая, родная.
И чего в ней такого, что сердце щемит?
Разбежались поселки по каменным склонам,
Все холмя, да холм, да копров строгий вид,
Но постой, и всмотришь, и в неброской красе
Ты увидишь такое, что трогает душу.
Вон дубки заиграли в лесной полосе,
Вон ковыль расплескался, как море, на суше.
Каждый звук точно песня протяжен и мил:
Дальний-дальний гудок, звон струны эстакады.
Видно, там, где когда-то мальчишкой бродил,
Все запало на век в душу с первого взгляда.
Этих зорь непонятных румянец степной,
Этот ветер особенный, резкий, донбасский-
Они в сердце моем, они всюду со мной
И врачуют от бед материнскою лаской.
Ароматом степным наполняется грудь,
Когда росной тропинкой идешь на восходе.
Знать отцовские тропы, где начал свой путь,
глубоко навсегда через сердце проходят.

Герланец Валерий

(1951)

Герланец Валерий Ильич родился 28 января 1951 года в г. Орске Оренбургской области в семье коренных донбассовцев, которые после окончания вуза были направлены на Урал.

В 1974 году окончил Донецкий политехнический институт, а спустя семь лет Высшие курсы режиссеров и сценаристов при Госкино и Союзе кинематографистов СССР (мастерская С. Лунгина, г. Москва).

Многие годы Валерий Герланец отдал журналистике: был заведующим отделом науки и культуры газеты «Вечерний Донецк», обозревателем журнала «Удачный выбор», главным редактором всеукраинского детского журнала «Апельсин», деканом факультета журналистики Донецкого открытого университета. И все эти годы параллельно занимался литературной деятельностью.

Валерий Герланец автор более 70 книг для детей в прозе и стихах (бумажных, аудио- и электронных), вышедших в различных издательствах Украины, России, Канады, Чехии и США. Среди них: «Невероятные приключения Моли и ее друзей», «Приключения Санта Клаусёнка», «Как Туман на трамвае катался», «Лена, Катя и Мылопуз Бессмертный», «Чудо в перьях» и др. Несколько повестей писателя были переведены на английский язык и выпущены в свет международным издательством Animedia-company. Произведения донецкого автора в прозе и стихах вошли в десятки хрестоматий и учебников для школьников.

Валерий Герланец автор нескольких пьес для детского театра, которые были поставлены в Донецке и Днепропетровске, и психологической драмы «Прокофьев», вошедшей в 2016 году в десятку лучших пьес Международного литературного Волошинского конкурса.

Многие произведения Валерия Герланца были отмечены на международных конкурсах: «Золотой Скиф» (Украина, 1999), «Кленовые листья» (под эгидой ЮНЕСКО, Канада, 2002) и «Территория мира и согласия» (Москва, 2003), на Международном фестивале Слова «Достояние Донбасса» (Донецк, 2006). В 2005 году Международный Академический Рейтинг популярности «Золотая Фортуна» наградил писателя Почетным лауреатским дипломом «За весомый вклад в развитие отечественной детской литературы».

В 2007 году «За духовное воспитание подрастающего поколения страны» он отмечен «Почетным Знаком» Украинской Православной

Церкви МП и в этом же году стал лауреатом Всеукраинского конкурса романов, киносценариев и пьес «Коронация слова» сразу в двух номинациях.

В 2009 году удостоен почетного звания «Золотое перо Донбасса», а в 2010 году решением наградной комиссии московской городской организации и Союза писателей-переводчиков Союза писателей Российской Федерации его творчество было отмечено медалью А.С. Грибоедова.

В 2011 году за многолетнюю творческую деятельность и весомый вклад в развитие литературного процесса страны он был удостоен звания лауреата литературной премии им. Юрия Каплана Конгресса литераторов Украины и Международного содружества писательских союзов.

В мае 2012 года стал лауреатом международного литературно-художественного конкурса издательства «Deutsche aus Russland» (Германия) в номинации «Сказка сегодня».

* * *

ИЗ ЦИКЛА «ДОНБАСС В МОЕМ СЕРДЦЕ»

ПРИЗНАНИЕ

Люблю тебя, мой край родной, Донбасс –
Край патриотов, угля и металла.
Скучал вдали я по тебе не раз,
Дыханья твоего мне не хватало.

Красив, хоть седовлас, мой край Донбасс –
Тысячелетья был ты Диким Полем.
Племён степных здесь раздавался глас,
Коней в аллюр пускавших по приволью.

Спустя века обрёл ты новый вид:
Повсюду домны, трубы, терриконы.
И всё это гремит, пытит, дымит,
По магистралям мчатся эшелоны...

Пророс корнями я в Донецкий кряж,
Окрестности Донца давно знакомы,
Когда не вижу я родной пейзаж,
Мне хочется вновь оказаться дома.

И пусть чужая тёплая волна
На солнце, как алмазами, искрится,
Донецкая родная сторона
Ночами всё равно мне будет сниться.

Донбасс не раз пытались покорить,
Чтоб край лишить и чести, и богатства,

Но всех врагов сумело победить
Донбассовцев незыблемое братство.

Я горд, что братства этого - росток,
Что с ним делю все радости и боли,
Осмысливая жизненный итог,
Признаюсь: не искал иной я доли.

И к Господу с молитвой обратясь,
Скажу, глубоким чувством окрылённый:
Бескрайне я люблю мой край Донбасс,
Как любит его каждый, здесь рождённый.

* * *

ОПОЛЧЕНЕЦ

На поле брани пулей был сражён,
Но вновь поднялся, боль преодолая.
И в доблестном порыве замер он,
Застыл в седых степях родного края.

Стал неподвижным ополченец вдруг,
Забронзовел на вечном пьедестале —
Высок, широкоплеч и большерук,
С душой и телом, что прочнее стали.

Враги стреляли в дикой злобе вновь —
Свистели пули и рвались снаряды,
И реками лилась людская кровь...
Тот бой в степи для всех стал сущим адом.

Но выстоял герой и не упал
На жёсткую обугленную землю,
Надёжно он на ней, родной, стоял,
Всевышнему лишь только молча внемля.

Враг отступил, попав затем в «котёл»,
На йоту не продвинулся он боле.
В атаку на него бесстрашно вёл
Своих товарищей забронзовевший воин.

Так и стоит теперь тот монумент,
Как символ стойкости, надёжности, отваги.
Как самый веский в мире аргумент:
Фашизм в Донбассе не пройдёт и шага.

* * *

ПРИТЯЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

Как можно не любить родную землю,
Забыть её и бросить навсегда?
Подобное мятежно не приемлю
И не пойму, наверно, никогда.

Как навсегда забыть о Святогорье,
О заповедных ковылях в степях,
О Каменных Могилах, Лукоморье
И Кальмиусе в утренних лучах.

Забыть враз о могилах своих предков,
О храме, где младенцем был крещён...
Забыть иль вспоминать, но крайне редко,
Как угощала бабушка борщом.

Как мама раны мазала зелёной,
Как на рыбалку ездил ты с отцом...
Забыть всё это? Даже ту девчонку
С курносым и веснушчатым лицом.

Вдруг оборвать десятки тысяч нитей,
Протянутых к тебе родной землёй.
Ради чего? Ради каких событий
Отправиться ты должен в край чужой?

Донетчина – извечный мой причал.
Нет для меня милей её и ближе.
Я б пядь этой земли не променял
Ни на богатства, ни на сто Парижей!

* * *

ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА?

Что такое война?
Это детство в прицеле орудий.
Что такое война?
Это старость, лишённая сути.

Что такое война?
Свист снарядов и ужас пожаров.
Что такое война?
Смерти лёд, обжигающий жаром.

Что такое война?
Стойкость духа и честь, и отвага.
Что такое война?
Это трусости подлой зигзаги.

Что такое война?

Это горечь утрат и руины.
Что такое война?
Медный марш и парада картины.

Это вечный огонь
На могилах ушедших навеки...
И без пальцев ладонь
У пришедшего с фронта калеки.
Что такое война?
Это худшее слово на свете.
Ведь война – сатана!
И страшна, и грешна,
И гневна, и гнусна...
Нет ей места на нашей
планете.

* * *

ИЗ ЦИКЛА «КЛАССНЫЕ СТИХИ»

* * *

ПОДАРОЧЕК

У нашей классной дамы
Сегодня день рождения,
И с самого утра
Я в классном настроении.

Ох, как устала классная
От всех моих приколов!
Как будет она счастлива,
Коль не приду я в школу.

Как будет улыбаться
Без всех моих проказ.
Как дружно перекрестятся
Она и весь наш класс.

Поэтому сегодня
Я в школу – ни ногой.
И это – мой подарок
Для классной дорогой!

* * *

У КАРТЫ

Света мнётся у доски
от вопроса ясного:
нужно показать моря –
Жёлтое и Красное.

«К сожаленью, не могу, –
отвечает Света, –
ведь на карте все моря
голубого цвета».

* * *

ИСТОРИК

Полистал отец дневник,
Стал мрачнее тучи.
«Я-то думал, ты, Васёк,
В классе самый лучший.
Ну, а тут сплошь «два» да «два» –
И по всем предметам...
По истории одной
Двойки только нету». –
«Удивляться нет причин, –
Говорит Василий. –
По истории меня
Просто не спросили».

* * *

ЗНАТОК

Зоологичка задала вопрос:
«Какая птица никогда не строит
гнёзд?»
«Кукушка! – с места выпалил Федот. –
Она в часах всю жизнь свою живёт».

* * *

* * *

РАЯ, КОТОРАЯ СОНЯ

Наш учитель возмущен.
Он не понимает,
почему его предмет
Раю усыпляет.

К ученице подойдя,
рявкнул что есть мочи:
«На уроке спать нельзя,
спят обычно ночью!»

Сонные глаза раскрыв,
отвечает Рая:
«Я не сплю. Я просто так
медленно моргаю».

НОВОЕ ПЛАТЬЕ

Две подружки-говорушки,
Попивая «колу»,
Тараторят, как сороки,
По дороге в школу.

«Знаешь, что мне подарили? –
Хвастается Катя. –
Супермодное, крутое,
Праздничное платье».

«А какого оно цвета? –
Спрашивает Тая.
«Намекну: на букву «Ф» –
Сразу отгадаешь».

«Фиолетовое, значит!» –
«Глупая ты девочка!
Моё платье новое
Просто ФКЛЕТОЧКУ!»

* * *

ГЕРОЙ

На коньках катался Петя
По замёрзшему пруду.
Вдруг под лёд он провалился,
Кирпичом пошёл ко дну.

Но пришёл на помощь другу
Одноклассник Николай.
Он схватил его за шкуру:
«Ну-ка, Петька, вылезай!»

О геройстве Николая
Мигом разнеслась молва.
В своём классе, во всей школе
Стал он вроде божества.

Завуч в нём души не чает,
Ставит каждому в пример.
Все девчонки вмиг влюбились,
Словно он миллионер.

Как-то классная сказала:
«Коля, я тобой горда!
Что заставило геройство
Совершить тебя тогда?» –

«Да какое там геройство –
Переклинило мозги.
Я же этому балбесу
Одолжил свои коньки!»

* * *

ТЕМПЕРАТУРА

Не пойду сегодня в школу,
И на то причина есть:
У меня температура
Тридцать шесть и ещё шесть.

Правда, мама мне сказала,
Что я просто симулянт
И изображать больного
У меня большой талант.

Что моя температура –
Это норма для людей.
Чтобы шёл я на учёбу
И как можно побыстрее.

Ну какая ж это норма –
Я от жара жив едва!
Тридцать шесть сложить с шестёркой
В сумме будет сорок два!!!

* * *

НЕСУСВЕТИЦА

Зацвели в саду птицы,
Хором спели цветы.
Стала темень светиться,
В пляс пустились кусты.

Замычала кукушка,
И залаял петух.
А в реке, за ватрушкой,
Вырос пальмолопух.
Тут творится такое:
Дождь клубничный идёт,
И кривою тропою
Вплавь спешит бегемот.

Здесь на дубе – бананы,
А под ним – дикобраз,
Лысый он, как ни странно,
И имеет пять глаз.

В снежных дебрях таится
Разневиданный зверь –
Зайцеволколисица...
Коль не веришь, проверь...

В этом мире чудесном,
Без хлопот и забот,
Где фантазиям тесно,
Детство наше живёт.

Гладкий Виталий Дмитриевич

(1947)

Гладкий Виталий Дмитриевич родился 26 апреля 1947 г. в с. Ярошовка, Сумской области. Выходец из древнего казачьего рода. Окончил Глинский индустриальный техникум, получив профессию горного мастера, и Донецкий политехнический институт по специальности "Технология машиностроения". Работать начал рано, со школьной скамьи. Восемь лет трудился в районах Крайнего Севера, на Колыме, где и начал свою литературную деятельность (в 1979 г.). Работал слесарем-сборщиком, газосварщиком, мастером, конструктором, начальником технологического бюро, директором издательства, строил мосты, трудился в старательской артели, оформлял интерьеры общественных зданий в качестве художника, был профессиональным охотником. Написал свыше двадцати романов и повестей, большей частью приключенческого характера, и два исторических романа. Автор двух иллюстрированных энциклопедических словарей – "Древний мир" и "Славянский мир". Издавался за рубежом. Лауреат литературной премии им. В.Короленко.

* * *

ВЕДЬМАК

(отрывки)

Глава 1

Я знал, что когда-нибудь этот день наступит. Нельзя сказать, что я ждал его с душевным трепетом и мысленными стенаниями, но противный скользкий червячок все равно ковырялся где-то в душе, подлец эдакий.

В субботу, когда я хлебал на кухне горячий супец «...» жена заявила в жесткой и непримиримой форме:

– Все, дорогой, мое терпение закончилось. Собирай свои манатки и дуй на все четыре стороны. Наша так называемая семейная жизнь закончилась.

Мы были одни. Домработницы у нас почему-то не уживались. Жена меняла их как перчатки, хотя и страдала, что ей иногда приходилось становиться к кухонной плите.

– Каро, ты что, белены объелась с утра пораньше!? – спросил я с фальшивым негодованием.

Каро, то есть, Каролина смотрела на меня как дедушка Ленин на

буржуазию – непримиримо и с ненавистью. Раньше во время подобных семейных ссор она швырялась посудой, и я уже приготовился к отражению атаки, но, на мое удивление, сегодня Каролина была неестественно сдержана и холодна, как лед.

Это меня удивило и обеспокоило. Мало того, я был обескуражен. Одно дело ожидание больших бед, а другое – встреча с ним. Как не готовишься к неприятным событиям, все равно они застанут тебя врасплох.

– Арсеньев, ты услышал, что я сказала?

– Услышал, но не понял, – ответил я, заискивающе улыбаясь.

Я надеялся на продолжение диалога, чтобы в процессе разговора уболтать свою ненаглядную, в очередной раз навешав ей лапши на уши. Но Каролина не повелась на мою маленькую хитрость.

– На сборы даю тебе... – Она посмотрела на свои дорожные часы. – Даю тебе ровно шестьдесят минут. «...»

– Час! – Неумолимо отрезала Каролина. – Спать нужно ночью, как все нормальные люди... и мужья. «...»

– Понимаешь, дорогая, так получилось, что... – начал я свою обычную в таких случаях волюнку, но Каро резко пресекла мои попытки оправдаться.

– Арсеньев! Я знаю, что ты тупой, но слух у тебя отменный. Это точно. Меня уже не интересует, как там в тебя получилось, и кто тебя держал на аркане всю ночь. Повторяю в последний раз – собирай свои шмотки. И чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше. Иначе...

Она с многозначительным видом умолкла. «...»

– Нет, не шучу. Ты меня знаешь.

– Знаю, – согласился я. – Но ты, наверное, забыла, кто такой Иво Арсеньев. – Это я сказал не без бахвальства; увы, почти все мужики – позыры. – Твоих бобиков я порву как Тузик грелку. Ты не смотри, что я худой и кашляю.

– Худой... Посмотри на себя в зеркало... героическая личность. Разожрался на дармовых харчах, как котяра.

Насчет дармовых харчей крыть мне было нечем. Моя ненаглядная была шибко козырной бизнес-леди и косила бабки как один мой хороший приятель из прежней жизни, дед Зосима, траву очень острой косой-«голландкой», раритетом военной поры, которая не тупилась даже на крепком травяном сухостое.

Но поскольку наших – то есть, Каролининых – финансов даже при самом плохом раскладе (это если ее фирма когда-нибудь пойдет ко дну) могло хватить до нового пришествия (с моими-то запросами...), я вел жизнь празднующегося сибарита.

А что было делать? Несмотря на достаточно молодые годы, я уже военный пенсионер.

Вот ежели кого грохнуть, да так, чтобы комар носа не подточил и с полной гарантией летального исхода, на это я мастер. Кроме того, могу

преподавать уроки выживания в любых климатических зонах и поясах. Но мои знания чересчур специфичны и на гражданке никому не нужны.

Короче говоря, как по нынешним временам нарождающегося капитализма, я лишний человек. Обуза для общества и пенсионного фонда. Поэтому все попытки Каролины пристроить меня на какую-нибудь непыльную должность в фирме потерпели фиаско.

Если честно, то я не очень и хотел просиживать штаны в кабинете. Это такая мука... В особенности, когда мне нужно было изображать большого начальника. У которого главный босс – родная жена, владелица фирмы и номинально тех живых душ, что в ней числятся.

Именно числятся, а не работают в поте лица. Как известно, настоящих работников, трудяг, на которых держится все производство, всегда можно пересчитать по пальцам. Все тебе льстят, перед тобой лебезят, беззастенчиво набиваются в друзья и втайне завидуют. «...»

Я всегда считал и считаю, что главным в семье должен быть мужчина – и никаких гвоздей. Он добытчик, хозяин, царь и бог на своем доме; такова его роль в обществе издревле.

Потому-то матриархат и почил столь быстро в бозе, так как мужчину нельзя загнать в стойло с ошейником на шее и доить его за то вымя, которого у него нет. Он обязательно восстанет против такого обращения с ним. Что, собственно говоря, и случилось в исторической перспективе.

Даже самый забитый подкаблучник втайне мечтает когда-нибудь освободиться, уйти из-под опеки своей дражайшей половины. Никакие житейские блага, вплоть до молочных рек с кисельными берегами, не заставят настоящего мужика служить прикроватным ковриком.

Но совсем уж нетерпимым было ограничение моей личной свободы. Я долго не женился и свершил сие «таинство» только по оказии. Ну ладно, чуть-чуть по любви.

Однако любовь – это дело столь тонкое и неосязаемое, что в большинстве случаев куда-то исчезает, едва молодые проведут медовый месяц (а то и раньше). Умные (нет, скорее мудрые) ищут ее и находят, пусть и в несколько измененном виде (увы, таких индивидуумов гораздо меньше), а все остальные полжизни маются, пытаются поймать Синюю Птицу не на цветочном лугу, а в грязном хлеву.

Так вот, моя дорогая Каро держала меня на коротком поводке с таким рвением, что временами я просто с ума сходил. И, будучи в таком невменяемом состоянии, бросался во все тяжкие.

Во-первых, я постоянно «терял» свой мобильный телефон. Или «нечаянно» ронял его в горячий суп, притом на глазах своей дражайшей половины. Поэтому она никак не могла дозвониться до меня, чтобы узнать, где черти носят ее супруга-забудыгу.

А для столь козырной дамы, как моя Каро, которую ее шнурки-подлипалы могли почти мгновенно соединить едва не с Кремлем, облом по части телефонной связи был просто нетерпим. В таких случаях она рвала и метала, наводя на подчиненных страх и трепет.

И понятное дело, в конторе всем было известно, по какой причине их босс столь часто пребывает в дурном настроении. Поэтому сотрудники фирмы меня еще и втихомолку ненавидели, вполне обоснованно полагая, что именно я являюсь главным возмутителем спокойствия в их безмятежной лазурной жизни. Между прочим, хорошо оплачиваемой жизни.

Во-вторых, я просто был не в состоянии торчать дома, в четырех стенах, целый день, дожидаясь, пока моя ненаглядная не закончит все рабочие дела и не явит мне свой пресветлый лик.

Я выходил на улицу и часами болтался по городу, тупо рассматривая прохожих и витрины многочисленных шопов, бутиков и магазинов, пока мои ноги сами не приносили меня в какую-нибудь компанию, с которой я коротал быстротекущее время.

Быстротекущее среди добрых приятелей, за рюмкой горячительного напитка, так как в других обстоятельствах, особенно когда я пребывал в одиночестве, оно тянулось словно резина.

И в-третьих, когда мое достаточно терпеливое отношение к перипетиям семейной жизни совершенно иссякло, я решил научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте – где-то краем уха мне довелось слышать, что музыка облагораживает человека и снимает напряженность в личных отношениях.

(К тому же, мне не грех было на всякий случай обзавестись хоть какой-нибудь гражданской специальностью).

Сначала я хотел купить большой барабан и литавры. Мне всегда нравились барабанщики – те, что ходят с похоронной процессией. У них главная проблема – тяжесть барабана, который приходится тащить вслед за трубачами. Но для меня, здорового лоса, это семечки.

Другим же участникам духового оркестра приходится упираться по полной программе. Особенно туго им зимой, на морозе. Кто не верит, путь попробует в зимнее время немного подержать мундштук от геликона на улице, а затем нежно его поцеловать.

Уверяю – эффект будет потрясающим...

Немного поразмыслив, от первоначальной идеи я все же был вынужден отказаться. Мы жили не в личном доме, а в шикарной многокомнатной квартире (клянусь, я так и не сосчитал, сколько в ней комнат), занимающей весь третий этаж элитного дома в центре города.

Нашими соседями снизу и сверху были такие же упакованные бизнесмены, как моя Каро. С одним отличием: если Каролине ее фирма досталась по наследству от папаши, и все грехи первоначального накопления капитала он унес с собой в могилу, то остальные жильцы элитного дома продолжали тащить этот груз на своих плечах.

К этому грузу, естественно, прилагался и комплект бойцов-отморозков, так называемая «крыша». Что меня и смутило. Не думаю, что соседям сильно понравились бы мои музыкальные экзерсисы с барабаном и литаврами, особенно по вечерам.

А так как люди они большей частью деликатные и самолично не станут выяснять со мной отношения (времена базарных разборок они уже проходили, и теперь стараются о них забыть), то вполне вероятно, что в один прекрасный день (вечер, ночь) некие «неустановленные» по милицейской терминологии лица отметили бы меня по полной программе, не исключая членовредительства.

Ну, например, положили бы мои неумные грабли под паровозик...

Так что, по здравому размышлению, я не стал рисковать здоровьем и от идеи заделаться барабанщиком отказался. Но тяга к музыкальному образованию у меня все равно осталась. «...»

Короче говоря, не выдержав непосильной для моего морального состояния тяги к прекрасному, я купил себе кларнет. Этот музыкальный инструмент обладает негромким камерным звучанием и огромными возможностями. В чем я вскоре и убедился.

Первоначально мне пришлось брать уроки у своего приятеля-музыканта. (Как-то так получилось, что по приезду в город я познакомился со многими работниками свободных творческих профессий, которые действовали на меня облагораживающе). «...»

Когда я достиг определенных вершин в игре на кларнете, – то есть, научился более-менее сносно выдувать звуки, соответствующие неким нотам, о которых имел весьма слабое представление, – то перенес выполнение домашних заданий в стены собственной квартиры. (Пardon – квартиры, принадлежащей моей супруге).

Едва услышав, как возле подъезда останавливается ее навороченный «мерс», я тут же принимался усердно выводить трели и рулады, тупо уставившись в нотную тетрадь. Когда она впервые застала меня за этим занятием, у нее просто не оказалось слов, чтобы выразить свое восхищение талантами мужа.

Зато потом, в другие вечера, она отводила душу со всей искренностью чистой, незамутненной музыкальным образованием души.

Ее голос и звуки кларнета сливались воедино, вызывая восхищение у бездомных кошек и собак, которые собирались под окнами нашей квартиры и с огромным вниманием слушали бесплатный концерт, иногда повторяя на свой лад особенно понравившиеся музыкально-вокальные фразы.

Таким образом мне удалось добиться того, что Каролина высказала пожелание (в очень грубой форме, не скрою; но я не был на нее в обиде, так как понимал, что это издержки воспитания), чтобы я обучался игре на кларнете где-нибудь в другом месте.

Это место она определила сама, но оно столь неприятно и отдаленно, что мне даже не хочется говорить о его географическом месторасположении. Тем более меня не воодушевило страстное желание Каро, чтобы я отправился туда немедленно, вечерней порой и со скоростью курьерского поезда.

Как человек покладистый и приверженный семейным ценностям,

спорить с женой я не стал. Немного пораскинув мозгами, я нашел аудиторию для совершенствования своего музыкального образования в более приятном месте, нежели то, куда послала меня Каро, и гораздо ближе к дому, в черте городе.

Едва приближался вечер, я брал футляр с кларнетом и вострил лыжи, куда глаза глядят. А глядели они обычно в сторону многочисленных веселых компаний, где принимали меня со всей сердечностью и относились к моему хобби с пониманием.

Каролина долго терпела мой образ жизни свободного художника. Но теперь, похоже, ее терпению пришел конец. Какое несчастье...

– Это все мышцы, – ответил я нахально. – Каждый день качаюсь.

В общем, Каролина была где-то права в этом вопросе. От валятельно-созерцательной жизни свободного художника (у меня теперь было полное право так называться) я и впрямь прибавил в весе.

Но если учесть, что до женитьбы я был худой и жилистый, как Кашей в молодости, то каких-то пять-семь килограмм мне пошли только на пользу. Даже мое угловатое лицо приобрело приятный овал и – не скрою, все как на духу – на меня начали заглядываться девушки, гораздо моложе моей женушки, чего раньше не наблюдалось.

– Ты не качаешься каждый день, а накачиваешься... водкой, пивом и еще какой-то дрянью под самую завязку, – отбрила меня Каро.

– Так ведь на фирменные качественные напитки у меня денег не хватает. Ты не даешь. Уже больше месяца питаюсь святым духом и от щедрот моих друзей.

– Пора научиться самому зарабатывать. Хотя бы на свое пойло. А что касается твоих так называемых друзей, то уж лучше бы ты якшался с бомжами.

– Я учусь, – скромно потупив глаза, я кивком головы указал на футляр с кларнетом, который сиротливо лежал на крохотном диванчике в стиле «ампир»; кухня у нас была огромной, поэтому и своими размерами и обстановкой чем-то напоминала фешенебельный бар. – Еще немного и... Между прочим, студентам полагается стипендия.

– Вместо стипендии, мой дорогой, получи выходное пособие... – Порозовевшая от праведного гнева Каролина достала из кошелька несколько зеленых бумажек с изображением американского президента и швырнула их едва не в лицо мне. – И чтобы я больше никогда тебя не видела. Никогда! Убирайся с моих глаз. Сгинь, провались в преисподнюю! Все официальные хлопоты на предмет развода я беру на себя, можешь не беспокоиться.

Я не поленился, слез со стула, присел на корточки, подобрал купюры, вернулся на свое место и с нарочитой медлительностью сосчитал, слюнявя пальцы.

– Маловато, – сказал я сокрушенно. – Неужели я был так плох? Даже мальчикам по вызову платят больше. Кстати, напомню, вдруг у тебя с памятью сейчас нелады, что ты моя жена – ладно, пока жена; мы

ведь еще не развелись официально – и все вместе нажитое должны разделить пополам. Уточняю – это не мое личное мнение, так гласит закон.

– Вместе нажитое!? – Мне показалось, что Каролину сейчас хватит удар; но она собралась с силами и продолжила: – Ладно, поделим, если ты так желаешь. Где у нас ножовка? Впрочем, о чем я спрашиваю... «...» Думаю, что ты понятия не имеешь, как она выглядит, и уж тем более не знаешь, где лежит. Хозяин... – Это слово Каролина выговорила так, словно выплюнула надоевшую жевательную резинку.

– Зачем тебе пила? – спросил я с подозрением.

– Что значит, зачем? Как ты сам предложил, будем делить совместно нажитые материальные ценности.

– Это как? Что-то я не врубаюсь...

– «...» Очень просто. Мы перепилим пополам твой саквояж и этот гнусный кларнет – где он? а, уже вижу – за который ты при покупке отвалил денежек как за рояль. Между прочим, моих денежек. Это все, что мы с тобой вместе нажили. Пардон, ошибаюсь. Я забыла про твои новые шмотки, но трусы и рубашки делить пополам не будем. Я щедрая, забирай все целиком.

Каролина решительно шагнула к дивану – явно с намерением совершить надругательство над моим сокровищем. Я схватил футляр с кларнетом и прижал его к груди как беспомощного младенца, готовый защищать свое достояние до последнего.

Насчет денег, которые я заплатил за кларнет, она была права. Тут уж ничего не попишешь. Уж больно хорош был инструмент, старинный. Он мне понравился с первого взгляда.

Как мне сказали, кларнет принадлежал одному талантливому музыканту-еврею, который просто забыл его, уезжая на историческую родину, в Израиль. Старческий склероз.

А когда вспомнил, – уже будучи в Хайфе – у дальних родственников музыканта, оставшихся на первой, не главной родине, где он имел несчастье родиться, вдруг тоже что-то случилось с памятью. Они так и не вспомнили, брал он с собой кларнет или нет.

В общем, я купил потерянную вещь, овеществленный фантом. Как уже говорилось ранее, за большие деньги – ушлые родичи рассеянного эмигранта умели торговаться, в отличие от меня. Но все равно на приобретение кларнета я потратил сумму вдвое меньшую той, которую выцыганил у Каролины. «...»

– Спасибо тебе, дорогая. За все спасибо. – Меня неожиданно обуяла гордыня. – Ты права, нам нужно расстаться. Я не могу жить с женщиной, у которой вместо сердца калькулятор.

– Это у меня калькулятор!? Да как у тебя язык поворачивается говорить такое!? – вспыхнула Каролина; и тут же сразу остыла. – Господи, что я несу? Бред какой-то. Опять он развел свою обычную демагогию, чтобы все спустить на тормозах. Нет, на этот раз у тебя не

выгорит. Такие номера со мной уже не катят.

– С каких это пор? – поинтересовался я не без ехидства.

– С тех самых, – туманно ответила Каролина. – Проваливай! Я сказала час на сборы, – она снова посмотрела на свой золотой швейцарский хронометр, украшенный бриллиантами, – значит, час. И ни минутой больше. Все, разговор закончен.

– Печально... – Я изобразил уныние, смешанное с отчаянием. – А я так тебя любил...

– Вот именно – любил, – фыркнула Каролина. – Мне твоя любовь уже вот где сидит. – Она почему-то показала не на сердце (где еще может обретаться такое светлое чувство?), а на свое горло, чуть ниже кадыка, словно я был безразмерным пельменем, застрявшим в пищеводе.

– Как ты не права... – продолжал я свою партию несчастного, убитого горем человека.

– Ну, знаешь!... – У Каро не хватило слов из нормативной лексики, и она выдала несколько крепких словечек; правда, сквозь зубы, так, что я не расслышал, но смысл сказанного понял. – Не притворяйся сиротой казанской. Ты волк в овечьей шкуре. Хитрый, кровожадный и беспринципный.

– Намекаешь на то, что я в свое время несколько раз спасал тебя от верной гибели? Да, мне пришлось успокоить кое-кого навсегда. Так уж сложились обстоятельства. Но теперь я понимаю, что свалил тогда дурака. Надо было отойти в сторону и предоставить тебе возможность самостоятельно выпутываться из аховых ситуаций. «...»

Если бы Каро могла поджигать предметы взглядом, от меня осталась бы лишь кучка пепла. Я думал, что сейчас начнется буря, торнадо, но, к своему удивлению, ошибся. Судорожно вздохнув, Каролина все-таки сумела совладать с обуявшим ее бешенством.

Снова превратившись в айсберг, она в очередной раз посмотрела на часы и надменно процедила сквозь зубы:

– У тебя уже не час на сборы, а пятьдесят пять минут. Поторопись.

С этими словами она вышла из кухни, с такой силой хлопнув дверью, что витражное стекло, которое она заказывала какому-то очень дорогому и модному мазиле для оживления кухонного интерьера, пошло трещинами. Мне не оставалось ничего другого, как собрать свои шмотки и уйти в люди, чтобы превратиться в бомжа. Куда именно направить свои стопы, я пока не имел ни малейшего представления.

Глава 2

Мне собраться, что бедному крестьянину подпоясаться. Спустя полчаса я уже выходил на улицу, держа в одной руке большую спортивную сумку со своим немудреным скарбом, а в другой – футляр с кларнетом. Это было все, что я сумел нажить, будучи мужем Каролины.

Якобы нечаянно оглянувшись, я заметил в одном из окон нашей квартиры бледное лицо Каро. Она даже не соизволила попрощаться со

мной.

Я изобразил широкую улыбку, показав все свои белые и крепкие зубы, до сих пор не знавшие дантистов-инквизиторов, и поклонился, сделав реверанс. Каролина отпрянула от окна с такой потрясающей скоростью, словно ее кто-то укусил за заднее место. «...»

Удовлетворенный этой маленькой прощальной местью, я посмотрел на небо – погода обещала не подпортить мой исход в неизвестность, что не могло меня не радовать – и бодро зашагал по направлению к стоянке такси.

Я ехал к художнику Венедикту Крисюку, пардон, Бьену Кирису – это он придумал себе такой забойный псевдоним.

В городе Бенья-Веня был выдающейся личностью. Он действительно имел незаурядный талант и огромную пробивную силу, чем отличался от многих других художников, своих коллег, которые дальше уличного вернисажа (сиречь, обычной барахолки) свои произведения продвинуть не могли.

Совсем недавно Венедикт возвратился из Америки, где успешно выставлялся и с не меньшим успехом толкнул почти все свои произведения за очень даже хорошие деньги. Теперь этот богатенький Буратино день и ночь гужевал с многочисленными приятелями и прихлебателями (благо было за что), при этом каким-то чудом умудряясь заниматься творческим процессом.

Ехал я к Венедикту не без задней мысли устроиться к нему постояльцем хотя бы на некоторое время – пока не обзаведусь каким-то образом собственным углом.

Конечно, это была бредовая идея. Увы, мои финансы давно пели романсы – пенсия у меня не ахти какая, собственные сбережения в российских рубликах я прокутил, проиграл, а втихомолку пополнять личную копилку от щедрот своей супруги считал зазорным.

Правда, кое-какие деньжата у меня были, но в заграничных банках. Однако туда еще нужно добраться, а мне ох как не хочется высовывать свой нос за рубеж, чтобы его, случаем, там не прищемили мои бывшие противники. А это очень злопамятные господа.

К тому же я твердо решил потратить валюту лишь тогда, когда буду совсем старым и всеми брошенным. А такой момент может наступить в жизни любого человека, независимо от того, кем он был.

Так что вопрос, как купить квартиру, не имея на данный момент в кармане ни гроша, встал передо мной во всей своей неприглядной наготе.

Но человек живет надеждой. Вот и я надеялся, что меня озарит какая-нибудь стоящая идея, и я враз превращусь в местного магната, ворочающего миллионами. Фантазировать, знаете ли, не вредно...

Уже подъезжая к мастерской Венедикта, я от отчаяния придумал способ, как разжиться деньгами. Он здорово пахивал криминалом, но рациональное зерно в моей задумке, конечно же, присутствовало.

Я решил, что ради этого не грех потрянуть стариной и отрыть свой томагавк, чтобы выйти на тропу войны за правое дело, благо воевать я умел, притом вполне профессионально.

Однако деньги, которые я намеревался реквизировать, открыв невидимый фронт борьбы за собственное выживание (и за справедливость; ведь каждой войне требуется глобальная идея), должны быть непременно «грязными», то есть, нажитыми криминальным путем.

Мысленно взвесив все «за» и «против», я пришел к мнению, что грязнее денег, чем от продажи наркотиков, придумать трудно. Ну разве что потрясти какого-нибудь крупного чиновника-мздоимца, нагло обирающего и так бедных соотечественников, доводя их до полной нищеты и деградации.

Клиента для экспроприации я наметил сразу же, без особых мыслительных усилий. Мне довелось нечаянно познакомиться с ним, когда Каролина однажды затащила меня на очередную презентацию... уж не помню чего. «...»

Почему я тогда не отметил его, до сих пор не пойму... А нужно было. «...»

О его «бизнесе» мне рассказала под большим секретом Каролина, которая как-то ухитрилась выцыганить у него десять миллионов «зеленью» под очень маленький процент на какие-то насущные нужды своей фирмы.

Когда я спросил свою ненаглядную, а не замучает ли ее впоследствии совесть из-за того, что она воспользуется его грязными деньгами, Каро ответила мне в своем непринужденном прагматичном стиле: «Совесть и бизнес, в особенности крупный, – вещи несовместимые. Пора бы тебе это знать, милый. За происхождение денег ответственность несет кредитор».

Да, этого хмыря следовало бы потрясти... Я мечтательно ухмыльнулся. У меня совершенно не было сомнений в том, что он сидит на холме из наличных денег, которые ему приносят мелкие оптовики.

Мои временно лазурные мысли прервал водитель такси, сказав «Приехали...». Я расплатился и вышел.

Передо мной стоял дом с аркой, в котором ютились, как ласточки в норах, мастерские художников, так сказать, «в законе» – тех, кто имел счастье вступить в творческий союз еще в советские времена, когда к членскому билету прилагалось помещение для работы. «...»

Входная дверь в мастерскую Венедикта, как обычно, была не заперта. Ну просто тебе проходной двор, подумал я неодобрительно, заходя без стука и звонка. Наверное, у Бьена Кириса очередной междусобойчик. «...»

Венедикт сразу же заметил мое появление, едва я стал на пороге. Он бросился на меня, как медведь на охотника, имевшего смелость поднять зверя среди зимы из берлоги, и облапил с неожиданной силой и

страстью. (Чего-чего, а силушки Венедикту было не занимать).

Тычась своей окладистой бородищей «а ля рус» мне в лицо, он пьяно бормотал:

– Иво, друг! Ты где это запропастился, сукин сын!?

Нужно сказать, что о приезде Венедикта в родные пенаты я узнал из уст диктора телевидения. Дамочка с экрана преподнесла этот факт, как событие чрезвычайной важности.

В общем, она была где-то права. Ведь не каждый день наши провинциалы имеют возможность отметиться в Америке, притом с таким потрясающим успехом. «...»

– Дела, знаешь ли... – ответил я уклончиво.

И конечно же, соврал. Никаких дел у меня не было. Просто я никак не мог доехать к Венедикту (хотя и собирался несколько раз), так как по пути к нему были еще и другие пункты, посещение которых вошло в мои привычки.

– Хорошо, что пришел, – гудел Венедикт. – Лучше позже, чем никогда. Бросай свои манатки и присоединяйся к нашей компании. «...»

Я глядел на него, и душа моя патриотическая радовалась. Нет, еще силен славянский генофонд, есть еще порох в русских пороховницах, не иссякла еще босяцкая сила.

Венедикт со своей бородищей, черной (правда, уже кое-где с проседью) гривой волос, в рубахе-косоворотке, которая едва не лопалась на литых чугунных плечах, и ростом под два метра был похож на былинного богатыря.

– Никак покори́л Америку? – спросил я с деланным удивлением.

– Я, конечно, не Колумб, но шороху там наделал, – не без рисовки ответил Венедикт. – Эти тупые янки сколько мне бабок скинули за мои фигли-мигли, что я теперь могу не работать и бухать хоть до Страшного суда.

– Фигли-мигли?...

– Да брось ты притворяться, – махнул своей ручищей Венедикт. – Разве можно мои железяки назвать искусством? Все это барахло, мусор со свалки.

– Вот те раз...

Должен сказать, что у Вени была своя манера художественного творчества. Он собирал на свалках и складах металлолома разные железки и варганил с них разнообразные композиции.

Любому здравомыслящему человеку, воспитанному на картинных галереях Эрмитажа и Третьяковки, кажется, что все это чушь, чепуха на постном масле, очередной бзик или, если хотите, зигзаг художественной моды.

Все это верно. За одним маленьким исключением – в руках гения (ладно, пусть таланта) даже невзрачная металлическая шестеренка, которую вдобавок еще и называют «паразиткой» (ручаюсь за достоверность, сам где-то читал) неожиданно превращается в яркую

красавицу-звезду, которая только что свалилась с небосвода.

Венедикт был просто гениален. Хотя до конца этого факта и не осознавал. В общем, как многие из нас. Практически любому человеку от рождения дается какой-нибудь талант. Но вот беда – не каждому дано его реализовать.

Причин тому много. А главными есть лень, бедность, пьянство и провинциализм. Жаль, нет статистики, сколько на Руси пропало безымянных талантов, большей частью в посконной глубинке.

Но иногда на Венедикта находило, и он брался за кисть. То, что у него получалось на холсте, иначе как шедевром назвать было трудно. Особенно удавались ему портреты. Лица на полотнах Венедикта казались живыми.

– Иво, все эти годы я выживал. Когда хочется есть, а в кармане пусто, собакой залаешь. Вот я и лепил горбатого, благо за это хорошо башляли.

– Позволь с тобою не согласиться. Мне кажется, за портреты тебе платили гораздо больше. И заказчики шли в твою мастерскую косяками.

– Чудак человек... – Венедикт обнял меня за плечи и потащил в мастерскую. – Пойдем, я кое-что тебе покажу. Дело в том, что в любое по настоящему художественное произведение приходится вкладывать частичку себя. А ко мне приходили заказывать свои парсуны такие дебилы, морды, что блевать хотелось, глядя на них. У меня кисть вываливалась из рук, когда я принимался за портрет. Дабы изобразить хоть что-то, приходилось «вдохновляться»... сам знаешь чем.

– Знаю... – Я коротко улыбнулся.

– Вот. А в модный металлолом душу вкладывать не нужно. Лепи, как придется. Что-нибудь да получится. При этом все восхищаются, руку жмут, благодарят. Дубье... Но бабки платят. И очень даже приличные... ха-ха... Заходи.

Комната, куда завел меня Венедикт, служила ему кабинетом и местом, где он хранил краски, кисти, растворители, лаки, масла и тому подобное. Когда я гостевал в его мастерской последний раз (почти год назад), она была серой, замызганной и убогой; в общем, кладовая она и есть кладовая.

Но теперь я не узнал ее. Венедикт сделал шикарный ремонт, прорубил дополнительное окно, отчего комната стала как бы шире ну и, понятное дело, значительно светлей, и обзавелся приличной мебелью.

– Впечатляет? – спросил Венедикт, хитро ухмыляясь в свою бородину.

– Не то слово... Я сражен наповал.

Я не погрешил против истины. Я действительно был сражен. Но не евроремонтом, на который сподобился обычно бесшабашный и безалаберный Венедикт.

В кабинете отсутствовал старый просторный диван, на который я имел виды. Вместо него стояли два хлипких с виду современных

креслица и журнальный столик. И где теперь прикажете мне спать? На столе? Или на полу?

Похоже, с идеей перекантоваться некоторое время у Венедикта придется распрощаться. В самой мастерской, конечно, были места для отдыха, но только не для сна. Какой может быть сон, когда дверь мастерской никогда не закрывается и шалман гудит сутки напролет?

– Оцени, – гордо сказал Венедикт, показывая на одну из стен.

Там висел портрет молодой женщины. Нет, скорее девушки, если судить по ее пухлым пунцовым губам и щечками, похожими на два наливных яблока.

Это был настоящий шедевр. Венедикт превзошел сам себя. Портрет был выполнен в манере средневековых мастеров живописи, лессировками, и казалось, светился изнутри.

Меня вдруг осенило.

– Супер, – ответил я честно; и спросил, улыбаясь: – Уж не влюбился ли ты, друг ситцевый?

Веня не был женоненавистником, однако жениться так до сих пор и не сподобился. Его свободную натуру трудно было сковать цепями Гименея.

Поэтому после нескольких неудачных попыток завести себе хотя бы постоянную подругу, Венедикт оставил это неблагодарное занятие и перебивался случайными связями, благо юных ценительниц его таланта, которые учились в местном художественном училище, вполне хватало.

– Кгм... – смущенно прокашлялся Венедикт. – Как ты догадался?

– Это она? – Я ткнул пальцем в сторону портрета.

– Ну... Как тебе?

– Класс.

– Умница, – гордо заявил Венедикт. – Скажу тебе по секрету (только чтобы никому, ни-ни!), у меня скоро будет сын.

– Вот те раз... – Я совсем обалдел от его откровений. – Так ты уже и свадьбу сыграл?

– Обижаешь... Как это я мог сыграть свадьбу, не пригласив на нее своих лучших друзей? – От избытка чувств он обнял меня за плечи с такой силой, что мои кости захрустели. – Все еще впереди. Как родит, так мы и...

– Понял. С чем тебя и поздравляю. Давно пора.

Я сказал это, помимо своей воли, с тяжелым сердцем. Блин! Кто-то детей рождает, женится, а мне тут развод мылится. Вот жизнь...

– Пойдем к остальным, – сказал Венедикт. – Отметим нашу встречу. Нет, нет, никаких возражений! Я по тебе соскучился.

– Но у тебя, как я понял, иностранные гости... Неудобно.

– Неудобно голым по вернисажам бегать. Это, знаешь ли, чревато...

Мы переглянулись и дружно расхохотались. А ржать нам было от

чего.

Год назад, еще до отъезда Венедикта в Америку, к нам в город пожаловали московские гости. Они привезли выставку современного поп-арта вперемешку с боди-артом. (Как это все точно расшифровывается, какую за свою темноту и необразованность, не знаю до сих пор; лучше всего для описания того, что происходило, подходит определение еще советских времен – гниlostное проявление разлагающейся буржуазии в искусстве).

Естественно, такое событие Веня пропустить не мог. Он явился на выставку как всегда подшофе и с толпой приятелей-собутыльников, большинство из которых были его братьями по ремеслу. От нечего делать и я присоединился к этой теплой компашке.

И все бы прошло тихо-мирно, без эксцессов, – все-таки, событие для нашей провинции немаловажное – но тут Венедикту на глаза попался человек-собака. Этот так называемый «художник и творец» был в собачьем ошейнике, совершенно обнажен и бегал по залу на четвереньках. Таким макарон он создавал новое направление в искусстве.

Увы, Венедикт этого не понял. Когда человек-пес остановился возле какой-то скульптуры, чем-то напоминающей творения самого Вени, и поднял по-собачьи ногу, чтобы изобразить отправление естественных надобностей, Венедикт, который стоял рядом, вдруг взбеленился и...

Дальнейшее нужно было видеть. Оскорбленный в лучших своих чувствах, Веня схватил голого хмыря за волосы и за его мужские причандалы, и одним богатырским махом вышвырнул «творца» в распахнутое окно.

Дело происходило на втором этаже художественного музея, поэтому человеку-собаке пришлось немного полетать. А приземлился он в аккурат на большой куст шиповника. Весь исцарапанный и испуганный до обалдения, московский гость рванул от музея, куда глаза глядят.

Кто видел его, бегущего по мостовой (правда, уже не на четвереньках), тот навсегда запомнил московский вернисаж поп-арта...

За свою выходку Венедикт отделался лишь небольшим штрафом. Оказывается, в современном искусстве плохо разбирался не только он, но и судья, который при оглашении приговора Бьену Кирису едва сдерживался, чтобы не расхохотаться.

Мы прошли в ателье Венедикта, если можно таким солидным словом назвать большую светлую комнату с высокими потолками и готическими окнами.

Она тоже подверглась капитальному ремонту и перепланировке, а потому казалась современной реалистичной картиной, на которой была изображена легкими светлыми мазками классическая мастерская художника с мольбертами, неоконченными полотнами, станком, напольными вазами и двумя статуями каких-то древнегреческих богинь.

Эту идиллическую обстановку портил лишь большой круглый стол

посреди комнаты, заваленный как попало разнообразной снедью и заставленный бутылками – и полными, и уже пустыми.

Вокруг стола расположилась весьма разношерстная компания – семь или восемь человек, среди которой я сразу вычислил трех иностранцев. Остальные были коллегами Венедикта.

– Кто это? – спросил я шепотом уже на ходу.

– Мои американские заказчики, – гордо ответил Веня. – Вчера прилетели.

– Даже так... – Я был заинтригован.

– Договор хотят заключить. Только я в английском ни бельмеса, знаю не больше двух десятков фраз, пришлось заказать переводчицу.

Переводчицей оказалась чопорная девушка, которая пыталась изобразить из себя английскую леди.

– Здравствуйте, – сказал я сдержанно и вежливо склонил голову.

– Хэлоу! – дружно откликнулись янки, которые были уже на хорошем подпитии.

– Это мой друг, – объявил Венедикт. – Переведи, – обратился он к «леди».

Девушка послушно исполнила его просьбу. Английский язык она знала так себе, не очень, поэтому говорила медленно, тщательно и с сильным акцентом выговаривая слова.

Я решил не мучить эту горемыку и перешел на английский сам, потому что в свое время мне пришлось выучить его в совершенстве. Нас готовили воевать на территории врага, хорошо готовили, так что даже по истечении многих лет я мог болтать по-английски как попугай.

Я сказал (брехло собачье!), что мне приятно видеть представителей такой могущественной и уважаемой в мире державы в наших краях и что готов немедленно поднять бокал за мир и дружбу во всем мире. (Тут уж я душой не покривил).

– О, вы знаете наш язык!? – обрадовались американцы.

– Немного, – ответил я скромно.

– У вас отличное произношение, – возразил один из янки, костистый угловатый малый с холодными настороженными глазами. – Вы, наверное, учились в Англии?

Нет, там мы проходили производственную практику, едва не брякнул я первое, что взбрело в голову. Я даже открыл рот, но тут же прикусил язык. Конечно, противостояние США и СССР осталось в прошлом, но зачем американским гостям Венедикта знать, что собой представляла эта «практика» и чем она закончилась.

– К сожалению, не довелось, – ответил я как можно искренней. – Просто я имею большую склонность к иностранным языкам.

Венедикт слушал разговор, в изумлении вытаращив глаза. Он не знал о моих талантах полиглота, поэтому был удивлен до крайности.

– Вот те раз... – сказал Веня несколько растерянно, когда я и все трое янки удовлетворили взаимное любопытство и выпили по единой –

за дружбу между народами всех стран. – Ты что, от нечего делать на иностранные языки приналег?

Заметив, что к нашему диалогу внимательно прислушивается американец с отмороженными глазами (который только что в разговоре со мной посокрушался, что русским практически не владеет), я как можно непринужденней ответил:

– Ну. Хочу съездить за бугор по турпутевке. А там без английского, сам знаешь, никак.

– Завидую я тебе...

– Это почему?

– Для творческой личности иметь богатого спонсора – предел мечтаний.

– Во-первых, Веня, я не творческая личность, а во-вторых, богатая жена не спонсор, а лишняя головная (нет, скорее зубная) боль. Уж поверь мне...

В этот миг я заколебался – рассказать ему о своих злоключениях или промолчать? После недолгих размышлений я тяжело вздохнул и решил, что все равно у Венедикта на постой не останусь, а значит, нечего тут трепаться насчет личных коллизий.

И уж тем более мне не хотелось своим мрачным повествованием портить светлое настроение своего приятеля, который наконец решился связать себя семейными узами. Зачем ему знать, что после медово-карамельного года совместной жизни часто следует горькая полынная настойка, которую хошь, не хошь, а хлебай.

У Венедикта я долго не задержался. А все потому, что девушка-переводчица, наблюдая, как я совершенно свободно изъясняюсь с американцами, возненавидела меня тихой ненавистью. Я это видел по ее глазам. Оно понятно – получалось так, что я отбиваю у нее кусок хлеба.

Поэтому, чтобы не травмировать совсем погрузневшую переводчицу и дальше, я попрощался (не без сожаления, не скрою) с веселой компанией, вызвав при этом бурный протест Венедикта, и покинул уютный шалман художника налегке, безо всяких объяснений оставив на его попечение сумку со шмотками и кларнет.

Уходя, я спиной чувствовал пронизывающий взгляд янки с холодными глазами. Как мне знакомы были такие взгляды...

Похоже, это был мой коллега по прежней жизни. Только, в отличие от меня, резервиста и пенсионера, угловатый, хорошо тренированный американец, похоже, был при исполнении.

Вот и верь потом политикам-краснобаям, которые уже все уши прожужжали о стратегическом партнерстве с Америкой. Правильно говорили наши предки, сидя в окопах на передовой: дружба – дружбой, а табачок – врозь.

Интересно, где теперь наша передовая? Как на меня, то разговоры о террористах – это не более чем флер, под которым пытаются скрыть

какие-то глобальные вещи, которые ничего хорошего народам Земли не принесут. В этом можно не сомневаться.

Политики еще ни разу в мировой истории не совершили доброго дела добровольно, а не под давлением обстоятельств.

Однако, что понадобилось этому янки, от которого прет запахом ЦРУ за милю, в нашей провинции? Я почему-то не думал, что его «контору» так сильно заинтересовало творчество Бьена Кириса. «...»

Головин Геннадий Леонидович

(1956)

Геннадий Леонидович Головин родился в 1956 году в городе Алчевске Луганской области. Был призван на службу в морские части пограничных войск. Служил на корабле на Баренцевом море. В 1978 году после демобилизации поступил на исторический факультет Ворошиловградского Государственного педагогического института. С 1983 по 1985 гг. работал в школе г. Коммунарска учителем истории. С 1985 по 1999 жил в Москве и работал по договорам в Институте Археологии и в Центре археологических исследований г. Москвы. С 1999 и по настоящее время живет в пригороде Филадельфии (Хавертаун) США. (Гражданство США не принял). Публиковался (стихи, очерки, проза) в изданиях США, Германии, Украины, России. Является членом Конгресса литераторов Украины (русскоязычного).

* * *

СЛУЧАЙ НА РАЗЪЕЗДЕ № 235

В скверике почти на каждой скамейке сидели пассажиры: в помещении вокзала было душно, и люди расположились под кронами акаций и тополей. Но Курносый сразу же предложил пойти в вокзал. Степка не знал, что Сурда опасался, как бы то из Чижиковых знакомых не заинтересовался им. Подойдет – и начнутся расспросы.

Они присели в дальнем углу зала ожидания. Курносый, шмыгая, выложил Степке свои соображения: ехать в пассажирском поезде нудно и накладно.

Степке вначале не понравилось такое предложение, но, рассудив, он согласился. Курносый прав экономить надо.

- Ты расскажи мне еще о шахтерах, – попросил Степка нового дружка. Курносый оживился:

- Живут – во! – и он провел большим пальцем по горлу. – У каждого или машина, или мотоцикл. Шесть часов отработал – и гуляй! Да скоро сам увидишь. «...»

Курносый без труда нашел облюбованный тамбур, огляделся и легко поднялся по ступенькам. Степка подал ему чемодан, вскочил

следом. Под ногами шуршало ароматное сено. Где-то впереди паровоз дал два коротких гудка. Под вагоном с шипением вырвался воздух.

На станционных стрелках вагон несколько раз резко бросило в стороны. Степка невольно ухватился за ручной тормоз. Мимо проплыли знакомые очертания города. Вскоре поезд выехал в открытую степь. Курносый уступил Степке скамеечку, а сам развалился на полу.

– Давай поспим, – предложил он. – Так скорее доедем...

– Давай, – согласился Чижик, но сон к нему не шел.

Может, и не стоило было уезжать? Сидел бы сейчас в саду: без забот, счастливый, а рядом – Светка... Вчера вечером она потребовала:

– Поклянись, что не забудешь меня.

А он и не знал, как произнести клятву. И она тоже не знала.

– Давай придумаем клятву, – сказала она таинственно.

Потом долго думали. Степке в голову лезла всякая чепуха. Света заглянула ему в глаза:

– Не придумал? А я придумала. Повторяй за мной, – она запрокинула голову и тихо, торжественно произнесла:

– Всю жизнь буду тебя любить...

– Всю жизнь буду тебя любить, – прошептал Степка и осторожно взял в свою широкую ладонь ее пальцы.

Света вдруг неожиданно поцеловала его и убежала в дом. А он еще долго сидел в саду. «...»

«всю жизнь тебя любить, все жизнь...» – Степку баюкал стук колес, и он, наконец, уснул, упершись плечом в стояк вагона.

Курносый осторожно, чтобы не задеть Чижику ногой, поднялся на колени и быстро запустил пальцы в Степкины карманы. Он еще на вокзале приметил, где лежали деньги. Спрятав их, Курносый подтянул чемодан и авоську поближе к ступенькам. Поезд стал сбавлять ход, и Сурда перебрался на ступеньки. Вдруг машинист резко затормозил. Расслабленное Степкино тело подалось вперед, и он проснулся. В проеме тамбура мелькнула тень: то прыгнул Курносый.

Чижик не сразу сообразил, что произошло. Но тут же заметил, что ни чемодана, ни авоськи на полу нет. Машинально схватился за карманы, где лежали деньги. Пусто. Догадка резанула сердце: Курносый обокрал! Степка бросился к проему и тоже прыгнул. Метрах в сорока он увидел силуэт Курносого, который с чемоданом и авоськой, спустившись с насыпи, убежал к посадке. Чижик схватил подвернувшийся камень и, спотыкаясь, помчался следом.

Сурда заметил погоню, когда Степка был от него в нескольких шагах. Он не стал убегать. С этим молокососом он справится. Курносый бросил чемодан и авоську, из голенища сапога выхватил финку:

- Не подходи, – зашипел он на Степку. – пришью на месте!

Чижик остановился. Мышцы его были напряжены, мысль работала с невероятной быстротой. «Да как он смеет, поддонок!» пальцы сдавили острый камень:

- А ну верни деньги, ворюга!..

Степка метко швырял камни. Он ударом парализует руку Курносого, а потом тот пусть пеняет на себя. Курносый приближался. Чижик швырнул камень, курносый инстинктивно пригнулся и невольно подставил висок. После удара Сурда еще секунду держался, скрюченный, на ногах, потом покачулся, немного выпрямился и упал вниз лицом между чемоданом и авоськой.

Степка ждал: вот-вот Курносый застонет, подымится. Но Сурда не двигался. Страшась пришедшей мысли, Степка медленно, с трудом отрывая от земли ноги, подошел к Курносому, перевернул его на спину и содрогнулся: из виска хлестала кровь! У Чижика перехватило дыхание, потемнело в глазах, он упал на чемодан.

Это случилось рядом с разъездом №235, в нескольких десятках километров от большого донецкого города.

* * *

ТРИ ПИСЬМА

1

Сел за письмо к тебе, Вадим, и не знаю, хватит ли у меня духу отправить его. И примешь ли ты его, ответишь ли? Ведь я стал не тем, каким ты меня знал. Я изолирован от общества. Хорошего человека не изолируют. Но, поверь, в душе я остался прежним Степкой Чижиком. Впрочем, нет, не прежним. После того, что случилось, трудно остаться прежним. Я не буду описывать, как это произошло, не хочу вспоминать об этом, хотя случившееся преследует меня днем и ночью. Я не хотел убивать Сурду. И тебе, наверное, об этом рассказывал отец: ведь он приезжал на суд и выступил, говорят, даже лучше адвоката. Я пишу «говорят» потому, что совсем не соображал, кто меня защищал, кто обвинял. Шум в голове стоял, а перед глазами – Сурда: скрюченный, вот-вот упадет. Я даже приговора не слышал.

С тех пор прошло полтора месяца. За это время я о многом передумал, многое узнал. Разные люди меня окружают: и хорошие – воспитатели, и плохие – преступники.

Меня могли бы оправдать, если бы я сказал, что напал на меня Сурда. Но он только обокрал меня и угрожал финкой, а напал первым на него я...

Расследование на месте подтвердило мои показания, установлено экспертизой, что убийство – чистая случайность. И все же у меня руки в крови. Это звучит дико, неправдоподобно, но это – так. И самое страшное, самое неприятное то, что карманщики и другие воры называют меня не иначе, как убийца. По простоте своей я рассказал, как это случилось, и они теперь мстят мне за неизвестного им вора. Им доставляет удовольствие меня мучить...

Но несмотря на обстоятельства, я в обиду себя не даю. Что случилось – того не поправишь, что заслужил – то и получи. С этим надо

примириться. Очень тяжело. Но потерять веру в себя, в свои силы, – значит, погибнуть. Трудная у меня сейчас дорога, ты даже не можешь представить, какая трудная!

Я не хочу, чтобы эти два года были вычеркнуты навсегда из моей жизни. Я хочу хотя бы чего-нибудь достичь за это время. Тебе покажется, быть может, наивным мое желание: в таком положении – и чего-нибудь достичь. И все же можно! Можно закончить десять классов, можно приобрести несколько специальностей. Ведь мы строим многоэтажные жилые дома. Я пока работаю «подсобником», но скоро перейду в ученики каменщика. Можно стать штукатуром, плотником. Можно получить среднее образование – здесь есть школа. Нельзя только падать духом.

Тебе, может, не интересно читать это письмо. А я пишу, и, кажется, будто после каждой сточки прибывает у меня сил. Главное – я буду учиться, я не отстану от тебя, Вадя. Конечно, обстановка не та. Но надо уметь при любых обстоятельствах подчинить себя главному. Для меня сейчас главное – это учеба.

Я ехал в Донбасс на товарняке, а конечный путь проделал в милицейской машине. Что ж, у меня найдется здесь много дел после того, как получу гражданские права. Просьба к тебе, Вадим: вышли, пожалуйста, учебники для девятого класса, которые я оставил у тебя.

Вот и все, что хотел я написать. Передай привет от меня отцу, матери и Светлане.

Степан Чижиков
23 августа 1958 г.

2

*Помнишь, Светик, у Есенина есть стихи:
Ах, метель такая, просто черт возьми.
Забивает крышу белыми гвоздями.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутевым сердцем я стремлюсь к тебе.*

Хорошие стихи, правда? Нравятся они тебе? Мне – очень. Вчера вечером я перечитывал твои письма. За окном разгулялась метель. Тонко свистел ветер, в стекло бились колючие снежинки. И чудился мне сквозь снежную завирюху твой голос. Вот и сегодня все твои письма передо мною. Их много. Все они славные, не то что Вадькины. Он то поучает, то вздыхает, жалеет меня. К чему эти вздохи? Не может он понять одного: я учусь в школе и в этом получаю большое удовлетворение. Я знаю: у меня есть хорошие друзья, которые не на минуту не забывают обо мне, – от этого я счастлив, я горжусь ими.

Светик, почему ты мне ничего не написала об Анатолии Лаврове. Кто этот парень, откуда он? В последнем письме Вадька мне сообщил, что ты часто с ним ходишь на каток. Написал он это между прочим. Не подумай, что я придаю этому какое-то особое значение. Просто мне хочется знать, что представляет из себя Лавров. Приехал он откуда-то

или из нашего города? В каком классе учиться? В какой школе?

Я очень рад, что первое полугодие ты закончил на пятерки. У меня же – по математике четверки. Но к концу учебного года поднажму.

И еще один вопрос. Я несколько раз спрашивал, как относятся мать и отец к нашей переписке, но ты так и не ответила. Сообщи, прошу тебя.

Твой Чижик-Пыжик

15 февраля 1959 года

3

Березка! Ура! Я, кажется, скоро сменю адрес. Ты представляешь, что это значит? Это значит, что экзамены на аттестат зрелости Чижик-Пыжик будет сдавать в другой школе, это значит, что мы увидимся раньше, чем я предполагал, это, наконец, значит... ДА ты ведь понимаешь, Что это означает!

Но меня беспокоит твое молчание. Ты не ответила на шесть моих писем, то есть целый месяц молчишь. Я понимаю: на носу экзамены, ты уже одной ногой в десятом классе. понимаешь, Что это означает!

Но меня беспокоит твое молчание. Ты не ответила на шесть моих писем, то есть целый месяц молчишь. Я понимаю: на носу экзамены, ты уже одной ногой в десятом классе. Но не ужели не можешь выбрать минутку, чтобы черкнуть несколько слов? Напиши, что случилось. Ты ведь не можешь так просто, без причины отмалчиваться. Я чувствую и по Вадькиным письмам: он чего-то недосказывает. Или я ошибаюсь?

Развей мои сомнения. Не заставляй меня теряться в догадках! Они меня мучают уже полгода: после того, как ты реже стала писать, тревога не покидает меня.

Очень прошу тебя – не затягивай с ответом. Я пробуду здесь, видимо, считанные дни. Ты раньше письма бросала прямо в почтовый вагон поезда, поэтому они быстро доходили. Последний год они шли на два дня дольше. Если ответное письмо ты сразу же напишешь и бросишь в почтовый вагон, я получу его еще на этой недели. С нетерпением жду.

Степан

12 апреля 1960 года

Гревцов Николай Александрович

(1920–2000)

Гревцов Николай Александрович (1920, Харьков – 2000, Донецк, похоронен в Харькове) – писатель. Член НСПУ (1961). Участник 2-й мировой войны. Боевые награды. Окончил Харьковский театральный институт (1951), Работал инспектором театров, зам. директора театра в Харькове (1951-53) зав. отдела культуры и быта газеты «Социалистический Донбасс» (1953-58) гл. редактором (1959-65), зам. гл. редактора (1967-72) альманаха «Донбасс»; зав. редакции художественной литературы одноименного изд-ва (1972-84). Как прозаик дебютировал 1950. Автор сборника рассказов «Синие глаза» (1959), «Юность не повторится» (1960), «Конец романа» (1962); пьес «Чтобы звезда не гасла» (1956; соавт.), «ценой жизни» (1960); повестей «Первый шаг» (1971), «Время свершений» (1985). В романе «Третьего не дано» (1980; доработано Изд. – 1990). Для его прозы свойственны реалистичность, психологизм, драматизм изображаемого, динамичность сюжета. Все указанные произведения опубликованы в Донецке.

* * *

РОМАН «ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО»

(отрывки)

XI

Орудие – 76-мм зенитная пушка образца 1937 года было приведено в боевое положение, подготовлено к стрельбе прямой наводкой и надежно замаскировано.

Орудийный окоп перекрыли маскировочной сетью, использовали ветви с остатками листвы, хвойные лапы. Кусты перед окопом, мешавшие обзору и обстрелу, срубили под корень. Малахов и Лисовой установили «данные» на дистанционных трубках 9 бронебойных снарядов не оказалось).

В штабе дивизиона Николаеву вручили пакет и приказали отвезти его к начальнику артиллерии армии. Узнав об это, Николаев едва не подскочил от радости, но вовремя спохватился. Радость была не уместна. Оказалось, что из штабных офицер посылать было некого. Накануне кто-то из солдат принес два котелка грибов. Их пожарили, съели, и шесть человек, в том числе ПНШ-1, начальник связи, начхим отравились. «...»

Возвращаться велели к утру – ехать ночью не было нужды.

Александр, после того как сдал, всю ночь провел с Валею. Водитель тоже был весьма рад: не часто выпадала такая удача – сходить лишний раз в баню, а потом выспаться в хорошей теплой избе, которую занимали связисты, да еще на перине.

Они долго бродили по темным и безлюдным сельским улицам, сидели на скамеечках у ворот. Потом Валя привела его к себе на квартиру. «...»

На мгновение Николаев растерялся, не зная, как быть, что делать. Вот уже этого он, признаться, не ожидал на видимом участке дороги один за другим появились несколько мотоциклистов. В бинокль он увидел их совсем близко. На темно-серых машинах, в дымчато-серых шинелях, в черных, глубоко сидящих на голове касках, ухватив руль широко расставленными руками, ехали мотоциклисты. Они, казалось, составляли одно целое со своими машинами, как те солдаты, что сидели рядом в колясках, держась руками за ручки установленных на турелях пулеметов. Николаев предполагал увидеть танки, самоходки, массивные «оппели», забитые мотопехотой. А тут мотоциклисты. Вот уж воистину стрелять из пушки по воробьям. Стоит ли? Не может быть, чтобы за ними не следовало что-то позначительнее, повнушительнее, не появились цели, достойные снарядов.

И тут пришло решение. Этих пропустить. Орудие замаскировано отлично, они его не заметят, проскочат мимо. «...»

Николаев мгновенно перевел бинокль влево... На дороге появилась тяжелая, крытая брезентом машина. Широко разнесенные черные колеса с толстыми шинами, мощный радиатор, широкий бампер, по бокам капота какие-то страшные маски с болтающимися хоботами. Тут же Николаев рассмотрел: на фары надеты маски противогазов. И это вызвало новый прилив злости. Для издевки ведь... Ишь, остряки!

Мальцев с юношеских лет приучил себя: если ты поставил перед собой какую-то цель, не отступай от нее. Целеустремленность, хорошо развитое чувство долга и ответственности окончательно укрепились в нем за время службы в армии. В достойном, добросовестном исполнении воинского долга он видел свое признание и смысл жизни. И что бы там ни случилось, ничто не могло поколебать его в этом убеждении.

Его до крайности огорчило и, можно сказать, потрясло случившееся с ним. Но война есть война. В том, что он потерял и доверенных ему бойцов, и машину, не выполнил такого простого задания, как доставить из запасного полка в свою часть новый оружейный расчет, вины его не было. В остальном он действовал правильно. Разве что не следовало, быть, может, поддавшись сердечному порыву и просьбе Кудинова, сломя голову бросаться разыскивать Николаева. Но что сделано – то сделано. Проступка в этом он не видел. Тем более что разыскать свой КАП не было возможности.

Теперь предстояло довести дело до благополучного конца. И здесь

уже нельзя допускать никакого просчета. Тем более он не один: с ним люди, которые доверили ему свою судьбу, над которыми он принял командование и за которых, следовательно, несет ответственность и как человек, и как начальник. «...»

Прошло около двух часов, как они залегли, совсем рассвело, но все вокруг оставалось пасмурным, хмурым. Пока им не везло, и Мальцев начинал нервничать: длительное ожидание расхолаживает людей, притупляя необходимое напряжение, внимание, собранность. К тому же чем больше проходит времени, тем, надо полагать, больше появится вражеских солдат на передовой, станет более оживленным движение на дороге. Наконец стали появляться машины. Сначала одна, но ехала она в обратном направлении от фронта. Затем в сторону фронта прошла небольшая колонна из четырех грузовиков. Вскоре появился еще один грузовик с брезентовым верхом. Поскольку в его кузове могли находиться солдаты, нападать было рискованно. Потом на дороге наступило затишье, если не считать проехавшего от линии фронта мотоцикла с коляской. Снег стал падать чаще, видимость ухудшилась. Ожидание становилось невыносимым, тело заоченело. И тут снова послышался сначала отдаленный, едва слышный, но все нарастающий гул моторы. «...»

Готовясь вступить в последнюю рукопашную схватку, никто поначалу не понял, что же происходит. В то, что они вдруг увидели, не верилось. Немцы стали вскакивать на ноги и, выпрямившись во весь рост, убегали прочь. Но, когда они повернули головы назад, все стало ясно: из леса высыпала и двинулась в их сторону густая цепь людей. Им даже показалось, что они слышат, как оттуда доносится многоголосое «Ура!» «...»

Вне себя от радости, уверовав в свое спасение, торжествуя, Мальцев, Пьянов и Зайцев выкарабкались из ямы и побежали навстречу. Воскобойников опустился на землю рядом с очнувшимся Алексеевым, обнял товарища за плечо, привлек к себе, зашептал:

Все, дружище... Все... Слышишь меня: все... Наши... Теперь все будет хорошо. «...»

Гросов Александр Яковлевич

(1945)

Многим в Донбассе и за его пределами хорошо известно имя писателя, журналиста, краеведа Александра Яковлевича Гросова. ...После окончания на Белгородщине Купинской одиннадцатилетки юноша с энтузиазмом работает фрезеровщиком на машзаводе, каменщиком в тресте «Волгоградцелинстрой». Эти навыки ему оказались полезны в период учёбы в Харьковском институте культуры, когда он стал одним из руководителей студенческого стройотряда «Юбилейный», отметившегося ударным трудом на объектах Кустанайской области в Казахстане. В 1971 – 1972 гг. занимает должность инструктора орготдела РК ЛКСМУ Новоазовского района и всецело сосредоточен на работе с молодёжью. Затем молодой специалист был переведен в г. Донецк.

Александр Яковлевич Гросов живет и работает в Донецке, активно участвуя в общественной жизни нашей молодой Республики. Он является членом Международного сообщества писательских союзов, дипломантом литературных конкурсов, премий, автором более 20 сборников поэзии и прозы, многочисленных публикаций по истории и культуре родного края. Состоит в рядах общественного движения «Свободный Донбасс». Одной из главных тем произведений нашего земляка является Великая Отечественная война. Его перу принадлежат сборники «Саур-Могилы, высота 277,9: боль, отвага, подвиг» (2011), «Помнить, чтобы жить...» (2010), «Донбасс-43: освобождение от нацистских оккупантов» (2013) и др. Материалы, опубликованные в книге «Одна на всех Победа» (2010), проливают свет на международную обстановку накануне нападения Германии на СССР. Так, в сборниках «Шахтерские зори» (2013) и «Шахтерский характер такой...» (2014) освещена тема трудового подвига женщин, работавших шахтерами.

* * *

НОЧНОЙ ГОРОД

Замирает сонно город-
Ночь покой нарисовала.
Отдохнуть решил немного,
В темноте лежит устало.
Бездна зла от взгляда скрылась
Обнаженных нервных окон,
Чтобы звезд мерцанье лилось

К спящим свежести потоком.
В лабиринтах пустых улиц
Мир безмолвия таится,
Только вдаль собой любуясь,
Ветерок прошелестится.
Чуть блеснет зигзаг неона –
Знак тому, кто заблудился,
Да к огням у террикона
Месяц тихо наклонился.
Тебе мое сердце, Донецк.
День склонил горделивую шею,
Шальной ветер полощется в зной,
Мой Донецк для людей хорошеет
И распахнут к планете душой.
Древний Кальмиус выгнулся рогом,
Кроны верб обожгут серебром,
Ходит лето по синим дорогам
В куполах неземных облаков.
И откроется в песнях раздольных,
В копрах шахт и полянами роз,-
Город мой, первородный и новый,
К кому сердцем навечно прирос.

* * *

ИЗ СБОРНИКА «СВЕТЛЫЕ ЛУЧИ»

* * *

* * *

ПРЕДЗИМЬЕ

Дождь со льдом, природа стынет,-
Осень землю полоскала,
Чтоб на чистую накинуть
Из сугробов покрывало.
Отдохнуть под сон – снегами,
Соком свежим обновиться,
А с весенними ручьями
Голубеть и зелениться

ДЫХАНЬЕ ТИШИНЫ

Как правы те, кто доверяют
тишине,
Она мудрее всяких громких слов,
Они дышали в голове,
Но ты молчал,
Их вслух произносить боялся,
Ты слишком часто убеждался –
Теряет звук магическую силу...
Нет ничего сильнее магии покоя...
Как правы те, кто доверяет
тишине.

* * *

МЕТЕЛЬ

Метель снегом пуржит,
Синь небес не видать,
Будем чай с тобою пить
И кишки полоскать.

На столе, как в стари,
Самовар ведерной,
И уютно ворчит
Огневою водой.

Пахнут стопка блинов,
Майский липовый мед,
И различных сортов
Яблок лег хоровод.
А варенья на вкус
Лучше не отыскать,

Я его по чуть-чуть
С блюдца буду черпать.
И пусть белой каймой
Мчит поземки поток...
Хорошо нам с тобой
Пить крутой кипяток!

Демидов Владимир Изотович

(1932-1999)

Владимир Демидов и
Павел Беспощадный.
Январь 65-го

Его отец не вернулся с фронта. Как сын погибшего солдата, Володя во время войны воспитывался в горловском детдоме. Уже в 14 лет начал работать. Был лудильщиком, токарем, пионервожатым, журналистом.

Учась в горловском техникуме, написал первое стихотворение. Стал ходить в литобъединение при газете «Кочегарка», а также в гости к легендарному поэту Павлу Беспощадному, автору бессмертных строк «Донбасс никто не ставил на колени».

Он заочно окончил знаменитый московский литинститут им. Горького, вышел на всесоюзную орбиту. Одно время была популярна песня на его слова «Травы детства», которую впервые исполнили «Песняры». Демидов не только писал и учил, но и переводил на русский язык с украинского, болгарского, узбекского, чувашского.

4 октября 1999 года поэта не стало. Он умер от разрыва сердца.

* * *

ЗВЕЗДОЧКИ НАД ШАХТОЮ ПОТУХЛИ...

Звездочки над шахтою потухли
В утренней прохладной
синеве...
Сапоги солдатские и туфли
Вмятины оставили в траве.
Первые –
Подковкою широкой,
А вторые –
Тонким каблуком.

Это здесь любовь
своей дорогой
Пронесла надежды
в чей-то дом.
Путь ее мне близок и понятен.
По утрам лежит на нем роса.
Птицы пьют ее из этих вмятин,
Чтобы чище стали голоса.

1955

* * *

СУДЬБА ШАХТЕРСКАЯ

Судьба шахтерская
Близка мне.
Не суетлив шахтер в делах.
Он ищет пламя
В черном камне,
А я –
В обыденных словах.
Не видит солнца он
Часами,
Но труд его
По сердцу мне:
Я понял истину,
Что пламя
Родится только в глубине.

1971

* * *

БАЛЛАДА О НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ВСТРЕЧЕ

Вчера пришел ко мне отец
Таким, каким его убили.
Пилотка темная от пыли.
И через все лицо рубец.
Он вытер ноги о порог.
Подсумок сбросил.
– Ну, здорово!-
А я в ответ ему ни слова
Сказать от радости не мог.
Я онемел с открытым ртом.
Смешались сразу чувства, мысли.
Мы на плечах его повисли.
И мать заплакала потом.
А он уже снимал шинель,
А он разматывал обломки.
– Теперь бы выпить рюмку водки,
Теперь бы в баньку да в постель.
Ко лбу он приложил платок.
– Да, трудно дался этот бой нам...
А в мире снова неспокойно.
Смотри не прогляди, сынок.
Я лишь теперь заметил, как
Он бледен и лицо устало.
Метель... Вечерний полумрак...
Я руку приложил к груди.

Всю жизнь увидел я сначала.
А в комнате еще звучало:
«Смотри, сынок, не прогляди!»

ШАХТЕРЫ

Сдается нам земная твердь
Мы рубим в недрах уголь пламенный.
Нас каждый день уносит клеть
Из века атомного в каменный.
Пути шахтера не просты
Мы пробиваем лавы длинные
И поднимаем не пласты
а солнца залежи целинные.
И поминутно у копра
По рельсам гулким и обкатанным
Оно выходит на-гора
Из века каменного в атомный.

* * *

ЗАБОЙЩИК РЕВОЛЮЦИИ

Россия задыхалась, обессилев.
В земных глубинах надрывались клетки:
Заводы угля у страны просили,
Как хлеба обездоленные дети.
И под землей шел бой за власть Советов
Шахтеры так стучали обушками,
Что вздрагивала древняя планета
И гул катился над материками...
От рудников до стен Кремля – сугробы...
В те дни, не отрываясь от блокнота,
В холодном кабинете крутолобый
Забойщик Революции работал.
Он – сын России – окрылял народы.
И открывал дороги, по которым
В забой Дружбы, Братства и Свободы
Пошли и хлебоборобы, и шахтеры.
Неутомимый труженик, не раз он
Читал и эти строки среди прочих
«Почетному забойщику Донбасса...»,
«...забойщику от горловских рабочих...»
Забойщику! Сквозь дымные рассветы
Смотрел Ильич в сегодняшние дали.
Кого еще из гениев планеты
Таким рабочим словом величали?!

* * *

ВСТРЕЧА С ГОРОДОМ

Город знаменитого шахтера,
С теплотой глубинной
Про запас,
И живет в нем девочка,
С которой
Я ходил когда-то
В первый класс.
Каждый камень здесь
Мне с детства дорог,
Здесь звучат
Родные имена...
Девочке давно уже
За сорок,
Вот и стала бабушкой
Она.
С грустною улыбкой
И веселой
Я смотрю
На Горловку мою
И стою
Перед моею школой,
Словно перед мамою

Стою.
Рядом с ней,
Ничем не знаменитой
И уже записанной – на слом,
Даже то,
Что я считал обидой,
Душу наполняет мне
Теплом.
А в аллее,
Где давно пропели
Соловьи,
Живущие не тут,
Девочка и мальчик
Два портфеля,
Крепко взявшись за руки,
Несут.

Жариков Леонид Михайлович

(1911–1985)

Илюша Жариков родился в 1911 году на Пятнадцатой линии в рабочем посёлке Юзовке, где построил землянку отец Жарикова – уроженец бывшей Орловской губернии, рабочий-каменщик. В 1920-м осиротел, скитался вместе с братом Ваней по городам и селам. Путешествовали на крышах товарняков, бродили по базарам в поисках пропитания, ночевали в трущобах, на чердаках. В родные места вернулся в 1926-м уже пятнадцатилетним подростком. Поступил на бывший Юзовский завод учеником токаря. Так в «Забое», теперешнем литературном журнале «Донбасс», появился его первый рассказ – «Песня о сыне». А потом в нем же – первая редакция ставшей впоследствии знаменитой «Повести о суровом друге». Приняв участие в праздновании 60-летия журнала «Донбасс», Жариков вместе с

коллегами по перу отдохнул на берегу Азовского моря. В Старобешевском районе, неподалеку от села Обильное, ему приглянулся один из курганов. Он попросил остановить машину, взобрался на него, залюбовался широтой наших просторов. «Вот здесь бы и захоронили меня, ребята, а? – вдруг сказал. – Сами приезжали бы сюда, читали стихи, пели песни, вдыхали бы пьянящий воздух – с чабрецом, с полынью... А я бы к вам вошел ромашками, клевером, анютиными глазками. И был бы с вами, слушал...» 6 марта 1985-го его не стало. Местом упокоения родные выбрали Кунцевское кладбище Москвы, но завешание Леонида Михайловича выполнили. На поезде урну с прахом доставили сын Евгений Жариков (известный актер) и дочь Нина. А развеяли над тем самым местом, которое некогда ему приглянулось.

* * *

КОНЬ ТАРАС И ЕГО ЖЕЛЕЗНЫЙ БРАТ

Знаешь ли ты, друг мой, как является уголь на свет божий? Заковала мать-природа черный уголек семью цепями, спрятала за семью замками. А двери неприступные, каменные – никаким ключом не откроешь. Первый горизонт – первая дверь. Второй горизонт – вторая дверь. Еще ниже – третий горизонт и третья дверь. В новых шахтах теперь уголек спрятан даже за десятью дверями – больше километра в глубине земли. Вот и думай, как взять тот уголек, как выдать его на-гора.

В стародавние годы уголь от забоя к стволу доставляли лошадьми. И тут я скажу так: если человек в шахте – геройство, то конь в шахте – печаль. Лошадей спускали в темные недра навсегда, спускали их молодыми и сильными, а поднимали старыми и слепыми. Но чаще всего они оставались под землей на веки-вечные.

Считай, дружок, что тебе повезло, коли не видел, как спускают лошадей в шахту. Сначала ей завязывают глаза тряпкой, и она живет на конюшне несколько дней в полной темноте, как бы сказать – привыкает. А когда приближается горький час спуска, ей крепко связывают ноги, чтобы она с испугу не забилась в клетки и не сорвалась в ствол. Заводили лошадь в клеть с повязкой на глазах, а там – четыре сигнала и прости-прощай!

У коногонов в шахте вожжей нету: управляют лошадьми при помощи слов. Конь понимает, когда партия загружена, трогает с места и тянет длинный состав вагончиков в кромешной тьме штрека, доставляет уголь к подъему. Лошади в шахте умные, понимают все по звукам. Дотянет лошадка до ствола партию вагонов, а перед разминкой коногон громко скамандует: «Примись!», – и конь отскакивает в сторону. Тормозной отцепляет на ходу барок с крюком, и вагончики сами подкатываются к подъемной клетке. Бывали случаи, когда дурной коногон разгонит партию перед самым стволом, и конь не успевает отскочить. Вагоны сталкивают лошадь в ствол и сами за ней туда падают.

Насмотрелся я на этих бедолаг, не дай бог...

Однако слушай дальше. Это у нас была присказка, а сказы только начинаются.

Жил у нас на руднике лихой коногон по имени Яша Резаный. У него был конь по кличке Тарас. Поверишь или нет, я такой дружбы, какая была между ними, и среди людей не встречал. Яша не давал в обиду своего коня, жалел его, кормил с руки. Тарас любил лапшу. Девчата-откатчицы проносили ему в шахту борщ в судочке, он и борщ уплетал с аппетитом. Очень умный был конь, представь себе – считать умел. Бывало, прицепят к партии лишний вагончик, вместо шести – семь. Тарас дернет с места и по стуку вагончиков пересчитает их. Если вагончик лишний, хоть проси его, хоть луни – не тронется с места: отцепляй седьмой вагон, и все тут. А когда наступает час обеда, он зубами легонько берет Яшу за рукав и тянет – пошли, мол, пора отдохнуть. Яша засмеется, обнимет за шею друга, и они рядышком идут на конюшню.

Если, бывало, захворает Тарас, слезы у коня идут из глаз, трудно ему, а сказать не может. Яша сам впрягался, и они вместе тянули партию. В такие дни Яша оставался ночевать в шахте, был вместе с конем. А когда, случалось, сам коногон заболевает, Тарас места себе не находит, всех шахтеров в штреке обнюхает, ищет своего сердечного друга... в старые времена был праздник – день святого Фрола – праздник лошадей. В этот день ни один хозяин не заставляет работать лошадей. Их вели в церковь, поп выходил и окроплял их святой водой. В этот день лошадей купали, кормили овсом, в гривы заплетали разноцветные ленточки. Только шахтерских лошадей, конечно, забывали. Один Яша соблюдал закон. Тарас его будто чувствовал праздник, был веселым. Яша с поверхности приносил цветы, убирал ими Тараса. Шахтеры смеялись над коногоном, да только напрасно: любовь и дружба свою бессмертную красоту имеют.

Однажды случилась беда. Не выдержало крепление в штреке, и кровля рухнула. Тарас партию не довез, попал под обвал. Обломками камней – десятки тысяч пудов – накрыло Тараса, и погиб конь шахтерский. Яша кинулся разгребать завал, да куда там – шахтеры кричат: «Уйди, самого придавит!».

Заплакал Яша с горя, да что поделаешь. Разобрали породу только через три дня, откопали Тараса, но поздно. Героем погиб конь. Закручинился, затосковал Яша-коногон, ходил будто потерянный. И все чудилось ему: ржет его конь в дальних выработках, зовет хозяина.

Люди сочувствовали коногону, предлагали ему других лошадей. Отказывался. Если, говорит, погиб мой Тарас, то и мне без него жизни нету...

Как-то раз во сне или наяву предстал перед Яшей его любимый конь Тарас, тряхнул золотой гривой и говорит: «Не горюй, Яша, не печалься. Работали мы с тобой дружно, а теперь я своего железного

брата тебе пришлю. Пойди на то место, где мы с тобой со смертью встретились, и найдешь там мою подкову. Возьми ее и кинь в огонь. Явится тебе мой железный брат, люби его, а меня, Тараса, вспоминай».

Сказал он эти загадочные слова и пропал. Помчался Яша к тому месту, где был завал, смотрит: лежит подкова. Он сразу узнал ее, потому что сам ковал. Смотрит Яша и диву дается: если привиделся ему конь, то почему предсказание о подкове сбылось? Однако поднял подкову, завернул ее в тряпку и сунул за пазуху. Кончилась смена, выехал он на-гора и подался в степь. Там разжег костер, бросил в огонь подкову и ждет, что дальше будет... и тут слышит натурально человеческий голос: «Спускайся поутру в шахту, и возле ствола будет тебя ожидать мой железный брат».

Верит Яша и не верит. Однако же дождался утреннего гудка и бегом на шахту. В первую клеть вошел, спустился под землю. Вышел на рудничном дворике – так называется в шахте околоствольная выработка – смотрит, а прямо перед ним стоит на рельсах не конь, а диковинная машина. С виду похожа на вагонетку, только с крышей, а спереди электрический глаз так и светит, так и слепит – смотреть прямо невозможно. Подходит Яша к той чудо-машине, а руки сами собой тянутся к разным колесикам да рычагам в той машине. Удивляется Яша, почему так легко управляет он тем железным конем, как будто асе жизнь на нем ездил. А конь бежит по рельсам, только гул в штреке раздается. И не шесть вагончиков тянет, как Тарас, а двадцать шесть!

Вот так, друг мой, появился на шахте железный конь, и шахтеры назвали его электровозом. Теперь их по всему Донбассу сотни тысяч. А тот был первый.

На этом – точка. Слушайте и смекайте. Кто подумает, что это детская сказка, нехай думает. А мы рассудим по-своему: не всякая быль есть сказка, но всякая сказка – быль.

Заготова Светлана Николаевна

(1955)

Заготова Светлана Николаевна родилась 10 августа 1955 года в селе Бояды Смоленской области, живёт в Донецке. Окончила Днепропетровский театральный институт (актёрское отделение) и Харьковский институт культуры (режиссёрское отделение). Была актрисой Донецкого театра кукол и помощником режиссера в Донецком областном драматическом театре. Лауреат премии имени В.Катаева (журнал "Юность") и премии "Lege Artis" (Лейпциг, Германия). Печаталась в журналах "Октябрь", "Юность", антологиях русского верлибра, антологии "Очень короткие тексты" (2000), альманахе "Enter 2000" (2001).

* * *

ПОЧЕМУ ТАК ПРИЯТНО ЛЕТАТЬ

Почему так приятно летать
и так неприятна тяга к земле?
Седые волосы цвета неба
падают в землю, как зерна,
и даже, если ветер
долго кружит их в воздухе,
все равно они находят свою межу.
А всходы когда-нибудь увидит солнце.
Человек – такой упрямый и гордый –
со временем сгибает спину,
хватается за клюку,
забывая, что это корень
безымянного дерева,
который срастается с человеком
и тащит его за собою.
А всходы когда-нибудь увидит солнце.

* * *

ОЖИДАНИЕ АВГУСТА

И лето придет и меня не обидит.
Диковинок ковшик под елью оставит,
состарит, суставы растянет в лианы.
И я – гуттаперчевая обезьяна.
И тайною легкою лето утешит,

такой обязательной, будто корона,
такою внезапною, словно безумье,
такою прозрачной, как шарф из шифона.
Ах, если бы шарф не шипел и не жалил.
Жалел бы, ласкал бы, летал – не неволил.
И волосы б вольными пахли цветами.
И тайна не стала б петлею, а стала б
любовью, любистком на платье батистовом.
А лето горит в своем танце неистовом.
И прыгать охота, а хата, что рана.
И лето всю лесть свою под ноги стелет.
Мне ноги целуют мои коростели,
лицо мне ваяют мои обезьяны.

* * *

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ЭПИЗОДЫ

Бочка без дна
полным – полна
счастьем бездонным,
светом безбрежным
нежным – нежны.
В бочке без дна живет луна
белым котенком.
Солнце живет
в бочке без дна
рыжею псиной.
Так все едино,
так хорошо,

благостно – тихо.
Спят отрешенно
двое влюбленных
счастье и лихо.
Бочка без дна
не стена.
Бочка без дна
свободна.
Пляшет стилига
вихрь.
Бочка без дна –
выход.

* * *

СВЕТЛОЕ

Белый лист бумаги.
Больничная простыня.
Молочное озеро выходит из берегов.
Длинные белые старухи,
захлебываясь, как впервые,
пьют свое последнее молоко.
Льняные старцы выгребают соль,
волнующуюся на дне озера,
и несут ее к воротам замка.
Замок из сахарного песка
блестит, как золотой перстень,
наполненный ядом.
Круг солнца катится
по бесконечному снежному полю.
Боже, как светла моя жизнь!

Заруба Анатолий Леонидович

(1936)

Анатолий Леонидович Заруба родился 19 января 1936 г. в Мариуполе. Закончил Литинститут им. М. Горького. Работал на заводе «Азовсталь». Прозаик и поэт. Пишет на русском языке. Автор книг «Отчие места» (1974), «Живите светло» (1976), «Август в отчет доме» (1981), «Терпкий запах шалфея» (1984), «Перед светлым домом» (1986).

* * *

ЗАПАХ РОДНОГО ДОМА

(отрывки)

Ночью его разбудил дождь. Он открыл глаза, не шевелясь, лежал еще несколько минут, чувствуя, как редкие крупные капли хлестко стекали по лицу, покалывая острым холодком. Несколько дождинок скатилось на губы, он почувствовал сладкий привкус во рту и поднялся. На обочине все также стоял грузовик, в густом сумраке пыльно серела дорога. Небо над головой было чистым, из-за белого вытянутого облака выглядывал пятнистой рожице лунный полудиск, будто лик сонного запеленатого ребенка. И только на востоке чернели угрюмые громады туч, обещаая затяжное ненастье. «...»

Выглянув из кабины, Можерин обнаружил, что дождь прошел стороной, на востоке посветлело, и он вдруг решил последовать примеру шофера. Миновав поле, Можерин вышел к редкому перелеску и зашагал еле угадываемой тропинкой. Было тихо и тепло. Ярko светила луна. Мягко, приглушенно шелестели под ногами волглые листья. Чуткие деревья тянулись в небо, будто ловили осенними сорочьими гнездами молодой месяц. Через час перелесок оборвался, и снова потянулась пахота. Теперь Можерин шел узкой, в две колеи, дорогой, которая уверенно обещала вывести его к деревне. «...»

Наконец он разыскал дальнего родственника. Тот приходился ему не то племянником, не то троюродным братом. Пока коротали время за столом и выясняли родословную, прошло два часа. Мать родственника, старуха семидесяти, сидела напротив гостя, сцепив сухие пергаментные руки, и внимательно вслушиваясь в разговор, изредка вставляя замечания. На память она, видимо, не жаловалась, и он с изумлением узнал, что не только здесь, но и в окрестных селах у него было много родни. Можерин полюбопытствовал, сохранился ли их дом, и старуха,

разняв руки, замахала:

– Какой там! Развалился.

– Не так уж и давно. Последние два года он совсем пустовал, – уточнил ее сын и начал перечислять, сколько хозяев поменяло их жилище.

У ворот остановилась машина. Хозяин выглянул в окно.

– Воду привезли.

Вдвоем с Можериным они внесли два сорокалитровых бидона с водой. Родственник рассчитался с шофером. Потом, зачерпнув кружкой, подал гостю.

– Отпей, как минеральная. Издалека, правда, возим. Километра четыре будет. «...»

– Так рядом же с вами Байрачный, – удивился Можерин.

– Был когда-то, – ответил родственник. – Многие колодцы пропали. Вода отчего-то стала портится.

– И люди тоже, – вставила старуха. «...»

Сын хмыкнул, махнул рукой и заторопился к своему трактору, а Можерин, постояв у калитки, решил сходить на старый двор.

Сложное чувство испытывал он, идя сельской улицей и с трудом узнавал места, исхоженные и излазанные вдоль и поперек. «...»

Дом их стоял на окраине предпоследним. «...»

Можерин пересек в узком месте яругу, поднялся на возвышенность. Отсюда хорошо просматривалась бывшая околица. Хат здесь уже не было, лишь кустарники, высаженные вдоль старой городьбы, да одичалые деревья – остатки садов – напоминали о бывших жителях. Свой дом, вернее его остатки, он нашел сразу. Боковая стена, надломленная по низу оконных проемов, видно, в одну из осенних дождливых ночей завалилась наружу, и, казалось, прежде чем окончательно рухнуть, дом становился на колени. Доски крыши, оконные переплеты и двери кто-то, запасливый, уже выбрал из развалин. «...»

«Когда-то в этом доме жил я, – подумал Можерин.

– Вместе с моей родней под одной крышей уживались и счастье и горе. А еще, – размышлял он, – обитали здесь сказки и красивые легенды».

Одну из таких легенд, переданных бабкой, до сих пор помнил он «...».

И вот однажды, проходя с ватагами мимо заимки, полтавский забродчик, увидел молодец у колодца молодую черноглазую казачку. «Добрый день, дочко. Угости водичкой». «пейте, тату», – ответила, играя глазами, казачка молодому забродчику и рассмеялась.

- Не знаю, – говорила бабка, – сколько воды он выпил, а только пропала дивчина. Нужно сказать, что в нашем роду все мужики были разлихими.

И вот через неделю заявился он к отцу суженой просить руки его дочери. Но не тут-то было. Казак видно, из богатых хуторян, чуть ли не

атаман, так его хотел благословить, что если бы не вечер да не камыши, туго пришлось бы ему. Через месяц он умыкнул дочь да в придачу (наверное, вместо приданного) и пару лошадей.

«Нынче эту небывальщину наверняка не помнят, – с грустью отметил он. – Забыли, может, потому, что ритм жизни никак не располагает к медленным и певучим легендам прошлого». «...»

Можерин поднялся, прошел по двору, и ему вдруг почудилось, что даже воздух здесь был каким-то особым, сладковатым на вкус, настоящим на нежилом духе развалин. Он еще раз оглядел двор, вздохнул и медленно побрел к видневшейся справа деревне.

Землянский Валерий Леонтьевич

(1945)

Родился 8 июля 1945 года в Артемовске в семье железнодорожника. Первый класс окончил в Артемовске в школе №3 (школа, в которой учился Б. Горбатов). С 1953 по 1976 год жил в Красном Лимане, окончил школу №4, работал токарем в локомотивном депо. Ушел в армию, служил в Германии. По возвращению в Красный Лиман работал в районной газете «Заря коммунизма» литературным работником, затем ответственным секретарем. В этой газете начал публиковать свои первые стихи, юмористические рассказы. В 1976 году был приглашен на работу в Донецк заместителем ответственного секретаря газеты «Комсомолец Донбасса», потом работал ответственным секретарем данной газеты. В 1976 г. окончил факультет журналистики Ростовского государственного университета. Работал в газете «Радянская Донетчина», ответственным секретарем газеты «Жизнь». Его произведения были переведены на 12 иностранных языков мира.

* * *

ЗАПИШИТЕ В КРАСНУЮ КНИГУ

Что есть экология на сегодняшний день? Если вы обратитесь таким вопросом ко мне, то я, не открывая никаких Америк, скажу вам: «Экология – это окружающая нас среда, мы сами в ней и наши с нею взаимоотношения». Просто, как Пифагоровы штаны. Это знает каждый читающий «Литературку», хотя бы только шестнадцатую страницу, любой вундеркинд из числа юннатов и всякий уважающий себя и закон директор завода. Не хочу заметить, поять же не претендуя на открытие, что большинство этих, мягко говоря, знатоков забывают такой пункт, как «мы сами в ней».

Вот и получается, что букашка – таракашка, всякая мелочь пузатая – в «Красную книгу», колючка без роду и племени, репейник, извиняюсь

за выражение, – под охрану, воздух – это пустое место – под защиту, а ты – царь природы, вершина ее совершенства, беззащитен, как водопроводчик перед фельетонистом. Нет, чтобы свободу гармоничному развитию дать, так, наоборот, повешают кругом: «Не рвать!», «Не мять!», «Не толкать!», «Не ходить!», «Не сорить!», «Запрещено!». Попробуй за этим частоколом стать долгожителем!

Главное, в чем беда? Никто не знает, кого из «царей природы» беречь, кого под защиту брать, кому охранную грамоту выдавать. Не спорю, попутки были. Одна, например, очень уважаемая газета бросила клич: Берегите мужчин!» Шум поднялся, гам, диспуты. «Беречь или не беречь? – какой-то Гамлет спрашивает. «Берегите, или не берегитесь?» – другой остряк вопрошает. Так и завис серьезный разговор вопросом наружу. Так и по сей день висит. А все почему? Конкретности нет. От кого беречь, от женщин? От трудов? Забот? Каких, наконец, мужчин? Всеяки? Высоких? Руководящих?

От неясности и диспуты, споры, неразбериха. А я очень запросто могу ясность внести. На основе диалектики. От «А», как говорится, да «Я». От питекантропа до гомосапиенса включительно. Перехожу непосредственно к делу. Скажем, каменный век, мезозойская эра. Кто главный добытчик основного продукта? Он- с каменным топором, едва шкурой прикрытый. Дальше – больше. Тяжелое время матриархата. Сам поймай, сам убей, сам обдери и сам же зажарь. И даже с изобретением пороха легче не стало. Кого хвали на коня мультаки, кто с гиканьем, в сопровождении своры борзых и гончих, неделями носился по полям и лесам? Все он. Уже не питекантроп, но еще не совсем гомосапиенс.

И вот настало новейшее время. Конечно, в очереди за фаршем стоят представительницы прекрасно пола. Это прекрасно! Но если захочется свежатинки, дичи пожелается, опять нас, мужчин, под ружье.

И мы не ропщем. Отправляемся в чащи нехоженые, в степи некошеные. И не за какой-то там жар-птицей-невидалью, а за обычными перепелами- тетеревами, кабанами- сечаками да лосями сохатыми. И мы не виноваты, что юбилей, или там защита диплома в разное, часто в неохотничье время выпадают. В том и доблесть мужская, что в неурочное время, в неотстрелочный сезон, без лицензии можем мы впря добыть, сохатого завалить, тетерева токующего снять. С лицензией и рыболов-любитель может, а вот без нее...

А тут понаплодилось, поыввелось: «Зеленый патруль», «Голубой патруль», общество охраны природы, любителя леса, друзья животных, и приятели земноводных. И каждый норовит тебе палки в колеса сунуть, обитель, ярлык привесить. И слово нашли какое вредное: «Браконьер».

Жизни не дают. Только выйдешь с природой пообщаться, раствориться в ее лоне, тут ли здесь, или концерт Аллы Пугачевой?

Подумаешь, невидаль – озеро заповедное, караси, видишь ли, реликтовые, раки – уникальные, пескари – редкостные. Или там уголок Валдайского плоскогорья. Елки – палки! Елку рубишь, а к тебе с твоим

же топором к горлу : По какому праву?». Вот и смекай, колючки ли, букашек – черепашек, или нас, кого злые языки «браконьерами» нарекли, беречь и охранять, в «Красную книгу» заносить!

* * *

ЯВЛЕНИЕ МАГНЕТИЗМА

Вообще-то с физикой у меня взаимоотношения сложные. Не понимаем мы друг друга. Я – ее педантичной точности и непредсказуемых парадоксов, она-лирической моей натуры.

И все же накануне экзамена по этому предмету моя душа пела.

Песни были, правда, тревожные, предэкзаменационные. «Когда приходит точно в срок экзаменов пора, мы говорим себе, дружок, ни пуха, ни пера...» Но особенно навязчиво звучал во мне мотив из Высоцкого: «Я не верю судьбе, я не верю судьбе, а себе – еще меньше...».

Это предостережение насторожило меня, и, отложив все остальные дела, я засел за составление шпаргалок. Но, как это часто бывает, в последний момент не хватило каких-то минут, и на несколько вопросов кратких и точных ответов я заготовить не успел. Однако, успел позаботиться о заграждении от нескромных глаз преподавателя. Выскочив на улицу, я купил букет пионов порастрепаннее и, возвратясь в общежитие, сунул его в банку из-под маринованных огурцов. Времени осталось в обрез, но, еще раз критически осмотрев свою «икэбану», я решил, что банку из-под огурцов неправильно поймут. Не раздумывая, я вырвал пару листов из конспекта и обернул ими импровизированную вазу. Теперь я был во всеоружии.

Явившись в аудиторию, первым делом водрузил на стол экзаменатора свой букет. Галантно улыбаясь, установил его так, чтобы за ним можно было спрятаться во время подготовки. «Я не верю судьбе...» пела моя душа. И как глубоко она была права! «Явление магнетизма» – прочитал я в билете и с ужасом вспомнил, что именно этого вопроса я не успел осветить в крохотном томике, лежащем в моем кармане.

Душевное пение стихло. Наступила тишина. Я сидел в засаде за своим букетом и понимал, что мое выгодное стратегическое положение теперь меня не спасет. Подаваясь необъяснимому, но так безупречно действовавшему на всех неподготовленных тяготению, я тщательно обследовал потолок, пробежался взглядом по стенам. Оттуда с высокомерием взирали на меня Архимед, Ньютон, Попов и другие корифеи физики.

«Подумаешь,- про себя возмутился я,- гордые какие. А ведь о преобразовании электромагнитных колебаний в звуковые в этом кабинете, кроме Попова, меня да еще разве что преподавателя никто не знает».

Да, кстати, магнетизм, вспомнил я. Как же быть с этим явлением? Мой взгляд перешел на крышку стола. Я добросовестно изучил простейшие любовные формулы, выцарапанные на ней, но нужной мне

так не обнаружил. С досадой, жалея об истраченной тысяче, взглянул на злополучный букет и вдруг увидел на банке заголовок: «Явление магнетизма».

Душа моя снова запела.

– Ваша очередь отвечать,- услышал я голос преподавателя,- готовы?

– Готов,- ответил я. И начал говорить, как по писанному.

– Так, так, хорошо! – поддакивал мне преподаватель – Очень хорошо! Ему явно нравился мой ответ.

– Если ввести металлический стержень в катушку с электрическим током,- бойко читал я.

– Так, и что же будет? – физик встал, и, чтобы лучше меня видеть, передвинул мой букет. Однако, я тоже, как наэлектризованный, передвинулся вслед за ним и уверенно продолжил. Но возрос и интерес преподавателя к моей личности. Он явно хотел видеть мое вдохновенное лицо, а я – свою спасительницу – банку. Так мы совершили несколько маневров, после чего преподаватель сказал:

– Вы не только демонстрируете богатые знания в электротехнике, но одновременно проводите опыт наэлектризованности. Позвольте узнать, какие электрические силы притягивают вас к этому букету?

С этими словами он повернул банку с букетом к себе...

Калиниченко Владимир Григорьевич

(1935)

Родился 20 августа 1935 года в небольшом южнорусском городке Красный Сулин, примечательном разве что металлургическим заводом, построенным еще до революции. Там инженером работал отец, Григорий Митрофанович, а в городской аптеке провизором – мать, Валентина Тимофеевна. Родители были выходцами из многодетных семей, уходивших корнями в донское и запорожское казачество.

Когда началась война, при первой же бомбежке погибли и дом и школа. С толпой таких же обездоленных беженцев двинулись пешком в Донбасс, где жили мамины сестры, и в ноябре 1941-го оказались в Енакиеве. На том и закончилось детство. Вскоре оккупанты загнали в невольничий эшелон. После этапных лагерей в Польше и Германии оказались в одном из филиалов Маутхаузена. От гибели спас десант Советской Армии. Владимира в числе других раненых увезли во фронтовой госпиталь в Вену. Там он и встретил Победу, стал сыном полка при воинской части гарнизона и

получил первую в жизни медаль "За победу над Германией".

В конце победного года вернулся в Енакиево.

Постоянно появлялись в областной периодике его публицистические циклы и эссе «Атланты и кариатиды», «Взлом без кражи», «Магнит Магаданского материка», «На ветрах четырех морей», «Пантеон Донбасса», «Чтобы завтрашнее прочесть», «Эмигранты в собственной стране», фотоповести «Когда я снова стану собакой», «Листая лет и ликов светотени», «Мальчик с пальчик, мужичок с ноготок».

«Любой национализм ненавижу – это болезнь слабых и ущербных карликов. Плохих народов нет, есть поганые их представители».

* * *

ЗЕМЛЯКИ

В Сибири, на таежных трассах,
Где землянку – как брату – рад,
Встречал парней я из Донбасса,
Бойцов студенческих бригад.
То не погоня за копеейкой.
Не продаются за рубли
Ни запахи кедровой ветки,
Ни звон разбуженной земли.
И у костров, порой неранней,
Закончив свой нелегкий труд,
Негромко и душевно парни
О самом дорогом поют.
И я им тихо подпеваю,
И веки влажные дрожат,-
Ведь песня та о нашем крае,
О синих терриконах шахт...
А расстаемся грубовато:
Ладонь в ладонь да пара слов.
-До встречи, земляки! Бывайте!
-Привет, земля! Будь здоров!

* * *

В ШАХТНОЙ БАНЕ

Выезжаем! На белом свете
нас дела приятные ждут.
Это – первая сигарета.
Это – шахтной бани уют.
Не торопимся, остывая.
На привычный пейзаж глядим.
Впереди у нас ламповая,
баня– главное! – впереди.
Сняв шахтерки, рабочие роботы,

мы рассаживаемся не спеша.
Кто моложе, водичку пробует:
хороша ли? Ах, хо-ро-ша!
То-то радость подземной пехоте.
Наступает блаженства час,
и мы чувствуем, как работа
вместе с потом выходит из нас.
Год за годом обычай не меркнет:
кончил смену горняк – отдыхай.
Баня – это по общей мерке,
По-шахтерски – душевный рай.
«Пару! Пару!» – требуют поры.
Опустеет предбанник вмиг.
Начинают с парилки шахтеры,
чтобы жар до костей проник.
А потом в душевых, похохатывая,
под горячей водой крутятся,
трем мочалками, трем лохматыми
миллионнолетней грязи!
Пена – белая. Спины – красные.
И движения так легки...
Братцы милые, жизнь прекрасная!
С легким паром нас, мужики!

* * *

В распластанных гривах, в аллюре гудящем
ветра Приазовья летят,
как дикий табун, глазами косящий
на тонущий в море закат.
В них скифская удадь, сарматская воля
и половцев жадный прищур,
в них запах полыни бескрайнего поля,
предчувствие штормов и бурь.
В отчаянной сшибке течений воздушных
как будто живут до сих пор
ушедших племен разноликие души
и разноязычный их спор.
Гортанно и резко, протяжно и плавно,
то тихо, то громко навзрыд
под ветром шумят приазовские плавни –
то Вечность со мной говорит...

* * *

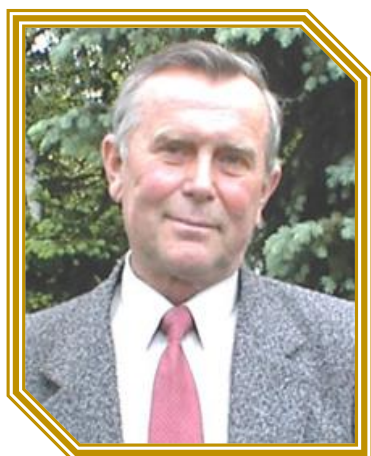
На окне в моем доме – две ветки калины.
Ранним утром – рассвет, вечерами – закат.
И от алого цвета до спелой малины
эти гроздья под солнцем неярким горят.

В них пульсирует жизнь, как в созвездиях дальних,
неподвластная серости будничных дней.
В каждой ягоде – образы, символы, тайны...
Если вдуматься, так же и в жизни моей.
Я не знаю, когда зарождаются строчки
и откуда порою приходят слова –
то стыдливо нежны, то цинично порочны –
не хранила подобных моя голова.
Почему иногда, вопреки всем законам,
ломанусь напролом, где распахнута дверь?
И зачем так любимый мной прежде зеленый
на калиновый цвет поменялся теперь?
Жизнь похожа на поле, где прячутся мины.
Каждый шаг может стать и последним уже...
На окне моем в доме – две ветки калины,
Словно кровь после взрыва в оглохшей душе.

Кибирев Анатолий Антонович

(1941)

Анатолий Кибирев родился в грозном 1941 году в деревне Яковлеве Галичевского р-на Костромской области, (кончил Краматорский машиностроительный техникум и Краматорский индустриальный институт). Имеет научные публикации изобретения.

Старший преподаватель кафедры МТО ДГМА. Стихи публиковались в городской и областной печати. Автор двух поэтических сборников стихов и песен – «Слово – песнь потомка Бояна» (1995г.) и «Каяла – река памяти» (1997г.). Подготовил к изданию поэтический перевод-пересказ «Слово о полку Игореве» на основе новейших комплексных исследований «Слова...» отечественными и зарубежными учеными, материалов научно-практической конференции «Слово о полку Ігоревім та його вивчення у вищій та середній школі» (2000). Является сменным редактором газеты «Академия» и руководит литературным объединением Донбасской государственной машиностроительной академии «Глорум».

СЛОВО-ПЕСНЬ ПОТОМКА БОЯНА

Со всех сторон нагрянули они,
 Иных времен татары и монголы.
 Николай Рубцов.
 В самом центре земли Половецкой
 Я живу столько лет, сколько зим.
 Здесь войной опаленное детство
 Знало грохот машины немецкой –
 До сих пор не развеялся дым!
 Я- свидетель побед, поражений
 И наследник Бояна-певца
 Столько здесь переживаний,
 Столько мифов, легенд, песнопений
 Взял у Северского Донца!
 От набегов страдала граница
 Нашей Киевской древней Руси.
 Игорь-сокол погнался за птицей,
 Не пришлось ему с Дона напиться –
 Только перья в степи распустил.
 Только лихо накликал и горе,
 Только смелости дал врагам,
 И татаро-монгольское море
 Расплескалось на нашем просторе –
 Это Игорь открыл ворота!
 До сих пор вдоль его вороны
 Черной тучей сидят по степи,
 Всеми прошлыми войнами вскормлены,
 Не спеша, разлетаются в стороны
 Если прямо на тучу идти.
 И полынью горечь над степью
 Не развеять ветрами вовек:
 Здесь когда-то с неведомой целью,
 Человека убил человек!
 Эта рознь между кровными братьями,
 Эта междоусобная брань
 Разорили, спалили, разграбили,
 И за Игорев промах расплатою –
 Три столетия позорная дань!
 Промышляли здесь солью и хлебом,
 Знали радость победы и боль,
 И под этим обманчивым небом
 Крови, пота – чего только не было –
 До сих пор не исчерпана соль.
 Эта местность особо помечена:

Здесь жестокие были бои,
Здесь не раз отступала неметчина,
Но и наши солдаты,
Здесь не малым числом полегли.
И теперь возле Голой Долины,
Возле траурных мраморных плит,
Возле гордой и горькой святыни
От последней войны и доныне
Есть поля, где земля не горит!
И под старым селом Богородичным
После столько побед и потерь
Вновь молитвы поют Богородице,
Так что песня-печать не изводится,
Слышен плач Ярославны и теперь!
Мирно вьется Донец по излучинам,
Но пройти по деревне любой –
Сколько вдов, ожиданьем измученных,
Сколько писем-вестей неполученных-
До сих пор унять эту боль!
Много лет уже мирной весною
Расцветает донецкий простор,
И встает богатырской стеною,
Напоенный живою водой,
Словно рать, зеленеющий бор!
И пески, что от взрывов горбатились,
Улеглись, может быть, навсегда,
И осколки под листьями спрятались,
И с днепровской водою по братски
Обнялась донцева вода.
Всех речей и наречий согласие,
Всех времен и племен сыновья
Обрели свое новое счастье,
Одолели беду и ненастье
Как одна трудовая семья.
Но опять, как обиды Олеговы
Как когда – то хула на хвалу,
Все распалось, винить уже некого,
Только нет единения крепкого,
И никак не забыть в душах иглу.
В ссорах мелкое стало великим,
Спесью зло Михаил разбудил,
Оказался двудушным, двуликим,
И от гор Карабаха до Киева
Много крови и зла сотворил.
Много лиха накликал и горя,

Много вольностей дал врагам,
И теперь иноземное море
Расплекалось на нашем просторе –
Это Миша открыл сворота!
Это он, о свободе вещавший,
Говоривший святые слова,
Мир и рай на земле обещавший,
Он оставил народ обнищавший,
И – «склонилась твоя голова»!
И надвинулась всякая нечисть,
Всякая ложь, всякая грязь, всякая дрянь,
Кроме жвачек и «Сникерсов» неча есть,
И распалось братство, и ненависть
Расползлась меж людей, где ни глянь!
Правит нами раздор окаянный,
Грабят нас под сурдинку и всяк,
И течет промеж нами Каяла,
Заглушая напевы Бояна-
Все не так, все не так, все не так!
И Чернобыля черная туча,
Как затмение, как злая примета,
Расползлась над страной цветущей,
И теперь эта страной цветущей,
И теперь эта стронция куча
Убивать будет многие лета.
И повсюду: в Чечне и в Сараево
Зачинается новая ночь,
Нависает, как войско Мамаево,
Неужели свободы заря ее
Не сумеет лучом превозмочь?!
Неужели славяне повинны,
Что богата земля и нарядна,
Неужели мы все так наивны,
Что не видим проделок Наины –
Ведь уже пострадались изрядно!
На пути нашем новые вороны
Черным зраком грозят впереди,
Клювы остры, как зубья у вороны,
Но они разлетаются в стороны,
Если мы продолжаем идти!
В самом центре земли Половецкой
Жизнь врачует смертельные раны
Птичьим щебетом, гомоном детским
Над седой волною донецкой
Нескончаемой песней Бояна!

Кирьяков Леонтий Нестерович

(1919–2008)

Греческий (румейский) поэт, переводчик родился 8 мая 1919 года в селе Сартана, вблизи Мариуполя. Его предки переселились сюда из Крыма ещё в конце XVIII века. Участник второй мировой войны. Любовь к поэзии была привита с детства: в семье знали и любили песни, сказки, произведения народного румейского поэта Леонтия Хонахбея, поэзию Т.Г. Шевченко. Большинство произведений Л. Кирьякова публиковались на русском языке, а в последние годы появились произведения, изданные на румейском языке. На авторской полке старейшего греческого поэта 16 книг. Среди них: "Слава тебя найдёт", "Память", "Амфора", "Конь мой златогривый", сборник поэм, баллад, афоризмов и др. На греческий язык перевёл "Слово о полку Игореве", "Кобзарь", произведения Т.Г. Шевченко, Леси Украинки, П. Тычины, М. Бажана. Лауреат премии имени Максима Рыльского. Творчество Л. Кирьякова тесно связано с миром античной мифологии. В его поэзии отражены испокон веков греческие темы – темы воды как источника жизни и смерти, коня – Пегаса, моря, где волны – поколения людей. Много стихотворений о родном селе, Приазовском крае и людях, отдающих ему свое сердце.

* * *

ОТЕЦ И СЫН

Перевод Иосифа Курлата

1

Люблю любовью не слепую
Днепра родные берега!
Куда не кинешь глазом – поле.
А в поле – справные стога.
Над кручей – ива
Вся седая
Как бы застыла на бегу.
...Приехал все-таки
Сюда я,
Стою на том же
Берегу,
Где по условленному знаку,
В руках сжимая автомат,
Ходил в смертельную атаку

Я много лет
Тому назад,
Вот с этой небольшой высоты
Фашистский пулемет строчил,
И батальон приказ короткий
Взять ту высоту
Получил.
В бою из нас никто
Не мешкал,
Хотя вокруг свинец свистел:
Мы то ползком,
То перебежкой,
Но приближались
К высоте.
Сынок мой шел
Со мною рядом,
Со всеми вместе наступал,
Но вдруг осколок от снаряда
Его сразил,
И он упал.
Вокруг – в крови – трава измята,
Водою не отполоскать.
И пальцы ложе автомата
Все не хотели
Отпускать...

2

И с неба хлынули потоки
Дождя,
И белый свет промок.
Какие сны
В краях далеких
Мать видит о тебе,
Сынок?
Она проснется утром ранним,
Вздыхнув о том же, как всегда:
Домой вернутся с поля брани
Мои родимые
Когда?
Безмолвно с сыном мы
Прощались,
Его я в лоб поцеловал.
А тучи в небе
Все сгущались,
И был закат кроваво ал.

3

Ракета вспыхнула во мраке,
Собою осветив весь мир,
И, призывая нас к атаке,
«За мною!» -
Крикнул командир.
«За Родину!» -
И рухнул снова.
И очередь прошла лог.
И поднялись тогда
Сурово
Все кто еще
Подняться мог.
И в лихорадке заметался
Сноп пулеметного огня.
Я шел вперед.
А сын остался
Среди убитых
Без меня.
Волна свинцовая хлестала
Сильней, казалось, и сильней,
Но нашей та высотка
Стала –
Наш флаг затрепетал
На ней!

4

Солдату годы – не помеха.
Пускай у жизни на краю,
Я все-таки
Сюда приехал
И над могилою стою,
Желтеет на полях пшеница,
И полог неба голубой.
Но до сих пор.
Наверное, снится
Бойцу его последний
Бой.
Быть может, птицы разбудили
Бойца в тревожной тишине?
Лежи, сынок,
Мы победили.
И в том бою,
И в той войне.
Победы были мы достойны,
Все силы отдали борьбе.

Лежи мой сын.
И спи спокойно,
От матери –
Поклон тебе.
Хоть мать совсем уж
Старой стала
От трудных лет и от невзгод,
Но ждать тебя
Не перестала:
Не верит в смерть твою
И ждет...
Перевел с греческого
Иосиф Курлат.

* * *

ИЗ СБОРНИКА «КОНЬ МОЙ ЗЛАТОКРЫЛЫЙ»

СВИДАНИЕ

Ветер незримою птицей
Пруд сотый раз облетает,
Ветер над вербой кружится,
Милый лишь не поспешает.
Сам же позвал на свиданье,
Сам же велел торопится,
Только луна чуть седая
С неба в окно заглядится.
Ветер девчонку потешит,
За косу дернет легонько:
«Где же обманщик твой, где же?»

* * *

ПОГИБШИМ ДРУЗЬЯМ

Вас пули бросали на землю,
И вы не стонали от боли.
А мы торопились,
На время
Одних оставляя вас в поле.
Мы все еще были в атаке,
Стреляли,
Швыряли гранаты.
Потом уже вас хоронили
В земле чужедальней солдаты...
Весь мир осенил навеки
Далекой победы зарницы.
Планета в сиянии света
К заоблачным высям стремится.

Но сердце, увы, не забыло
Все то, что на долю досталось.
... Как мало друзей возвратилось,
Как мало их нынче осталось!
И мне словно стыдно,
Что выжил,
Хоть сам
И не верил в удачу.
В боях было некогда –
Нынче
Друзей вспоминаю
И плачу...

* * *

ПРОБИТО СЕРДЦЕ БЫЛО

Затихли выстрелы. И вот,
В сыром окопе стоя,
Сказал отец твой: – Дай блокнот,
Пошлю домой письмо я...
Легко ль на бруствере писать?
Ложатся буквы криво.
Но всей душою он опять
Был дома, был счастлив.
О чем мечтал он? Что войну
Пройдем, придя к Победе,
Обнимет сына он, жену
И к матери поедет.
И снова он в поля пойдет,
Его пшеница встретит,
И станет сын, как подрастет,
Бойцом за мир на свете...
Письмо готово. Быстро – в яр,
У старшины оставим...
Но тут же – взрыв, огонь, удар,
Отец твой рухнул наземь...
Я тут же бросился к нему,
Хоть смерть и мне грозила.
Но не помочь уже ему:
Пробито сердце было...
... Вот все. Пусть память ратных лет
Тебя не оставляет,
И пусть надежд отцовских свет
В душе твоей сияет!

* * *

РАБОЧИЕ РУКИ

Я ими любовно детей пеленал,
И хлебную ниву
Я ими лелеял,
И пот свой соленый
Со лба вытирал –
И радостно жил и светло на земле я.

Внезапно, как гром, прогремело:
«Война!»
И в эти же самые руки
Для боя
Вложила оружие чести страна.
И смерть наклонялась не раз надо мною.

Я все ими сделал,
Я все ими смог:
Войне обломал я
Кровавые крылья
И снова вернулся на отчий порог,
И раны-воронки средь поля
Зарыл я.

Руками своими
Посеял хлеба
И новые стройки под небо
Возвел я –
И светят огни городов,
Как судьба,
И волны пшеницы
Гуляют в раздолье...

* * *

ОДНОПОЛЧАНАМ

Тропы, тропы, тропы...
Память, память, память...
Камень обелисков –
Говорящий камень.

Камень обелисков
Слышит, слышит, слышит
И мою беседу
С душами парнишек.

Тех – неуцелевших.
Тех – убитых рядом.
Вы не обижайтесь,

Что я жив, ребята!
Кто-то должен выжить.
Я же – это кто-то.
Я остался, чтобы
Отбивать высоты!
Чтобы вырвать землю
Из паучьих свастик.
Отплатил! Отмерял!
Как сумел, за вас я!

* * *

ТРИ БРАТА

Три сына было у отца
Три брата черноглазых,
И радостью искрился дом,
Но дом их кто-то сглазил.
Двух старшеньких, двух крепышей,
Украли ночью турки,
Когда и месяц сон сморил,
И головы настурций.
Остался младший у отца
(Благодаренье богу).
И работающий, и певун,
И нрава некрутого.
Чуть свет, под осень вез овец
Янати в день базара,
Вдруг налетели на него
Два страшных янычара.
И не успел он закричать
Пустили в ход кинжалы:
«Оставьте жизнь – один я сын
У стариков усталых.
Двух братьев турки увели...»
Разбойники смутились,
Когда же имя он назвал,
И руки опустили:
«Мать – из Акрополя твоя,
Отца родня в – Афинах?»
Бледнели лица янычар:
«Мы два их старших сына.
Василий – я, Петракис – я...»
Но раны били кровью.

«Прости, Янати, милый брат,
Прости единокровный!»

Прогнали к лекарю коней,
И затряслась повозка,
А сердце брата – горячо,
Стучит в нем: «Поздно...Поздно...»

И лекарь головой качал,
И лекарь так сказал им:
«Не мало повидал я ран
От сабель и кинжалов.

Не одного я в жизнь вернул
На свете человека,
Но рану, ту, что брат нанес, -
Не исцелить вовеки».

...У родника скончался брат,
Рыдали братья вголос,
А эхо таяло в горах,
Беспамятных и голых.

Кожемяка Оксана Леонидовна

Кожемяка Оксана Леонидовна родилась в г. Запорожье. Училась в школе в г. Хмельницком. В 1984 году окончила Киевский Государственный университет (исторический факультет). Работала инспектором архивного отдела в г. Хмельницком, преподавателем в школе Донбасса. Мастер спорта по легкой атлетике. Чемпионка г. Киева, неоднократный победитель и призер Всеукраинских первенств. Автор шести сборников поэзии. Сейчас работает в Донецком лицее № 12 преподавателем истории.

* * *

ПОСЛЕДНИЕ ВЗДОХИ ЗИМЫ

К ночи ветер стал могучим,
Собирая в стаи тучи.
Вдруг, издав протяжный вой,
Смело он рванулся в бой
Чтоб в сражении с весной
Позабавится сосной.
И, споткнувшись о крыльцо,

Плюнуть снегом мне в лицо.

* * *

С ВЫМЫТЫМИ РОСАМИ...

С вымытыми росами,
Шелковыми косами,
В ожиданьи смелая,
Спит пшеница спелая.
Колоски да веточки,
Ох, взрослеют деточки,
Тянутся да неба,
Чтобы стать нам хлебом.

* * *

УСТАЛОСТЬ

Густела и накапливалась мгла,
Безмерное терпение кончалось.
И в сердце чёрным лебедем всплыла
Тягучая безумная усталость.

Я красное налью в фужер вино,
Печаль, что накатила, поистратить.
И губы, что потрескались давно,
Покроются помадой алых пятен.

* * *

ВЕЧЕРНЯЯ СКАЗКА

Колокол ночи ударил в малиновый звон,
Под ноги ветер укладывал нежные травы.
И, полусонная, выскочу я на балкон,
Чтобы подслушать ночное дыханье дубравы.
Где наболевшее вольется сотнею тем,
Мысли сегодня я в рифмы сплести не сумею.
В лунном плетении блеск золотых диадем
Ветер накинёт на тонкую девичью шею.

* * *

НА ВСТРЕЧУ С ПУШКИНЫМ

И в 200 лет шальная слава
И негасимая любовь.
Вновь гений в облике кудрявом
Меня в свой мир вести готов.
С ним я о многом забываю,
Давно поэзию любя.
Лишь книгу сказок открываю,
Царевной чувствую себя.

Здесь каждый лист – судьбы подарок.
Его читать – тяжёлый труд.
Опять магические чары
На встречу с Пушкиным зовут.

Костоправ Георгий Антонович (1903-1938)

Георгий Антонович Костоправ родился 27 октября (по старому стилю) 1903 года в селе Малый Янисоль в семье волостного писаря. Учился сначала в двухклассной школе, а затем — в Мариупольском реальном училище. Первые публикации его стихов на русском языке были сделаны в 1934 году в мариупольских газетах «Ильичёвец» и «Голос труда» в 1924 году. С декабря 1927 года работает секретарём отдела кадров на металлургическом заводе им. Ильича. С 1931 года Георгий Костоправ начинает писать на греческом языке.

В июне 1932 года становится сотрудником литературной газеты «Коллективитис», где работает до дня своего ареста. Позже создаёт и возглавляет два литературных объединения начинающих поэтов, пишущих на румейском языке. Среди его учеников Василий Галла, Антон Шапурма, Леонтий Кирьяков и др. Печатается в периодике «Социалистический Донбасс», «Литературный Донбасс», «Комсомолец Донбасса», «Приазовский рабочий», мариупольских альманахах «Флогомитрес спитес» («Искры, предвещающие пламя»), «Ниотита» («Молодость»), детских журналах «Неос махитис» и «Пионерос». В 1934 году участвует в Первом съезде советских писателей и становится членом Союза писателей СССР. В 1934 и 1935 годах принимает участие в конференциях советских писателей, пишущих на греческом языке в Ростове-на-Дону.

Арестован в ночь с 23 на 24 января 1937 года в ходе так называемой «греческой операции». 14 февраля 1938 года приговорён к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1957 году.

* * *

МЫ ВИДИМСЯ С ТОБОЙ ТАК РЕДКО

Вот гибкий тополь у твоих дверей,
Шиповника густая сетка.
О, милая, ты выйди поскорей,

Мы видимся с тобой так редко.
Я жду тебя.
Я уйду опять.
Родная степь зовет поэта в гости,
Смотреть на звезды и рассвет встречать,
Пить воду родниковую из горсти.
За горизонтом весело гремит.
Дождем запахло.
Задрожала ветка.
О, милая, ты выйди хоть на миг,
Мы видимся с тобой так редко.
Легко плывут по небу облака,
Как будто нарисованные ветром.
Пусть будет и любовь моя легка,
Лучится пусть, как взгляд твой, тихим светом.
Я жду тебя.
Смотрю в твоё окно.
На каждом сердце остается метка.
О, милая, я жду тебя давно,
Мы видимся с тобой так редко.
Взгляни, как дождь раскручивает нить,
Как струйки пряжей золотой повисли.
Но ты меня забудешь, может быть,
Напрасно буду ждать случайных писем.
А думы вечно в сторону твою
Склоняться будут тополиной веткой.
О, милая, ведь я тебя люблю,
Мы видимся с тобой так редко.
Весенний дождь проходит налегке,
Бросает перстни на поля, на крышу,
Ты кажись, хотя бы вдалеке,
Я буду счастлив, что тебя увижу.
Но ты где?
Тополь надо мною вновь,
Как девушка веселая смеется.
О, милая, счастливая любовь
Так редко в жизни нам судьбой дается.

* * *

ГРОЗА

Тихо.
Месяц.
Ночь светла.
Звезды далеки.
Зазвенели удила
Около реки.

Только где-то в камышах
Ветер был рожден.
И на миг весь мир запах
Проливным дождем.
Где деревья, пали там
Тени среди долин
Режет тучи пополам
Молния вдали.
У плотины, где кусты,
Тополя дрожат.
Тихо шепчутся листья:
«Близится гроза»...
Месяц.
Небосвод глубок.
Звезды над рекой.
Пролетая, ветерок.
Треплет ворот мой.
– Где ты, друг мой?
Отвечай! –
Ветер все поет.
Вспомню имя – и печаль
Сердце мне сожмет.
Нет ее среди ролей,
Сколько ни зови.
Первой девушки моей –
Пламенной любви.
Ваше этих тополей
Та любовь была.
И зеленою росла
Ветвью надо мной.
И над юностью прошла
Синею грозой.

* * *

ЛЕОНТИЙ ХОНАХБЕЙ

Поэма

Весенним днем, когда в поля
Спешат уже стальные кони,
И пахнет теплая земля,
Как материнские ладони,
Иду в село, что с давних дней
Знакомо, как огни степные,
Где жил Леонтий Хонахбей,
Где он любил Кошкош Марию.
Две вербы, выросшие врозь,

Грустят, склонясь
К могильным плитам.
Трава – живой зеленый гость —
Взошла на кладбище забытом.
Из тех, кто спит здесь вечным сном,
Двоих, я это твердо знаю,
До наших дней в краю родном
С печалью люди вспоминают.
Мы в нашей памяти храним
Ушедших голоса живые.
Леона вспомнят – вместе с ним
Тотчас же вспомнится Мария.

* * *

МОИ ДОРОГИ ДАЛЕКИ...

Мои дороги далеки.
Увидел я места иные,
Там, где деревья высоки,
Роскошны травы полевые.
И там, от мест родных вдали,
Где горы, речка плещет сонно,
Писал я повесть о любви
Поэму о любви Леона.

Кравченко Анатолий Иванович

(1937)

Анатолий Иванович Кравченко – поэт. Родился в 1937 году в городе Енакиево. Воспитывался в детском доме, потом учился в енакиевской школе №7. После окончания школы работал на шахте и посещал литературную студию при газете «Енакиевский рабочий». В 1957-1960 года – служба в армии. С 1960 года работает в газете Енакиевского металлургического завода «За металл» и учится на заочном отделении литинститута имени Горького, потом работал в книжном издательстве. С 1974 по 1984 годы руководитель журнала «Донбасс», с 2000 года возглавлял Донецкую писательскую организацию. Первые стихи были опубликованы в 1957 году в газете «Енакиевский рабочий». Первый сборник стихов вышел в 1962 году. Печатался в журнале "Юность" 1973 г. Автор более 20 книг: «Дни», «Горячий берег», «Третья смена» и другие. Лауреат пяти

литературных премий. В 2012 году ему присвоено звание «Почетный гражданин города Енакиева». Живет в городе Донецке.

* * *

БУЛАВИНКА

Мой городок над речкой Булавинкой...
Нет у нее гранитов и мостов.
Средь городских громад блестит слезинкой,
На пустырях петляет меж кустов
Былинный путь разбит её и сужен,
И взмах весла рыбацкого добыт.
Здесь вместо чайки редкий ворон кружит,
На белый парус – серый дым летит. –
А ведь когда-то на себе носило
казачий шла весной в разгулья.
И мама речку в брод переходила
За пол часа я вмиг перешагнул
Средь городских громад блестя слезинкой,
На пустырях петляя меж кустов
Забывая, струится Булавинка –
Река смельчаков и мастеров.

* * *

МОИ ЗЕМЛЯКИ

В донбассовцах такое что-то есть
(Я об заклад готов с кем хочешь биться),
Что сделало б кому угодно честь,
Судись ему в краю таком родиться.
Нет, я не против ни иных земель,
Ни доль иных, – я вовсе не об этом.
Я знаю земли, где у ног форель
В струе прозрачной пляшет до рассвета;
Где винограда солнечная гроздь
Своим нектаром райским соблазняет,
И пестрых пляжей разомлевший гость
У волн морских рассеяно блуждает.
Хвала им всем – оазисам души,
Отдохновенья, лени, покоя,
Где дух и тело бодрствуют в тиши
Под шепот пальм и музыку прибоя!
Мой край другими звуками богат,
И назначенье у него другое:
Его глубинный пламенный агат
Гремит особым – угольным прибором.

К нему не отдых нас впечат, а труд,
Стихия векового поединка.
Гроздь антрацита. Сотни солнц живут
В ее одной спрессованной пылинке.
Поющий пласт под бременем земли
У ног моих алмазами мерцает.
Форели тут какие бы могли
Сравниться с ним?! Не ведаю, не знаю.
Здесь вдоль живой, но каменной реки
Идет хозяин, а не гость случайный.
Движением твердой, опытной руки
Он подземелья открывает тайны.
Когда ж, поднявшись на-гора, глядит
На землю он, не щедрую на краски,
Его лица прекрасней не найти
И доброты, и простоты донбасской.
В донбассовцах и впрямь такое есть,
Что раз и навсегда всех покоряет, -
Особая порода, коль участь,
Людей, что землю к солнцу поднимает.

* * *

НА БЫВШЕЙ «СОФИИ»

Через степь, по проторенной тропке,
на далекие вспышки огней и только
мы с тобою идем неторопко,
с каждым шагом волнение сильней.
Над домами, дымами, изломом
терриконов горбатых вдали
веет снова до боли знакомым,
будто веет дыханьем земли.
Вот и домик. Калитка. Скамейка.
И акации тоже стоят,
словно кто-то шутя, под линейку
их на улочке выстроил в ряд.
Помолчим. Посидим, коль позволят.
Ну а спорят – мы скажем в ответ:
«Здесь родился Анциферов Коля,
самый лучший шахтерский поэт.»

* * *

ДЕТСТВО

На пустырях глухих, за рудником,
среди лебеды и пыльного пырея,
гонял свое я детство босиком,
ни ног своих, ни детства не жалея.

Там, на границе шахты и степи,
где тупики, развалины и свалки,
тряпичный мяч, что силы я лупил
и мастерил с дружками зажигалки.

А сам все время думал об одном:
что я куплю? Куплю я много хлеба!
И, может быть, билет возьму в кино —
там я еще ни разу в жизни не был.

А может, маме я платок куплю —
такой красивый, с яркими цветами...
Я на траве лежу, я словно сплю,
и только тихо шевелю губами.

* * *

АНТРАЦИТ

На склонах — скалы угольных пластов,
Далеких зорь литые отпечатки.
Миллионы лет спустя, дробит взрывчатка
Немые чащи каменных стволов.
И снова — к солнцу! Снова — к синеве
Небес, что плыли некогда над ними —
Огромными, зелеными, живыми...
И вот лежит он — черный — на траве.
На сломах — сланцы, точно седина:
Она от камня каменной стала,
Но перед ней не устоять металлу,
Когда в огонь оденется она!
...Лежит он — черный, гордый — на траве,
И забытой привыкая синеве.

* * *

КАМЕННАЯ ПТИЦА

Вот она! Я так ее искал
Меж утесов и в изломах скал.
Поднимался в горы высоко...
Птица! Ты всегда была ведь с небом.
Боже правый, где я только не был!

И не знал, что ты – так глубоко:
Позабыв про небо голубое,
В черном затаилась ты забое.
Опереньем каменным звеня,
Крылья простирая над веками,
Ты глядишь – и оживает камень,
И огнем своим слепит меня!
Кто ты, птица? Древний птеродактиль?
Или феникс?.. Боязно – не так ли? –
Слышать в штольне этот лязг и гром,
Этот гул, рокочущий протяжно!
Ты – из камня, и тебе не страшно.
Что ж ты закрываешься крылом?!
Ты привыкла к тишине земной –
Первозданной, первородной той...
Не пугайся, дай тебя мне взять,
Эти глыбы черные разъять –
Миллионнолетние объятья,
Под землей томившие тебя.
Пусть твои собратья протрубят
И услышат их мои собратья!
Взмах руки. И рядом – взмах крыла:
Каменная птица ожила!
Опереньем солнечным звеня,
Крылья простирая над веками,
Глянула – и всколыхнулось пламя
И в руках забилося у меня.

* * *

МЕЛИ СНЕГА, ШУМЕЛА НЕПОГОДА...

Мели снега, шумела непогода.
Мороз нас обжигал со всех сторон.
И, съезжившись, тащились мы к породе
на теплый, в сизой дымке, террикон.
И, на гору вскарабкавшись повыше,
усаживались там меж глыб, дрожа,
и долго-долго слушали, как дышит
земли окаменевшая душа.
И плыли, плыли облака над нами,
и с ними вместе плыли мы вперед...
Над черными разбитыми копрами
мели снега, шел сорок третий год.

* * *

Я СЫЗМАЛА К ШАХТАМ ПРИВЫЧЕН...

Я сызмала к шахтам привычен,
они не пугали меня
ни гулом стальных электричек,
ни скрытой стихией огня.
Меня, пацана, углекопы
в предбанник впускали зимой,
где я по крупицам их опыт
подземный вбирал и земной.
Я грелся, я слушал их речи.
Звенели копры за стеной.
И брал меня кто-то за плечи
и вел под метелью домой.
А мимо неслись эшелоны,
гремя тяжело на мостах.
И рядом росли терриконы
быстрее, чем я вырастал.

* * *

Я ЛЕС СГРУЖАЛ, К СТВОЛУ ТАСКАЛ...

Я лес сгружал, к стволу таскал,
потом – всю ночь – во сне летал!
Так высоко и далеко,
что и проснуться нелегко.
А что я видел? Облака –
такие синие, как уголь!
А что еще? Была река
внизу, как пласт, что шел на убыль.
А что еще? Еще – звезда:
она манила и светилась.
И покорялась высота –
и глубиною становилась.

* * *

ДЛЯ ШАХТЕРА НЕБО – НА ЗЕМЛЕ...

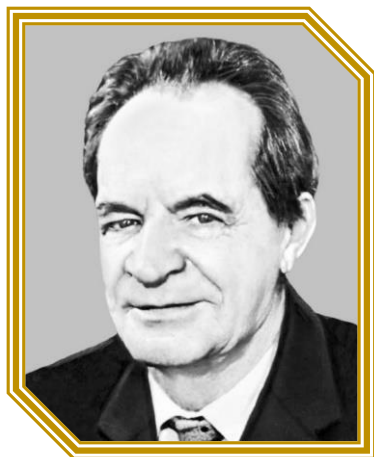
Для шахтера небо – на земле,
девушка и – сад, и шум дождя.
Свет земли колыхнется во мгле
там – внизу, где скреперы гудят.
Шаг за шагом – к штреку, а потом
до ствола – по шпалам, напрямик.
На-гора пора: там сад и дом,
там весенний дождь к земле приник.
Столковались парни по земле,

точно космонавты в кораблях.
Высший свет колышется во мгле
и сиренью штрек насквозь пропах!

Кривда Григорий Феодосиевич

(1923–1997)

Родился в 1923, с. Середовка, Киевской области. Писатель. Член НСПУ (1955). Литературные премии им. Б.Горбатова (1982) и им. В.Сосюры (1995). Окончил Киевский техникум железнодорожного транспорта (1946), Ташкентский педагогический институт (1948). Работал на Ташкентской (1946-49) и Донецкой (1949-56) железных дорогах; в Донецком книжном издательстве (1959-61) ответственный секретарь «Донбасс» (1961-72) редактор художественной литературы издательства «Донбасс» (г.Артемовск Донецкой области, 1976-94). Печатался от 1946. Основные мотивы творчества: гармония человека и природы, духовность общества, дружба народов. Умер в 1997 г.

* * *

МОЙ ДОМ – НЕ ТАМ...

Мой дом – не там, где радость иль беду...

Стенам безмолвным тихо я вверяю.

Мой дом – где пашни и сады без края

И степь, где трассу новую веду.

Я в цех зайду – собратья там мои,

Спустишь в забой – мои там побратимы.

Грядущим днем я вымеряю с ними

И жизнь свою, и помыслы свои.

Жилищ иных – не ведаю, не знаю.

Мой дом – где плещут волны урожая

И песня матери звучит средь мирных нив.

Раскрою сердце всем земным щедротам

И выплесну всю радость на широты,

Где я любил, где я свой век прожил.

Кукушкин Валерий Николаевич

(1952)

Родился 3 августа 1952 г. в с. Шимске Новгородской обл. Детство поэта прошло в городе Новгородовка Донецкой области. 1969-1971 гг. – учёба в Донецком училище культуры по специальности режиссёр. 1972-1977 гг. – занимает руководящие должности в Домах культуры г. Селидово Донецкой области. 1980 г. – закончил Ленинградскую Высшую профсоюзную школу культуры. С 1986 г. занимает должность заведующего отделом культуры г. Селидово. 2000 г. – присвоено звание Заслуженного работника культуры. 2007 г. – награждён Почётным Знаком Министерства культуры и туризма Украины «За многолетнюю и плодотворную работу в области культуры». На протяжении 38 лет его произведения печатаются на страницах местной и областных газет. Выпущено 6 сборников стихов.

* * *

ИЗ СБОРНИКА «ЭТО – СОСТОЯНИЕ ДУШИ»

ОСЕНЬ

Закружив печальным листопадом,
Все живое осень золотит...
Сердце перемене этой радо –
Все же жизнь на месте не стоит.
Перемены всем нужны, поверьте...
Ведь без них упадок и застой.
Жизни пульс с самой природой сверьте.
А она – советчик золотой!
Бабье лето рядом где-то ходит,
Норовя назад нас воротить.
Не хочу, не следует, не стоит,
Прошлого не надо ворошить.
Золотым играя листопадом,
Осень плачет каплями дождя.
Да, она командует парадом,
Души нам и мысли бередя.

* * *

БАБЬЕ ЛЕТО

Не захочешь, станешь мигом поэтом,
Коль вокруг такая красота.
Рощам шьет кафтаны бабье лето
Снова из багряного холста.
Вышивает огненные пряди
Вихревого солнца благодать.
И, на буйство красок этих глядя,
Как же мне художником не стать?
Кажется, известны все повадки
Озорного, «бабьего» огня,
Но, как прежде, запах прядносладкий
Опьяняет в октябре меня.

* * *

ВСТРЕЧА С ВЕСНОЙ

Я ждала тебя, весна, и ты пришла,
Мне душу согревая обновленьем.
И счастлив тем что вновь меня нашла –
Встречаю, как всегда, стихотвореньем.
И, не стесняясь, я тебя зову
Невестой вечной, жизни моей спутницей...
Пока есть ты, я буду на плаву.
Мне не страшны житейские распутицы.
Пришла весна. Звенит, поет капель,
Зима ручьями медленно уходит,
Лучами солнца кружит карусель
И сердце, как часы, на жизнь заводит.

Куралех Светлана Степановна

(1942)

Родилась 14 мая 1942 года в пос. Горный Саратовской обл. (Россия). Закончила Харьковский институт ж.д. транспорта – строительный ф-т, Литературный институт им. Горького (Москва) – отделение поэзии. Работала инженером в Уфе, Донецке. С 1977 года работает в Донецком академическом областном театре кукол сначала – зав. лит. частью, затем – зам. директора по творческим вопросам. Автор 6 поэтических сборников для взрослых, 5 книжек для детей, инсценировок и пьес, рецензий, творческих портретов художников, писателей, артистов, музыкантов, соавтор популярных песен, песен к спектаклям и др. Публиковалась в альманахах и сборниках: «Соцветье», «Рукопожатие друзей» – Донецк, «Добрые всходы», «Молодые голоса» – Москва, «Антология современной русской поэзии Украины» – Харьков, «Антология современной русской поэзии Украины «Киевская Русь» – Мюнхен, «Лёгкое дыхание», сборник произведений участников литературного конкурса им. И.А. Бунина – Гютерслоо; периодических изданий «Смена», «Студенческий меридиан», «Весёлые картинки», «Гусельки» – Москва, «Нева» – Ленинград, «Радуга», «Украинский театр» – Киев, «Фонтан» – Одесса, «Крещатик» – Мюнхен, «Семейка» – Вупперталь и др.

* * *

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Все суедемся – бумагу изводим, -
лучше по Ясной Поляне побродим.
Только давайте оставим заботы:
где он родился, откуда сбежал,
где запирался во время работы,
где лошадей норовистых держал.
В Ясной Поляне при ясной погоде
просто подышим и просто походим.
Как тут смешались легко и прекрасно
стройность деревьев и запах земли...
В Ясной Поляне становится ясно,
как еще мало мы сделать смогли.

* * *

ЛИВЕНЬ

Разгневалась природа в самый раз
(должно быть, все известно и природе):
вдруг пригород и город гром потряс –
И ливень разгулялся на свободе.
ты посмотри, любимый, что творится:
то небо пропадет, то загорится!
И будут бесноваться облака,
и будут небеса на части рваться,
покуда ты валяешь дурака,
намеренный бездомным оставаться.
Нанял ты время теревить дороги
и правоту доказывать жене...
Во мне тут дело или не во мне,
но только и с природой шутки плохи.

* * *

ИОГАНН СЕБАСТЬЯН БАХ

Ты кто: учитель, дух седоволосый?
Начнешь рассказ и трижды повторишь.
Гордец и собеседник стоголосый –
оставил всех внизу, а сам – паришь.
Не это ли – отсутствие приличий?..
А он, не оскорбляясь, а скорбя,
неразделимый в тысяче обличий,
работает спокойно для себя.

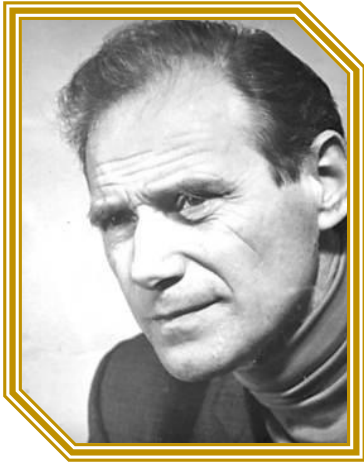
* * *

СКВОЗЬ ЯРКУЮ ЗЕЛЕНЬ...

Сквозь яркую зелень – то синь, то сирень,
какое цветов и тонов наслоенье.
Но если пейзаж повернуть набекрень,
то станет понятно мое настроенье.
Я жду, я меняюсь в лице каждый миг,
я злюсь, я стараюсь от слез удержаться.
Но вот на аллее Ваш образ возник
и стал постепенно ко мне приближаться.
И стал постепенно бледнеть антураж...
А сердце мое наполняется светом
по мере того, как прекрасный пейзаж
становится Вашим прекрасным портретом.

Курлат Иосиф Борисович

(1927-2000)

Детский поэт, переводчик; основатель Всеукраинского фестиваля детской поэзии. Закончил Литературный институт имени А. М. Горького. Среди его сокурсников – Белла Ахмадулина и Юнна Мориц. За бурную «оттепельную» деятельность органами КГБ «выслан» из Москвы, был вынужден переехать в Донецк, а в 1965 году – в Северодонецк Луганской области. Член Союза писателей СССР, Лауреат премии имени «Молодой гвардии».

Первое стихотворение напечатано в 1950 году в газете «Луганская правда». Первый сборник стихотворений («Рождение песни») вышел в Киеве в 1956 году. За ним последовали более пятидесяти поэтических сборников: «Машенька-ромашенька», «Кленовые листья», «Песня доброго утра», «Истоки нежности» и другие, адресованные как взрослому читателю, так и детям. Автор романов «Казнить нельзя помиловать» и «Берёзовая палочка», повестей «Шесть провокаций», «Витькины каникулы», «Страна Лаэдия» и «Всё живое на земле».

Повести, романы и поэтические сборники Иосифа Курлата издавались в Киеве, Москве, Ленинграде, Донецке, Махачкале, Ижевске, Краснодаре; Монголии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии.

Иосиф Курлат перевёл более десяти книг с украинского, удмуртского, греческого, аварского и других языков.

* * *

ПЕС

Его не вчера схоронили –
Неделя подходит к концу.
А пес на хозяйской могиле
Всю снежную лижет пыльцу.

Полижет и снова положит
Печальную морду на снег...
Собака постигнуть не может,
Что в землю ушел человек.

В снегу опрокинута миска,
Что старый служитель принес:
Чужих подпускать даже близко
К себе не привык этот пес.
Ни ярости, впрочем, ни злости
В глазах у него, а тоска...
И стынут на холоде кости

И хлеба четыре куска.

Служитель собаку жалеет,
Но слышит рычание в ответ
Наверное, пес околеет,
Уйдя за хозяином вслед.

Об этом хозяин – нелепость! –
Мерзавцем и жуликом был
Он дом запирал, словно крепость,
И женщину по лицу бил.

Не мог ни смеяться, ни плакать.
Строптивых, как дерево, гнул...
И жаль мне до боли собаку,
Которую он обманул.

Лаврентьева Елена Фоминична

(1937)

Лаврентьева Елена Фоминична – поэт, прозаик, публицист, автор двадцати книг, выходящих в издательствах Донецка, Киева, Москвы. Родилась в деревне Ермаковка Тарского района Омской области.

После средней школы она поступила в Карагандинский педагогический институт на историко-филологический факультет. На третьем курсе Елена Лаврентьева перевелась в Донецкий пединститут также на историко-филологический факультет, поближе к брату, который после армии по комсомольской путевке отправился работать на шахту в Донбасс. Затем работа педагога и в воспитательной колонии, и в обычной школе, и в профтехучилище, сотрудничество с газетами «Комсомолец Донбасса» и «Железнодорожник Донбасса».

Первая книжка стихов «Эхо» была издана в 1964 году, а в 68-м году «На лесной тропе». Именно эти две книги и послужили пропуском в Союз писателей СССР. Лауреат Международной литературной премии имени Юрия Долгорукого. Стихи публиковались в журналах "Донбасс", "Радуга", в московском альманахе "Поэзия". С 1977 по 1987 год была постоянным автором всесоюзного журнала "Юность". В 90-е годы пишет очерки, статьи, фельетоны, сотрудничая в газете "Донецкий Кряж". Защита культуры, нравственности, духовного здоровья – главные темы. Дипломант Международной литературной премии имени Юрия Долгорукова за сборник стихотворений "Короткие дни" (2009). Член

БУДЬ ГОТОВА К ПОРЕ ОДИНОКОЙ...

Будь готова к поре одинокой,
К откровенной прохладной поре.
Никакого не надо итога,
Коль в итоге – октябрь во дворе.

Не терзайся, что не было прока,
Что не вышло и это, и то...
Никому никакого упрека!
О, ни в чем не виновен никто!

И держись бытия, а не быта,
Брось все счета и все дележи.
Будь, как лес облетевший, открыта,
Все под ноги людей положи.

* * *

ЭХО

Снова неслышно в глуши лесной
Лист ударился оземь.
Это опять с далекой весной
Перекликнется осень.

Ходят люди в большом лесу
С весны и до поздней осени.
Из лесу люди несут и несут,
А в лес ничего не приносят.

Как солнце, от зари до зари
Людей одаряет щедро.
Сколько у господ ни бери,
Его не иссякнут недра.

* * *

НА ГЛУБИНЕ

Я не успела робость одолеть –
Захлопнулась и стала падать клеть.
Паданье это длилось, длилось, длилось.
И сердце словно пойманное, билось.
Ему так тесно сделалось в груди!
И вдруг – толчок!
Сказали: «Выходи...»
Я огляделась:
Все здесь так примерно,

Как в знаменитой книге Жюль Верна.
Фантастика!
Но тот час страх всея,
Над головой скрипнула земля.
Мне показались стойки слишком тощи
Для больше чем километровой толщи,
Для неременной тяжести такой!
Но люди шли уверенно по штреку...
Я снова подивилась человеку:
И хрупости и дерзости людской.
Потом за всеми я ползла по лаве,
И все слова о доблести, о славе –
Там, наверху, приличные вполне –
Наивны были тут на глубине!

* * *

ЗА ПЕРЕГОНОМ – ПЕРЕГОН

За перегоном – перегон.
За терриконом – террикон.
В окне степной пейзаж нехитрый.
Мелькнут на колышках макитры
И хата белая в саду.
Я здесь когда-нибудь сойду,
Чтоб посреди цветов и грядок.
Ушел назад пустой перрон,
И снова – степь со всех сторон.
Плывут подсолнухов короны.
Вагонам вслед глядят коровы...
Войдет на остановке чья-то
Лукаво – ласковая маты
В старинном хусточке-платке
И сидят скромно в уголке.
И принесет с собою маты
Полыни дух и запах мяты.
Повеет хлебом и жильем-
Не только сталью и углем.

* * *

ПИСЬМО

А ты знаешь, Оксана, в Донецке, цветут абрикосы.
Даже сердце щемит от такой красоты беззащитной.
Украина весенние ленты вплела в свои косы.
Как идет белый с розовым цвет смуглоте антрацитной!
А во Львове у вас запоздала весна почему-то.
Где-то там не сомкнулись на небе анод и катод.

Ничего, ничего! У погоды окончится смута.
Просто поезд с Востока до Запада тихо идёт.
Отцветает любовь, но останется жизнь и работа.
Покрываются черные ветки зелёной листвой.
И волнуются сердце от вечного чувства полёта,
И от вечного неба, что плещется над головой.

Ладкин Андрей Степанович (1965)

Родился в г. Березники Пермской области. В 1983 закончил школу в г. Набережные Челны. Первое стихотворение было напечатано в 1983 г. в местной газете. С 1987 г. живет в Мариуполе. Президент мариупольского «Союза независимых литераторов» (1991). Автор книг «Рождение живого звука» (1989), «Ностальгия по вечности» (1991), «Образ мысли» (1998) и др.

* * *

СОНЕТ

Мне ведомо, как ранит слово,
И потому хочу я впредь
Не говорить в сердцах такого,
О чем пришлось бы пожалеть.
Иной материи, иного
Звучания дано иметь.
Речь колоколу, чья основа —
Не чувство, а литая медь.
У колокола предо мною
Есть преимущество простое:
Сорвавшись с языка его,
Зык, над тоскою захоластной
Пытаясь взмыть и рухнув грузно,
Не покоробит никого.

Ластовенко Борис Яковлевич

(1946)

Родился 20 июня 1946 года в селе Старомайорское Великоновоселковского района Донецкой области в семье колхозников. После окончания средней школы работал в родном колхозе. Окончил Московский литературный институт имени А.М. Горького. Работал корреспондентом газеты "Комсомолец Донбасса", редактором отдела журнала "Донбасс". Руководил Донецким областным литературным объединением. Б. Ластовенко – поэт и прозаик. Первый сборник стихотворений

"Осокори" вышел в 1969 году. Труд шахтеров и колхозников их нравственное становление и мужание, история и современность родного края, красота его природы – основные мотивы стихотворений. Б. Ластовенко. Он является автором поэтических сборников "Дозор" (1974), "Русла памяти" (1977), "На белом лугу" (1983), "Липы в шахтерском поселке" (1986), "Обжитые гнёзда" (1987), "Ледостав" (1990), "Блики и тени" (1993) и др. В 1980 году вышла книга рассказов "Снежиница".

* * *

ЖЕНЩИНАМ ДОНЕЦКА

Родные, милые дончанки!
Спасибо вам от всех мужчин:
Ведь праздник Ваш – весны начало,
Он греет сердце, как лучи.
Запомните, что вашу нежность
Не зря мужчины берегут:
Она нужна нам, как подснежник,
Что расцветает на снегу.
А как приятно было сердцу
Услышать в дальней стороне,
Что краше женщин, чем в Донецке,
Наверно, нет во всей стране!
Пусть непогоды и ненастья
Ваш дом обходят стороной...
Весеннего тепла и счастья,
Любви небесной и земной!

* * *

ТЕМЫ

И тема поля есть, и тема моря...
А где же тема радости и горя,
Глухих ночей, невыплаканных слез?
Мы попусту волнуемся и спорим,
Когда пора задуматься всерьез.
Я не гляжу на мир с пренебреженьем,
Не ко всему душа моя глуха,
Но чувствую, что не пришла в движенье
Система кровеносная стиха.
И гибнут нерожденные поэмы
Не потому, что выдохлась любовь,
А потому, что с заданностью темы
Несовместима творческая кровь!
Живое все
Рождается любовью...
Ты ж не дорос до радости и слез,
И потому о сделанном с тобою
Пора, пора задуматься всерьез.

* * *

СТАРЫЙ ХЛЕБОРОБ

Он накинёт тулуп в темноте,
Где-то в сенцах закашляет глухо,
- Ну куда ты в такую метель? –
Озабоченно спросит старуха.

Постоит – и, щеколдой звеня,
Снова в хату. И скажет с улыбкой:
- Снега вдоволь, теперь зелена
До весны – словно дитяtko в зыбке...

...А в июле его привезут
Прямо к ниве, от зноя горячей,
И старик золотую слезу
В бороде седовласой запрячет.

Это поле – не просто судьба,
Это жизнь, что как песня сложилась;
И качнутся навстречу хлеба,
Словно поле ему поклонилось.

* * *

ПОБЕГ КНЯЗЯ ИГОРЯ ИЗ ПОЛОВЕЦКОГО ПЛЕНА

Уходил от победы,
от судьбы уходил – не погони,
но встают на дыбы,
но храпят половецкие кони.
Смерть стрелою взвилась-
и торит наконечник дорогу.
Поторапливай, князь, своего вороного.
Тишина за Донцом,
камышы за Донцом и свобода,
с просветлевшим лицом
долго пьешь родниковую воду.
Ты ушел от победы,
по траве, что текла половодьем.
Чьи-то кости белы?
это кмети твои, полководец!
Потускнела броня,
на скелетах щиты поржавели,
ты торопишь коня
по костям своего поражения.
Конь встает на дыбы,
конь храпит, конь дрожит под тобою,
как затмение судьбы,
это бранное поле.
Не уснешь до утра,
а в бессонницу долго светает...
Камышы у костра,
словно войско твоё – вырастают.
Поторапливай, князь,
поле скорби вызывает к отмщенью,
да и Русь заждалась,
заждалась твоего возвращения..

* * *

ГДЕ ЖЕ ТЫ, РЕКА КАЯЛА?

Холмистые просторы Донецкого края – свидетели многовековой борьбы сменяющих друг друга народов. Сколько загадок, легенд и трагедий безмолвно хранит Дикое поле. Некоторые страницы из этой увлекательной книги приоткрыты лишь чуть-чуть. Да и те мы, неблагодарные потомки, умудряемся забыть. А это не просто невежество. Это перечеркивание национального, да и просто человеческого достоинства через забвение. Не будем же Иванами, не помнящими родства. Вспомним известное и попытаемся восстановить прошлое.

Вспомним предыдущую. Начало XI века – вершина военной мощи обширной Киевской Руси, когда княжил Ярослав Мудрый. Еще в конце X века расширил ее южные границы Мстислав Черниговский, завоевав за морем Таманский полуостров и основав Тмутараканское княжество.

Постоянной границы между княжествами русичей и кочевыми племенами в степях не было. Впервые столкнулись дружины русичей с половцами, защищая свои интересы, в степях между Волгой и Доном. В XI веке они уже успешно вели борьбу с половцами, изгоняя их за Дон, на Кавказ.

Но в XII веке раздробленность Киевской Руси, междоусобные войны за престол ослабили силы русичей, и граница с кочевниками передвинулась на притоки Днепра – реки Рось и Сулу. Когда в борьбе за престол из Чернигова был изгнан князь Олег Святославович – дед Игоря, он отвоевал его назад с помощью половцев. И осознали тогда «союзники» – ослабел их северный сосед. Воспользовавшись раздробленностью, несогласованностью между князьями русичей, в 1079 г. Завоевали они Тмутараканским княжеством. В 1180 году на престоле в Киеве княжил Рюрик. Черниговский князь Святослав решил отвоевать себе престол. И, как уже было раньше, Игорь, помогая брату, приводит половецких ханов Кончака и Кобяка с войсками под Киев. Но Рюрик их разбил. Игорь и ханы чудом спаслись. Именно тогда, во время позорного бегства, Игорь и Кончак подружились.

Борьба за Киевский престол в конце концов закончилась установлением двоевластия: Святослав черниговский владел Киевом, а Рюрик – всеми городами Киевского княжества. Причем большинство предков князей Черниговской и Новгород-Сиверской земель, в том числе и Игорь, были родственно связаны с половецкими ханами.

Верховодил тогда половецкими ханами хан Кончак (будущий сват Игоря), а основным конкурентом его был хан Гзак. Кочевья последнего находились рядом с сиверскими землями. По-видимому, хан Кончак попросил Игоря сделать поход (на кочевья Гзака), чтобы оказать косвенную помощь в осуществлении его интересов в половецких степях. Игорю это предложение было по душе: мечтал прославиться (и на это он имел личные качества).

В переходе принимали участие князья – родственники Игоря. Они открыто ехали в степь под предлогом сватанья дочери Кончака. Предложение о том, что воины Игоря прятались за Изюмский курган, не имеет смысла.

Как можно было спрятать колону длиной 5 км. От половецких наблюдателей?

Гипотеза о том, что поход Игоря был согласован с Кончаком, подкрепляется еще и тем, что в такой кровавой битве из четырех князей живыми остались трое, и даже сумели возвратиться из плена на родину. Сын Игоря – Владимир, возвратился из половецкого плена с женой – половчанкой и маленьким сыном.

После битвы на Голой Долине за 10 часов дружина могла проскакать, преследуя половцев, 120 км. При погоне на юг она была в местах, где сейчас находится г. Донецк.

За это время конные воины проскакали обратно 40 км. И оказались в районе впадения реки Клебан – Бык в реку Кривой Торец.

Профессор Харьковского пединститута, доктор филологических наук М.Ф. Гетманец выдвинул более вероятную версию о походе и битвах Игоря с половцами. Он утверждает, что реку Каялу нужно искать между Изюмом (Харьковская область) и г. Славянском (Донецкая область), что первая битва утром, 10 мая, произошла с половцами на реке Сюрлик, называемой Голой Долиной.

Оказывается, кривой Торец и есть та загадочная река Каяла, которую столько лет безуспешно разыскивали ученые и краеведы страны, и о которой рассказывает летопись. Она протекает в глубокой каменистой балке. Окружена господствующими высотами, с которых степь просматривается на десятки километров.

Теперь взгляните на карту Донецкой области. Вы увидите начало Кривого Торца под станцией Макеевка-пассажирская.

Проходили годы. Сиверские потомки, как истинные христиане, приезжали на место гибели своих предков, чтобы отслужить молебен, помянуть их неповинные души.

23 апреля Игорь выступил из Новгород – Сиверская и пошел на Путивль, Тростянец, Богодухов, затем на переправу, а районе Змеева через реку Сиверский Донец.

Первая военная ошибка Игоря в том, что он не приостановил преследование половцев молодыми князьями Владимиром и Святославои. А половцы, убегая, заманивали дружины молодых князей все дальше в глубь половецкой степи. Вот и пришлось Игорю со Всеволодом двигаться вслед за ними. Все шло по плану. Но когда князь Игорь вышел из повиновения и, нарушив уговор, стал отстаивать свои государственные интересы, то он был моментально наказан сватом: окружен, разбит, пленен. Хотя хан Кончак все же выполнил свои родственные обещания по отношению к Игорю и другим плененным князьям. Он сумел в сложной обстановке сохранить им жизни, создал нормальные условия для содержания пленников. И даже сумел вернуть их к родным княжеским очагам.

Вот такие размышления вызвал у меня прекрасный поэтический рассказ об одной из трагических страниц истории наших предков. И мы, живущие в этих местах, должны знать и помнить их.

* * *

ИЗ СБОРНИКА «РУСЛА ПАМЯТИ»

КАМЕННЫЕ БАБЫ

Под степным горячи солнцем,
Посреди немых созвездий
Не кричат – забыли слово,
Не поют – не помнят песни.
Не сойти: почти по пояс,
Как деревья в землю врыты
И стоят. И слышат в полночь,
Как стучат в степи копыта.
Через темень, через годы,
Через звездное свечение
Слышат бабы, как уходит,
Удаляется кочевье.
Камень грубый, камень твердый,
Только чуют бабы эти,
Что навек уходят орды
Бездорожием столетий!

* * *

ЛУКОМОРЬЕ

О Лукоморье,
Марево мглы,
На просторе
Парят орлы.
Эй, Лукоморье,
Вражий стан –
Есть раздолье
Для половчан!
Храпят при звездах
Кони былинные,
Топчут гнезда
Перепелиные.
Костры горят,
Блестит Каяла, -
Князя Игоря
Беда и слава...

Ой, Лукоморье,
Дикое Поле –
Казацкой кровью
Омытая воля.
Ходит со звоном
Ветер рожью,
За горизонтом –
Запорожье.
За горизонтом
Степные дали
Дрожат от звона
Листвы и стали.
В ночное время
Заря от плавок,
Как отсвет древней
И новой славы!

* * *

ГУСИ НА ТОМ БЕРЕГУ...

Гуси на том берегу
Все кричат и кричат из тумана...
Я очнусь. Я уснуть не смогу:
Эти гуси на том берегу –

Это я.
Это детство и мама.
Я забуду, как ветки стучат,
Как ветра обрываются глухо,
Успокоюсь.
И буду молчать,
И забуду, как гуси кричат
Из тумана. Из дальнего луга.

Я не помню ни восток, ни лиц,
Я усну и забыть постараюсь
Дальний крик улетающих птиц,
Птиц, с которыми я не прощаюсь.

* * *

О СКОЛЬКО ТИШИНЫ И ТЕПЛОТЫ!

О сколько тишины и теплоты!
Как хорошо брести землю этой,
И собирать высокие цветы,
И складывать в огромные букеты.

Как хорошо распластанным лежать,
Усталым телом землю ощущая,
И с каждым стебелечком прорасти,
И с каждым облачком
Бесследно таять...

* * *

КЛЕН ПОДМОКШИЕ ВЕТОЧКИ СУШИТ...

Клен подмокшие веточки сушит,
Одуванчики плят глаза –
Стороною уходит гроза,
Оставляя на листьях веснушки.

Луг до малой песчинки промок...
Я иду, я бреду, как в сказке.
Остаются меж пальцами ног
Одуванчиков желтые глазки.

Подсыхая, курятся луга –
А в дали
Семицветным звоном
Опрокинулась в омут дуга
И сосет не спеша
Бездонность.

* * *

ВОДОВОЗ

Лошадка старая храпит
От быстрого пробега,
Густая пыль из-под копыт
Змеится за телегой.
Плывут обочиной кусты,
Цветы на косогоре;
Горошек редкой красоты
С медовым маком спорит...
Но мне, друзья, не до стрекоз,
Горошек я не трогаю:
Ведь я – колхозный водовоз,
А это должность строгая!
Чуть-чуть зардеют облака,
И грянет света конница,
Везу я воду родника
Колхозникам, колхозницам.
И люди жадно воду пьют,
И люди не нахвалятся,
И сыплют в сторону мою
Бесчисленные здравицы!..
И мчат куда-то облака,
И ласточки проносятся,
И, баку хлюпая в бока,
Вода на волю просится.

* * *

ВЫСТРЕЛ

Кончалась лесополоса,
И, вспыхнув заревом над зябью,
Вода ударила в глаза
Нежданно
Солнечною рябью.
А за водой,
На берегу
Среди всеобщего мерцанья,
Сминая хрупкую кугу,
Легко расхаживала цапля –
И я поспешно
Взвел курок:
Взлетело дуло – грянул выстрел,
И кучно сыпанула дробь!
И тонкие прошило листья!

И надо мной, как тень добра,
Грозя на кепку зацепиться,
Горячим слитком серебра
Прошла, покачиваясь, птица.

Я видел каждое перо,
На лапах – каждую морщину.
И клюв коричневый...
И кровь
Из правого крыла сочилась...

* * *

СНЕЖНИЦА

Снежница – талая вода. Разлилось от околицы до околицы: ни пройти, ни проехать, только вплавь. Плаваем...

Ночью на бугре, как на крепостном валу во время осады: горят костры, глухо переговариваются люди, встревожено лают собаки.

День, когда половодье утихомирилось, совпал с последним днем моего отпуска. В старой фуфайке, резиновых сапогах, заляпанных липучим илом, вышел я к мелководью, к спутанным, забитым донным мусором кустам верболоза – и остановился: прямо передо мной лежала черная, полузанесенная

Песком, покореженная жерновами ледохода старая лодка.

Их каждую весну приносило к нашему селу. Щелястые, с торчащими ржавыми гвоздями, с обрывками цепей на корме, они так и оставались истлевать в прибрежных кустах. Беспризорные. Ничейные...

Нам, ребятам, это нравилось более всего: никто не отберет, никто не заругает. Плавай, сколько тебе заблагорассудится, гоняй вдоль и поперек по глуби и мелководью.

Для детства и далекая излучина родной реки – мир, полный загадок и тайн. Еще свежи в памяти картины беспокойного весеннего разлива, они будоражат мальчишеское воображение – и вот уже не утлое суденышко под хлипким кустиком лозы, а верный бриг отважных мореплавателей выброшен девятым валом на берег степной речушки. Сломанная скамья, разбитые борта – следы жестокого сражения. Команды нет. Видимо, погибла вместе с её отчаянным капитаном. И вот новая команда, сверкая босыми пятками и шмыгая носами, дружно «конопатит» вязкой глиной щели, кое-как сколачивает расползающуюся корму и – скорее к воде, к её зеленоватой прохладе. На простор.

В ту памятную для меня весну так же плавал я весь день со своими друзьями, споро орудуя, длинным шестом. А вот вечером, когда стемнело, когда самые отчаянные мореходы разбежались по домам, я осторожно ступил зачленеными ногами на скользкое днище лодки и оттолкнулся от берега.

Темень была непроглядная, я плыл, чутко вслушиваясь в шорох

затопленного лозняка, за которым начиналась околица соседнего села. Во внутреннем кармане моего пиджака лежал букетик подснежников. Ей. Единственной, на которую-то и взглянуть не отваживался. Букетик я оставил на крыльце её дома, затем побежал к лодке, чувствуя, что щеки у меня пылают, а сердце вот-вот выскочит из груди. Как добирался обратно, не помню. Полузатопленную плоскодонку продрало сквозь лозняк, вынесло на стержень и приткнуло носом к перилам мостка. Последние метры к берегу я уже не плыл, а шел, тыча шестом в илистое дно, задыхаясь от резкого холода, сбивавшего дыхание, судорогой сводящего ноги.

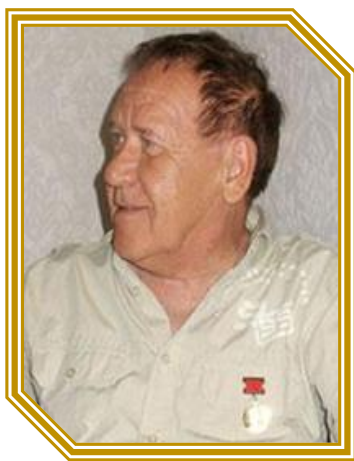
Одежду сушил над костром, забытым кем-то на берегу; сидел на корточках, стуча зубами, глядя на отраженное разливом звездное небо, на мерцающую стремнину, и далеким-далеким казались село, дом, крыльцо, на котором остался букетик подснежников. Пронесенный мною через все эти миры и созвездия на утлой плоскодонке с разбитой кормой и разбитыми бортами...

Давно это было, а помнится, не печальное это было дело, а взгрустнулось.

Лебедь Юрий Александрович

(1942)

Родился 5 марта 1942 года в Омске. С 1968 года живёт в Донбассе. Работал в газетах «Макеевский рабочий», «Социалистический Донбасс», в издательстве «Донбасс». Возглавлял редакционно-издательский отдел Донецкого областного управления по печати. Директор издательского предприятия «Лебедь». Главный редактор всеукраинской литературной газеты «Отражение». Лауреат литературных премий имени Владимира Даля, имени Михаила Шолохова, имени Михаила Матусовского, имени Виктора Шутова. Автор поэтических книг «Позывные любви» (1978), «Осенние письма» (1983), «Дуэль» (1992), «Координаты сердца» (1994), «До востребования» (1997), «Стихооткровенья» (1999), «Срезы времени» (2002), «Избранное» (2006), «Заблудившийся дождь» (2009). Проживает в Донецке.

* * *

ОЖИДАНИЕ

Распахиваю душу,
Будто зверь.
И жду друзей.
А вдруг да отзовутся!
Я так устал от тяжести потерь,
Которые жестокостью зовутся.
....Уже светлее
В хоженое мной.
Я жду друзей.

* * *

ЦВЕТЫ

Вчера мне подарили цветы. За стихи о тебе. Я шел по улице почти счастливый. На встречу – симпатичная женщина, удивительно похожая на тебя.

Первый порыв – подарить ей букет, словно тебе.
И сразу мысль – моя любимая обидится и приревнует.
Стоп. Но ведь я их несу тебе!
...Цветы в вазе завяли на следующее утро.

* * *

ВЕДЬМА

Ну и что с того, что она живет этажом ниже? Подумаешь, пару раз затопил ее. ЖКО единожды счет предъявило – обхохочешься: за штукатурку и побелку потолка, плюс моральный ущерб – двадцать шесть гривен. Я же взамен предложил облицовочную плитку, цемент и кое-что из стройматериалов. Согласилась, хотя и посмотрела так, что мурашки по телу поползли. Может, и впрямь она ведьма, как утверждают соседи? Я даже побаиваюсь ее. Когда мы с женой идем за покупками, а навстречу она в идиотско-пионерско панаме (бабе ведь давно за пятьдесят!), то сразу возвращаемся: удачи не будет. Проверяли неоднократно. Наш балкон над ее балконом. И хотя его хозяйка довольно – таки странная, сложная женщина, много лет подряд ласточки выют свои гнезда именно у нее на балконе. И прилетаю. И живут. Каждый год...

* * *

У ПРУДА

Она вышла выгулять Кляксу. Клякса – это прекраснейшее творение природы. Член семьи – ее баловень. Она умная, добрая и все понимает. Когда бывает плохо, Клякса хорошо это чувствует: повизгивается и тычет своей мордашкой в ее ладони, лицо. И очень трудно увернуться от ее ласк, как уйти от теплых и нежных рук любимого. Это почти одно и

то же. Но Клякса – собака. Особенная. И потому неповторимая. Как и возлюбленный. Итак, она вышла выгулять Кляксу. ...У пруда, если этот небольшой водоем можно назвать прудом, как правило, безлюдно. Раздолье собаке, а значит и мыслям. Но сегодня в камышах, у самой воды сидели двое. Он и она. Ему где-то под восемьдесят, ей около того. Он – с удочкой на самодельной складной скамеечке, она – с книгой – в шезлонге, в панаме. Как дама из романов XVIII века. И в этой идиллии было столько трогательно, что ей стало не по себе. Сначала обрадовалась: вот она добрая сладость людей преклонного возраста. Мне бы тоже дожить до него, сидеть рядышком с любимым и вдыхать аромат еще живой природы! А потом испугалась. Да что же я так? Во-первых дожить до их возраста ох, как трудно, во-вторых, усидела бы я более получаса, ведь дома – дела, на работе – дела, всюду – дела... Так сегодняшнее событие круто, смело и надолго перемешалось с будущим, которое хотим мы этого или нет, рано или поздно станет прошедшим.... И стало грустно. И обидно. Причем, сразу, вдруг. За себя, за Кляксу, за обиженную богом страну, в которой живем, за любимого человека, который один может услышать ее даже на большом расстоянии... Сердцем поняла: ему никогда не сидеть с удочкой на самодельной скамеечке, а ей – в шезлонге и панаме из романов конца XVIII века. Хотя бы потому, что мы живем на грани XXI-го... Пугающего непредсказуемостью. Да к тому же Клякса своим отчаянным лаем зовет домой, в квартиру, где вроде бы все есть: муж, дети, достаток. Не ахти какой, но все таки. Но нет и не будет одного: надежды посидеть у пруда рядом с удочкой, поплавков которой никогда не уйдет под воду – рыбы там уже давно нет, и потому он всегда будет на плаву. Как все святое и вечное.

Литвинова Татьяна Александровна

(1956)

Татьяна Литвинова родилась 23 мая 1956 г. в г. Изюм Харьковской области Украины. Закончила Харьковский университет. Работала учителем в г. Северодонецк. Поэт. Пишет на русском языке. Первая книга поэта «Памяти живые родники» вышла в 1983 году в Донецке. Журнальные публикации поэта появлялись в журналах «Радуга» (Киев), «Октябрь», «Смена», «Знамя». В 2006 году в московском издательстве «Новая поэзия» вышла книга стихов Литвиновой «Вавилонская лоза». Презентация состоялась в Литературном салоне «Булгаковского Дома». Автор книг «Памяти живые

родники» (1983), «Журавлики бумажные, летите...» (1986), «Вавилонская лоза» (2006) и др. Лауреат Северодонецкой литературной комсомольской премии имени Бориса Горбатова 1979 года и 1984 года.

* * *

МОЕМУ ПОКОЛЕНИЮ ВНУШАЛИ...

Моему поколению внушали
Что дышит оно воздухом
Самым свежим.
(у нас еще много лесов не все порубили)
А воздух был тухлым.
Молодой воспитатель в детском саду бьет детей.
Наглотавшись этого воздуха
Огромный завод выпускает
Самовзрывающиеся телевизоры –
Это рабочие наглотались таблеток
Слово «Чернобыль» вошла в лексикон
Всех народов мира.
Кто поверит теперь,
Что это название –
От белки степной –
Не от были?
Мы это значение забыли,
Вдохнув невидимой пыли
С большим периодом полураспада.
Все дело – в воздухе
За воздух в стране
Не отвечал никто
Из бесчисленных звеньев
Отлеталась длинная цепь
Вокруг всех нас.
В нутрии любого звена –
Тяжеленный воздух семидесятых,
Выходящей так медленно
За пределы ноосферы.

* * *

МЫ ТРАВИМ МОРЕ ПОСТЕПЕННО

Мы травим море постепенно,
Волна еле-еле жива
Лохматая грязная пена
У берега трет кружева.
К воде попрощаться придите,
И вас она спросит с тоской:
Какая ж теперь Афродита
Родится из пены такой?

Мухин Владимир Евграфович

(1916-1996)

Родился 28 июля 1916 года в д. Милеево Хвостовического района Калужской губернии в семье крестьянина. В 1933 году приехал в Москву. Работал на строительстве первой очереди московского метро проходчиком, бетонщиком, арматурщиком. При редакции газеты «Ударник метростроя» прошел школу поэтической учебы. Первое стихотворение напечатал в сборнике «Стихи о метро».

В 1935 году поступил в Московский горный институт. После окончания института в 1940 работает на руднике «Кызыл-Кия» в Киргизии помощником начальника участка. В 1942 году направлен в горноспасательные части. Служил командиром ВГСО в Средней Азии, после освобождения Донбасса участвовал в восстановлении шахт. В 1950 году назначен главным инженером, а затем – начальником горноспасательных частей Сталинской области. К тому времени он уже автор 5 поэтических сборников, регулярно печатается в газетах и журналах.

Работал в ВГСЧ до 1975 года. Избирался депутатом Донецкого горсовета, был членом редколлегии журнала «Донбасс», членом Правления Донецкой писательской организации. Награжден орденом «Знак Почета», медалями. Скончался 6 июля 1996 года.

* * *

ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ – И ДУША НА ТО!

Она должна быть – и душа на то! –
Свежей грозой рожденного озона,
Чувствительней чем камертон,
Тот, по которому сверяют камертоны.
Душа должна быть чистой как лазурь
Промытого весенним ливнем неба,
Распахнутой для радостей, для бурь,
Вбирающей в себя и быль, и небыль.
Душа должна быть, как алмаз, тверда
И пламенна, как огненная лава...
Имей такую душу – и тогда
Тебя не свалит ни беда, ни слава.

* * *

РАБОЧИЕ РУКИ

Не только слов литы руки –
Нужна торжественная медь,
Чтоб все умеющие руки
Твои прославить и воспеть.
Ты их не прячешь по карманам,
О чем наглядно говорят
Зарубцевавшиеся раны,
Мозоли цвета янтаря
И вен узорное сплетенье.
Распространяясь сверху вниз,
Как корни мощного растенья,
Они под кожей капились.
Не знавшему в труде порывов
Умом спесивым не понять,
Как удивительно красива
Твоя большая пятерня.
Флейтист! – Прославь ее на флейте!
Поэт! – отдай ей лучший стих!
Художники!-Ведь вы умеете!
Пора! Красу запечатлейте
Рук современников своих!

* * *

МОИ ГЕРОИ

Шахтера грубую спецовку
Я научился надевать
Не в творческих командировках-
В них не случилось мне бывать.
В экспрессе в поисках героев
Я по стране не кочевал...
Всю смену в северном забое
Гремел и ширился обвал.
Ломало стойки словно спички,
Металл, коробясь оседал,
Смывая с ходу перемычки,
На штреке пенилась вода.
За нею вслед, к исходу ночи,
Рванулась туша пловуна.
И самый опытный проходчик,
Бледнея, выдохнул:- Хана!
Но, наделенные упорством,
Запальчивостью молодой,
Вступили мы в единоборство

С разбушевавшейся бедой.
Плывун – хлестал.
Он – по колено,
по пояс...
Проклиная тьму,
железом и тюками сена
Мы отрезали путь ему.
А он просачивался в щели,
Снести преграды угрожал.
И крепь держалась еле-еле,
От напряжения дрожа.
И даже самым бесшабашным,
Видавшим всякое,
И тем вдруг на мгновение стало страшно
В густой подземной темноте.
Мы подгоняли раму к раме,
Балды стучали, пел топор,
И крепь, поддержанная нами,
Сдержала яростный напор.
Когда на милость нам стихия
Сдалась и рев ее затих-
Впервые взялся за стихи я
И написал ей первый стих.
Я ввел, хмелея от восторга,
Безпредисловия в него
И похудевшего комсорга,
И всех друзей до одного.
Они в поэзию вступили
В полупудовых сапогах,
Продрогшие, в кайлами в руках.
Обвал гремел, круша подпоры,
А гул работы не стихал...
Я славлю вас, друзья-шахеры,
В своих бесхитростных стихах.
И лучшая, что будет спета,
Принадлежит вам песнь моя.
Я б не был, может быть, поэтом,
Когда б шахтером не был я.
Искатель не жалеет силы
На поиск... И еще вчера
Он все, что под руками было,
Открыл и выдал на-гора.
Сегодня строже и суровей
К себе строже и суровей
К себе он должен быть вдвойне:

Пласты угля, железа, слова
Остались только в глубине.

* * *

ПОДОРОЖНИК

Гордясь избытком хлорофилла,
Почувствовал однажды он,
Что исцеляющею силой
Природой щедро наделен.
И чтоб страдающий от раны
Его найти скорее мог-
Покинул он луга, поляны
И расселился дорог.

* * *

ОДА БРЕЗЕНТУ

В твореньях великих поэтов,
Чья слава не меркнет века,
Не раз были щедро воспеты
Атласы, парча и шелка.
Хвалу и обычному ситцу
Не раз мой улавливал слух,
Красой, мол, с ним может сравниться
Лишь майский ромашковый луг.
И только возвышенным словом
Восторженно не был воспет
По виду и сути суровый,
Защитного цвета брезент.
А в нем на большую работу.
Сказав себе твердо: «Дерзай!»,
Ходили Стаханов, Изотов,
Ушедший в бессмертье Мазай.
И те, что пришли им на смену,
Герои сегодняшних лет,
Спускаются в шахты,
Стоят у мартенов,
В защитный одеты брезент.
В забое под каменным сводом,
У сталеплавильной печи,
Испытанный дюжим народом,
Он был и останется модным
Для настоящих мужчин!

Новоселов Николай Николаевич

(1950)

Родился в 1950 году в Армении в городе Гюмри в семье военнослужащего. В 1969 году поступил на филологический факультет Карельского государственного педагогического института. После окончания института работал завучем в школе поселка Поросозеро, преподавал русский язык и литературу. Публиковался в журналах "Север", "Студенческий меридиан", "Донбасс", в альманахе "Московский день поэзии", в коллективных сборниках "Вдохновение" и "Я волю дал любви" (изд-во "Современник"). Автор поэтических книг "Бережность" (1979г., изд-во "Карелия"), "Высокий свет" (1988г., изд-во "Донбасс"), "Юдоль любви" (1995г., изд-во "Отечество"), "Вторая молодость" (2000г.). В качестве автора и исполнителя собственных песен выступал по радио и телевидению в Петрозаводске, Киеве, Донецке. Лауреат Донецкой областной литературной премии им.В.Шутова.

* * *

КОГДА МОРЩИТСЯ ОТ ХОЛОДА ЛИСТВА...

Когда морщится от холода листва,
Каким-то чудом с веток не слетая,
С тоскою птицы, потерявшей стаю,
Я вглядываюсь в небо...
И едва последний клин оставит осень людям
И ожидание первых зимних вьюг,
Нечаянно подумается вдруг,
Что, может быть, весны уже не будет...
Текут прозрачные, как слезы, холода.
Густеет на земле промерзшей иней.
Я не пойму: чего ж так сердце стынет
И вглядываюсь в небо я, когда
Морщится от холода листва,
Каким-то чудом с веток не слетая...

* * *

ЧЕРНОБЫЛЬ-85

Город пуст. Так странны вещи
Без людей. Над всей страной
Бьется эхо скорбной вести-
Больно слуху и душе.
Стук часов – стук сердца комнат,
Заболевших тишиною.
И удары – глуше, реже...
Вот и кончились уже.
Тяжесть тишины безмерной...
На пределе – нервы. Люди,
Добровольцы дней пришедших,
Загоняют в саркофаг
Смерть. И в комнатах пустынных
Жизнь, быть может, снова будет:
Заведут часы когда-то.
И осветят окна мрак.
А пока – идут работы:
Ликвидация последствий
Преступленья... труд – как битва!
Дозиметр укажет срок...
И за каждым шагом, каждым-
Пыль, как смерть, летит по следу...
Черной были горький опыт.
И – урок.

* * *

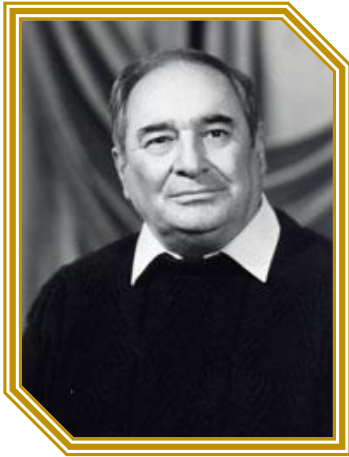
МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Венкам железным не зацвести.
Не пахнут восковые розы.
И не роса на травах здесь
А слезы.
И строгий камень пополам
Над нами небо рассекает.
И больно пристальным глазам –
Так пламя ветром развеивает.
Стоишь.
И что в душе горит, -
Ослабшим словом не поведать.
Молчишь...
И слушаешь гранит –
Окаменевший плач победы.

Патрича Донат Константинович

(1934–2004)

Родился в селе Малоянисоль Володарского района Донецкой области. В 1952 году окончил среднюю школу, 1956 – исторический факультет Сталинского педагогического института, а в 1966 году – заочно дирижерско-хормейстерское отделения Донецкого государственного музыкального училища. В 1978 году Д.К.Патрича был переведён на должность директора Донецкого областного научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительной работы. В 1989 году Патрича стал делегатом Учредительной конференции по созданию Всесоюзного общества советских греков, руководителем делегации приазовских греков на Всесоюзном фестивале культуры и искусства греков СССР.

В издательстве «Донбасс» вышли его книги на трёх языках (русском, украинском и греческом): «Наша доля» (1992г.) – размышления о судьбе греков Приазовья (рус.язык), «Азмонита стирейс» («Незабываемые места», 1992г.) о жизни и нравах приазовских греков (на греч. и рус. языках), переводы на греческий язык «Кобзаря», поэм «Марина», «Сова», «Давиду псалмы» и других произведений Т. Шевченко (1993) и др.

Д.К.Патрича также упорядочил несколько посмертных сборников стихов приазовских поэтов «О михио» («Заветное», 1994г.) Г.К.Патрича «Зиси, Бугас» («Живи, Бугас!», 1997г.) В.И.Бахтариса, сборники стихов Георгия, Леонида и Доната Патричи «д'Икем ту астру» (1997г.), а также коллективного сборника греческих литераторов Донбасса.

* * *

СУДЬБА

Мы стали братьями с тобой,
Нас не случайно жизнь сроднила:
Одной мы связаны судьбой,
Одной землей, что нас вскормила.
Мы выросли в селе одном,
В одной с тобой учились школе
И юность провели в родном,
Любимом Малом Янисоле.
И так сложилось, что у нас
Пути не раз соприкасались,
И каждый год, и каждый час

Все больше мы с тобой сближались,
Угодно было так судьбе,
Что близких мы похоронили,
Но беды в жизненной борьбе
Нас не сломили, а сроднили.
И вот уж три десятка лет
Идем в согласии по жизни
И, выполняя свой обет,
Справляем месте братья тризны.
Друг друга мы не подвели
Ни разу ни в большом, ни в малом,
Куда б догори на вели,
Мы обращаемся к началу,
К тому истоку, что всегда
Так трепетно у сердца греем,
И нам легко. И не беда,
Что все-таки уже стареем...

* * *

ПРИЗНАНИЕ

Я тебе не написал стихов,
Разве душу вложишь в слова,
Разве можно с помощью слов
Передать, как шумит листва,
Как волнует трель сословья,
Опьяняюще пахнут цветы?
Я не мыслю себя без тебя,
Для меня мир – это ты!
Благодарен своей судьбе,
Что по жизненному пути
Довелось, посчастливилось мне
Рядом, вместе с тобой идти.
Бег секунды нам не сдержать
И все больше прожитых дней.
Ты – жена и сестра мне, и мать,
С каждым годом все ближе, родней.
Пусть летит надо мной, трубя,
Провозвестник моей судьбы:
Я не мыслю себя без тебя,
Для меня целый мир – это ты!

* * *

СОЗИДАТЕЛЬ

Усталые и мудрые глаза
Степенность, как приличествует греку...
Нелегкою была твоя стезя,

Но сохранил любовь ты к человеку.
По сути – созидатель и творец,
Ты осознал, что труд – всему основа.
Когда для многих наступал конец,
Ты, словно Феникс, возрождался снова.
Размеренно по жизни ты идешь,
И каждый день венчался успехом.
На мельницу добра ты воду льешь –
Иначе б не был настоящим греком.
Благих деяний нескончаем ряд,
Добро ты сеешь щедрою рукой,
И о тебе в народе говорят,
Что никогда ты не искал покоя.
Пусть жизнь проходит вереницей лет,
И чередуются не раз с зимою лето,
Ты светлый на земле оставишь след,
И люди воздадут тебе за это!

* * *

МОЯ СТОЛИЦА

Родной Донецк – столица наша,
Горжусь тобой, как вечный сын.
Ты с каждым днем светлей и краше,
В степи донецкой – исполин.
Я был в местах, где воздух чище
И пахнут свежестью цветы,
Но всюду ты, Донецк, мне снишься,
Устремлены к тебе мечты.
Я верю, слава возводится,
И миллион цветущих роз
Украсят город мой – столицу,
С которой вместе жил и рос.
Он засияет вновь огнями,
Наступят тишь и благодать,
И можно будет вечерами
Спокойно в городе гулять.
Вновь заработают заводы
И хлынет уголь на – гора,
Достойной станет жизнь народа,
Придет желанная пора.
Донецк – шахтерская столица,
Хочу я быть уверен в том,
Что скоро радостные лица
Увижу в городе родном.

Патулиди Николай Георгиевич

(1944–2010)

Поэт, видный общественный деятель, заслуженный работник культуры Абхазии, член Союза писателей. Жизнь Николая Патулиди отразила в себе трагическую судьбу “абхазских греков”. В 40-х годах прошлого века в раннем детстве, ему вместе с семьей пришлось пережить депортацию в Казахстан, где они, как и многие их близкие, провели восемь тяжелых лет. Затем во времена Никиты Хрущева они сумели нелегально вернуться в Абхазию.

Реабилитация депортированных греков прошла лишь в 1956 году, но большинство вернувшихся на родину так и не смогли вернуть свои дома, и им пришлось начинать все с начала. По словам близких Николая Георгиевича, у него никогда не было желания уехать в Грецию, как это сделали многие его близкие. На вопрос, почему он решил остаться в Абхазии, он отвечал своими же поэтическими строками: «Я с Абхазией жить обречен, ибо с нею навек обручен...»

В 80-х годах Николай Георгиевич организовал греческий самодеятельный театр, известный многими постановками. Автор ряда сборников поэм и стихов:

- «Иду к тебе» (1977);
- «Привязанность» (1980);
- «Свет и день» (1984);
- «Меч и скрипка» (1987);
- «Время жизни» (1988);
- «Непокой» (1992);
- «Под защитой льва» (1995).

* * *

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ

Арбузные корки качает прибой,
Обрывки, обломки, бумажки
А волны все катятся серой гурьбой
И дышат неровно и тяжело.
Бензином и мылом, вчерашним борщом.
Наполнено это дыханье.
Однако курортникам всё нипочем –
Им в радость мое купанье.
А город менее тем хорошеет, растет,
Верша на глазах перестройку.

И то, что это не нужно,
Как прежде, плывет
В родную морскую помойку.
Столетия исправно служила она,
Не в ком не рождая сомненья,
Но, видно. Имеет предел глубине –
Сработал эффект накопленья.
На пляжах узор
Затейливый и непонятный,
Лишь людям швыряя на вечный позор
Продукты их бытности бренной.

Посниченко Сергей

(1921-1995)

Сергей Посниченко родился 11 сентября 1921 г. на Ртутном руднике Горловского района. Закончил Уссурийский пединститут. Работал военным журналистом. Участник Великой Отечественной войны. Имеет награды. Поэт. Писал на русском языке. Автор книг «Источник» (1956), «Кровный причал» (1963), «Тревожные высоты» (1968), «Дорога, которой идём» (1970), «Всё скажет сердце» (1977), «Перекрёстки» (1981), «Тёплый иней» (1986) и др. Умер 28 ноября 1995 г.

* * *

ИЗ СБОРНИКА «ВСЕ СКАЖЕТ СЕРДЦЕ»

РТУТЬ

Четвертый класс. Завод за шахтным сквером.
И зной. И пыль. И рядом чей-то смех.
Мы в чудеса ни капельки не верим.
«Не верите?..» –
и мастер вводит в цех.
Мы в изумлении замерли у чана:
Всем представлениям наши вопреки
На ртути гири медленно качались,
Не утопая,
словно поплавки...
теперь не удивлюсь – мне ртуть знакома,
но сквозь года звучит еще в ушах:
«Блеск неподдельный и ее весомость
Иметь бы всем в поступках и в словах».

* * *

ТАНК В СКВЕРЕ

Хвативший лишений военных,
Стою перед ним в тишине.
Давние раны,
как вены,
бугрятся на серой броне.

Не знавшие в битвах покоя,
Катки над гранитом блестят,
Как будто бы вышел из боя
Всего лишь минуто назад,

И после походного грома
Вот-вот приоткроется люк,
И спросит танкист незнакомый:
- Махры не найдется ли, друг?..

И словно в преддверье атаки,
Разящего насмерть огня
Молчат настороженно траки,
Молчит боевая броня.

Молчит в ожидании сигнала,
Чтоб в даль уходящего дня,
На землю сойти с пьедестала,
Умчать с экипажем меня.

* * *

ОНИ НЕ ПЕРЕЖИЛИ БОЯ...

Они не пережили боя,
Но в урагане огневом
Успели нас прикрыть собою
И мир,
В котором мы живем.

Горели раненые дали,
Полки на приступ шли,
Когда
Они с бессмертьем побратались,
Став нашей славой навсегда.

Цветет сирень у пьедестала,
Их вечный сон
Хранит страна.
От них берет свое начало,
Сроднившись с ними,
Тишина.

Проконова Людмила Андреевна

(1941)

Родилась 15 марта 1941 года в селе Фащевка Ивановского района Луганской области в семье служащих. В начале войны отец ушел на фронт, семья переехала к родственникам в Донецкую область (село Новокалиново). С первого по седьмой класс училась в школе №1 г. Авдеевки. Десятилетку закончила в Алтайском крае. В 1961 году закончила в Алтае Бийское педучилище и в этом же году поступила в Кемеровский педагогический институт. Окончила Славянский педагогический институт, более 18 лет работала воспитателем в детском саду «Теремок». С 1984 г. заведует детской библиотекой поселка «Химик» в Авдеевке. С 1989 г. возглавила литературный клуб любителей поэзии и прозы «Джерело». Печаталась в местных и областных газетах. Автор коллективного сборника «Джерело».

* * *

МАМЕ

Я помню, в детстве плакала ночами
От обиды, от несбывшейся мечты,
И дерзко поводила я плечами,
Когда на косы руку клала ты,
Шептала: «Доченька, ну что случилось?
Ты расскажи, и сразу легче станет».
А горе детское из глаз моих сочилось,
Как будто снежный ком под солнцем тает.
И хлюпала в ушах горячая река,
Измятую подушку прожигала,
Касалась щек моих надежная рука,
И гладила, и слезы вытирала...
О, если бы сейчас твоя ладонь
Легла на голову мне ласково и нежно
И погасила слез моих огонь,
Чтобы уснуть, как в детстве, безмятежно.

* * *

С ОХАПКОЙ ШАРИКОВ МИМОЗЫ...

С охапкой шариков мимозы,
Свернув с обычного пути,
С весенним запахом мороза

Позвольте в гости к вам зайти.
Мы познакомимся. И мило
Проговорим до темноты
О том, что быть могло и было,
Наверное, перейдем на «ты».
Давно ждала я этой встречи.
На счастье или на беду,
Но в мартовский прозрачный вечер.
Незванным гостем к вам приду.

* * *

ВАЛЬС

Я – вся в белом, а ты – во фраке.
Вальс плывет. И легка, и тонка
В полумареве, в полумраке
Ищет руку мою рука.
Оперлась на плечо надежно,
И нарочно прикрыла веки –
Так вот даже представить можно,
Что мы вместе теперь навеки.
Ах! Раздвинете же стены зала!
Пусть валторны в душе поют!
Так вот Золушка танцевала,
А ведь знала – часы пробьют...

Ревякина Анна

(1983)

Родилась 22 сентября 1983 года в Донецке. Поэт, драматург, актриса, автор книг «Сердце», «UNTITLED», «Хроники Города До. Безвременье», «Зубная фея», основатель литературной студии «Кофекошка-Мандельштам», победитель литературного фестиваля «Сила ветра», лауреат Международного литературного конкурса им. Н.В. Хаткиной «Cambala», обладатель премии «Творческая молодёжь Донбасса – 2012» в номинации «Поэт года», победитель Международного литературного фестиваля «Шорох-2014». Кандидат экономических наук, доцент кафедры международной экономики Донецкого национального университета, заместитель декана по воспитательной и социальной работе со студентами (экономический факультет). Живёт в Донецке.

* * *

ГОРОД МОЙ...

Город мой. Тот, где с детства отсутствует море
и повсюду степь – невозможно рыжая с янтарём,
словно вечный рассвет, как картинка на мониторе,
словно юность отца, упакованная в альбом.

Не сдержаться, когда прикасаешься к камню,
когда трогаешь тёмную землю, что на крови.
Если ты здесь родился, то родился ты неслучайно
в чёрнокаменном городе, что стоит на краю земли.

И до взморья отсюда добраться – две сотни гривен
по наезженной трассе, не так ли – знакомая блажь?
Но ведь ты здесь родился – а значит, не будь наивен:
эта степь – твоё личное море, твой дикий пляж.

Под обветренной кожей, под веками, в подреберье
море плещется, как живое – искрит янтарь.
Это море – твоя свобода, твой дом, твой берег,
оберег твой, твоя история и печаль.

Знаешь, Господи, это счастье, что так привычно
из окна наблюдать, как морем вскипает степь
и плывут облака – вон, одно, словно ключ скрипичный,
и так хочется каждое облако рассмотреть...
Каждый камень под ярким солнцем играет светом,
преломляет луч, так хлеб преломляешь ты
с самым близким, твоим, проверенным человеком,
с тем, кто знает тебя до точек и запятых...

С тем, кто тоже почувствовал море однажды кожей,
на безморье – иные смыслы, иные ветры, иное дно.
Город мой. Будь. Пожалуйста. Осторожен.
Мой степной чёрнокаменный Город До.

13 марта 2015 г.

* * *

ВОТ ОН, НАРОД ПРОСТОЙ...

Вот он, народ простой – валовой вол власти,
мир этот ощущающий на контрасте.
Мир этот для народа – на злых и добрых
делится, мир этот был отобран
у мальчика, а взамен ему дали номер,
отправив сражаться в город горячих домен.
И в городе домен война его сделает птицей,
лицо его вряд ли вспомнят потом в столице.

Тысячи лиц сливаются в образ Бога.
Ад исчисляем. Не корчь из себя слепого.
Иди и смотри, как сотни мальчишек в берцах
лежат вдоль обочин с пробитым сердцем.
Иди и смотри, как матери их от горя
ищут убийцу в каждом втором шахтёре,
нет – в каждом первом! И нет никому прощенья,
знаешь, мы в этой цепи, как немые звенья,
скитаемся молча, ночами от страха плачем,
в каждом из нас умирает в мученьях мальчик,
с которого Бог ужасную взыщет плату
за то, что он стал убийцей родного брата.

28 августа 2014 г.

* * *

ШКОЛЬНОЕ СОЧИНЕНИЕ

Как ты провёл это странное лето в городе,
где мост через реку вставал на дыбы от ужаса,
где всякое слово тонуло в железном грохоте,
где мальчики носят теперь на плече оружие?
Как ты провёл его – письма писал мне светлые,
нежные письма о лете, которого не было?
Лето теперь навсегда под твоими веками –
лето, в котором всё было так горько-зелено.
Как ты провёл это лето под терриконами,
хмуро глядящими прямо в глаза грядущему?
Я-то его разменяла на поезда с перронами,
я его где-то оставила под подушкой,
чтобы не помнить о лете, в котором сызнова
жить приходилось учиться и осторожничать.
Как ты провёл его? Лето, что не пролистано,
лето, что до сих пор обжигает кожу нам.
Не отвечай, я знаю, как ты ответишь мне,
лето иссякнет с последним глоточком воздуха.
Станет когда-нибудь памятью, вещью, ветошью,
спиною моею, болезненно сколиозною,
символом грозного времени, сном полуночным,
жутким кошмаром, вскриком и всхлипом детским.
Как ты провёл его? Лето на нашей улице,
страшное лето, случившееся с Донецком.

11 октября 2014 г.

ЧТО НИ ДОМ – ТО КОРОБ ПУСТОЙ...

Что ни дом – то короб пустой,
что ни слово – то сух язык:
эта боль посильней зубной.
Бог, как опытный ростовщик,
назначает такой процент,
не расплатишься до зимы.
После смерти не будет цен,
только свечечки зажжены.
Под ногами горит асфальт,
и не слышно колоколов,
в этом городе плавят сталь,
проливают свою же кровь.
А за городом светлячки
освещают победный путь,
я гляжу сквозь твои очки,
я желаю к слепцам примкнуть.
Что ни дом – то сплошная скорбь,
что ни голос – то вой сирен.
Этот город был слишком горд,
и теперь он пошёл в размен.
Бог торгуется, как банкир,
не уступит и двух монет.
Бог смеётся, что Божий мир
утверждает, что Бога нет!
Его смех – канонада дня,
город плотно берут в кольцо.
В этот город пришла война,
я боюсь ей смотреть в лицо.

19 августа 2014 г.

Роговец Раиса Петровна

(1930)

Раиса Петровна Роговец (в девичестве Ягмурова) 18.04.1930 – украинская поэтесса и писательница, автор сборников детских сказок, отличник народного просвещения и ветеран труда СССР (35 лет педагогического стажа), преподаватель истории (в разные периоды также математики и греческого языка), член Донецкого общества греков. По сей день ее навещают бывшие ученики, прилетая в Донецкую область из США, Канады, Европы и всего бывшего СНГ.

* * *

БУКВЫ В ШКОЛУ СОБИРАЛИСЬ

* * *

СОВЕТЫ БАБУШКИ

Ешьте яблоки, дети,
Ешьте, дети, капусту
И любите морковь,
И любите чеснок –
Будут крепкими зубки
Будут крепкими мышцы
И отличная кровь.
И у рук, и у ног.
Ешьте дыньки, ребята,
Ешьте, дети, картошку,
Виноград каждый раз,
Не забудьте свеклу,
Будут зоркими глазки
И румянец у вас.
А конфет понемножку
Подавайте к столу.

* * *

БУКВЫ В ШКОЛУ СОБИРАЛИСЬ

Буквы за руки взялись,
Дружно в школу собрались
И сказали:
Дети, дети,

Мы мудрее всех на свете,
В песнях мы
И в книгах тоже,
Мы всегда
и всем поможем.
Чтобы мы всегда звучали –
Нас
учите вы сначала.
Есть на свете алфавит.
Он запомнить всем велит,
Кто за кем,
когда идет,
Как друзей себе найдет.
Буквы все
прекрасные,
Гласные,
согласные,
Звонкие,
глухие.
Все ведь неплохие.
Все они,
всегда важны,
Очень
очень все дружны.

* * *

КНИГА

Опрятною книга родилась,
красивой,
Но в руки досталась
девчонке спесивой,
Не празднует книгу,
не любит она.
И книга грустит
и скучает одна
На полке без дела,
лежит одиноко
Книга вздохнула,
вздохнула глубоко.
Книга, как книга,
мудра и добра.
И с нею б сдружиться
девчонке пора.
И книга б её
по Земле повела
И нужный совет
без раздумий дала.

* * *

Я СЕРДЦЕ ДЕТЯМ ОТДАЮ

ПРОЩАНИЕ

В наряде стоят белоснежном,
Притихли девчонки мои,
Во взгляде задумчивом, нежном
Не скроют волненья свои.

Гурьбою подходят ребята,
Красивы, нарядны, легки,
Букетик сирени и мята,
Дороги теперь далеки.

По-новому видят девчонок,
По-новому смотрят они,
До встречи из разных сторонки,
Умчались школьные дни.

Умчались быстрой стрелою,
И их не вернуть уж теперь,
Как жалко расстаться с тобою
Школа родная, поверь.

Последние вальсы и речи,

Последний звонок прозвучит,
Будут надежды и встречи,
И сердце тревожно стучит.

Вы юность с собою возьмите,
По жизни ее пронесите,
А детство останется тут,
Детство с собой не берут.

* * *

ШКОЛА

Есть дом,
где ты рос и мужал,
и взрослым, и сильным,
и знающим стал.
Сюда малышами
Вас за руку вели.
Кругом хризантемы
так ярко цвели.
Здесь встретили дружно
и в класс повели.
Вы с книгою мудро
и быстро росли.
Сказали: Учись
и старайся сполна.
Родители просят,
и хочет страна,
Чтоб знающим
стать бы ты мог
И выполнил свой
человеческий долг.

Ты начал с азов,
к теоремам пришел,
И к знаниям ключ,
только здесь ты нашел.
Ты правила понял,
законы узнал –
И мир удивительным,
красочным стал.
Здесь ценится труд
и старенье в цене,
И дружбу здесь ценят
и ценят вдвойне.
Здесь чувства святы,
и их берегут.
Здесь правда – закон.
И редко здесь лгут.
Дом этот школой зовется
И в памяти вечно,
всегда остается.

* * *

ТЕБЕ СЕМНАДЦАТЬ

Мои мальчишки повзрослели,
Уже кончают школу,
И многое они сумели,
Верны мечтам, делам и слову.

Семнадцать – добрая пора:
Сияет солнышко с утра,
И светел мир и мил,
А ты здоров и полон сил.

Семнадцать – дерзкая пора,
Мальчишки с вашего двора
Идут в пилоты, моряки,
Дороги будут нелегки.

Семнадцать – трудная пора:
И ты почувствовал вчера,
Девчонка нравится давно,
И подойдешь ты все равно.

Но скоро пролетят семнадцать,
Об этом забывать нельзя,
Наступит тридцать, сорок
И, чтобы хлеб твой был не горек,
Сейчас задумайтесь друзья.

* * *

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

ДНЕВНИК

Мой дневник – ведь это я,
Жизнь школьная моя.
Труд мой и мое усердие,
Какое может быть поверье,
Что повезло, не повезло.
Когда учу – я не молчу.
Решаю здорово, пишу,
Оценки с гордостью ношу.
Когда забуду про уроки,
Не оберусь тогда мороки.
И мой дневник совсем не весел,
Как обездоленный лежит,
И плачет вроде, и дрожит.
Дневник, дневник, невесел ты,
Ты в пятнах весь и весь помят.
Так кто, скажи мне, виноват?
Кто так ленив, неаккуратен?
Кто забывает про заданья?
А я – носитель наказания.

* * *

«ХОРОШИЙ» ДРУГ

Я другом добрым быть хотел.
Старался очень, не робел.
Находчив был я, очень смел.
За друга сочинял я, даже пел.
Но... вскоре замечать я стал:
Друг мой учить уроки перестал.
Всегда подсказывал толково...
Но Вова мой стоит, ни слова.
Для класса это дико, ново.
Считали, «двойка» уж готова.

Иду домой уныло, грустно,
И в дневнике моем не «пусто».
Урок хороший был мне новый,
Что парень умный и толковый,
По совести и честно говоря,
Все это глупо делал я и зря.

Мораль:

1. Дружи и другу помогай,
Но меру в помощи ты знай.
2. Дружи и дружбой дорожи,
Но узы дружбы
ты добром вяжи.

* * *

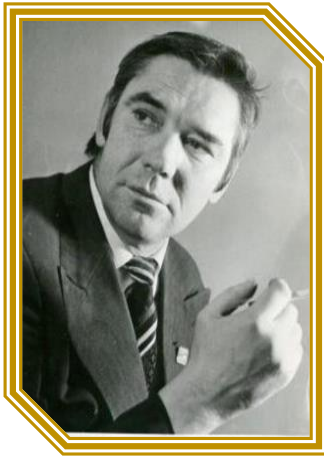
ЗАКОН АРХИМЕДА

Признаться честно, каждый день
Вставать мне рано просто лень.
Учить уроки неохота,
Ведь это нудная работа.
И школа вроде не забава,
А «двойки» хуже, чем отравы.
Покая нет мне в классе, дома,
И снятся ночью аксиома,
Закон Ньютона или Ома.
Закон приснился Архимеда:
Что вроде бы в гостях у деда
Легко и просто, без нужды,
И из простой совсем воды
Я «двойки» вытолкнул один,
Что я над ними господин.
Кивну налево – двойки смело
Бегут с журналов погулять.
Какая это благодать!
Кивнул направо – двойки браво
Ушли из дневника совсем...
И я спокойно сплю и ем.
Но сон прошел и я проснулся.
А «двойкам» что? Они сидят.
Я долго сердился и дулся,
И горько думал – ведь съедят.

Романенко Анатолий Семенович

(1938–2004)

Анатолий Семенович Романенко родился 12 января 1938 года в шахтерском поселке Ветка Донецкой области. Окончил семилетку в г.Кадиевка (школа № 53, сейчас – ССШ № 3), учился на штурманском отделении в Астраханском речном училище. Работал шофером на комбинате "Кадиевуголь", преподавал практическое вождение в автоклубе ДОСААФ, был ответственным секретарем, корреспондентом многотиражных и местных газет "Рабочее слово", "Труд горняка" и других в городах Кировск, Брянка, Стаханов. Жил в г. Стаханове. Умер 16 апреля 2004 года.

* * *

СОЛДАТКА

Смотрит женщина фильмы военные,
Теребя в темноте косынку:
Там встречают любимых – верные,
Овдовевшие плачут в зыбку.
Там снаряды и бомбы бухают,
Полыхает заря на травах,
И земля, от беды опухшая,
Шепчет ивами: «Павшим слава!»

Там концы не всегда счастливые –
«почтовик», запывав, разбился,
И кружат на шляху под Ливнами
От убитых к убитым письма...

Из «Шахтера» она выходит –
Мимо клумбы в ромашках чистых.
Не узнала среди пехоты,
Не узнала среди танкистов,
А смотрела... А как искала!
Как глазами солдат ласкала!
Как беззвучно кричала: «Выйди!»
Так хотела Его увидеть.
Так боялась Его увидеть.

Не узнала. И, может, к лучшему...
Может, был он тот солдатик,
Что смеялся в дыму теплушечном:

«Письма нежные? Ждать – пождать их!..»
Иль как тот, что, прихлопнув чарочку,
Позабыв о родимом доме,
Черноглазую полтавчаночку
Обнимал на ночном пароме...
Может...
Брови сдвигает женщина,
Замирает от боли давней.
«ладно, – сердце покорно шепчет, -
Бог прощает, а я – давно!»
И хватается вдруг за ветку:
«Ну а если он был?.. а если?..
Помнишь, трое пошли в разведку
И в дождливой ночи исчезли...
Помнишь, трое пропали...
(Горькое, будь ты проклято, слово «пленник!»)
Помнишь, двое стояли, гордые.
Помнишь, третий... вдруг... на колени...»
... Возвращается в зал.
Задымленным взглядом снова родного ищет...
Там дороги до неба вздыблены,
И железные птицы свищут,
Там планета в окопах-трещинах
И глаза у детей внимательны...
Там простят за измену Матери...

* * *

ОПЯТЬ РЕБЯТА ПИШУТ О ВОЙНЕ...

Опять ребята пишут о войне,
Которую они в кино лишь видели.
Война – страшная в кино, тяжка – во сне,
Но все же это очень-очень издали

А я войну запомнил. Не на час.
В трех километрах, в двух шагах, под сердцем.
Она лилась из материнских глаз
По молодым щекам, от горя серым.

В бумаге было: «... без вести пропал»-
И мать забилась на подушке в крике;
Мне показалось: месяц в рожь упал
На старой-старой выцветшей картинке,
Пришпиленной еще живым отцом
В простенке. И пришпиленной неровно.
(Я вспомнил, что называл тогда овсом
То поле ржи, и что отец подробно
Мне излагал крестьянской жизни суть –

Вчерашний пастушок, шахтер и пахарь,
Не мог он знать, что скоро в новый путь ему –
В солдатский –

Через взрывы, страхи...)

И вот бумажка: «... без вести пропал».

Таких кружилось много в мире ратном:

Тогда и седовласый генерал,

И юный ленинградец умирал

На равных – гражданином и солдатом.

... Отец вернулся все-таки! Живой!

(Ошиблись «извещеньем» в энской роте).

Но он вернулся к женщине другой,

Для матери моей оставшись мертвым.

Меж ними я всю остальную жизнь

Был то ли ниткой света, то ли цепью,

Но кем-то был... И ты, война, скажи,

Зачем перепахала жизни? Степи?

Зачем осталась полымем в душе?..

Отец и мать. Что мне них добавить?

Им легче – умерли они уже,

Мне каково – несущему ту память?!

... Опять ребята пишут о войне,

Которую они в кино лишь видели.

Война, она способна и во сне

Людские души сделать инвалидами.

* * *

ОСВОБОЖДЕНИЕ, 43-Й ГОД

Украина, ты плачешь?

Дожди по-над рваным простором

Звоном кобзы колышутся,

Тают...

И в Бабьем Яру

Из ночной глубины

Пробиваются стоны.

Украина, ты – плачешь.

Дай слезы, как маме, утру.

Сколько шла ты к Свободе!

От наглых шляхетских поляков,

От нагаек и пуль

Уносила степную красу.

Но они настигали,

Довольно побрякивал Краков:

– Украинское сало к обеду несут!

Янычары рычали,
Кричали из каменных замков:
– Покоритесь аллаху!
Иначе мы силой возьмем! –
Но не дрогнула ты
И рукой запорожских казаков
Отписала султану...
... таким, мать, письмом!

Ты с Богданом Хмельницким
Пошла за свободой к России,
Ты с Пархоменко била
Махновцев и прочую мразь,
С Галаном
Из груди
Вырывала
Трезубец спесивый,
Под фашизмом горела,
Стеная,
Но – не покоряясь!

... Радость смешана с болью.
Дожди разгулялись косые.
Украина,
Тот счастье оценит,
Кто горе познал,
Вновь тебя обнимает,
На помощь рванувшись, Россия.
Из могил ваших братских гудит
«Ин-тер-на-ци-о-нал».

* * *

ТАНК «АЗА»

Танк был наспех сработан из трактора,
Даже в серой шинелке-бронь,
С пулеметами, новыми траками
Был он мало пригодный к войне.
А малярша безвестной рембазы,
Сжав покрепче обветренный рот,
Танку имя присвоила – «Аза» –
В память мамы, ушедшей на фронт;
И, подумав, потрогав родинку,
Что, как ранка, легла на висок,
Покрупнее дописала:
ЗА РОДИНУ!

и ЗА СТАЛИНА! –
наискосок.

И пошел он, смешной, дон-кихотный,
Защищать свой родной городок
От железно-ревущей пехоты,
От плюющих огнем самоходок,
От пикирующих самолетов, –
Что лавиной неслись на восток...

Не пришлось ему долго сражаться –
Был он «тигром» расстрелян в упор.
Но на смену – железные братцы
Понеслись, оглашая простор.
Очень трудный простор до рейхстага,
До победного нашего флага...
Ну а танк тот? О нем не забыли,
Отвезли его в металлолом,
Два десятка снарядов отлили
И – огнем по фашистам,
Огнем!

Из осколков снарядных опять же
Всю войну Сталевар отливал
Пушки, каски, штыки...
И однажды
Снова трактором стал тот металл.

... Я его повстречал на рассвете
С плугом-другом над желтым жнивьем.
Мудрый старец, бессмертный, как дети, –
Только надписи стерлись на нем...

Ртищев Михаил Тимофеевич (1916–1996)

Михаил Тимофеевич Ртищев родился в семье обходчика Донецкой железной дороги у хутора Бугачино на Донетчине. Мать его умерла вскоре после гражданской войны, а отец ещё раньше. Так что рос Миша сиротой в семье мачехи и отчима и был домашним работником: пас коров, колол дрова, убирал в доме, носил воду и делал другую тяжёлую работу. После такого безрадостного детства во время Великой Отечественной войны был призван в ряды Красной Армии, с оружием в руках добывал победу. После войны работал на металлургическом комбинате им. С.М. Кирова в г. Макеевка, писал стихи, которые

печатались в местных газетах. Тяжёлая жизнь и война подорвали здоровье Михаила Тимофеевича Ртищева, в 1996 году он умер.

* * *

ОГОНЬ НА СЕБЯ

Памяти Б.К.Панченко

В расцвеченном парке в разгаре весны
Открыта аллея Героев войны.
Врагов ненавидя, Отчизну любя,
В войну принимали огонь на себя.
Ничто не забыть, что было когда-то,
И вы не забыты герои-солдаты.
О мужестве вашем, о ратных делах
Описано в прозе, воспето в стихах.
То было в далеком году 45-м,
Когда все вокруг было дымом объято.
Европа стонала. Советский боец
Смертельным сражением готовил конец.
Карпатский простор, васильками богатый,
Ты помнишь, как в бой уходили солдаты,
Как храбро сражались с врагами они
В те, порохом горьким пропахшие дни?!
«То было (здесь помнят) в февральское утро.
Кружила поземка меж хатами круто,
Вчерашние плотно засыпав следы.
Ничто не вещало как-будто беды.
И вдруг, словно громом среди ясного дня
Ударил у дома, сарая, плетня.
Палили орудия и минометы,
С боков поливали свинцом пулеметы.
Железо и камни летали кругом
И снег обжигался падучим огнем.
Взгляните направо: с того перевала
Катились враги нарастающим валом.
И скрежет и лязг, и крики, и стоны,
Площадная брань и голос стозвенный
Сплелись в единый напористый вой-
Так грянул смертельно – безжалостный бой...
Скрестились две силы. Какая осилит.
Фашистского рейха иль гордой России?
Двенадцать часов продолжалась сеча.
Гвардейцы-бойцы оказались покрепче.
То Панченко воины в снежной глуши
В бою отстояли свои рубежи.
За этот-то бой он и был удостоен
Высокого званья Отчизны Героя».

И гид замолчал. Изогнулся в поклоне
У братской могилы на кряжистом склоне.
А жизнь торжествует. И нету ей дела
До тех, кто досрочно в боях поседели...
Мы помним миллионы советских людей,
Что пали за свечем гуманных идей.
Я Видел: (мой разум овеяло жаром)
«Скульптуру Печали» у «Бабьего яра».
100 тысяч казненных врагами за то,
Что жить не хотели под вражьей пятой,
Что стойко сражались за Киев чудесный,
За волю народов, за звонкую песню,
За то, что желали свободно дышать,
Любить и учиться, и в небо взлетать.
А сколько погибло борцов безымянных
В фашистских застенках, в подвалах и ямах,
Задушено газом, а печах сожжено,
Потоплено, заживо погребено?!
...идут ветераны в походных колонах.
Их лица суровы. Войной опалены.
Горят на груди, как всегда, ордена,
Которыми их наградила страна.
Стоят у дорог необычные знаки:
Орудия, танки, полуторки, «Яки»
В честь доблести наших героев – солдат,
В честь славных побед и тяжелых утрат.
Повсюду на землях далеких и близких
Ты встретишь не мало в цветах обелисков.
И вечный огонь. И торжественный зал,
И скорби исполненный мемориал.
...Уходят от нас воины ветераны,
Уносят из жизни их старые раны.
Уходят, чтоб жить в бессмертии былин,
В балладах и песнях, в полотнах картин,
В архивах музеев, в строках мемуаров,
На картах учебных штабных генералов,
Становятся фондом скупных кинолент
На многие-многие тысячи лет.
Победа! Победа! Крылатое слово.
Ты радостью делишься снова и снова.
Встаешь перед нами военной чертой,
Вечерним салютом над нашей страной.

ДОБРОТА

*Восславим Женщину-Мать,
Чья любовь не знает преград,
Чьей грудью вскормлен весь мир!*
М. Горький

1

Природа и женщинам век удлинила
По праву сохранности рода людского.
Так значит: в них водится добрая сила,
Так что движет к прогрессу все наше живое.
Им велено сердцем сражаться со скверной,
Растить и беречь все красивое в мире.
И было б мужчинам тоскливо, наверно,
Без ихнего все же уюта в квартире.
Возьмите любое весомое слово,
Что вспыхнуло искрою в гуще народа:
Отчизна, Победа, Семья и Обнова, -
Они, как вы видите, женского рода.
Такое явление, такое стечение
Ни века ошибка, ни штрих протокола.
В нем жизни горенье, в нем правды свечение,
То – дань уважения к «слабому» полу.

2

Колыбельную стократно
Для тебя спою.
Спи малыш мой ненаглядный,
Баюшки-баю!
Наша родина в ответе
За судьбу твою.
Я спою тебе про это.
Баюшки-баю!
Ты расти, расти, желанный,
В солнечном краю.
Набирайся сил и знаний.
Баюшки-баю!

3

Материнское начало –
Бескорыстная любовь
В сердце каждому запала
И волнует вновь и вновь.
Сколько трепетного чувства

Отдает потомству мать?!
Будет весело и грустно
Будет холод поднимать.

Да к тому же, да и все же
Ей подумать и о том,
Чтобы он на мать похожим
Был и сердцем и умом.

Чтобы в трудностях мужал он.
Был бы с искоркой в груди.
Чтоб победу утверждал он
На своем крутом пути.

4

Беспечно лепечет малыш на коленях,
Ему невдомек, что ведь слаб он еще.
Но будет он сильным. Я в этом уверен.
Порукой тому – медицинский расчет.

Здоровьем его наделила природа,
С которой, бесспорно, мы в дружбе живем
Так пусть же крепчает от года до года
Малыш, что надеждою нашей зовем.

Ему предстоит поработать немало
Над тем, чтобы в мире спокойно жилось.
Чтоб мать его добрая горя не знала,
Чтоб рано ей в жизни сесть не пришлось.

5

Вот и школа возле переселка.
Расступись, зевающий народ!
Весь отглажен, вычищен до блеска
Первоклашка с матерью идет.

Он идет по жизни той дорогой,
по которой много раз ступать.
Будет мать и ласковой и строгой,
Будет сыну страстно помогать.

Помогать советом и опекой,
Щедростью запальчивой души.
Дабы рос хорошим человеком.
Да и мысли были б хороши.

6

Семья в лесу на отдыхе сегодня.
Чудесный день метеосводкой предсказан.
И дышится легко. И любитя свободно.
Малыш к родным вопросами привязан:

- Скажи мне, папа, где живут синички
И что им мама подает на ужин?
- Скажи мне, мама, что за табличка
На холмике, что листьями завьюжен?

Вопросов много разных, щекотливых,
Услышит мать его. Отец услышит.
Растет их сын поистине счастливым
Под тихую родительскою крышей.

7

Толкует мальчишка
С подружкой своею:
— Моя мама гений, —
Все делать умеет.

На нашем заводе,
В ремонтной бригаде
На красной доске да
При полном параде.

Она депутат.
В Совете бывает.
Вопросы о жизни
С друзьями решает.

А в нашей квартире
Светло и уютно.
И в праздники, кстати,
Всегда многолюдно.

8

О, сколько тревог и преград небывалых
Встречала она на пути без дорог.
И «слабость» — не слабость — природы залог.
Ее доброта не имеет предела.
И руки ее, что так больно нежны,
Лаская детей — никогда не скудели,
А значит: как воздух любимым нужны.

* * *

В ЗАЩИТУ ПРИРОДЫ

Страна страдала от разрухи.
Был пуст у многих скотный хлев.
Мы надрывались от натуги,
Годов своих не пожалев.
Спешили приодеть детишек,
Их в волю хлебом накормить,
И напечатать много книжек,

Науками добрыми научить.

Мы строить, строить торопились.

Все увеличивали вас.

И вот до ручки докатились,

Свою среду обворовав.

Мы загрязняли атмосферу.

Сжигаем все в угоду мгле.

И убиваем нашу веру

Добро и счастье на земле.

Мы травили реки и озера,

И многоводные моря

И может статься очень скоро

Лишимся рыбы. Так, зазря.

Неужто мы такие невежды,

Незнаем того, чего творим.

А как те светлые надежды,

Это до сих пор в душе храним?

«Остановитесь, мракобесы,

Умерьте пыл своей крови,»-

Кричат нам рыцари прогресса,

Поборники святой молвы.

* * *

ОЗОНОВАЯ ДЫРА

Над Южным полюсом дыра

Говорят: озона нет.

Чья же, чья же та вина?

Где скрывается секрет?

Может мы причина в том,

Что в природе...

Пусть прольет на вещи свет

Луч ученого ума.

* * *

КОЛОКОЛА ЧЕРНОБЫЛЯ

Казалось: что то за беда?

Вот коль землетрясение:

В минуту гибнут города

И целые селенья...

Но атом все-таки страшней

Известных потрясений,

Калечит, мучает людей,

И... многих поколений.

Ошибка дорого берет –

Плати и не расплатишься.
Умом всегда гляди вперед,
Ни то судьбой поплатишься.
Звонят, звонят колокола.
Страшного Чернобыля.
Была беда. Беда была.
Склоняем в скорби головы.

* * *

АКАЦИЯ

Вспомнились дальние,
Вспомнились прежние,
Те невозвратные наши года,
«Белой акации
Запаха нежного
Верь, не забыть
Мне уже никогда».
Эти слова из ромansa «Акация»
Слышал я в детстве
Полвека назад.
Пели когда-то
Блиставшие грацией
Старые женщины
Возле оград.
В бытность свою,
Беспредельно проворные,
Славно трудились в цеху, у строга,
Кудри – вразлет
Сизокрылые, черные,
Нынче светлей, чем в долинах снега.
«Белой акации
Гроздьа душистые
Вновь аромата полны...»
Слышу я снова
У дуба ветвистого
Старую песню под звуки струны.

ПО ЛЕРМОНТОВСКИМ МЕСТАМ

* * *

МАШУК

В белой дымке завис
Златокудрий Машук.
Разбудить свою мысль
Я его прошу.
Рассказать мне о том,
Кто здесь в прошлом бывал,
На гранитном плато
Кто костры разжигал.
Кто ходил и искал,
Не жалея себя,
Кто Кавказ понимал,
Беспредельно любя.

* * *

ШТЫКОМ НАЧЕРТАНЫ СЛОВА

Ни выдумка и не молва,
На склоне кряжа в Пятигорске
Легли глубокою бороздкой –
Штыком начертаны слова.
Четыре имени. Замерьте.
Почти сто лет
с тех пор прошло,
А имена поныне светят
И излучают нам тепло.

* * *

ТВОРЕНИЯ БЕРНАРДАЦЦИ

Сто пятьдесят –
немалый срок.
Годам за жизнью
не угнаться.
Как украшают Пятигорск
Творенья братьев
Бернардацци!
Какая нравственная статья.
Какие в камне
силы дремлют!
Им вечно в городе стоять,
Они выросли корнями в землю.

* * *

ЭОЛОВА АРФА

Все это было поутру
В начале прошлого столетья:
Запела арфа на ветру,
Проснулись взрослые и дети.
Солдаты сгрудились толпой,
Дивясь невиданному чуду.
А звон летел над головой,
Глуша собой салют орудий.
То было в прошлом.
А теперь
Не слышно звуков
арфы нежной,
но тешу я себя надеждой:
не будет радостям потерь.
И арфа снова зазвучит.
Аккорды стройные продлятся.
Не станет больше удивляться:
Так почему Эол молчит?

* * *

ЛЕРМОНТОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

На свете есть чудес немало.
Ведь гений много достиг.
Мне повезло. Совсем недавно
Увидел я одно из них.
Такое смотрится глазами,
Его в словах не передать.
Оно возвышено над нами,
О нем приходится мечтать.
А чудо это галереей
Здесь называют с давних пор.
Оно, как птица в небе реет,
Летит в неведомый простор.

* * *

ПРОВАЛ

Два льва у входа сторожат
Естественный провал.
Входите смело стар и млад,
Тут сделаем привал.
Не тот привал, когда солдат

Желает отдохнуть,
А отдохнув, солдат опять
Продолжит долгий путь.
... Вошли в туннель.
Стоим. Глядим.
«Провал» – над головой.
И кажется: повис над ним
Свод неба голубой.

* * *

МНОГО ЛЕТ С ТЕХ ПОР ПРОШЛО...

Много лет с тех пор прошло,
Много песен отзвучало.
Ну, а мне-то повезло:
Я узнал имен немало.
Тех имен, чья честь была
Отдана на суд злословью.
Но боролась и жила
Неподкупною любовью.
Вот источник. И сюда,
Миру здешнему вверялись,
Говорили, иногда
Мери по воду являлась.
Сохранился домик тот,
(документы указали),
Где княжна в последний год
Летом комнаты снимала.
Был ли с ней поэт знаком?
Вероятно, если образ,
За реальность беспокоясь,
Ярко выписан пером.

* * *

ГРОТ ЛЕРМОНТОВА

В горе Машук на южном склоне,
Где лес шумит со всех сторон,
Укрылся грот уединенный.
Он сохранен.
А в нем стоят скамья из камня,
Кувшин для радужных цветов,
Умело сделанных на память

Для земляков.
Святое место. Здесь когда-то
Поэт бывал (ни раз, ни пять),
Чтоб в жаркий день испить
прохлады
И помечтать.

* * *

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Я пришел к тебе на встречу,
Мой тезка, мой духовный брат.
Таким же был апрельский вечер,
Как много лет тому назад.
Гора Машук – твой страж
надежный –
Стоит, поникнув головой,
В недоумении: а возможно ли,
Чтоб здесь погиб поэт-герой?
А может, то была бравада?
А может, просто ложный ход?
Но выстрел был! И цепь-ограда
Дуэли место обовьет.
В ограде грифы неподвижно
Воссели строго по местам.
И навсегда во имя жизни
Легли цветы на пьедестал.

* * *

СЛАВА ПОЭТА

Листок с надорванным углом
И арфа с лопнувшей струной
Отражены на камне том,
Что аркой встал передо мной.
Не дописал и не допел,
Погиб в расцвете юных лет.
Как жаль, как жаль, что не успел
Раскрылся полностью поэт.
Под аркой шум. То молодежь
Свой голос звонкий подает.
И верится, что слава все ж
Поэта прах переживает.

Руденко Виктор Петрович

(1940)

Виктор Руденко родился 3 сентября 1940 года в селе Доброполье на Донетчине. Учился в Киевском государственном университете им.Т.Г.Шевченко. Работал в городских и областных газетах, в журнале «Донбасс» ответственным секретарем.

За годы творческой деятельности издал более пятнадцати книг поэзии и прозы. Это поэтические сборники – «Крылья над морем», «От моря не иди», «Тепло родного берега», «Хлеб и уголь», «Позову – отзовись», «Спасите родину мою», «Ода любимой», «Простите за любовь», «Дни черной звезды», «Подвиг одиночества» и другие. Фрагменты в его творчестве – тема далекого Заполярья, а также нашего Приазовья.

Темой малой родины в основном пронизана и книга его избранных произведений «Молитва о любви и покаянии». Писатель издал книгу прозы — повесть «Сказание о Саур-Могиле», а также подготовил к изданию повесть-сказание о Добром Поле.

Лауреат Международного фестиваля слова «Достояние».

* * *

ТЕРРИКОН

Старая природа золотистая,
Крик гусей
Тревожит снова нас.
Что же улетаєте вы птицы,
Что же покидаете Донбасс?
Льется над простором бесконечности
Крик, как откровенье птичьих стай:
Улетаем, чтобы путь нам стал
Продолжением масти извечной:
Улетаем, чтобы снег метельный
В дикополье нас не смог застать,
Что бы в перелетах канительных
Научить детей своих летать.
Пахнет воздух угольком и солнцем,
Духом странствий воздух наполнен,
Гуси улетают...
Остается
Не угаснет болью – террикон.
Тяжеленный, тело устало

Рыхлою верхушкой в небеса.
Он хотел бы улететь и сам,
Чтоб дальше
Немного легче стало.

* * *

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ДОНБАСС

Донбасс — не просто уголь и металл,
Не просто от копров степная даль —
Глубинней, шире и значимей он,
Поскольку солнцелик его огонь.
Металл, пролившись, мрак полночный губит.
Метан, взгремев, сжимает страхом губы...
Здесь уголек замешан на крови,
А человек извечно — на любви.
В краю отцов, в пространствах Дикополья
Я хлеб и слово отыщу, как долю.
Саур-Могилы, Бахмут и Азовье
Откликнутся во мне былинным зовом.
Я с ним печалюсь, радуюсь, живу.
Беда — не прячу голову в траву.
Донбасс, что дышит явью и веками,
Во мне — и солью, и горячим камнем.
Я не боюсь риторики пред Ликом,
Как Эверест, как сонмы звезд, великим:
Стою ль у шахт, у Гор Святых стою —
Он в душу не вмещается мою.
Донбасс не территория — о, нет!
Он боль эпох и возрождение лет.
И это не молва, не просто гомон,
Что он, Донбасс, порожняки не гонит.
Не делится на запад и восток —
Он однолик, поэтому высок,
И в этой одноликости высокой
Любой парад не будет одиноким...
Донбасс — и наши помыслы, и суть,
Его не обмануть, не обмануть:
Он чует, кто агат, а кто порода.
Кто колос и причина недорода.
Он — наши стены, вишня и калитка,
И потому мы — люди, не калики.
Он — наша боль, как в поднебесье смог,
И берег наш у солнечных дорог.
Он — монолит, и потому велик,
И нам не лжесынами быть велит,
Которые подобны фарисеям,

Что в руслах родословных смуту сеют.
Но верность и любовь — одна тропа,
Но Кальмиус и Днепр — одна судьба.
Насколько хватит сердца, духа, глаз, —
Встает
Его Величество
Донбасс!

* * *

ДЕТИ ДОБРОГО ПОЛЯ

Виктору Дерипаске

Мы в шахтерских поселках грязею месили,
Мы у Господа Бога еду не просили —
Нервом, сердцем, зубами, не только лопатой,
Вырывали ее из пластов, из агата.
Там давно на копрах не мелькают колеса,
И забой, и откатка, и ствол безголосы! —
За отвалы поспешно ушли мы, печальны,
Не забыв о своих родословных началах...
Мы по градам и весям не семенем сорным
Понеслись вместе с ветром — как зерна, как зерна...
Кто прораб, кто поэт, кто возвышен до мэра,
Все — при совести высшей, при чести и вере.
Из выносливых стай мы, для нас под запретом
Быть породой гнилой, нам по духу — быть крепью.
Кто припаян к эпохе душою, не кожей,
Может быть работягой, не может — вельможей.
Там, где мы, там и дел наших Доброе Поле —
Пусть еще горьковата славянская доля,
Но пока не в завале лежим и глазасты,
Воронье нас не сморит с Отчизной в ненастьи!
Наши помыслы давние не устарели:
Мы опора для слабых, мы — света прострелы,
Где народные судьбы во власти у тьмы, —
Из поселков шахтерских,
Из мужества мы!

* * *

МЫ НАЗАД НЕ ВЕРНЕМСЯ...

Мы назад не вернемся, возврата нет —
Может, только строкою, сработанной честно.
Как железо, ржавеют вчерашние песни,
Отлетают в стремнину безжалостных лет.
Строки, книги?
А сколько же надо минут,

Чтобы все это вспыхнуло и потухло?
У костра раздобреют и помянут,
А потом по могилкам нашим пойдут
И о сочную травку почистят туфли.
И поспешно уйдут –
Как от нас, но к нам...
Мы назад не вернемся, назад не вернемся,
На знакомые оклики не отзовемся,
Не вернемся – ни трезвыми, ни спяна.
Мы – как сгинем в безликости ветхих оград,
Не придем, обреченные изначально,
В быт наш серенький, в нами посаженный сад
И к непонятым женщинам нашим печальным.
Наши очи разбухли и нервы трещат,
В души вторглись потерями зойки печали,
Но не взоем, что море Земля обнищало,
Если даже сегодня
В снастях ни сулы, ни леща.
От неназванных сил наш жестокий удел –
Потому-то негоже, друзья, прохлаждаться
И словами, как брошечками, бросаться,
Оставляя пустые следы на воде.
Приучи-ка синицу к ладошке своей, приучи
И пусти по низам, что болотом зовутся,
Покричи-ка на друга запойного, покричи
И скажи, как ударь,
Что назад нам уже не вернуться...

Русанов Владислав Адольфович

(1966)

Родился 12 июня 1966 года в Донецке. Окончил Донецкий политехнический институт в 1988 году. Кандидат технических наук по специальности «бурение скважин», доцент Донецкого национального технического университета. Прозаик, поэт, переводчик. Автор восемнадцати романов. Заместитель председателя правления Союза писателей Донецкой народной республики. Живёт в Донецке.

ВАЛЬС ОБРЕЧЁННЫХ

Нас не язвите словами облыжными.
 Жарко ли, холодно? По обстоятельствам.
 Кто-то повышенные обязательства
 Взял и несёт, а мы всё-таки выживем.
 Мальчики с улиц и девочки книжные...
 Осень кружится в кварталах расстрелянных.
 Знают лишь ангелы срок, нам отмеренный,
 Только молчат, а мы всё-таки выживем.
 Не голосите, холёно-престижные,
 Будто мы сами во всём виноватые.
 На небе облако белою ватою
 Мчит в никуда, а мы всё-таки выживем.
 Не разобраться, что лучше, что ближе нам?
 «Шашки подвысь, и в намёт, благородие!»
 Нам – смерть на Родине, вам же – без Родины.
 Вот, как-то так...
 А мы всё-таки выживем!

Август 2014 г.

Рыбалко Николай Александрович

(1922-1995)

Родился 14 февраля 1922 г. в селе Орехово-Васильевка Артемовского района Донецкой области. С 9 лет жил в Краматорске. Здесь он окончил среднюю школу, работал на новостройке, заочно учился в Днепропетровском университете. В июне 1941 г. Ушел на фронт. Воевал под Сталинградом, в Воронеже. Затем участвовал в наступлении на Курской дуге, форсировал Днепр в районе Киева, воевал на Висленском плацдарме. В боях был трижды ранен. 27 февраля 1945 года на Одерском плацдарме под городом Розенгруд потерял зрение.

Награжден четырьмя боевыми орденами и несколькими медалями. После демобилизации возвратился в родной Краматорск. Вчерашний офицер-артиллерист нашел свое место в литературной жизни, печатался в газете «Краматорский рабочий». Вышли сборники стихотворений «Глазами сердца», «Солдатская слава», «Светлое не меркнет», «Память о солнце», «Цветы и порох», «Миг атаки», «Разговор с жизнью», «Избранное», «Дорога на высоту» и др.

* * *

ГОД РОЖДЕНИЯ – 22

Год рождения – двадцать второй,
Рассчитайся на «первый – второй!».
«Первый!»... Вместо второго – молчанье.
Только ветер березы качает
Над звездой, над литою звездой,
Над плитой, над гранитной плитой.
Сколько первых и сколько вторых
Не вернулось с дорог фронтовых...
И живые становятся в строй,
Я – и первый теперь, и второй.
И в ликующем грохоте дня
Мы по-прежнему просим огня.
Мы стоим у горячих печей,
По ночам вызываем врачей.
И опять, покидая постель,
Мы уходим и в зной, и в метель:
Будет людям и хлеб, и вода.
Время нас окликает всегда...
Год рождения – двадцать второй,
Рассчитайся на «первый – второй!».

* * *

Я ЖИЛ В ТАКИЕ ВРЕМЕНА

Я жил в такие времена,
в такие дни,
в такие даты!..
Меня, безусого,
война
До срока призвала в солдаты.
И в краснозвездного меня
Сто пушек целилось, наверно.
Москву собою заслоня,
Весь мир прикрыл я в сорок первом.
Я жил в такие времена –
Горели руки от работы,
Земля мне золотом зерна
Платила за соленость пота.
Припав к динамику щекой,
Я слушал,
как, свершая чудо,
На крыльях зрелости людской
В глубины проникали люди.
Я жил в такие времена,

Что голова ходила кругом,-
Моя планета и война
Стояли в шаге друг от друга.
Мне вся земля была видна
И зорким днем,
и ночью звездной.
И был я ласковый
и грозный —
Я жил в такие времена.

* * *

НАМ БЫЛО ДВАДЦАТЬ

Нам было двадцать.
Ровно столько
Сегодня нашим сыновьям.
Из сорок первого осколки
Поныне долетают к нам.
Напоминают мне о теске,
О нестареющем дружке.
Протяжно окая по-волжски,
Он о красивой пел тоске.
Носил он карточку в кармане.
И часто после дымных гроз
Он улыбающейся Тане
О нас рассказывал всерьез.
Он говорил с ее глазами,
С ромашкой в солнечной косе...
Прикрыл он двадцатью годами
Волоколамское шоссе.
И стал гранитным друг мой Колька —
И не состарится ему.
Нам было двадцать. Ровно столько
Сегодня сыну моему.

* * *

КРАЙ ДОНЕЦКИЙ

Край донецкий смуглолицый,
У тебя лучистый взгляд.
Незакатные зарницы
Полыхают
как закат.
Край донецкий смуглолицый —
Звезды вышли на наряд,
И, как солнце, золотится
Твой земной,
твой жаркий клад.

Край донецкий смуглолицый –
Разрумяненная даль.
Из печей твоих струится
По горячим жилам сталь.
Край донецкий смуглолицый
В белой кипени сады.
Мне и спится, и не спится
У речной твоей воды.
Край донецкий смуглолицый
С золотинкою глаза.
Нелегко в тебя влюбиться,
Разлюбить тебя нельзя.

* * *

Я ШЕЛ С ВОИНЫ

Я шел с войны. Распахнут китель,
Садами пахло и весной.
Я шел с войны как победитель.
Шутили встречные со мной:
«Живой?! А тут ходили слухи...»
«Ну, что вы, братцы, это зря!»
У сгорбленных ворот старуха
Стоит седее января.
«Домой, сынок?»
«Домой, мамаша!»
«А мой... остался на войне».
Молчит. Всплакнуть не в силах даже.
Ну как ее утешить мне?
«А может, он еще вернется?» –
Кусает кончики платка...
Таким вдруг жгучим стало солнце,
Как этой женщины тоска.
И я тоску ее живую
Забыть поныне не могу,
Как нашу почту полевую,
Как след багряный на снегу.

* * *

МНЕ ГОВОРЯТ...

Мне говорят:
ты рано поседел.
А отчего бы?
От горячих дел.
...Стонал металл
И плавился металл.
Я шел в разрывах и не замечал,

Как серебрила мне виски сама
Крутая Сталинградская зима,
А сколько весен, сколько зим седых
Лежать осталось на висках моих...
И я не прячу ранней седины –
Она с войны,
В ней что-то от весны.

* * *

ВНОВЬ ВОЙНА ПРОСНУЛАСЬ СПОЗРАНКУ...

Вновь война проснулась спозаранку,
От осколков слег на землю клен.
И опять в продрогшую землянку
Не заходит ротный почтальон.
У бойцов плотней сдвигались брови,
Смертоносный не смолкал огонь.
А под вечер загустила снова
На коленях у бойца гармонь.
Гармонист смотрел нам прямо в душу,
И, о близком вспомнив вдалеке,
Всей землянкой пели мы «Катюшу»
На мужском понятном языке.

* * *

ЦВЕТЫ

Белый свет со мной играет в жмурки,
Мне не светят звезды с высоты.
Говорит мне ласково дочурка:
«Посмотри, какие здесь цветы!»
Знать, она еще не понимает,
Что вернулся я с войны слепой.
«Посмотри же,- снова умоляет, –
Это желтый или голубой?»
Я склонился над дочуркой ниже
И ответил, трогая цветы:
«Я давно уже цветов не вижу,
Чтобы их всегда видала ты».

* * *

КРЫЛЕЧКО...

Крылечко.
Куст смородины.
Веселый луч в окне –
Так начиналась Родина
Огромная
во мне.

Солдат с горящим орденом,
Десантник на броне –
Так продолжалась Родина
Бесстрашная
во мне.
Река
и смех бетонщицы
В метельной стороне...
Вовеки не закончишься
Ты, Родина,
во мне.

* * *

ГЛАЗА

С гремящим расстаюсь трамваем,
По гулкой улице иду
И чувствую, и ощущаю:
У вас я, люди, на виду.
То руку мне протянет кто-то
И:
- Здесь ступенька! – скажет мне.
- Танкистом был?
- Да нет, пехота! -
О сыне спросят, о жене.
Потом идут со мною рядом.
- Да вот он, дом мой, сам найду.
- Ну-ну! – и охраняют взглядом,
Пока в подъезд не попаду.
Спасибо, люди... Тьма не на год,
Но замечаю всякий раз,
Что я не делаю и шага
Без ваших рук, без ваших глаз.

* * *

РЯДОМ С НАМИ

Рядом с нами
выстроили школу.
И сентябрьским утром
точно в срок
По-ребячьи звонкий и веселый
Здесь впервые
зазвенел звонок.
Были речи.
Лепетали дети.
Были вздохи бабушек и мам.
И, не слыша ничего на свете,

Я к звонку прислушался и сам.
Он звенел...
И я в своем блокноте
За строкою выводил строку –
О десятом классе,
первой роте,
Столько повидавшей на веку.
О земле,
где есть и мой поселок,
О дворе,
где боги – ребятня...
Рядом с нами
выстроили школу,
В ней звонок звенит
и для меня.

* * *

О ДРУЗЬЯХ

Друзья познаются в беде –
А беды случаются с каждым.
И все мы -
в бою ли,
в труде -
Друзей настоящих жаждем.
А горе прижмет к стене –
Услышат друзья и в полночь.
Они – как десант на броне,
Они – наша «скорая помощь».
С друзьями ответственной жить.
Зато они -
с нами рядом.
Их надо суметь заслужить,
Друзей наших,
как награду.

* * *

НОЧНЫЕ ОГНИ

Спустилась ночь над тихими садами,
Упали звезды в синеву реки.
Вдогонку за стальными поездами
Несутся вдаль басистые гудки.
Вспугнули тьму огни электросварки,
Кружится искр веселый хоровод.
И снова краскою багрово-жаркой
Над домной разрисован небосвод.

И небо то угаснет на минуту,
То озарится вспышкой огневой –
Всю ночь огни победного салюта
Бросает ввысь мой город трудовой

* * *

О ДОБРЕ

На свете больше все-таки добра,
Цветы растут на клумбах не случайно,
И не случайно с самого утра
Приветствием друг друга мы встречаем.
На свете больше все-таки добра.
Шумит тайга о тамошней погоде.
И, греясь у высокого костра.
Дорогу люди за собой уводят.
На свете больше все-таки добра.
Впечатан месяц в ночь, как запятая,
Хороший парень с нашего двора
Стихи своей ровеснице читает.
На свете больше все-таки добра.
Хочу прожить с ним под звездой одною
И, зная цену своего пера,
Платить добру лишь красною ценою.
...На свете больше все-таки добра.

* * *

ПРОЗРЕНИЕ

Февраль сорок пятого года
Свинцовою нитью прошит.
Смиренно оскаленный Одер
У ног, затаившись, лежит.
Смешались вода с небесами,
Гремя, полыхая, звеня.
И парню с моими глазами
Вдруг стало темно от огня.
В мгновение погасло светило
И очень далекая степь...
Со мною, со мною это было,
Но я в этот день не ослеп.
Я слышу, я знаю: кому-то
Мечтается вновь о войне.
Поверьте в такую минуту
Приходит прозрение ко мне.
И вас поведу я сквозь годы,
Сквозь жгучую даль поведу
Туда, где, как будто распятая,

Стволы почерневших берез,
И женщина в траурном платье,
И слезы запекшихся рос.
Потом у гранита я стану
И, вспомнив упавший рассвет,
В литую ладонь капитана
Вложу незабудок букет.
Я все различу в этом гуле:
И стон, и свинцовый пунктир,
Чтоб люди сегодня взглянули
Моими глазами на мир.

* * *

ФЛАЖКИ, ФЛАЖКИ...

Флажки, флажки... Зеленый майский ветер
Шумел над ними утром золотым.
Их поднимали маленькие дети
Над счастьем неизменчивым своим.
И стала площадь солнечно багровой.
Флажки, флажки – как вспыхнувший пунктир.
На них – одно-единственное слово.
Всего три буквы пламенные – «МИР».
И все. И больше ничего не надо.
Лучистый свет струится с высоты.
Парили птицы над метелью сада,
На клумбах верховодили цветы.
Флажки алели, в них плескался ветер,
И был в который раз я убежден.
Что есть на свете маленькие дети.
Но не бывает маленьких знамен.

Скобцов Владимир Леонидович

(1959)

Родился 11 октября 1959 года в Донецке. Выпускник Донецкого государственного университета, историк, журналист. С первых дней Донбасской весны – активный участник антифашистского фронта. В настоящее время живёт и работает в Донецке. Автор песен, стихов и прозы, член Союза писателей ДНР.

* * *

ТАНГО 2014 ГОДА

В начале слово,
В конце расстрелы,
Пророку снова
Заводят дело.
Майдан безгрешен,
Но брошен камень,
Майдан кромешен,
Где брат твой, Каин?
Камланье хора,
Глаза пустые,
Прогнали вора,
Позвали Вия.
Горят станицы,
В петле окраин
Хрипит столица:
«Где брат твой, Каин?»
Героям слава,
Как говорится,
Течёт кровава
В реке водица.

В герои, к славе ль
Твой путь закаян,
Где брат твой Авель?
Ответь мне, Каин.
А кровь всё льётся,
Мадонна плачет,
Дурак смеётся,
Иуда скачет.
Развязка близко,
Исход летален,
Идёт зачистка,
Где брат твой, Каин?
Среди развалин
Белеют кости,
К братишке Каин
Приехал в гости.
Гудит набатом:
«Где брат твой, Каин?» –
В рай со штрафбатом
Зачислен парень.

2014 г., Донецк

* * *

НЕПОКОРЁННЫЙ

Посвящается Донецку

Не надо плакать над судьбой,
Прибереги души чернила,
Она тебе не изменила,

Она по-прежнему с тобой.
Звенит натянутой струной
Судьба, её не выбираем,
Между чистилищем и раем
Скажи спасибо, что живой.
Не надо плакать над страной,
Где слёзы ничего не значат,
Она, поверь мне, не заплачет
Ни над тобой, ни надо мной.
Незванным гостем в дом родной
Уже грядёт иной порядок,
Где человечины вкус сладок,
Скажи спасибо, что живой.
Не надо плакать над собой –
Солдатык, вышедший из комы,
Сказал, что там полно знакомых,
Как будто съездил он домой.
И над твоею головой
Склонился ангел поседевший –
Не ты один осиротевший,
Скажи спасибо, что живой!

2014 г., Донецк

* * *

МОЙ РАЙ

Мой рай, мой край. Об этот край суровый
Ломают копья, расшибают лбы.
Я создан из его любви и крови,
Труда и воли, слова и судьбы.
Его судьба – нелёгкая дорога,
По ней он шёл, не полз и не петлял.
В лицо он видел дьявола и Бога,
Пред ними не скулил и не вилял.
Был столько раз оболган, продан, предан...
Лицом к беде, у смерти на краю,
Он никогда не называл соседом
Родную мать и Родину свою.
Он прям, упрям, он твёрд, не терпит лени,
Он бил всегда за подлость по зубам,
Он никого не ставил на колени,
Поскольку никогда не станет сам.

Скорнякова Наталья Петровна

Родилась в г. Красноярск. Учитель
английского языка Макеевской школы № 92.

* * *

ЖЕНЩИНА

У тебя голубые глаза,
У тебя молодая фигура,
Отчего же ты смотришь понуро,
Туж чужая и там не своя?
По-иному взгляни на себя,
Сбрось скорей эту сонную одурь
И нырни в приключения, как в омут,
Не жалея себя, не виня.
Отдохни, не неделю, так день,
Перемерь свои лучшие платья,
Хоть представь себя в чьих-то объятьях –
Это так помогает, поверь!

Теркулов Вячеслав Исаевич

(1965)

Родился в г. Донецк, окончил ДонНУ. Доктор наук, профессор, работает в Донецком национальном университете, заведующий кафедрой русского языка. Автор поэтических книг «Рябиновый сад» (1994), «Его величество сон» (2011), «Вечный подданный души» (2014). Живет в Горловке.

* * *

ПЕРВЫЙ СНЕГ В ДОНЕЦКЕ

Намело сегодня, намело:
Все под снегом – город, пешеходы.
Для кого-то это ремесло:
Сочинять хорошую погоду...
Намело – в окне белым-бело.
На скамейке возле дома – пары...
В сани бы, да в Царское Село –
Песни петь весь вечер под гитару...
Написать в альбом мадмуазель,
И вина напиться «из Парижу»,
И смотреть, как за окном метель
Словно лошадь загнанная дышит.
Нет же – это двадцать первый век:
Одинокó ёжатся машины
На парковках.
Старый человек
Во дворе выгуливает псину.
Я пью чай, я раб ненужных дел,
Я стучу по клавишам уныло...
Я опять сегодня захотел
К маме с папой съездить на могилу...
Только не удастся – намело:
Все под снегом – город, пешеходы...
Вот такое это ремесло –
Сочинять хорошую погоду.

* * *

МНЕ ГРУСТНО ОТТОГО, ЧТО ДОЖДЬ ИДЕТ...

Мне грустно оттого, что дождь идет,
И небо за окном автобуса чернеет,
И младший сын безудержно растёт,
А старший – так безудержно взрослеет.
И кружит у подъезда листопад,
И властвует повсюду королева осень.
А если что осталось «как всегда»,
То это хвоя у забытых всеми сосен.
Мне грустно оттого, что день за днем
Мечусь я по делам, как будто в клетке птица.
О, боже мой, когда ж мы, наконец, поймем,
Что прежним временам уже не возвратиться.

А может быть, меня преследует вина,
И, может, был я вовсе недостоин славы
Для девочки, стоящей у окна,
Читающей стихи Булата Окуджавы?

Мне грустно оттого, что Новый год
Не радует меня, как это было в детстве.
И дремлет на окне забытый всеми кот,
Как символ суеты и фарисейства.

Но в небе зажигается звезда,
И три царя идут дорогой пыльной.
И дождь не важен в праздник Рождества...
И сказка как когда-то снова станет былью...

Труханов Владимир Иванович

(1922)

Донецкий поэт-фронтовик. Автор поэтических сборников «И рассветы расправляли паруса», «Наполненные громом», «Красный Дол», «Высота», «Горошина угля», «Снова мне девятнадцать лет», «Дорога под ветром», «Мы любим жизнь», «Стихи мои – свидетели живые», «Пел над шахтой жаворонок» и др.

* * *

ИНЕЙ

Рассветает...лиловая, синяя
Неподвижная даль без конца.
И деревья в коронах инея,
Как олени, стоят у крыльца.
Вот возьму запрягу и поеду
По дремучей лесной тишине,
По веселому птичьему следу...
А тебе сообщат обо мне,
Что ушел я тропой неприметной,
Что искали меня – не нашли,
Что на Юге России рассветной
Вдруг олени в упряжке прошли.

* * *

ЖИЛ МАЛЬЧИК У СИНЕГО МОРЯ

Жил мальчик у синего моря,
У самого края земли.
В глазах у него колыхались,
Наверно, всех стран корабли.
А мальчик учился в ремесленном.
Мечтал о заводе. И ждал
Отца из далекой Испании,
Которого он не видал,
Который уехал однажды
В чужие края на войну
И там защищал Барселону,
Как будто родную страну.
-Отец твой был смелым и честным
И много всем сделал добра...-
Давно это было, но маме
Казалось, что было вчера.
И мальчик взбирался на скалы,
Повыше, чтоб дальше видать:
Ах, если б увидеть Испанию!..
И грустный спускался опять.
И волны, как белые кони,
Над скалами став на дыбы,
Его уносили на гривах,
Чтоб грусть он свою позабыл
Жил мальчик у синего моря,
У самого края земли.
В глазах у него колыхались,
Наверно, всех стран корабли.

* * *

ВОРОЧАЮТСЯ В НЕБЕ КРАНЫ

Ворочаются в небе краны
Над дорогим, пережиты, моим....
С годов сползают вешние туманы,
Сползает горький сизовый дым.
И вот – мы в детстве, где едят коврижки
И запивают молоком парным.
Здесь где – то жил на Ларинке мальчишка,
Давайте здесь минутку постоим.
Давайте все припомним по порядку:
В полуподвале три слепых окна
И на рубашке мамину зарплату
Из грубого льняного полотна.

Отец в углу, под лампой, дратву. сучит,
Он молодой, в военном галифе.
Потом над детством проплывают тучи,
И гром гремит совсем невдалеке.
Мы у костров. Поем «Бандера росса»
На храбром на испанском языке,
И курим на Бахмутке папиросы
И держим голубей на чердаке.
Кто может поручиться насовсем ли
Стихает гром – и улица поет...
«Бандера росса»... я упал на землю –
По мне строчил фашистский пулемет.
И вспомнил я в землянке перед боем
Чужую песнь и домик в три окна...
Уходят краны в небо голубое,
Стоит в кварталах новых тишина.
Здесь будет людям солнечно, и дети
Наполнят новой песней этажи.
Возможно, здесь, на самом месте этом,
Мальчишка тот в полуподвале жил.
Но нет уж больше улицы на свете,
Где детство под знаменами прошло.
И я грущу... С Бахмутки веет ветер,
А голубь в солнце обмакнул крыло.

* * *

НЕТ У НИХ НИ КЛАДБИЩ, НИ КРЕСТОВ

Нет у них ни кладбищ, ни крестов,
Птицы умирают на лету
Среди звездной пыли и ветров,
Сердце, раздробив о высоту
Канет камнем песня в пустоту,
Под крылом сгорит метеорит...
Нет у них ни жалоб, ни обид-
Птицы умирают на лету.

* * *

ГОРОШИНА УГЛЯ

Сколько нежности, сколько тревоги,
И какою любовь та была!
По глухим по смоленским дорогам
Нас солдатская воля вела.
А в полях зрела рожь. И созвездьем
Васильки потухали в дыму...
Отступали... И вот на разъезде...

(Я не знаю названья ему,
Но запомнил я сердцем солдата –
Не проеду разъезд невзначай:
На рассвете глухие раскаты,
И уходят последние части,
Тяжело сапогами пыля...) ...
У разбитой платформы, как счастье,
Я увидел кусочек угля.
Может, уголь тот был не донбасский,
Но меня обступили бойцы.
И с какой-то любовью и лаской
Каждый трогал рукой антрацит.

Потянуло далеким, знакомы,
Захватило дыханье...
В ушах
Пел гудок над родным терриконом.
Над копрами оставленных шахт.

* * *

БАЛЛАДА ПРО СОЛОВЬИНУЮ НОЧЬ

Вечер
Будто из золота соткан.
За окном – полустанки, огни...
Вот и все. Отгремели, Володька,
Под Изюмом твои соловьи.
Отгремели, отгрохотали
дни и ночи в жестоких боях,
И застыла
в медальном металле
Легендарная юность твоя:
Вся в метелях, бинтах
и в окопах,
В неотосланных письмах домой...
Ты по минам прошел,
ты протопал
До Москвы
от фольварка Грудополя,
Что от Бреста – подать рукой...
Помнишь... помнишь... ты все запомнил,
Нестареющий мой старичок...
Все прошло... Только глины комья,
Где стоял пулеметный расчет.
Только рощица под Изюмом,
Там – всю ночь напролет – соловьи!
Только рощица... только зуммер...

Воспоминания только твои:
«Все, ребята! Окончен концерт,
Надо фрицев чуток образумить,
Чтоб запомнили ночь на Донце,
Соловьиною ночь под Изюмом».
— Есть, товарищ «Второй», образумить
В соловьиною ночь немчуру.
Мы готовы! —
(Звезда в амбразуре), —
Мы выходим.. Идем... политрук!..
Два солдата ушли за тобою
С неразлучным «Максимкой» своим
Он был храбрым,
еще молодым:
Брал Калугу
и брал Медынь
И фашистов косил под Москвою...
...И сегодня они неразлучны —
Два солдата и пулемет.
Он на страже стоит.
Он — не мученик.
Он на вечном посту.
И за зря не умрет!
Если к мрамору вдруг прикоснется
В страхе потная труса ладонь,
Если к памяти
враг прикоснется, —
Он откроет смертельный огонь!
Вот и все. Отгремели, Володька,
Под Изюмом твои соловьи...
Жаль, что нету
В продаже водки,
Той, наркомовской, в эти дни.

* * *

БОМБЁЖКА

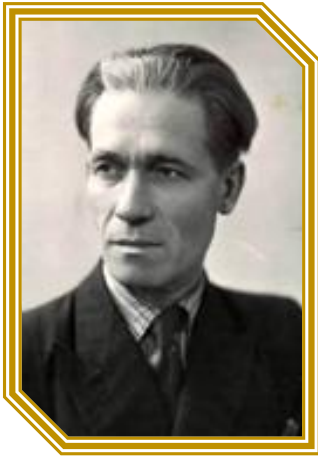
Бомбежка началась под утро...
Еще синели облака
И неподвижно, горы будто.
Лежали возле городка.
Еще не засверкали травы,
Туман клубился над прудом.
И приглушенно где-то справа
Все перекатывался гром.
Еще дремал на жесткой койке
Старик, хворавший всю войну.

Единственный скворец в поселке
Сторожко слушал тишину.
И вдруг ударили зенитки,
И вслед за этим с синих круч,
Как будто чертики на нитке,
Спустились бомбы из-за туч.
Визжали, выли и ревели...
Земля ходила ходуном,
И вмиг рассветной акварели
Не видно стало за огнем.
Над шахтой распростерлись крылья —
Летучей мыши силуэт.
Ревели, скрежетали, выли,
Спускались бомбы на рассвет...
Потом, когда утихло, люди
Повыходили из траншей,
Дымились камни, и повсюду
Носились листья тополей...
Молчали. Было в тучах солнце.
И мать сказала: — Все, отбой!
Придется застеклить оконце... —
Сказала и пошла домой.
Над раненой над певчей птицей
Старик склонился: — Эх, война!..
Водицы б скворушке напиться,
Да из криницы не годится —
Вода живая здесь нужна.
Потом поднял с земли скворешник
И приказал: — Прибейте дом!
Он верил, что порою вешней
Вновь песня поселится в нем...
Шло в тучах солнце. С террикона
Сползали камни и трава.
Вдруг звонко, радостно, знакомо, —
Так, что кружилась голова, —
Полузабытый, довоенный
Над шахтою запел гудок:
Он звал, он требовал. И смена
Прошла по краешкам дорог.

Фролов Михаил Афанасьевич

(1907-1982)

Михаил Афанасьевич Фролов родился первого октября 1907 года в городе Короча Курской области. В 1918 году вся семья Фроловых переехала в Макеевку, где в это время шло большое промышленное строительство. С детских лет связал он свое судьбу с Донбассом, где его отец работал столяром. Тут он окончил школу фабрично-заводского ученичества в Макеевке, много лет был рабочим, а потом – журналистом. Первые его стихи появились в газете "Диктатура труда" и в журнале "Забой" с характерными для той поры названиями: "Питейщик", "Товарищ уголь", "О шахте и любимой".

О тяжелых испытаниях в годы Великой Отечественной войны, выпавших на долю его поколения, поэт сказал в одном из своих стихотворений так: «Сытость причисляли мы к фантастике, Жмых жевали, спали на ходу, Но и зубы доломали свастики В сорок пятом боевом году». Первая его книга «Золотые руки» вышла в 1947 году. Потом последовали сборники «Счастье», «Максим Гора», «Утро в моей стране», «Поэмы о Донбассе», «Донецкая книга», «Зрелость», «Огненная купель», «Незакатанное солнце», «Богатство», «Здравница». Одним из первых в Донбассе М. Фролов обратился к жанру поэмы, к широкому эпическому полотну. Широкое признание читателей заслужила поэма «Максим Гора», отобразившая героический труд шахтера.

Скончался Михаил Афанасьевич в 1982 году на 75-м году жизни от тяжелой неизлечимой болезни. После его смерти на доме №11 по улице Ленина г. Макеевка, в котором жила семья Фроловых с 1932 по 1941 годы, была установлена мемориальная доска.

* * *

ПАМЯТЬ

Бирюзово, зелено и розово...
Детвора у меловой горы:
Я себя небойкого, курносого,
Вижу между этой детворы.
Были дни голодными и тяжкими,
Но хранятся в памяти досель
Лишь луга поросшие ромашками,
И в стеклянный бусах карусель.
Вот от зноя приувяла жимолость,

Но, глядишь, под струнами дождя,
Как девчонка тоненькая вымылась.
И стоит, вся в капельках, блестя.
Все бывало в пору подрастания,
Все случалось в городке родном...
Но живут в душе воспоминанья
Лишь о светлом, звонком и цветном.

* * *

Я ИЩУ ТЕБЯ ПО СВЕТУ

Я ищу тебя по свету.
Не могу никак найти.
Жаль, что мы когда – то
Разминулись на пути.
Ни ответа. Ни привета.
Только гредишься во сне.
Видно, следовало где-то
Из вагона выйти мне.
Видно, следовало руки
Протянуть к тебе маня...
Поезда, в дыму и в стуке,
Где – то мчатся без меня.

* * *

ДОНЕЦКОЕ ПРИМОРЬЕ

Салютуя солнцу деловито
Огоньками алых вымпелов,
Сайнеры входили в гавань Шмидта
Разгружать добычу рыбаков.
А вокруг – трамваи скрежетали,
Шел за самосвалом самосвал...
В городе азовской звонки стали
Новый день в права свои вступал.

* * *

ОТПЕЛИ РАННИЕ КАПЕЛИ –

Отпели ранние капли –
Иные у Весны дела:
Младенец Лето в колыбели
Сил набирается, тепла.
Последний цвет роняют вишни,
А молодая мать Весна,
Волнуясь, торопясь излишне,
Доходит до нехватки сна.
Ей думать надо о ребенке,
Ей надо (шумно иль молчком)

Развесить облакапеленки
И продувать их ветерком,
Мальца баюкать в час вечерний,
Кормить, чтоб он быстрее рос,
Включать в программу развлечений
То щебет птиц, то рокот гроз.
Пусть сын растет под звезды мая,
Да не по дням, а по часам,
Всем существом своим внимая
Кукушек томным голосам.
И станет работягой Лето,
И поведет во весь опор
Комбайны на поля ...
Но это –
Уже особый разговор.

Хапланов Николай Вениаминович

(1936–2008)

Лауреат областной литературной премии имени Виктора ШUTOва (1996 год), лауреат Международной почетной литературной премии имени Владимира Даля (2002 год). Почетный гражданин города Макеевка. Автор книги «Макеевка. История города», поэтических сборников «Весенние родники», «Я – айсберг в пустыне», «Власть Афродиты», «Пращурь и потомки», «Мгновения трудного века», книг повестей и рассказов «Судьбы моей простое полотно», «Лада моя. Лада», «А жизнь прожита не зря», «Ступени восхождения», романа «Выбираю не тебя».

Николай Вениаминович Хапланов родился 3 ноября 1936 года в поселке Старобешево Донецкой области. Школу закончил в 1955 году. В том же году призван в ряды Советской Армии. Служил в погранвойсках. После службы в армии, т.е. в 1958-1961 годах работал на строительстве Старобешевской ГРЭС экскаваторщиком, монтажником-высотником. В 1961–1964 годы работал в тресте «Донбассканалстрой» бульдозеристом, затем – художником. В 1964-1969 годы был учителем русского языка и литературы в Донецкой школе №9. В эти же годы закончил филологический факультет Донецкого госуниверситета.

С 2000 года Николай Хапланов был советником городского головы. В 2000 году ему присвоено звание «Почетный гражданин Старобешево», а в 2002 году за выдающийся вклад в культурное

развитие города, активную общественную деятельность – звание «Почетный гражданин Макеевки».

* * *

ЛЕГЕНДЫ ПРИАЗОВЬЯ

(отрывки)

* * *

Я снова мысленно представляю тот далекий-далекий день, когда фуры, запряженные волами, остановились на берегу Кальмиуса и загорелые, усталые люди долго смотрели на его неторопливые воды, не решаясь начать разгрузку своего скарба. Потом кто-то из них (кто знает, может это был мой давний предок) вздохнул и сказал:

– Отныне это наша земля, наша новая родина.

Может это были не совсем такие слова, но что смысл их был именно таким, я уверен. Потому что тысячу раз ставил себя на место этого человека и понималб я, наверное, сказал бы что-то похожее.

Они распрягли и пустили пастись своих волов. Разгрузили прямо в степь вещи с поводом. Женщины принялись готовить на кострах пищу, а мужчины вонзили в землю предусмотрительно привезенные с собой лопаты.

– Хач? – спросил один из греков – урумов, что означало: «Сколько?».

– Беш у,- сказал старейший, что означало: «Пять домов».

И они построили первых пять домов. Хотя приехали на это место сразу около двухсот семей.

Так появилось маленькое село Бешу, которое по-русски зазвучало как Бешево, а со временем, когда невдалеке было построено еще одно село из пяти домов, то есть новое Бешу (Бешево), к первому названию добавили приставку старо. Старо-Бешево. А уже совсем недавно, лет 29 назад правописание этого названия еще более упростилось: два слова слились воедино: Старобешево.

А в 16 километрах от Старобешево на пяти невысоких холмах, расположенных в форме звезды, появилось село Стыла, что означает по-гречески Звезда (Стела).

К югу от Старобешево выросла Каракуба (Черная гора), ибо рядом, в самом деле, стояли черные каменные скалы. «...»

Прибывшие на нынешнюю Донецкую землю греки обустроивали свой быт, строились, вспахивали целинную, ковыльную степь, по которой в давние века, словно ураган, проносились орды диких племен, давно уже канувших в лету. Потому и звали издавна эту степь «диким полем». И вот теперь там, где среди буйных трав стояли загадочные половецкие каменные бабы, заблеяли отары овец, замычали стада коров, впервые крестьянская деревянная соха проложила сочную черноземную борозду.

Сперва они были скотоводами, потом стали пахарями. Кто-то сразу

почувствовал здесь себя хозяином. «...»

Греческие переселенцы влились в уже многонациональную семью Малороссии, стали подданными российского государства и вот уже более двух веков считают эту землю своей Родиной. И все радости, и все беды встречались за эти века плечом к плечу с украинцами, русскими, татарами, немцами, всеми, для кого земля Донецкая стала отчей, дорогой, незаменимой.

* * *

ПРАЩУРЫ И ПОТОМКИ

(отрывки)

ПЕСНЯ О СТАРОБЕШЕВО

Древнее селенье Старобешево –
Каменных забоев кружева.
Как хочу сказать тебе нежные,
Самые красивые слова!
Ты давно построено здесь дедами
У былинной Кальмиус-реки.
Мне твою историю поведали
Как и ты седые старики.
На полях твоих – хлеба былинные.
Как он сладок – хлеб твоих полей.
Мой поклон вам низкий, люди сильные,
Хлеборобы Родины моей.
Улица, что с детских лет известна мне,
Мне дороже всех земных красот.
Друг мой вместе с греческими песнями
Песни украинские поет.
Древнее селенье Старобешево –
Каменных заборов кружева...
Как хочу сказать тебе я нежные,
Самые красивые слова!

XIV

Двадцатый век к концу идет,
Все пережив и все изведав:
Голодный год и сытый год,
Войну, великую победу,
Сниженья сталинских цен
И гул великих пятилеток,
Страну, взлетающую с колен,
Железный занавес в полсвета,
Полет Гагарина, простор
Целинных песенных совхозов...
Но все ж над веком до сих пор,
Как взрывы, вспыхивают грозы.

Над ним опять то яркий свет,
То тишина, то снова штормы.
То радость, то лавина бед,
Развал державы и реформы.
И все, что выпало стране,
Планете, всем на свете людям,
Глубокой раною во мне,
Пока живу на свете, будет.
И боль, и песни, что поем,
Вожди, герои и тираны,
Вы в Старобешево моем –
Незаживающие раны.
Все, как у всех, у всей страны.
Одни на всех и ночь и солнце.
Одни мечты у всех и сны,
Всем вместе плачется, поется.
И все же, все же как терпло
Душе, когда в далеких далях
Ты вспомнишь древнее село,
Что Старобешево назвали. «...»

* * *

ШЛИ ВЕКА, СТРУИЛИСЬ РЕКИ...

Шли века, струились реки,
И, построив города, берега Азова греки
обживали навсегда.
Города росли, деревни,
Исады вrostали в степь,
И народ Эллады древний здесь лелеял тучный хлеб.
Век за веком, год за годом
день за днём идёт...
и вот
Стал совсем другим народом древней Греции народ.
И украинский и русский, языки всех рас и вер
с нашим греческим так густо перемешаны теперь.
Породнились верой, кровью, и делами, и судьбой...
За родное Приазовье уходили вместе в бой.
Видно так оно и надо.
Только...
Что же это мне незнакомая Эллада
часто видется во сне!

СКАЖИТЕ ПОБЕДИТЕЛЯМ СПАСИБО

Гремели над миром победные залпы,
Страна ликовала в цветах и слезах.
И каждый почувствовал яростный запах
Не пороха, – нет! – а цветов на полях.
Не пули, а пчелы жужжали и пели,
Не мины взрывались, а почки берез.
И не грохотала земля, как в апреле,
А тихо стонала от боли и слез.
Стонала от черных траншей и воронок,
От пепла и гари разбитых дорог.
Стонала печально, стонала сурово,
Стонала о тех, кто подняться не мог.
И плакала женщина над похоронкой,
И маршал рыдал на плече у бойца,
И радостно плакал худющий мальчонка,
Прижавшись лицом к гимнастерке отца.
О, тот день Победы! И слезы и радость!
Горячие встречи. И горечь утрат...
Звенели бокалы...
Блестели награды...
И лихо плясал у рейхстага солдат.
Прошло многолетье – и старыми стали
Солдаты минувшей Великой войны.
Но вечно за то, что нам День этот дали
Мы кланяться им благодарно должны.
Скажите же, люди, спасибо им снова,
Сто раз повторите, и тысячу раз
За то, что в сражениях самых суровых
Они сохранили планету для нас.
Скажите спасибо соседу, что ходит
С пустым, неудобно пустым рукавом,
Знакомому, в теле которого бродит
Осколок, добытый в году роковом.
И женщине той, что в солдатской шинели
Сквозь ливень металла, сквозь боль и сквозь страх
Бойцов, что упали с осколками в теле,
Носила на хрупких девичьих плечах.
Скажите спасибо за поле в ромашках,
За то, что не знаем мы горьких тех слез,
За то, что весной над Отчизною нашей
Так мирно взрываются почки берез.

* * *

СМЕРТИ СТАВ НА ПУТИ

Их было много. Всех не перечесать,
Кто в бой пошел на смертоносный атом,
Ответив на приказ коротким: «Есть!»
Как подобает истинным солдатом.
Пропитана смертью невидимой зона-
И город, и реки, и небо, и лес...
А женщина шла без упрёка, без стона
Туда, где дымилась зловеще ЧАЭС
И воздух был отравлен, и вода,
Рентгены землю хищно пропитали...
-Ты, человек, сразишься с этим?
-Да!
-И выстоишь?
Я стану крепче стали.

* * *

ИЗ СБОРНИКА «К ПОБЕДЕ ЛЕГЕНДАРНЫЕ ШАГИ»

СОЛДАТСКИЙ ЛЕКСИКОН

Дед Рыжов с лохматыми бровями.
Помню – он ни в чем не мелочил.
Он меня отборными словами
Обращенью с техникой учил.
Сколько было слов у старикана!
Стоэтажный русский перебор.
Никакими народами в прочих странах
Не осилить этот разговор.
Только он – старик Рыжов лохматый,
Старый экскаваторщик. Лишь он
Мог загнуть такое в смысле мата,
Что бледнел всемирный лексикон.
Я спросил: чтоб так уметь, папаша,
Много нужно, все таки, труда?
Он сказал: одной лишь рукопашной
Хватит, чтоб запомнить навсегда.

* * *

СТАЛИНСКИЙ СОЛДАТ

В квартире рядом с телефоном
Сидит задумавшийся дед,
И смотрит, словно ни икону,
На старый сталинский портрет.

И ордена есть и медали
У старика за ту войну.
И есть еще вот этот Сталин,
Что сторожит здесь тишину.

Дед чистит мелом «За отвагу»,
Медаль, как солнышко, горит.
А телевизор о ГУЛаге
Весь вечер что-то говорит.

Дед злится, говорит, что враки,
Что Сталин не тираном был.
С его ведь именем в атаки
В войну когда-то он ходил.

Он вспоминает часто ночью
Свой поредевший в битвах взвод.
И крик призывный, грозный, мощный:
«Ура! За Сталина! Вперед!»

Ворчит: Вождя оклеветали
Стараньем всяких подлецов.
Но остается вечно Сталин
Верховным для своих бойцов.

Он злится, выйдет, хлопнув дверью,
Идет, его задумчив взгляд.
Нет, хоть убейте, не поверит
В брехню ту Сталинский солдат.

* * *

МИЧМАН

Давай, товарищ мичман, расскажи нам,
Как ты на флоте Северном служил,
Как ваша мореманская дружина
Ходила на эсэсовцев в ножи.
Как твой кулак, похожий на кувалду,
Считал арийцам зубы не спеша,
Как наводя на Севере порядок,
Ходили в бой матросы – кореша.
Ты расскажи о мрачных серых сопках,
О месяцами длившихся носсах,
О том, как самый правый фланг Европы
Держали вы на собственных плечах.
Ты помнишь, мичман, шепот белой вьюги?
Она казалось, скрыла целый мир.
И матерясь, бросались в схватку юнги,
Покинув Соловецкий монастырь.

И не было ни трусивших, ни слабых
У тех, кто шел с напутствием твоим.
Сегодня ты тех юнг своих узнал бы
По орденам и ранам фронтовым.
Но нет тебя, и мы уж не услышим
Суровый адмиральский голос твой,
Который помнить будут все мальчишки –
Выпускники из школы восьмой.

* * *

О СОБАКЕ

Чтоб грязи не было в квартире,
чтоб не тревожил ночью лай,
пса отпустили люди с миром,
сказав: «проваливай, шагай».
Шел дождь и снег.
И ветер шало
С подвывом псину подгонял.
Был пес и голоден и жалок,
и что случилось с ним – не знал.
Зима трещала дико, страшно,
сжимал и в дрожь вгонял мороз.
И сон о прошлом, о вчерашнем
в чужих подъездах видел пес.
Но кто-то раз не поленился,
набрал спецслужбы телефон –
И через час раздался выстрел,
прервав собачий трудный сон.
Он заскулил, шагнул по снегу,
но устоять уже не мог...
А тот, кто выстрелил, уехал,
достойно выполнив свой долг.
Да, и такое чувство долга
бывает, что ни говори.
Хозяин павшего бульдога
жил в том же доме, но внутри.
Того он выстрела не слышал.
Он в это время смачно ел.
Он, кроме сердца, так уж вышло,
в своей берлоге все имел.

* * *

КАЛЬМИУС

Любоваться как будто
И ничем.
Речка Кальмиус.
Просто река.
По Отчизне моей этих речек
Сосчитать не сумели пока.
И на карте страны необъятной
Речка Кальмиус – тонкая нить.
Но без ниточки этой
Навряд ли шар земной
Я б сумел полюбить.
Кто-то рос у излучины Волги.
Кто-то силу растил у Днепра.
Я же в детстве своем босоногом
Там, где Кальмиус слушал ветра.
Теплый берег. Знакомые дали.
Старый мост.
У воды – тополя.
- Только здесь, – берега
Мне шептали, -
Начинается наша земля.

* * *

СЕДИНА

Двадцать первого – бал, аттестат...
Двадцать второго – война...
В сорок четвертом – он лейтенант,
И на груди ордена.
В сорок пятом – ему двадцать три.
Ни разу еще не влюблен.
- Смотрите, с войны возвратился старик, -
В то лето услышал он.

* * *

БЕЗ ТЕБЯ

Не хочу ни слова, ни вздохов...
Но средь ночи или дня
пуст тебе случится плохо,
если рядом нет меня.
Чтоб еда была невкусной,
если я не за столом,
и весь мир казался грустным,
и пустынею был дом.

Я ведь также, ты ведь знаешь —
даже вербной весной
задыхаюсь, погибаю,
если нет тебя со мной.
Друг без друга — это драма.
Боль в дыхании, в крови.
А сойдемся вечерами —
и ни слова о любви.
Ну, на что это похоже?
Ссоры, мир и ссоры вновь...
Слушай, милая, а может,
это все и есть любовь?

* * *

ЗЕРНА

Я не известен родословной.
Простым был пахарем мой дед.
Пахал. И был от пота солон
его нерадостный обед.
Рукой в коричневых мозолях
весной он щупал теплый грунт
И выводил семью на поле
На грустный, на крестьянский труд.
Устав от адовой работы,
его сутулилась спина,
И он лицом в морщинах потных
склонялся к пригоршне зерна.
И становилось деду легче
От зерен с запахом земли.
Он расправлял упрямо плечи
и резал плугом ковыли.
Когда мне солнце режет кожу
и в мышцах сил почти уж нет,
Мне, внуку, хочется вдруг тоже
Прижать лицо к зерну, как дед.

Харакоз Наталья Георгиевна

(1935)

Гречанка. Родилась 13 июля 1935 года в городе Мариуполе в семье служащих. Родословная идет от предков-греков, обосновавшихся после переселения из Крыма в села Приазовья и в Мариуполе. В 1953 году окончила десятилетку – Мариупольскую школу № 10, затем в 1959 году – Ждановский металлургический институт (ныне Приазовский государственный технический университет), работала конструктором в «Тяжмаше». С 1965 года стала посещать литературное объединение «Азовье» при редакции газеты «Приазовский рабочий», где были положительно одобрены литературные и журналистские способности, а с 1967 года – по приглашению редактора стала работать литсотрудником газеты. Публиковалась в изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Мариуполя, Грузии, США, Донецка и др. Рассказы и миниатюры на русском и греческом языках публиковались в греческом альманахе «Пирнэшу астру» выходящем в г. Донецке.

* * *

НАШ ВЕК

Скромное, чистенькое утро. Уютная пригородная электричка везет рабочих.

Солнце красным шаром скачет по серому горизонту за поездом, словно тоже боится опоздать.

Но вот поезд с разбега останавливается. Останавливается и солнце, спрятавшись на мгновение за сквозной, с облегающей листвой посадкой... Парень и девушка, покинув вагон, смеясь чему-то своему, соскакивают с высоких ступенек на уже уплывающий перрон.

Поезд резко дергается и мчится дальше. И сразу же солнце вырвалось из-за деревьев и покатилося шаром по горизонту.

И снова смех, говор в салоне вагона.

На дальней семейке дремлет грузный старик, чем-то похожий на моржа, неожиданно оказавшегося на берегу. У него длинное лицо с продольными морщинами, сведенные у переносицы брови, белые усы опущены. Что-то его тревожит: тяжесть прожитых лет, разочарование, неудачи, одиночество?

Все просто и понятно было в то утро. Работать, жить земными милыми заботами, смеяться, смотреть на озорное солнце, громко разговаривать, дышать чистым воздухом, любить. Быть молодым. Не

хныкать, не разочаровываться раньше времени, не обращать внимание на неудачи. Просто жить...

А все остальное придет. В свою пору. Как у старика с моржовыми усами.

* * *

ШПАЛА

Человек боялся всего на свете. Боялся новых ощущений, боялся своего начальника и вообще всяких перемен в своей жизни. Земной его пугал мороз, летом – жара. Даже жениться он боялся: вдруг ему попадется плохая жена.

Его бывшие товарищи учились, женились растили детей, успешно продвигались по служебной лестнице. А он жил тихо, незаметно, боясь взволновать себя какими-то изменениями.

Однажды у него спросили: почему он всего боится? Он не смог ответить на этот вопрос, но, придя домой, задумался, вспомнил далекое детство и мост через речку, шпалы трамвайной линии на нем. Неглубокая была речка, а мост совсем низко весел над водой, но по нему страшно было ходить. Особенно он ненавидел одну шпалу. Она отчаянно шаталась и скрипела, едва ее касались ногой, потому через нее надо было перепрыгивать. Осторожно ступая, он доходил до этой шпалы... и неизменно возвращался назад. А другие мальчишки бегали по мосту, не обращая внимания на опасность.

Потом в его жизни появилось много скрипящих, шатающихся «шпал», через которые надо было перепрыгивать, собрав всю свою волю и отбросив страх, и которые он старательно обходил узенькой дорожкой. Обходил... вот уже столько лет осторожными, неуверенными шагами... Невозвратно оставляя позади отрадную и волнующую жизнь.

И понял вдруг человек, что в детстве ему надо было перепрыгнуть только через одну шпалу.

Хаткина Наталья Викторовна

(1956-2009)

Родилась в Челябинске 2 сентября 1956 года. Детство Натальи прошло в Узбекистане в городе Каган. Училась на филологическом факультете Донецкого государственного университета и закончила его в 1978 году, по окончании до 1979 года работала в селе Терны Краснолиманского района Донецкой области учителем русского языка и литературы. С 1979 года в течение двадцати лет работала библиотекарем в Донецкой областной детской

библиотеке имени Кирова.

Работала журналистом в газетах «Мелочи жизни» и «Взгляд». С 2001 года была в редколлегии юмористического журнала «Фонтан» (Одесса). С 2003 года была главным редактором детского журнала «Апельсин» (Донецк). Писала стихи и сказки для детей, ироническую прозу. Печаталась в ряде украинских и российских детских и юмористических журналов: «Радуга», «Работница», «Крокодил», «Нева», «Донбасс», «Многоточие», «Арион», «Соты» (Киев), альманахе «Enter 2000». Первый сборник стихов «Прикосновение» вышел в 1981 году в издательстве «Донбасс» с предисловием Евгения Евтушенко. В дальнейшем выпустила поэтические сборники «От сердца к сердцу», «Лекарство от любви», «Поэмы», «Птичка Божия». Умерла 15 августа 2009 года.

* * *

БЕЛАЯ РОМАШКА

В дни поздней осени, промозглой и нервной,
вороний карк злым кашлем мучит парк,
и чувствуешь себя слегка туберкулезным,
и лучший друг – то Чехов, то Ремарк.

И в графике ветвей – рентген дырявых легких,
и псы на поводках кавернами хрипят,
на вдохе-выдохе – сипение и клекот,
и продано авто, и умирает Пат!

Сестра писателей – чахоточная осень.
Не обещай мне, бедная сестра,
сна на террасе в – как его? – Давосе.
Нет, не про нас Волшебная гора.

Мы – воины. И умираний длинных -
нет, не про нас! – и роскошь, и печаль.
В троллейбусе или на поле минном
нам коротко споет железный нахтигаль.

Склонясь над койкой ржавою подвальной,
нам Флоренс Найтингейл подаст воды глоток.
О, этот кроткий ангел госпитальный! -
она и соловей, она же и цветок.

* * *

О. Г.

Воздушная тревога. И в какой
подвал сойти со шкаликом чадящим,
немеркнувшей лампадой спиртовой?
Присядь, скрипя, в углу на старый ящик
и слушай вой. В ушах? Над головой?
В тревоге воздух. Медный купорос -
голубизны отравная истома.
Придешь домой – воронка вместо дома,
и только ветер треплет, точно пес,
какие-то листки из старого альбома.

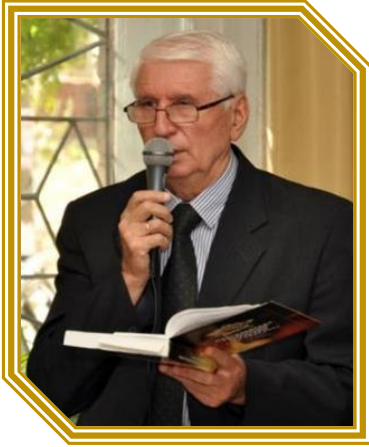
Присядешь собирать – и снова этот свист.
Спуститься вниз опять? Как парковый горнист,
остаться на посту? Пускай уже без горна.
Будь этот гипс живым, то – честен и говнист -
он предал бы родителей позорно.

Эх, Павлик, лишь бы не было войны.
Что ж небеса гудят? Гадальных карт не трогай.
Сгрузи себя в подвал картошкой до весны.
Бог весть, чем прорастешь. Мы все заражены
воздушно-капельной рассеянной тревогой.

Черепков Владимир Федорович

(1947)

Черепков Владимир Федорович родился 8 апреля 1947 г. в г. Артемовске Донецкой области. Окончил среднюю школу №11. Учился на филологическом факультете Воронежского пединститута, который окончил в 1969 г. лидировал в популярных в то время студенческих строительных отрядах. Будучи командиром военно-патриотического клуба «Красная гвоздика», встречался с легендарным Сидором Ковпаком.

В 1970г. был призван в ряды Советской Армии. После демобилизации работал учителем русского языка и литературы, с начала 80-х годов – директором общеобразовательной средней профильной школы № 5. За прогрессивную постановку учебного процесса и эффективное ученическое самоуправление Владимир Федорович отмечен медалью им.С.Макаренко. Как вспоминает В.Ф. Черепков, первая проба пера состоялась в 14 лет. Первая книга «Ладонь души» вышла в Артемовске в 1991 г. Вторая – «Ясенец» – в Донецке в 1997г.

За последние 15 лет его литературной жизни вышло уже 10 сборников.

* * *

КРИК ДУШИ

Анатолию Астрову

Жизнь с минутой каждой убывает,
Но болит душа не от того.
На глазах, на морях погибает
В муках детства моего.
Ни лещей, ни раков нет, ни рыбы
И от мест купальных – ни следа.
Где же ты, былинная Бахмутка?
Где ты, родниковая вода?
Нет ответа. Может, голос слабый?
Месяц, как топор у палача.
Что там птицы, если даже жабы
За мостом железным не кричат.
Где купала меня в детстве мама,

Где пронзили стрелы камыша,
Кое-где остались рвы и ямы,
К счастью Робинзона-малыша.
Но душе и муторно и жутко.
Лебеда повсюду, лебеда...
Сквозь судьбу мою течет Бахмутка
–
Рыжая и мелкая вода.
Да, чужого горя не бывает,
Не бывает горя ничьего.
Люди, помогите! Помогает
В муках речка детства моего.

Шадур Павел Яковлевич

(1913-1999)

Родился в 1913 в г. Юзовка (Донецк) Екатеринославской губернии, по национальности – еврей. Война застала его в Москве, по состоянию здоровья на фронт не брали, он записался добровольцем в истребительный батальон, где пребывал с 1 июля по 10 октября 1941 г. Затем его направил в 1071 отдельную эксплуатационную телеграфную роту Старший лейтенант командовал взводом телеграфистов на Брянском, 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. С июля 1944 г. они обеспечивали связью части 1-й польской армии, участвовавшей в Восточно – Померанской и Берлинской операциях. Команде старшего лейтенанта часто приходилось под бомбёжками и миномётно – артиллерийским огнём устранять порывы линии. После демобилизации он вернулся в Донецк, издал несколько книг сатиры и юмора. Послушать бывалого фронтовика и талантливого поэта собиралась творческая молодёжь. Умер в 1999 г. в Киеве.

* * *

УГОЛЬ И ПОРОДА

Однажды Террикон пред всеми хвастался вслух:

«Я так велик,
Я так огромен,
Я выше труб и выше домен,
Лишь на меня взгляни – захватывает дух!
Я виден каждому издалека,
Известен каждому от края и до края.
Вот хочу, и облака
Могу достать, руки не поднимая.
Даже, как рассказывали мне,
Я был изображен на полотне...»
Он долго говорил, и все в такой же форме,
Увидев Уголь на платформе,
И адресуя речь свою к нему
Лишь одному.
Но уголь отвечать ему не стал,
Его увез в далекий путь состав,
Где стройки и заводы ожидали.
Он стал огнем,
Он жил в металле.
А все говорили с уважением о нем.
А Террикон
Хлестали ветра с четырех сторон:

Он с каждым днем все выше поднимался.
Но все ж... пустой породой оставался.

* * *

Мы знаем и людей такого рода:
Иной – послушаешь – уж так себя вознес,
Так хвалится и задирает нос,
Но если глубже посмотреть –
Порода.

* * *

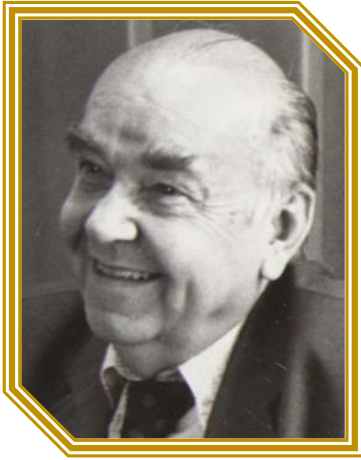
КОМБАЙН И ЛОПАТА

Когда наш угольный Комбайн
Был спущен в лаву,
Он славу
Завоевал себе по праву, –
Шахтерский труд Комбайном облегчен...
Но как-то был Лопатой встречен он.
А у Лопат свое, известно, мнение.
Лопата говорит:
«Меня берет сомненье,
Вот Врубовка – твоя родня
Прожить не может без меня
Ни дня.
На что уж мощный агрегат,
А все ж грузить всегда меня просила.
Нет, вам не обойтись без нас,
Лопат,
Мы – главная на шахте сила!
Еще придут к Лопате на поклон...»
Но тут комбайн в работу был включен.
На транспортер пошел потоком уголь...
Лопата же, отправленная в угол,
Теперь уборкой только занята.
Я здесь лопату вывел неспроста.
Таких лопат у нас еще немало.
Они живут, довольные собой,
А новое давно пришло в забой,
И что вчера казалось нам мечтой,
Сегодня нашей жизнью стало.

Шутов Виктор Васильевич

(1921-1987)

Поэт и прозаик, защитник Ленинграда от оккупантов, а наших героев – от забвения, почётный гражданин Донецка. Всё это – Виктор Шутов. Он оставил нам богатое наследство: стихотворные сборники, романы, книги для детей, повести, очерки о Донецке. И, конечно, песни о нашем крае – «Шахтёрская лирическая», «Город синих терриконов», «Любимый Донбасс», «Саур-Могила». Благодаря его упорству, боевому характеру, жажде справедливости появились книги «Смерти смотрели в лицо», «Рядовые подполья» и другие, открывающие правду о деятельности донецких подпольщиков в годы оккупации. Именем Шутова названа улица областного центра, а также литературная премия.

* * *

ХЛЕБ И УГОЛЬ

Где круто шоссе
опускается к логу,
кусок антрацита
упал на дорогу.
Упал он с машины
На полном ходу
и сразу – под шины,
и сразу – в беду.
Кусок раскололся
на тысячи лучиков,
а грустное солнце
задержнулось тучами.
И понял я, понял,
что нужно сейчас же
собрать
и поднять
на ладонях,
как счастье,
кусочки угля...
О родная земля,
дождями пропахла ты

и работой,
мозолями рук
и соленой рубахой;
я знаю, я видел,
с какою заботой
хлебные крошки
сбирает твой пахарь.
Хлебные крошки,
вы колосомгнулись,
стебля ладошки
к солнцу тянулись,
сила земная
вас напоила...
А разве другая
уголь взрастила?
Так зачем –
под колеса,
зачем же – на ветер
дары,
что приносят тысячелетья?

* * *

НЕМНОГО О СЕБЕ

Как положено на свете, —
Я покину мир земной, —
Сообщат о том в газете
И забудут — с глаз долой...
А, возможно, критик местный
Вдруг да вспомнит обо мне:
Мол, в Донбассе был известный,
И немного всей стране.
Биографии шахтерской,
На войне — простой солдат,
По комплекции неброский,
Не из робких и не хват.
Попадал в беду — не охал,
И здоровье не берег;
Сочинял стихи неплохо,
Приналег бы — лучше смог.
После ратного похода,
Ради счастья и весны,
Врачевал со всем народом
Раны горькие страны.
А во время передышки,
Как в недавние бои,

Побратимам — не из книжки —
Он читал стихи свои.
О товарищах-рабочих,
О героических их делах;
Может, с рифмою не очень,
Но душа жила в строках.
Может, слабость в смысле слога,
Но в стихах был свет от звезд,
Возвышалась в них эпоха
В богатырский полный рост.
Билось пламенное время
И, возможно, потому,
Что одной судьбой со всеми
Было жить светло ему.
Так ли скажет, я не знаю,
Местный критик вдалеке,
Но пока я уповаю:
Может, вы в моей строке
Ощутите вдохновенье,
Что передано словам,
Что хоть капельку волненья
Перельется в сердце к вам.

* * *

КАЧЕЛИ

Я знаю в городе качели —
они из струн виолончели,
на них играет ветерок —
тугой невидимый смычок.
Туда-сюда — и голоса
взлетают вверх, под небеса.

Пойдем и мы на те качели,
пусть нам споют виолончели.
Легко и плавно: вверх и вниз —
поберегись, посторонись!
Летим к земле...
Потом подъем,
и мы — одни,
и мы — вдвоем,
слегка кружится голова,
и захмелели чуть слова.
А может, вовсе не они?

То нами прожитые дни,
и пред тобой и предо мной
уже кружится шар земной,
а где-то там
огнями светят
и города и поезда,
и то ли звезды,
то ли ветер –
туда-сюда, туда-сюда...

Плывут, качаются качели,
слегка кружится голова,
над нами власть виолончели,
и не нужны уже слова...

* * *

ПУТЕШЕСТВИЕ КАРАНДАШЕЙ

1

– Давайте познакомимся:
Олегом звать меня,
С сестрой мы часто ссоримся –
Сто раз в течении дня.

Она всему виновница,
Как что – и сразу в крик,
Ей что – она не школьница,
А я-то – ученик.

Сестра шумит и дразнится,
Но мама – ничего,
Ругает не проказницу,
Меня лишь одного.

А летом – вот история
Произошла с сестрой!
На что хотите спорю я –
Не знаете такой.

...Купила мама Дашеньке
Цветные карандашки,
Зеленые, и синие,
И желтые, и красные, –
Черти прямые линии,
Рисуй кружочки разные.
А если в рисовании
Проявишь ты старание,
То самолет получится
И каменное здание.

Но девочка упрямится:
– Не буду рисовать,
Зеленые мне не нравятся,
Коричневый не нравится, -
И ну ломать, бросать...

2

Когда уснула Дашенька
И был погашен свет,
Собрались карандашики
Под креслом на совет.

Шесть битых, искалеченных
Товарищей цветных.
– Здесь оставаться нечего, -
Сказал один из них.

– Я школьникам признанный,
Студентам нужен я,
А девочка капризная
Сломала вмиг меня.

– Протест его приветствую, –
Тут Черный пробасил, -
Я от царапин бедствую,
А был вчера красив.

Отсюда непременно я
Отправляюсь в детский сад.
Там детвора примерная,
Мне каждый будет рад.

Со мной пойдет Коричневый,
И желтый убежит.

– Поступок неприличный вы
Хотите совершить.
Вам говорю ответственно
Я, Красный карандаш, -
Вот, в положеньи бедственном,
Лежит приятель наш.

Девчонка Синий мучила,
Бросала в кипяток, –
Такой тяжелой участи
Он вынести не мог.

Распался, к сожалению,
Наш сини пополам.
Бежать с таким ранением
Он разве сможет сам?

– А как же мне?
Не видно вам,
Что я едва дышу...
Без сердца, без графитного
Как быть карандашу?

– Да, в руки нехорошие
Пришлось нам угодить...
– На что теперь похожи мы?
– И как мы будем жить?

3

Солнце глянуло в окошко,
Будит Дашеньку:

– Пора!
– Я посплю еще немножко:
Поздно я легла вчера.

– Вот обманщица! Лентяйка,
Ну-ка, быстренько вставай-ка! –

Солнце Дашу за плечо.
– Ой, не жгись так горячо...
– Солнце, Солнышко, я встала!
– Молодец.
Теперь скажи,
Что вчера нарисовала,
Где твои карандаши?

Даша вымолвила робко:

– Под столом лежит коробка.

– Нет, неправда! Убежали
Шесть товарищей цветных.
Ты их, Даша, обижала
И калечила ты их.

По оврагам, по пригоркам
Шли и мучились до слез.
Возле фабрики на зорьке
Мне их встретить довелось.

– Жаль, что ты не можешь выше
Ни взобраться, ни взлететь.
Если б ты была на крыше,
Все сумела б разглядеть.

Мне с высокой высоты
И дороги, и мосты,
И дома, и поезда,
Реки, села, города,
Старики и малыши,
И твои карандаши
Хорошо видны всегда.

4

Но куда они пропали?
Возле фабрики их нет.

Ну и шустрые – попали
К инженеру в кабинет.

На пороги он их встретил,
Приглашает всех за стол.
– Вас какой попутный ветер
К нам на фабрику привел?

– Мы от Даши убежали,
Пробирались к вам всю ночь.

– Мы побиты, мы устали.

– Вы нам сможете помочь?

– Я без стержня, поглядите...

– Пополам распался я...

– Не шумите, погодите,
Успокойтесь-ка, друзья.
Мы, конечно, вам поможем,
Хоть задача нелегка,
Стерженьки подправить сможем,
Лаком выкрасим бока.

Для леченья непременно
Нужен разный матерьял:
Клей столярный, кедр отменный,
Глина, краска и крахмал.

Мой совет вам: понапрасну
Не теряйте время здесь.
В Ленинград езжай-ка, Красный,
Для тебя там фольга есть.

А в Черновцах – клей столярный,
Синий, ты куда ступай.
Путь Коричневого – дальний,
К Иртышу, в таежный край.
В Ярославль за лаком, Черный,
Отправляйся поскорей,
Да в дороге будь проворней,
Расторопней и смелей.

А Зеленого в Казани
Обеспечит всем завод,
Стеарин он там достанет
И крахмал он там возьмет.

Только Желтому не нужно
Далеко идти в поход:
Он и здесь, под небом южным,
Каолин себе найдет...

- Солнце, Солнышко, постой-ка, -
Вдруг раздался Дашин крик, -
Трудных слов сказал он столько,
Что забыла я их вмиг.

- Да и я не понимаю,
Что сказал им инженер.
Каолин, я все гадаю,
Что такое, например?

5

...Но, пока мы говорили,
Наш Коричневый уже
По тайге идет в Сибири,
Видит сплав на Иртыше.

Вот стоят в молчаньи кедры,
Нет прямее их стволов,
В высоту по сорок метров,
И живут по пять веков.

Только в кедровой одежде
Могут быть карандаши,
Но одежде этой прежде
Нужно выйти из глуши.

Потому поют здесь зубья
Электрической пилы –
Дружно валят лесорубы
Кедров стройные стволы.

От ветвей их очищают
И цепляют к тракторам.
Тракторам стволы таскают
К голубой реке,
А там –

По реке лесной студеной
Кедров тянется маршрут,
Их потом кладут в вагоны
И на фабрику везут...

6

– А теперь посмотрим, Даша,
Мы с тобою на Донбасс.
Где второй наш карандашник,
Что он делает сейчас?
– Покажись, откликнись, Желтый!
– У Донца я, здесь вот, здесь.
– Но зачем в карьер зашел ты,
В глине вымазался весь?

– Эта глина не простая,
Каолином названа,
Видишь – белая какая,
Тронешь пальцами – жирна.

И фарфоровые чаши
Можно делать из нее,
И для стержней карандашных
Это первое сырье.

Чтобы стал добротным стержнем
И писал бы хорошо,
С глиной смешивают прежде
Мягкий белый порошок.

Он в карьерах на Урале
Добывается давно.
Тальком – так везде назвали
Порошок чудесный,

Но
Каолин всегда лишь белый,
Тальк – он точно же такой.
А ведь стержни нужно делать
Так, чтоб каждый был цветной.

Чтобы Синий стал бы синим,
Чтобы Желтый желтым был,
Чтобы школьник в магазине
Взял – и радугу купил.

На химических заводах
Лаки, краски производят, -
Ну какой захочешь цвет!
И такой, что есть в природе,
И такой, какого нет.

7

Едет Черный с эшеленом,
Лак и краску он везет.
А за ним летит Зеленый –
Стеарина три вагона
Нагрузил ему завод.

Красный к югу тоже мчится,
Матерьял достал и он:
Фольга нежная искрится,
Освещает весь вагон.

С шоколадною конфетой
Попадает фольга в дом,
Называют фольгу эту
Дети просто серебром.

Карандаш возьми ты в руки,
Пусть простой, или цветной, -
Одного зовут – НАУКА.
А другого – ВЕСНА.

8

...А компания-то наша
Вся на фабрике опять!
Что им скажут и покажут –
Интересно бы узнать.

Двери в шумный цех открыты,
Приглашает мастер их,
Покалеченных, побитых
Шесть товарищей цветных.

9

Ходит, ходит пилорама
Вверх и вниз,
Вверх и вниз, -
Беспокойный и упрямый
Этот звонкий механизм.

Лишь пила затронет бревна –
Взвизгнут зубья, завизжат,
И на доски быстро, ровно
Режут бревна все подряд.

У пилы стоит рабочий –
Командир над нею он:
Остановит, коль захочет,
Если нужно – даст разгон.

А затем другой пилою
Доски режут на куски
В две ладошки шириною
И длиною в три руки.

Рядом трудятся стальные
Многопильные станки,
На дощечки небольшие
Разрезают те бруски.

Нужно двести – двести будет,
Хочешь больше – триста штук!
Если б делали их люди,
Сколько б требовалось рук!

Но станки легко и споро –
Успевай лишь убирать –
Тех дощечек прямо горы
Могут в смену нарезать.

Их потом бросают вместе
В автоклав – огромный бак,
В автоклаве тысяч двести
Поместить – совсем пустяк.

Вот его закрыли туго,
И часа четыре пар
В нем клокочет, воет вьюгой
И бушует, как пожар.

Припекает, словно в печке,
Карандашные дощечки,
Обдаёт их так горячей
И напористой струей,

Что они, как будто плачут,
Расставаясь со смолой.

После жгучей, душной бани
У дощечек путь один:
Через цех везут на кране
Их в корзинах прямо к ванне,
И – в кипящий парафин.

А потом дощечки эти
Спят в сушилке двадцать дней.
Снится им таежный ветер,
Да сердитый рев зверей...

10

В цехе стержневым просторном
Грохот все растет, растет,
Словно бурный, грозный, горный
На людей обвал идет.

Это мельницы гремят –
Не простые, ветряные, –
Барабанно-шаровые
В цехе мельницы стоят.
Банке маленькой консервной
Барабан железный – брат,
Только сделан он примерно
Больше банки во сто крат.

В барабаны насыпают
Каолин, краситель, тальк,
Голыши туда бросают
И потом вращают так,

Что они и днем и ночью
Для стержней сырье мельчат,
Разбивают, крошат, топчут
Двести пять часов подряд.

После этого машина
Массу мнет со стеарином.

Чтобы сделать эластичной,
Отправляют на станки.
Где упорно и ритмично
Массу трут и трут валки.

А потом под гидрокпрессом
На нее со всех сторон
Давит, давит сила весом,

Весом сразу в триста тонн.

От давления такого
Не уйти, не убежать,
Колобашкой цилиндровой,
Как бидончик двухлитровый,
Этой массе нужно стать.

Сколько всяких, сколько разных
Колобашек здесь цветных:
И коричневых, и красных,
Черных, желтых, голубых.

Вот работницам в спецовке
Задержалась у стола,
А потом легко и ловко
Колобашку подняла,

Поднесла ее к машине,
Положила в котелок,
Кнопку – раз, и вмиг машине
Помогать примчался ток.

Он мотор привел в движенье,
Шестеренки – сразу в ход,
Ну, а те без промедленья
Поршень двинули вперед.

В котелке внизу отверстие, –
И пошел поток цветной,
Десять стержней, сотня, двести –
Режет ножичек стальной.

Килограмма три – не больше
В колобашке было той.
Надавил упрямый поршень –
Котелок, гляди, пустой.

Вместо толстой колобашки
Стало стержней штук семьсот.
Одевать их все в рубашки
Наступил теперь черед.

11

Уложили, подсушили,
В карандашный цех снесли,
Где машины небольшие
Спор с дощечками вели.

- Мы вас быстренько обточим.
- Нет, довольно, хватит с нас!

Усмехнулся тут рабочий:
«Вы подружитесь сейчас».

Только он включил моторы,
Мигом умные станки
На дощечках очень споро
Стали делать желобки.

А затем столярным клеем
Стал их мазать автомат.
Опускает на конвейер
И туда несет скорее,
Где работницы сидят.

А они движеньем ловким
Тренированной руки
Все кладут без остановки
В желобочки стерженьки.

Не успел моргнуть ты глазом,
А они уже лежат
На одной дощечке сразу
Пять цветных стержней подряд.

Стерженьки другой дощечкой
Накрывают в тот же миг,
И конвейер, словно речка,
Из-под рук уносит их.

Наконец, их положили
На строгальный автомат.
Вот они вперед поплыли,
Повернулись и – назад.

Льются тонкой струйкой стружки
Из-под острого резца,
Словно серьги-завитушки,
В два кольца и в три кольца.

Вот какие молодцы
Полукруглые резцы!

Лишь пройдутся по дощечке
Сверху раз и снизу раз –
На пол высыпят колечки,
Будто людям напоказ.

А дощечкам нету счета –
Все плывут вперед, назад.
С поворота, разворота

Их строгают автомат.

И в стоящий рядом ящик
Все быстрее, быстрее, быстрее
Сыплет, сыплет настоящих
Тысячи карандашей.

И другие автоматы
Делу также очень рады:

Загрунтуют карандашик,
Лаком выкрасят,
Потом
Год, заказ и имя даже
Напечатают на нем.

Вот они совсем готовы –
Всех цветов карандаши,
Хоть бери и ярким новым
Дом рисуй, слова пиши.

12

Такие вот и Дашеньке
Купили карандашики...

С бедою и тревогою
Не встретятся теперь,
Далекою дорогою
Они обходят дверь
Квартиры восемнадцатой,
Где было трудно им,
Опасно поселятся там
Товарищам цветным.
А Солнце нашу Дашеньку
Тихонько за ушко:
– Достались карандашики
Ты думала легко?

Ты погляди-ка пристальней
На карандаш любой –
Тайга, речные пристани
Вдруг встанут пред тобой.

Урал с седыми горами,
Заводы над Невой
И с шумными просторами
Донецкий край родной.

Ты погляди внимательно
На карандаш любой,

Как сделан он старательно
На фабрике большой.

Немало в нем упорного
Рабочего труда.
В нем кедр и глина горная
Сроднились навсегда.

Товарищем, попутчиком
Стал карандаш для нас.
Друзья, где сыщешь лучшего
Помощника сейчас?

Простой сдружился с плотником,
Из всех карандашей
Для счетного работника
Химический важней.
А в школе Анна Марковна
Ученикам своим
Пятерки ставит яркие
Карандашом цветным.

И эта строчка каждая –
Печатные слова, -
В тетради карандашной
Строкой была сперва.

Строка к строке – и книжица
Теперь у нас в руках,
А в ней о Даше пишется,
Ее карандашах.

Еще о том, что в древние,
Далекие года
Не то чтобы деревни их –
Не знали города...

И пишем и рисуем мы,
Не ведая о том,
Что раньше это делали
Свинцом и серебром.

Писали даже золотом.
Но вот столетий шесть
Тому назад
Из города
В другой помчалась весть
О том, что есть в Испании
И в Англии графит –

Хорош для рисования,
И пишет, и чертит.

А вскоре обнаружили
Графит у нас в стране –
В далекой и завьюженной
Сибирской стороне.

Карандаши свинцовые,
Стержни из серебра
Графитными дешевыми
Сменить пришла пора.

В России Ломоносов их
Впервые делать стал...
Везде, везде запрос на них
С годами возрастал.

... Конте – ученый Франции –
В далекие те дни
С собой взял как-то в странствие
Графитные стержни.

Запасся целой связкою,
Чтоб записи вести,
Была ж дорога тряскою –
Побило их в пути.
Но от беды случайной он
К открытию пришел –
Одежду деревянную
Для стержней изобрел.

Сегодняшним подобные,
Что можно в час любой,
Простые и удобные
Купить, носить с собой,
Лишь полтора столетия,
Как родились на свет, -
С карандашами этими
Мы дружим с детских лет.

И, как ты ни выискивай, -
Везде, во всех краях,
В колхозах и на приисках,
В аулах, в городах,
Людей, что не читали бы,
В стране советской нет,
Людей, что не писали бы,
В отчизне нашей нет.

Ученым, изыскателям,
Всем школьникам страны,
Рабочим и писателям
Карандаши нужны.

Конструктору – чертежные,
Проводнику – дорожные,
Художнику – цветные,
А мне, друзья, – простые.

Карандаши московские,
Славянские и томские,
Хорошие, красивые –
Повсюду спрос на них...

А в царскую Россию
Карандаши возили
Из городов чужих,

И кажется нам небылью,
Что сорок лет назад
В России фабрик не было
Не то чтоб карандашных,
Но и графитных даже.

Теперь они стоят
В родной Москве-красавице,
В Донецкой стороне.
Продукция их славится
И ценится в стране.

В труде, в учебе лучший он
И неизменный наш
Помощник и попутчик он, –
Добротный карандаш.

* * *

ТРУДНЫЙ ПЛАСТ

* * *

ВДОХНОВЕНИЕ

Я родился в семье шахтера,
в донецкой шумной стороне,
где про Егора-Святогора
дед говорил, бывало, мне.

Он уверял меня: не где-то,
а в нашем угольном краю
Егор простился с белым светом,
истратив силушку свою.

Не помогла ему отвага,
зря обращался он к мечу –
богатырю земная тяга
у нас пришлась не по плечу.

Земля столетними руками
держала камень огневой,
поднять не смог такой вот камень
былинный сказочный герой.

...Осталось детство за курганом,
растаял дедовский рассказ.

Когда, каким же великаном
встревожен огненный Донбасс?

И камень силы небывалой
подняли лаской иль грозя?
Земля, ты полем брани стала,
в остроконечных шлемах вся.

Перед тобою блекнут сказки,
встает немыслимая быль
в степях разбуженных донбасских,
где стыл тоскующий ковыль.

Совсем обычный, не былинный,
земной рабочий человек
породы дикие раздвинул,
пробил он в твердь седую штрек.

Он камень черный взял и поднял,
вдруг став сильнее сам в сто крат,
и я о нем пою сегодня,
его земляк и младший брат.

* * *

СОСНОЮ СВЕЖЕЙ ПАХНЕТ ЛАВА...

Сосною свежей пахнет лава,
хрусталится в луче смола,
а парню вспомнилась Полтава,
дорога на краю села.

О том селе по всей округе
идет хорошая молва,
оттуда шлет ему подруга
в конвертах теплые слова.

Сейчас на горизонте пятом
горняк проходит под землей,
и рядом – сильные ребята,
что штурмом брали свой забой.

Сопrotивлялся черный камень,
давался с боем, но потом
покорно плыл он рештаками,
сраженный волей и трудом.

И из глубин тысячелетий
на эстакаду вдруг попав,
на солнечном на ярком свете
блеснул огня и жизни сплав.

* * *

ВЕШНИЕ ЗОРИ

Хороши в Донбассе зори вешние
над степной шахтерской стороной,
ох, недаром пареньки нездешние
из-за них теряют свой покой.

Вечерами с местными девчатами
деликатный разговор у них,
говорят, что даже над Карпатами
не пришлось встречать им зорь таких.

Как всегда, немного приукрасили,
только все же славные они:
по душе теперь дела в Донбассе им
среди шахтерской трудовой родни.

Увлекают парни разговорами
по весне подружек озорных,
говорят, что со степными зорями
разлучить никто не сможет их.

Говорят, а сами улыбаются,

и глядят внимательно в глаза,
словно в них-то зори загораются,
словно в них вечерняя краса.

Хороши в Донбассе зори вешние
над степной шахтерской стороной,
ох, недаром пареньки нездешние
из-за них теряют свой покой.

* * *

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ «СМЕРТИ СМОТРЕЛИ В ЛИЦО»

Начало

Леонид Чибисов ждал весточки от Андрея Андреевича Вербоноля. Необходимо было доложить о поступлении на работу в немецкую организацию «сельхозкоманда». Первое задание он выполнил – обеспечил себе возможность жить легально. Не терпелось рассказать и о Богоявленской. Привлечь бы ее к подпольной работе, но он не имел права входить в контакт с Августой Гавриловной без разрешения Вербоноля. С ним Леонида Чибисова познакомил капитан Шумко за месяц до прихода в город оккупантов.

– Обстановка будет сложная, – сказал капитан будущим подпольщикам.

Он тщательно инструктировал их. – Почти все вопросы придется решать самим. Андрей Андреевич, вы должны взять на себя боевую часть подполья. Товарищ Чибисов – организацию печатной пропаганды. Вербоноль лет на пятнадцать старше Леонида. Высокий, плечистый, на голове густая черная шевелюра, зачесанная назад. Он понравился Чибисову выдержкой, неторопливым разговором, прямым взглядом чуть узковатых глаз под большими черными бровями. От Шумко они вышли вместе. Вербоноль предложил посидеть в сквере Павших коммунаров... Андрей Андреевич опустился на скамью, положил руки на спинку и, запрокинув голову, тихо сказал:

– Осень. Деревья присмирели.

Людей вблизи не было. Только в глубине сквера из траншеи выбрасывали землю. Рыли укрытия и возле банка. Стоял безветренный полдень. На заводской стороне вскрикивали маневровые паровозы да тяжело посапывала воздуходувка. Раздавался резкий выхлоп на доменной печи и с протяжным завыванием неслись над улицами, крышами домов и сквером, где сидели два человека, еще несколько часов тому назад не знавшие друг друга. Они, возможно, и раньше бывали в этом сквере, стояли рядом над могилами коммунаров. На чугунных щитах – фамилии павших двадцать лет назад. Андрей Андреевич знал некоторых из них. Он был в рядах красных партизан и воевал с бандитами, от рук которых погибли лежащие ныне под могильными

плитами: Леонид родился год спустя после революции. Отец его завоевывал свободу. Теперь пришла пора сыну отстаивать ее.

Побуревший лист клена сорвался с ветки и, описав дугу, упал в чашу небольшого фонтана на центральной аллее. Посередине чаши на камнях стояла фигура девочки. Андрей Андреевич проследил за полетом листа и задержал взгляд на статуе. В городе это был единственный фонтанчик со скульптурой. По вечерам вокруг него собирались люди и, тихо переговариваясь, любовались веселыми струйками, блестящими в электрическом свете. Вербоноль приходил в сквер до женитьбы. Когда обзавелся семьей и построил дом на Калиновке, сюда заглядывал редко – по пути в кинотеатр «Красный» или в драматический театр: они находились недалеко от сквера, за базарной площадью.

Шумное место в Сталино – квартал от Госбанка до заводских ворот. В двадцатые годы людей притягивал цирк, потом – театр и кино. Затем поднялся крытый рынок – пассаж, а года два назад вырос огромный универмаг... Сейчас вокруг настороженная тишина. Фронт совсем близко. Все учреждения послали людей на рытье окопов. В городе, во дворах и возле каждого дома копают укрытия. С вечера по улицам ходят наряды милиции и добровольцы.

Месяц назад Вербоноль выдали удостоверение инспектора «Донгортопа». Он имеет круглосуточный пропуск. Так началась его подготовка к подпольной работе. Сталино могут захватить враги.

– Будем встречаться здесь, – прервал молчание Андрей Андреевич. — Каждую пятницу.

Он пожал руку Чибисову и пошел в сторону универмага. Походка неторопливая, твердая. Леонид с минуту смотрел ему вслед, потом направился к троллейбусу.

Пятого октября они встретились снова.

– Пойдем, – сказал Вербоноль. – Сидеть некогда.

С первой линии вышли на Пожарную площадь. По улицам ехали груженные машины. Их водители подавали нервные сигналы. Разного тембра и звучания – резкоголосые, вибрирующие, басовитые, визгливые – висели они над взбудораженным городом. По мостовым гремели брички, проскакивали пролетки, тарахтели тарантасы. Возчики нетерпеливо понукали лошадей и хлестали их кнутами. Налетавший из переулка ветер подхватывал обрывки газет, бумагу и тащил по тротуарам. Хлопали двери учреждений, в квартирах плакали дети, кричали взрослые. Небольшими группками люди направлялись в сторону Макеевского шоссе.

Вербоноль и Чибисов шли молча. На какую-то секунду улицы заполонила тишина, и ветер донес тягучий гул со стороны Рутченково.

– Канонада, – проговорил Андрей Андреевич.

Пришли на десятую линию. У полуторазэтажного дома Вербоноль

заговорил снова:

– Запоминай. Я буду показывать конспиративные квартиры. Здесь наши люди. Знать их тебе не обязательно. До поры до времени, понятно. Встречи с ними только по паролю. Красный дом с зелеными воротами, что прошли, – первый. Запомнил?

Чибисов оглянулся и еще раз посмотрел на полуторазэтажный дом.

– Запомнил, – ответил он.

На Двенадцатой линии подпольщик показал на приземистую хибарку с подслеповатыми окнами, и они по Институтскому проспекту направились к Кальмиусу. После непродолжительного молчания Андрей Андреевич спросил:

– А что у тебя?

– Целую неделю тренировался. Поначалу, как дятел, клевал – одним пальцем, – сказал Чибисов и широко улыбнулся.

– Напечатал послание машинистке. Объяснился в любви... Вчера уехала и не попрощалась.

– Может, это и лучше, Леня. – Голос у Вербоноля дрогнул. – Меньше тревоги и прочего.

С Десятой линии по Институтскому проспекту спустились к Кальмиусу. То и дело налетал ветер. Оголенные деревья дрожали, как в ознобе. Над землей тяжело проплывали тучи... Возле мостика, перекинутого через Кальмиус, Вербоноль остановился.

– Прощаемся, – сказал он.

– Как? Вы уходите из города?

– Меня не будет дней десять. Все остается по-старому...

Вот, брат, как все обернулось. Война достала и нас.

– А-а, – вздохнул Чибисов. – Проклятый туберкулез... Мне бы на фронт.

– Он здесь будет, Леня. А где труднее – неизвестно, – сказал Андрей Андреевич. Попрощался и пошел через мостик, неторопливо, будто уходил на отдых после работы.

У Чибисова защемило сердце. Рядом, как рубеж, протекала черная речка. Кажется, стоит перейти ее – и все недавнее возвратится назад. Нет никакой войны, люди радостные, озорные и добрые окружают его. Впереди непочатый край годов, работа, любимая девушка и высокое-высокое небо. Сколько раз он подымался в неоглядную синь. Бывало, повиснет под белым куполом парашюта и не верит, что выше птиц забрался. А потом – болезнь. Рухнула первая мечта – небо перестало принимать его...

Вербоноль скрылся за домами. Леонид вверх по улице направился к центру города. Вышел к Дому Советов, где егослуживцы упаковывали документы и ценные вещи для отправки в тыл. Леонид возвратился домой на Пятую Александровку под вечер. В пути его застал холодный дождь, больно хлеставший по лицу. Сняв мокрое пальто, он прошел в свою комнатку и тяжело опустился на кровать. Раза

два в комнатку заглянула мать, тихо окликнула его.

– Должно, уснул, – прошептала Наталья Дмитриевна.

Но Леонид не спал, он вслушивался в тишину. Дождь прекратился, и, кажется, замерла вся жизнь. Молчит завод, со двора не доносятся ребячьи голоса, не слышно и тревожной канонады. Странно и жутко, будто город внезапно онемел или вымер.

Минувший напряженный день, долгое хождение с Вербонолем, неожиданное расставание с ним и эта глубокая тишина утомили Чибисова, и он заснул. За полночь подхватился от однообразного приглушенного шума. Выбежал за калитку и припал спиной к столбу. По раскисшей улице, трудно переставляя ноги, шли красноармейцы. Они покидали город. С Карьерной, мощенной булыжником, улицы доносилось тарахтенье телег и долетал тяжелый скрип орудийных лафетов. Измученные в оборонительных боях остатки полков под покровом темноты двигались на северную окраину Сталино, чтобы организовать оборону за городом. По расчетам командования, Путиловский лес и пересеченная местность позволят как можно дольше противостоять врагу до прихода свежих сил. К тому же, бои в самом городе покалечили бы его и принесли неисчислимые жертвы среди мирного населения.

На рассвете 21 октября 1941 года гитлеровцы вошли в Сталино.

...И вот вместе с некоторыми из коллег по уполнаркомзагу, где Леонид Чибисов работал до войны, он стал служащим «сельхозкоманды». Что заставят делать новые власти, еще никто не знает, удастся ли использовать немецкую контору в интересах подпольной борьбы? Нужно присматриваться и выжидать. «Пока Вербоноля нет, посоветуюсь о делах с Тимофеем, – подумал Чибисов. – Завтра свидание с ним».

Они встретились в парке за Первым прудом. Тимофеем Оленчук сидел у воды на высохшем комле тополя. Он был в полупальто и в серой фуражке. От темно-голубого пруда тянуло холодом. Небольшой морозец прихватил светлой ледовой корочкой лишь прибрежную кромку. Чибисов издали увидел Оленчука и ускорил шаги. Под ногами шуршали сморщенные тополиные и кленовые листья.

Тимофей Романович обернулся на приближающийся шорох и, узнав своего нового товарища, поднялся. Молча протянули друг другу руки и долго не отпускали их, радуясь, что увиделись. Они живы, они вместе. А ведь порой нелегкая дума теребила душу: вдруг напарника по подполью убили? Чибисов рассказал о поступлении на работу:

– Даже документ получил. Вот.

Он вытащил из бокового кармана пиджака белую картонку, сложенную вдвое. Протянул ее Оленчуку.

– Аусвайс называется. Официальная бумага, – зло проговорил Леонид.

– Зато надежно, – отозвался Тимофей Романович. – Мне бы такую.

– А может, к нам?

– В одном месте двоим – жирно будет. Город большой. Своих расставлять нужно в разных точках.

Они медленно шли в сторону Второго пруда. Время встречи подходило к концу, а расставаться не хотелось.

– Ты бы, Леня, ко мне заглянул, – предложил Оленчук.

– На нашем поселке пока тихо. Я живу на отшибе.

– Не стоит, – ответил Чибисов и сразу же подумал о Вербоноле. Тот не приглашал к себе домой. Значит, нельзя. Лишний глаз – больше опасности.

– Нет, пока будем видеться здесь.

– Эх, нам бы в компанию Шуру Шведова, – вдруг с тоской проговорил Тимофей Романович. – Это он определил меня на дело. Решительный и умница. Завидую ему – в регулярных войсках...

Капитан Александр Антонович Шведов покидал приморский город ранним ноябрьским утром. С моря дул низовой ветер, врывается в узкие улочки и переулки заводского поселка, подымал пыль и, казалось подгонял прохожего в серой телогрейке.

На окраине города Шведов остановился, сдернул с головы потрепанную шапку-ушанку и про себя сказал: «Успеха вам, товарищи». Сбежал по жухлой траве в неглубокий овраг иторопливо зашагал вдоль прихваченного ледком ручья. Минут через двадцать он оглянулся. Высокий частокол труб и черные башни домен подпирали сизое небо. Тяжелые тучи придавили к земле огромное тело еще недавно живого завода, и он перестал дышать. «И не должен дышать», – вспомнил Шведов слова, которые он сказал товарищам, оставленным для борьбы с фашистскими оккупантами. Советское командование располагало данными о том, что гитлеровцы собираются с захватом Мариуполя использовать его заводы для выплавки броневоего металла. Планировали выпуск специальной стали для танков и пушек, собирались строить и ремонтировать корабли и подлодки.

Командование послало Шведова с заданием организовать в Мариуполе надежный конспиративный узел связи для постоянной информации о намерениях немцев. Александр доставил в поселок рацию. Тщательно проинструктировал подпольщиков, несколько раз выходил в эфир и передавал данные штабу. В конце октября ему приказали возвратиться назад и указали место перехода линии фронта.

Уже вторую неделю он шел из Мариуполя к Северскому Донцу. Шел окольными степными тропками в стороне от дороги, ведущей в областной центр. Каждый день под вечер старался завернуть в село. Еще издали искал глазами хату на отшибе или на краю улицы и в темноте стучал в окно. Порой долго никто не отзывался.

– Из окружения я, – говорил Александр Антонович, если из хаты откликались.

– Пустите погреться.

Вблизи Волновахи Шведов вышел к железнодорожной линии. Путьпровод был взорван. По обе стороны лежали покореженные, побитые и сожженные автомашины. Возле посадки стояли два танка: немецкий без гусениц, у советского была сбита башня. Рельсы разворочены снарядами и авиабомбами... Шведов поднял рукоятку от немецкой гранаты и запустил ее в черный танк со свастикой.

В сумерках добрался до небольшого села. Его хаты сбились в одну кучу на покатом склоне, и казалось, вот-вот кинутся бежать к речушке. Раздумывая, оставаться или нет на ночевку, он стал обходить село справа и вдруг на просветленном куске неба, у самого горизонта, увидел виселицу с трупом. Над стылой от ранних ноябрьских морозов землей, над замершим селом подымалась лапа зловещей фашистской свастики с повешенной на ней жертвой. Шведов ускорил шаги. Шел всю ночь по стерне, по промерзшим кочкам, продирался через бурьян, посадки и перелески. Впереди светила Полярная звезда, в ее стороне лежал родной город, а за ним — фронтовой участок, где можно пробиться к своим.

Сталино Александр Антонович обошел с запада. Издаливидел терриконы Петровских рудников. У жиденькой посадки присел отдохнуть. Ныли ноги, хотелось вытянуться на земле и забыться. Но холод забирался под стеганку, холщовые брюки дубели от мороза. Он встал, с трудом сделал несколько шагов и увидел трепыхавшийся у тонкого ствола молоденького клена развернутый тетрадный лист. Поднял его, это была прокламация, написанная от руки мелким почерком взрослого человека. «Никогда бандиту Гитлеру не покорить наш родной Донбасс, не сломить волю народов и сплоченность трудящихся... Снова над Донбассом лучисто засияет красное знамя победы!» В горле перехватило дыхание, забило в радости и тревоге сердце — кто ты, смелый и непокорившийся человек? Один или вместе с верными друзьями бросил вызов ненавистному врагу в тяжелую годину для милой земли? Кто держал в руках белый листок со страстными словами, кому они запали в душу, кого позвали на борьбу?

И в памяти Шведова ожили недавние события, всего месячной давности, когда он так неожиданно попал в родной город и увидел свою семью. Призванный в начале войны в сводный Коммунистический полк, Шведов через три месяца был откомандирован в распоряжение командования Южного фронта как человек, знавший Донбасс. Александр родился в Сталино в семье шахтного кузнеца политкаторжанина Антона Шведова. Рано потерял отца, работал в кузнице, девятнадцати лет вступил в партию. Был комсомольским вожаком на Смолянке, инструктором райкома комсомола. После службы в армии попал на курсы ответственных работников, и его направили на должность помощника заведующего шахтой «Пролетар». Черезполтора года стал инструктором технических курсов Центросоюза при Сталинском облпотребсоюзе. В середине 1939 года уехал на учебу в

Киев, после чего работал заместителем председателя Станиславского облпотребсоюза. Война застала Александра Антонович в Киеве на совещании. Он поспешил в Станислав. На станции Чертково встретил свою семью. Жена Мария Анатольевна с трехмесячным Валериком, четырехлетним Анатолием и младшей сестрой Надей ехали в Сталино, подальше от войны, как считали они.

– Конечно, там будет спокойнее, – сказал Шведов.

– А ты? – испуганно спросила жена.

– Нужно эвакуировать учреждение...

– В Станиславе нас бомбили, Саша! – воскликнула Мария Анатольевна. — Там бои.

– Не волнуйся, Муся, все будет хорошо, – ответил муж.

Они расстались...

А в октябре он появился в Сталино. В гражданской одежде, похудевший, озабоченный, старше своих тридцати лет. Матери Вере Борисовне, у которой поселилась его семья, и родственникам сказал, что ему дали отпуск. А жене, получившей присланные им продовольственный и денежный аттестат, признался: в Сталино он проездом.

– Кого ты видела из наших знакомых? – спросил он.

– Тимофей Оленчук дома, – ответила Мария Анатольевна.

– До сих пор не призвали?

– Приходил к нам в штатском.

С Оленчуком Александр Антонович познакомился в начале тридцатых годов. Тот приехал в Сталино из армии, женился на девушке, с которой Шведов учился в одной школе и жил по соседству.

Он пошел к товарищу на поселок Шмидта. Они обрадовались друг другу, обнялись, Тимофей Романович успел шепнуть на ухо неожиданному гостю:

– При моих ни о чем не спрашивай.

Предложил выйти на улицу. По пустырю они направились к Дурной балке, лежавшей за Одиннадцатой шахтой.

– Меня бракуют врачи, – с грустью проговорил Тимофей Романович.

– По всему видно – фрицы доберутся сюда. При отходе наших пристану к какой-нибудь части и буду бить гадов.

– А если здесь? – спросил Шведов.

– Что – «здесь»? Остаться? – воскликнул Оленчук и приостановился.

– Да ты что? Один в поле не воин.

– Почему один? Подполье обязательно будет.

– Да я и не знаю, к кому идти.

– Я знаю, Тима. Завтра в десять утра жду возле Госбанка на Первой. Договорились?

На следующий день он представил Оленчука капитану Шумко. Они беседовали долго и обстоятельно. Тимофей Романович согласился

остаться на оккупированной территории. Перед отъездом в Мариуполь Александр Антонович снова навестил друга. По возбужденному блеску черных глаз понял, что настроение у того улучшилось.

– Ты знаешь, я уже не один, – признался он.

– Замечательно, – ответил Шведов. – А злости к врагу тебе не занимать.

Дома расставание было трудным. Александр Антонович настаивал, чтобы семья эвакуировалась, обещал машину. И вот теперь неизвестно, где они сейчас, что с ними? Рядом окраина города. Часа через два он будет на Смолянке и все узнает, все... Его обдало жаром, на лбу выступила испарина. «Меня ждут в штабе, я не имею права!.. Подальше от этого места, и не мучиться. Муся уехала. Наверное, меня уже ждет ее письмо...».

Александр Антонович стянул с головы шапку и закрыл ею глаза, будто боялся, что увидит неотвратимое. Холод пощекотал затылок, и он глубоко натянул ушанку. Медленно пошел вдоль посадки, и так же неторопливо стало проплывать перед ним совсем недавнее прошлое, но теперь такое далекое и неповторимое. Он видел лицо жены, незащищенный взгляд голубых глаз, ощущал горьковатый, но дорогой запах каштановых волос. В уши то и дело врывается лепет Толика, так похожего на него. Слышалось учащенное дыхание Надюши, и никак не мог представить себе маленького Валерика. От этого что-то ноющее подкатывалось под самое сердце и мешало идти. «Уже полгода ему, – думал Шведов. – Без меня растит Муся... Милая, добрая моя. Мы были с тобой счастливы. Ведь были, были... Помнишь, как встретились? На шахте...».

На шахте «Пролетар» Мария Савостенок работала табельщицей. Не один шахтер подолгу стоял в сторонке и, вздыхая, поглядывал на белолицую девушку с пышными волосами. Она улыбнется – и защемит у парня сердце от невозможной тоски. Глаза у нее голубые, брови под шнурочек. Слова произносит ласково, певуче. Александр как увидел Мусю, так и прирос к ней душой. Обратила внимание на смуглого чубатого заместителя заведующего и Мария. Но взглянет мельком – и отвернется с побледневшим лицом, губу больно прикусит. Ведь была уже замужем. Вышла за красавца. А через два месяца узнала, что у него жена и ребенок. Прогнала его и теперь боится заикнуться о прошлом. А Шведов все чаще заговаривал с ней, узнал все: и что внучка потомственного шахтера, и что отец воевал в гражданскую. В семнадцатом году умерла ее мать. Отец – кадровый военный – обзавелся новой семьей и после демобилизации приехал в Сталино с дочерью Надей. Вскоре он умер. С того времени работает Мария Савостенок: сначала рассыльной, потом табельщицей, а теперь – табельщица-расчетчик на «Пролетаре».

Шведов непроизвольно улыбнулся. Нет, не ошибся, взяв себе в жены Марию. Прикипел к ней, и она за ним на край света пойдет.

Ласковая, нежная и решительная. Они перебрались на Смолянку к Вере Борисовне, забрали с собой двенадцатилетнюю Надю. Маленькая комнатуха с печкой, столик треугольный в углу, кровать у окна. Придут с работы и затевают с Надей игру в прятки. Подростала Надя и видела, как дружно живет ее сестра с мужем. Было порой в его поступках что-то мальчишеское, озорное. Поехал как-то в Мариуполь и на другой день послал телеграмму домой: «Муся, приезжай немедленно». Жена встревожилась – не беда ли с ним? Быстрее на поезд – и приехала. А Саша ее стоит на перроне, высматривает жену. Увидела его, подбежала, спрашивает:

– Что случилось, милый?

– Не могу без тебя. Дня не могу, понимаешь?

– Сумасшедший мой. Разве так можно? – упрекает, а сама прижимается к нему, и сердце от радости заходится...

От воспоминаний будто полегчало на душе. Жидкая посадка давно осталась позади. Александр Антонович свернул на дорогу, которая спускалась вниз к пруду. Пасмурный день затягивало тучами, тяжелыми, неповоротливыми. Пахло снегом.

Часов в двенадцать, по полудню, он вышел к станции Очеретино. Хотелось пить, и Шведов повернул к небольшому, в два этажа, зданию вокзала. Кубовая была разбита, краны покорежены. Невдалеке над огромной воронкой наклонился старый осокорь, словно хотел широкой с голыми ветвями кроной прикрыть глубокую рану земли. Он был сам смертельно ранен и чудом держался над своей могилой. Такие же могучие оголенные осокори окружали сиротливое вокзальное помещение, глядевшее выжженными глазницами окон на пустой перрон и взорванную колею. Вокруг никаких признаков жизни. Шведов глубоко вздохнул и собрался было идти, как увидел невесту откуда появившегося мальчишку. В больших, не по росту валенках, в широченном ватнике, подвязанном веревкой, и потертом треухе, он медленно приближался к нему. Остановился шагах в трех и молча стал рассматривать незнакомца голодными глазами из-под нахлобученной шапки.

– Ты откуда такой? – спросил Александр Антонович.

– Сам откуда? – пробурчал тот.

– От моря синего иду. А Ясиноватая далеко отсюда?

– Раньше близко была, а теперь не знаю.

– Как это раньше?

– По железке ездили. На паровозе, – сказал печальным голосом мальчик и показал рукой на железнодорожное полотно. – Гляди, ничего не осталось.

– А если пешком, по шпалам?

– Наши по профилю ходят. Во-о-он за переездом, – ответил он и вытянул руку в сторону поникшего семафора.

Но Шведову нужна была дорога не на Ясиноватую, а в

противоположную сторону — на север, к Донцу. Пустынный степной шлях спускался в овраги, взбирался на пригорки, пересекал реденькие рощицы и уныло уходил под самый горизонт. Еще издали Александр Антонович увидел человека, сидящего на придорожном камне. Тот не двигался, видимо, спал, опустив голову до самых колен. «Закоченеет. Нужно разбудить», — подумал он и ускорил шаг. Но отдыхавший вдруг встрепенулся, резко встал. В его глазах мелькнула растерянность. Это был молодой парень в телогрейке и сапогах. Он напрягся, словно ожидал нападения незнакомца. Но Александр Антонович, скуп улыбку, прошел мимо. Парня будто подтолкнули в спину, и он нерешительно двинулся следом. Смотрел на коренастую фигуру, на уверенную походку Шведова и убеждал самого себя, что впереди идет свой человек.

Вскоре Александр Антонович оглянулся, потом еще раз. Остановился, наклонясь, подтянул голенища сапог, постучал каблуком по замерзшей земле и стал ждать. Парень приблизился, и он спросил:

— Далеко идешь?

— Та на Донец, — ответил тот нерешительно.

— Значит, по пути... А имя-то как?

— Называйте Сашкой.

— Выходит, тезка, — сказал Шведов и протянул руку.

— Будем знакомы. А дорогу знаешь?

— Первый раз иду.

— И я тоже. Вдвоем веселее, — проговорил Александр Антонович. — Зимний день с воробыный нос. К вечеру нужно до села добраться. У Александра Яценко, оперативного работника авиадесантной части, Шведов был не первым спутником на длинных дорогах оккупированной врагом территории. После выполнения спецзадания командир группы сказал, что они попали в окружение и следует по одному просачиваться через линию фронта и по возможности собирать сведения о противнике.

— Откуда же ты идешь, тезка? — спросил Шведов.

— Вообще-то из окружения, — ответил Яценко. — С неделю был в Сталино. Жил до войны на Буденновке. Там...

— Послушай, — перебил Александр Антонович. — Может, мы и родичи с тобой? Я ведь тоже из Сталино... — И уже тише спросил: — Как там сейчас?

— До сих пор дымом пахнет. Лютуют, сволочи. Расстреливают людей, жгут дома... Лучше на фронте драться!

— А как же твои?

— Эвакуировались.

Шведов сцепил зубы, посуровел, задумался. Его снова растревожила мысль о семье.

В сумерках они попросились на ночевку в крайнюю хату какого-то хуторка. Дверь открыл горбатый старик. Ничего не спрашивая, показал

на темный угол в коридоре, задвинул засов на дверях и ушел в хату. Шведов и Яценко оторопело стояли посреди сенцев. Наконец Саша тихо проговорил:

– Может, уйдем?

– Здесь хоть крыша над головой, – ответил Шведов шепотом. Под сапогами зашуршало сено. – Вот и постель. Давай располагайся, – уже громче добавил он.

Они забрались в сено и легли рядом – спина к спине. Саша попытался заговорить, но Шведов перебил:

– Ни о чем не думать. Спать. Выходить будем затемно.

Их пробирал холод, сосало под ложечкой от голода, но усталость взяла свое, и они уснули. Шведова разбудило петушиное пение. Голосистый выводил свое соло где-то внизу, под полом. Александр Антонович растолкал Яценко. Вылезли из сена, и в тот же миг открылась дверь хаты, старик будто поджидал, когда проснутся гости. Он поманил их рукой. На столе стояла огромная миска с квашеной капустой, рядом лежали две коричневые лепешки и печеная тыква.

– Гы, гы, – прогудел хозяин, кивая головой на стол...

Уже за селом Саша рассмеялся. Худой, с длинной шеей, почти еще мальчишка, он старался не отставать от Шведова, подстраиваясь к его широкому размеренному шагу.

– А немой вроде испытывал нас, – заговорил он. – Всю ночь, считай, на морозе продержал, а утром накормил до отвала.

– А откуда ему знать, что за люди его непрошенные гости, – отозвался Александр Антонович. – Может, ночевкой вхолодных сенях и проверяет. Полезут нахально в хату — сволочи. Скажут спасибо за солому – свои, накормит их...

Обходя Славянск с запада, они заночевали в селе Ново-Николаевка. За более чем скупым ужином Шведов расспрашивал хозяйку, далеко ли от них находятся Пришиб, Богородичное и Дробышево.

– Там теперь фронт, – ответила женщина. – А Дробышево на той стороне. За Донцом. Там наши.

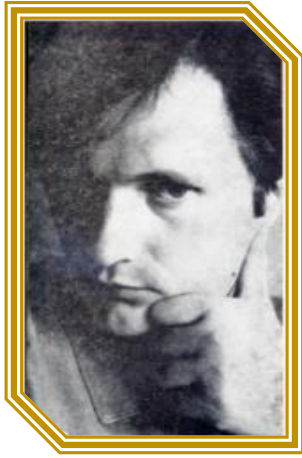
На рассвете они направились к Северскому Донцу. Голую землю сковал мороз. Было холодно, и Шведов потирали напарника. Часа через два вышли к молодому ельнику, стали пробираться между тонконогими деревьями. Вскоре ельник закончился и перед путниками открылась песчаная прибрежная полоса, полого спускающаяся к пойме. Они присели на корточки, осмотрелись.

– Давай, – шепнул Александр Антонович и по-пластунски пополз к реке... «...»

Щуров Геннадий Леонидович

(1938)

Щуров Геннадий Леонидович родился 12 сентября 1938 года в городе Артемовске Донецкой области. В военные годы семья жила в Ростовской области, а в 1949 г. переехала в Донецк, где в 1956 году Г. Щуров окончил ОШ №26. В 1959 г. окончил режиссерское отделение Донецкого техникума культурно-просветительной работы. Работал художественным руководителем во Дворце культуры в г. Красный Луч Луганской области. Затем был корреспондентом донецких газет "Комсомолец Донбасса" и "Железнодорожник Донбасса". Работал редактором Магаданского телевидения. В 1967 году окончил Московский литературный институт им. А. М. Горького. С 1966 г. по настоящее время живет в Донецке. Был сотрудником издательства "Донбасс", заведовал отделами очерков и публицистики, а также русской прозы и поэзии. Первое стихотворение "Мой город" было напечатано в 1954 г., первый поэтический сборник "За всё земное" вышел в 1965 г. Вышли книги стихотворений поэм "Зайка хозяйничает" (1967), "Тысячелистник" (1968), "Наследство" (1971), "Вечный календарь" (1973), "Неприкосновенный запас" (1976), "Правота" (1979), "На расстоянии любви" (1979), "Клинопись" (1987), "Однокоренные слова" (1993) и др. В своих стихах Г. Щуров воспеваает родной Донбасс, прославляет человека – труженика. Многие стихотворения посветил дружбе народов.

* * *

ПРОПАЛ РОДНИК

Пропал родник
Пылятся берега,
Что, обмелев,
Покинула река.

Поймет беду
Пока еще не каждый,
А только тот,
Кто сам страдал от жажды.
Поникший хлеб,

Сухие облака –
Все это продолженье родника.
О чем он пел,
О чем звенел захлеб?..
Почтим его за веру и за хлеб.
И, словно у родной могилы
стоя,
Вздохнем осиротело
Над собою.

* * *

ДУШОЙ НЕ ПРИВЫКАЮ

Я позабыл на юге про метель,
Мороз
И звезды
В черном небе ясном!
Сибирская природа,
Не в тебе ль
Характеров сибирских
Постоянство?

Под скорлупой сугробов –
Скрытый жар:
Пласты угля,
Раздвинув землю грудью,
Едва не на поверхности
Лежат.
И так щедры
И откровенны
Люди.

Мне чудится,
Что я родился здесь:
Так сосен голос ветреный
Понятен,
И этот лес
Я словно помню весь
В движение солнечных
И темных пятен.
Не легкое дыханье глубин
Светло сковали на лету
Морозы? –
Так невесомо
Встали средь равнин

Осыпанные инеем
Березы!
Донбасс,
Твоими зорями дышу!
И все же нынче
В этой звездной шири
Не каюсь
И прощенья не прошу,
Что часть любви
Останется
В Сибири.

К тебе я без утраты
Возвращусь,
Коль ни к чему
Душой не привыкаю,
А ко всему душевному
тянусь
И беззащитно
Сердцем прикипаю.

Мне полог свой
Откидывает ель –
И хвойный дух
Знакомо
Настоялся!
Как хорошо, что есть еще
метель,
Мороз
И звезды
В черном небе ясном!

* * *

ДОНЕЦКУ

Вновь я вижу твой взгляд молодой –
так глаза не стареют у женщин.
Я встречаюсь с тобой, как с мечтой всех,
до нынешних дней не дошедших.
Закипающих слез не тая,
возле жгучей звезды обелиска
я скорблю о твоих сыновьях,
за тебя я им кланяюсь низко.
А мальчишки окраин твоих

на друзей моих давних похожи —
на ровесников прошлой войны,
и, по сути, участников тоже...
Приходила не в гости война.
Ты сражался за линией фронта.
Мне понятны твои письма —
эта клинопись у горизонта.
Терриконы средь хлебных полей
будто врублены в небо литое.
Мой Донецк на шахтерской земле —
словно камень-алмаз на ладони.
Этот город, как детство, один.
В синеве — тополиные залпы...
Я Донецк босиком исходил —
под асфальтом следы отыскал бы.

Яровой Александр Викторович
(1952)

Поет, прозаик, автор-исполнитель. Родился 15 сентября 1952 года в городе Славянск Донецкой области. Лауреат литературной премии Виктора Шутова (Донецк). Автор 16 изданных книг, 12 из которых — поэтические сборники, 3 книги прозы.

* * *

ЗАБАСТОВКА

В терриконной степи золотится ковыль,
В шахте каждый о воздухе грезит.
Цементирует легкие черная пыль
И глаза проедает до рези.
Мы из штреков и лав поднимаемся вверх,
Пусть соленые наши спецовки
Будоражат умы и шокируют всех —
Это значит — идет забастовка.
Надоело привычное — рот на засов,
Будто ты самый слабый мужчина,

Надоело терпеть лизоблюдов и псов,
Присосавшихся к нашим хребтинам.
Нас задобрить хотели, победы суля,
Чтобы мы разошлись по бытовкам.
Пусть же тот, кто сегодня стоит у руля,
Всем объявит – идет забастовка.
Сырость наших жилищ, как возврат в темноту,
Мы домой, как на шлаху шагаем.
Это только в картинках как розы цветут
Беспризорные наши шанхаи.
Наши митинги в зной и под ярым дождем
Прогремели, как артподготовка.
Если надо, мы снова в атаку пойдем,
Чтобы знали – идет забастовка.
Мы спускаемся вниз – здесь не нужен пароль,
Всем доказано, кто мы на деле.
Эта черная пыль – наша черная боль,
Как от пороха, шрамы на теле.
На копрах вечер снова крылатки зажег,
Ветер листья несет, как листовки.
По работе соскучился обушок –
Но еще не конец забастовки!

* * *

НА БУЛЬВАРЕ ПУШКИНА

На бульваре Пушкина
Фонари вечерние
И снежинки грустные
В золотом свечении,
В разноцветном инее
Редкие прохожие,
Листья тополиные
Снегом припорошены.
Над аллей темною
Облака разветрились,
Старыми знакомыми
Мы с тобой встретились.
Встретились и канули
В круговерть осеннюю,
Только листья падали,
Словно в сновидении.

Лучшая, счастливая
Кончилась прилюдия.
Где ж ты, моя милая,
Отзовись, прошу тебя.
Руки твои теплые,
Тоненькие плечики...
Гаснут одинокие
Фонари – подсвечники...
На бульваре Пушкина
Жизнь без расписания
Охраняют скучные
Голубые здания,
Переулков линии
Светом отгорожены,
Листья тополиные
Снегом припорошены.

РАЗДЕЛ IV. «Я ДОНЕТЧИНУ СЕРДЦЕМ НАВЕК ПОЛЮБИЛ»

Антонов Анатолий

* * *

ШАХТЕРСКИЕ РУКИ

Если житель ты Донбасса,
Если край шахтерский дорог,
Опуститься должен в шахту,
Посетить подземный город!
В глубине земли шагая,
Ты пройди по штеку в лаву,
Где воистину увидишь
Рук шахтерских труд и славу.
Эти руки проложили
Сеть тоннелей под землею,
Чтобы ценный, трудный уголь
Золотою плыл рекою.
Глыбы угольной породы
Грозной мощью провисают.
Их сноровкой от природы
Руки эти укрепляют.
Из невидимых пробоин
Воды в шахту поступают,
Течь шумливую из штолен
Эти руки прекращают.
Сильные в мозолях руки
Пылью угольной покрыты,
Нашего народа слуги –
С ним навечно прочно слиты.

* * *

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Уснул наш сад, цветенье где-то в прошлом.
Вошла в него колдунья – тишина.
Лишь изредка с прощальным тихим стоном
Летит на землю желтая листва.
Как комья грязи, брошенные гнезда
На ветвях голых мирно улеглись,
Не отдохнет залетная в них птица,
Чтоб поутру взметнуться снова ввысь.

Мне отчий дом гнездо напоминает,
Где жизнь неслась потоком бытия,
И как на ветвях, старых сваях, чахнет
Родителей печальная судьба.

Артеменко Любовь

* * *

ДУША СКОРБИТ ПО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Войны участник. Ветеран...
Душа его по человечности
Скорбит: – уж лучше умереть от ран,
Чем жить в обмане и беспечности,

Разбито кем-то там стекло,
Там стены кем-то раскорезены,
Дает Терентьевич тепло –
По штату так ему положено,

Он варит, режет, он стеклит,
Федор Терентьевич – заботится,
Да только сердце так болит,
Что и дышать порой не хочется,

К нему бегут и стар и мал,
Федор Терентьевич – стареется.
Он жил заботой... Вдруг – упал!..
И был забыт... Нет, не прощается!

Холодной черствости душа,
Та, что живет не ради ближнего.
Теперь спешит он не спеша...
Для многих просто – нет его.

Кто перед ним был виноват,
Кто обижал без сожаленья,
Покайтесь... Вам он будет рад,
Спешите попросить прощенья...

Батырь Галина

Лауреат Донецкой областной литературной премии имени В. Шутова (2006).

* * *

БУКЕТ ОТ ГАЛИНЫ

ЛЕГЕНДА О ПОДСНЕЖНИКЕ

Старуха зима сговорилась
Со Стужей и северным Ветром,
Чтоб к людям Весна не явилась,
Стать холода лютого центром.

Поникли от злой непогоды
В испуге цветы и трава.
Забыли как в прошлые годы
Весна оказалась права.

Лишь маленький скромный подснежник
Надумал противиться Стуже –
Свой венчик раскрыл белоснежный,
Решил, что друзьям очень нужен.

И выпрямил он стебелечек,
Уверенно вверх потянулся.
Заметило Солнце цветочек
И сердцем к земле повернулось.

Согрело теплом и заботой,
Открыло дорогу Весне.
Роскошной, чудесной погодой
Уйти приказало Зиме.

* * *

ПОДСНЕЖНИК

Первая песня весны,
Ручьям подпевая, подснежник
К сердцам нашим тянет свои
Венчиков капельки нежные.

И, вызов бросая зиме,
Качаясь на тоненькой ножке,
Уже наяву – не во сне –
Звенит, не пугаясь пороши.
Источник в чем силы его,
И смелости вольной, отваги?

Для первых проталин – перо –
Заявкой на почве-бумаге.

* * *

РОМАШКИ

Глазами на мир любопытными
Ромашки, как дети, глядят,
Своей добротой открытой
Похожи на малых ребят.

Пусть день, словно миг, незаметно
Промчит, промелькнет в суете.
Душой на цветок неприметный
Взгляни, станет легче тебе.

И словно букет из ромашек,
Доверчивых, нежных, живых,
Излечат вас, сильно уставших,
Глаза ребятешек родных.

* * *

ГВОЗДИКИ

Гвоздики, гвоздики, гвоздики –
Признания знаки, любви
И спутницы грозных событий,
И обереги судьбы.

Воспеты Рембрандтом и Гойей
В бессмертных картинах своих
И память живая героям
В чудесных цветах огневых.

Божественный взгляд, нежность линий
И запах тончайший земной...
Букетик прекрасный и милый
С чистейшей созвучен душой.

* * *

ПИОНЫ

Роскошным видом так похожи,
Но, правда, лишь издалека,
На превосходнейшие розы
Великолепием цветка.
В нарядной зелени царящий,
На толстых стеблях без шипов
И аромат его пьянящий
Различных выведен сортов.

Быть может символ долголетия,
А может – гордый талисман...

Пион явился сквозь столетья
И в знак любви нам богом дан.

* * *

СИРЕНЬ

Звездочки лиловые
Веточек сирени –
Украшение новое
Теплого апреля.
После зимней грусти,
Как восторг вскипает,
Каждый нежный кустик
К маю расцветает.

* * *

ЛАНДЫШ

Колокольчиками ландыш
Удивленно звонит.
В изумруде листьев
Стебелечек стройный.
Милое создание
И лесная прелесть.
Майские поляны
В жемчужинки оделись.
Из маленьких кувшинчиков
Льется аромат.
Серебристый ландыш
Дарит нежный взгляд.

* * *

ОТ ПОДАРЕННЫХ ЦВЕТОВ

От подаренных цветов –
Доброе дыхание.
От подаренных цветов –
Теплое признание.

От подаренных цветов –
На душе светлее,
Даже если за окном
Мраком день болеет.

От подаренных цветов –
Меньше слез печальных,
И рождается любовь
В глубине нечаянно.

От подаренных цветов –
В сердце свет струится...
И в тетрадь мою стихов
Луч строки ложится.

Головин Э.В.

* * *

ДОНЕЦКОЕ УТРО

Звездное сняв покрывало
С черного в ночь небосвода,
Солнце-конец и начало
Летнюю славит свободу.

Утро донецкое раннее
Шахты зовут и заводы.
Кратким бывает свидание
С благословенной природой.

Птичьи призывные звуки
Не нарушают покоя,
Грустная эта разлука
Радостью вспыхнет в забое.

* * *

МОНОЛОГ КОМБАЙНЕРА

Вороной мой комбайн,
Лошадей в тебе сотня,
Сколько угольных тайн
Нам известно сегодня!
Сколько вместе с тобой
Мы угля нарубили!
Не считал вороной –
Не тому научили.
Лишь обидно до слез,
Что, судьбу понимая,
Возле белых берез
Мы с тобой не бываем.

* * *

ЛЕРМОНТОВ

Начало первой и второй –
Две даты в жизни мировой.
И между ними люди жили,
Страдали, верили, любили.

Прогнил подмоченный престол,
Пришла желанная свобода
Необразованным народам

Под указующим перстом.
Ошеломляющая весть —
Россию по утру бомбили.
Поручик, Вы хранили честь,
И в 41-м Вас убили.

* * *

ПУШКИН

1. * * *

В дни теплых ветерков,
Что нам глаза открыли
И наломали дров,
Хлебнувши шахтной пыли,
Я в 21 год,
Восторженно немея,
Гулял у невских вод,
У Царскосельского лица.
И снова проходил
У Летнего ограды,
И в том саду он был,
Что с Мойкою, 12, рядом.
Но главное не в том:
Все внешние приметы
Изящным языком
Отражены поэтом.

При этом уловил
Души изгибы и движенья
И заземлился, и парил
От изумленья

2. Альбомные стихи

Давно красавиц нет в живых,
А вот стихи его остались.
Мы узнаем из тысяч книг,
Кому они предназначались.
Живут альбомные стихи,
И смотрят женские портреты,
Оплачивая все долги
Слегка повесы и поэта.
В свои экспромты он вложил
Обворожительное слово,
А тех красавиц так любил,
Что полюбить их мы готовы.

* * *

ШАХТА

Сколько шуток и смеха оставлено,
Слов, взлетевших движением крыла —
В отработанных штреках завалено,
В лавах кровля на почву легла.

Между тем нами было замечено
По прошествии многих годов —
Сколько в шахте людей искалечено,
Сколько выдано черных гробов.

Не забыто — подшито, заметано,
Улетело в другие края.
Вот и шахта моя отработана —
Беззаботная юность моя.

Нам на смену пришло поколение,
Развивая шахтерский успех,
И свои принесло удивления —
Под землей заразительный смех.

* * *

ПРОЗВИЩА

У шахтеров слово метко,
Словно четкая печать...
Это нам наследство предков –
Жизнь объемно замечать.

Прозвище прилипнет мухой.
Если в точку – навсегда...
Неожиданно Старухой
Станешь в юные года.

Не ищи глубокой мысли,
Вывод сделаешь один:
Если рыжий или лысый,
То, естественно, Блондин.

Не от злобы и потравы,
В неустроенный уют
Подвернешься, и в забаву,
Для разрядки обзовут.

И нисколько не в обиду,
А скорей из удалства,
Влепят к прозвищу эпитет,
Словно с кончика хлыста.

* * *

ПРОХОДЧИКИ

И небольшой, но коллектив,
Глее делится все поровну.
Одну нагрузку раскрути
На плечи и на голову.
И воздух выделен на всех,
С метаном перемешанный.
Удача или успех
В одном котле замешены.
Пройти сквозь миллионы лет –
Прогулка напряженная.
То полный мрак, то яркий свет,
То вдруг тоска зеленая.

* * *

БУЛЬВАР ПУШКИНА

Пышный инея холод –
Изумительный дар.
По-весеннему молод
Наш центральный бульвар.

Здесь картин галерея
И театров полет.
Никакая идея
Его не минет.

У фонтана на склоне
Под финал октября
В обрамлении кленов
Догорает заря.
Тучи шествуют к морю,
Уплывая от нас.
На бульваре, на взгорье
Пушкин.
Осень.
Донбасс.

* * *

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

У нас под землей свои реки.
В вагонах привозят сосну.
И ты на откаточном штреке
Негаданно вспомнить весну.
Но нет серебристых фонтанов,
Тюльпанов, коралловых роз,
Дымящихся тихо туманов,
Прозрачный и хрупких стрекоз.
Друзья, но все же – природа.
Привычный рабочий режим.
Здесь пятое время года
И мы уживаемся с ним.

Дубов Михаил

* * *

ИЗ СБОРНИКА «СТРУНЫ ДУШИ»

* * *

РАЗГОВОР С ПАПОЙ

Растут цветы для красоты.
И в этом – нет сомненья.
Мне в ноябре подаришь ты
Букет на день рождения.

Я в вазу мамину налью
Воды без промедления
И песенку тебе спою
Про остров Невезения,
Про то, как ходит бегемот,
Про белого котенка.
А про пингвинов подпоет
Моя сестренка Аленка.
Нам Ирочка стихи прочтет.
И всем на удивление
Торт-сказку мама испечет.
Вот будет объедение!

Растут цветы для красоты.
И в этом нет сомнения.
Ты маме подари цветы
За наши дни рождения.

* * *

НЕЗНАКОМКЕ

Я доволен и счастлив,
Изумлен и взволнован,
Даже тронут отчасти.
Вы пришли ко мне снова.
Я прошу: дайте руку
И дыханьем согрейте,
И вчерашнюю скуку
Разгоните, развейте.
И побудьте со мной, мне
Так без вас одиноко!
Но куда вы? Пойдите!
Где вы? Очень далеко.

* * *

ПРОНЕСЛОСЬ ВСЕ ОДНИ МГНОВЕНИЕМ...

Пронеслось все одним мгновением
И развеялось, словно туман.
Был сюжет, было страсти мученье,
Была песня – остался обман.

Была прелесть невинной улыбки,
Опьяняющий запах духов,
За стеклом – золотистые рыбки
И реальность несбыточных снов.

Была нежность в ласкающем теле
И такой покоряющий взгляд!
Была ночь, соловьиные трели,
Была Вечность, был Рай был Ад,

«Мендельсон» в исполнении оркестра,
Поздравленья, торжественный туш.
Всех тогда покорила невеста.
У нее теперь дети и муж.

Елизарова Вера

* * *

СБОРНИК «УТРО НАЧИНАЕТСЯ С РАССВЕТА»

УТРО НАЧИНАЕТСЯ С РАССВЕТА

Утро начинается с рассвета,
Медленно уходит темнота,
Прячась в закоулках еще где-то,
Но изгонит свет ее и там.

Утро начинается с рассвета,
Брезжит серой дымкой над землей,
Еще дремлет – нежится планета,
А уж небо светится зарей.

Тьма исчезла, как недобрый призрак,
Как преступник, чтобы скрыть грехи,
И в просторе свежем светло-сизом
Закричали бойко петухи.

Свет и тьма – две роковые силы
В вечном состязании, в борьбе,
Как добро и зло, извечно жили
В каждой незадачливой судьбе.

Свет за тьмой идет всегда по следу,
День идет за ночью не спеша...
Сейчас утро празднует победу
И от счастья светится душа!

* * *

ЛИВЕНЬ

По листочкам, как по ступеням,
Пробегал длинноногий дождь
И катился холодной пеной
По тропинкам садов и рощ.

Он прохожих хлестал вдогонку,
Невзирая на ранги их,
И сверкал его профиль тонкий
Над домами простых и крутых.

И, натешившись до предела
Вдруг замедлил свой сильный бег,
Оседая, затих всем телом,
Как поверженный печенег.

* * *

ВЕСНА

Отпели последние вьюги,
Морозы надолго ушли...
Весна к нам желанной подругой
Придет из далекой земли.

Она к нам придет, как награда,
Встряхнуть мир от долгого сна,
Иссохшие веточки сада
С надеждой прошепчут: «Весна!».

Подует вдруг ветер осенний,
Парящий, как ангел в тиши...
Весна, словно Бог, воскресенье
Подарит для каждой души.

* * *

СКАЗКА О ТОМ, КАК ПЕТУХ ЛИСУ ПЕРЕХИТРИЛ

В одном дремучем лесу жила старая хитрая Лиса. Однажды рано утром пошла Лиса в село в поисках добычи. Видит, у калитки куры с Петухом гуляют. Подкралась Лиса, схватила Петуха и побежала в лес.

Бежит Лиса по лесу, а навстречу ей Серый Волк идет.

«Ты что это Лиса несешь?» – спрашивает Волк.

«Да вот Петуха украла», – отвечает Лиса.

«Так! Половину Петуха отдашь мне, если не хочешь, чтобы я его у тебя всего забрал!» – строго сказал Волк. Испугалась Лиса и говорит: «Хорошо. Придешь завтра вечером за своей долей». На том и договорились. Принесла Лиса Петуха в свой дом. И стала растапливать печку. А Петух ей говорит: «Слушай, Лиса. Как ты меня с Волком будешь делить? Я ведь такой маленький, а если меня ощипать, еще меньше буду. Ты меня сейчас не вари, а откорми отборной пшеницей до завтрашнего вечера, а я стану сразу в два больше. Тогда и тебе больше пушистого мяса достанется, и Волк не будет в обиде!»

Выслушала Лиса Петуха. «А ведь Петух дело говорит!» – подумала она. Закрыв Петуха в избе, Лиса пошла на базар за отборной пшеницей.

Целый день она кормила Петуха самой лучшей пшеницей. Петух ел, набирался сил. Вечером Лиса ушла в лес за хворостом. Петух остался один. Он ходил среди рассыпанной пшеницы, ему уже и есть не хотелось. «Как бы мне отсюда сбежать?» – думал Петух. Но все окна и двери были закрыты. Вдруг слышит, что-то зашуршало за печкой. Видит, Мышка стоит и плачет.

«Отчего ты плачешь?» – спросил Петух.

«Да как не плакать? Я и мои трое деток сидим голодные. Есть нам нечего!»

«Возьми у меня зернышек», – сказал Петух.

Мышка взяла зернышек и сказала Петуху:

«Спасибо! Я тебе еще пригожусь».

На следующий день Лиса смотрит, а Петух что-то не увеличился. Вот она ему и говорит: «Я столько на тебя пшеницы потратила, а ты что-то не поправляешься. Обманул ты меня, Петух». А Петух и говорит: «Как же я поправлюсь, когда я целый день взаперти сижу без свежего воздуха. Ты бы хоть форточку открыла!»

«Хорошо, – сказала Лиса, – я открою форточку, но, чтобы ты не улетел, я тебе свяжу крылья!»

И Лиса связала Петуху крылья веревкой.

А Мышка сидела за печкой и все слышала. Тогда она позвала своего старшего мышонка и говорит ему: «Я сейчас отвлеку Лису, а ты тем временем подбежишь к Петуху и перегрызешь веревку, освободив ему крылья».

Так они и сделали. Мышка выскочила из-за печки, Лиса увидела ее и начала за ней гоняться, пытаясь поймать. Тем временем мышонок перегрыз веревку и освободил Петуха. Петух вскочил сначала на табуретку, затем на подоконник, взмахнул крыльями и вылетел в форточку. А Мышка убежала вместе с мышонок в норку.

Видит Лиса, а Петуха нет, одни перья только остались. Досадно стало Лисе, что какой-то Петух ее смог перехитрить.

Вечером пришел Волк за Петухом, а Лиса сидит одна. Волк решил, что она съела Петуха без него, и задал ей хорошей трепки.

С тех пор Лиса Волка десятой дорогой обходит. Боится, что он опять свою долю начнет требовать.

Клысак Юрий

* * *

ГРОЗА В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

Гроза в Средиземное море

Гроза над морем – жуткая гроза

Когда в крутые вспененные волны

Вонзаются кривые копыя молний,

Слепя от страха белые глаза.

Гроза гремит, упрямо колеся

У берегов покрытой мхом Европы,

Затоплен Рим, в воде Константинополь,

Венецию спасти уже нельзя.

Не временем – потоком ржавых вод

Разрушены дворцы бессмертных од.

Прошла над миром ливня полоса.

Несется вниз река, ломая рифмы,
Как по щеке израненной Коринфа
В минуты гнева – мутная слеза.
Мигом все осиротело, грусть и пустота,
Ливнем вспыхнула природа, когда вдруг...ушла.
Поросли бурьяном тропы, а твои цветы
Разбросали где-попало скорби лепестки.
Никогда я не увижу, как на склоне дня
У двери открытой настежь, ты ждала меня.
Потерял тебя на веки, что бранить судьбу,
Лишь теперь понять сумею доброту твою.
Спи спокойно, дорогая, не в могильной мгле,
А в живом сыновнем сердце, отданном тебе,
Не взывать теперь мне к богу – не поможет ей,
Лишь при жизни беречь нужно наших матерей!

* * *

ПОИГРАЙ МНЕ, ДРУГ МОЙ, НА ГИТАРЕ

Поиграй мне, друг мой, на гитаре,
Душу песней печальной залей
И в прокуренном сизом тумане
Расскажи все о жизни своей.
Расскажи, как жилось на чужбине,
Средь мрачных гор и степей.
Среди скорбных, войною разбитых
Судеб бедных Афгана людей.
Расскажи, с кем, за что воевали?
Что хотели в стране той найти?
Почему вы судьбу проклинали,
Когда в бой с неизвестностью шли?
От чего появились седины?
От чего так устали глаза?
И на теле когда-то красивом,
Ран глубоких лежит борозда.

Кожемякин Николай

* * *

ИЗ СБОРНИКА «СУДЬБА»

НЕ УВЯДАЙТЕ СЕРДЦЕМ И ДУШОЮ

Судьба давно уже вас не балует:
В ней дефицит былых букетов роз.
Но, к сожаленью, многих не волнует,
Что в жар души вторгается мороз.
Он ваши чувства к жизни охлаждает,
Он портит вашу женственность всерьез.
И что Отчизну нашу ожидает
Без вас, любимых, чувственных берез?
Но знаем мы: за ночью дни проходят,
За хмурию неба – нам желанный свет.
Ненастье в жизнь приходит и уходит,
С тобою унося ему присущий бред.
Идет весна – природы обновление,
И наших чувств, притупленных зимой.
Лишайтесь, милые, и вы без сожаления
Всего, что вам мешает быть собой.
С весною вместе сил вы набирайтесь,
И сами будьте для других весной.
Как и она, здоровьем расцветайте,
Не увядайте сердцем и душой!

* * *

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

Март месяц клонится к концу,
Я у окна стихи пишу
О снеге, что идет весной,
Он не такой, как был зимой.

Стоит безветренный денек,
А с неба беленький снежок,
На парашютик похож,
Очарователен, пригож.

По разрешению весны
Снежинки, как зимы сыны,
Свершают марш прощальный
свой,
Душе моей неся покой.

На этот я десант смотрю,
За ним же вижу я весну.
Она уверенно идет,
Надежду светлую несет.

Костин Иван

* * *

АТАКА

Наперевес с винтовками
В атаку мы все шли,
Бежали на траншею,
Где немцы залегли.
Трава почти по шею –
Не видно ничего.
Мы были на прицеле
У немца подлого.
Бежали, поднимались.
«Ура!» нам кривит рты...
Снаряды разрывались
У жизненной черты.
Слыхал я отовсюду
От раненных солдат –
Браток, дойди, сомни их
И погони назад...

* * *

РАЗВЕДКА БОЕМ

Кустарник царапал шею,
Винтовки – наперевес,
Мы с боем врывались в траншею,
Чтоб утром уйти снова в лес.

Еще далеко до цели –
До мая, что радость принес.
А я в это бое на прицеле
Мы все. Холод жуткий, до слез.

От лязга и шума металла
Стонали, горели поля –
Сгорала, но нас защищала
Родная наша земля.

Задание выполнив к сроку,
Пришлось все как есть доложить...
Уходит разведка в жестокую,
В суровую ночь, чтобы жить!

* * *

ЧАСОВЫЕ

Как часовые, стоят на посту
Солдаты, погибшие в эту войну.
Из камня шинели, застыл в камне взгляд.
Здесь похоронен целый отряд.
В бой подымались все, как один-
Русский, татарин, грузин, армянин:
Всех не запомнить, не сосчитать,
Кто представлял эту славную рать.
В музее их знамя, их имена.
Чтоб никогда не вернулась война,
Погибли они за тебя и меня...

* * *

ПОСЛЕ БОЯ

Бой затих только сейчас –
Продолжался целый час.
Пушки, танки – все горят
И разбитые лежат...
Онемел я и оглох,
И в душе переполох.
Бруствер так разворотили!
В него снаряды угодили.
Ранены несущим в тыл...
Где махорка? Черт! Забыл...

* * *

НАДГРОБНАЯ ПЛИТА

Надгробная плита.
Но с надписью живою.
Пройдут года, пройдут века –
Плита останется собою.
Склонилась женщина над ней
С седою головою.
И гладит серую плиту
Мозолистой рукою.
И шепчет, шепчет: я пришла
Я здесь, я здесь с тобою...
Скатилась с глаз ее слеза,-
Болят душа моя и тело.
И выплакала все глаза,
Тебя забыть, сын, не сумела.

* * *

И ПАМЯТЬ СПРЯТАНА В ГРАНИТ...

Когда ночами засыпаю,
Друзей во сне я вспоминаю...
И вижу тот я страшный бой –
Когда все гибло, я живой
Остался в мире этом бренном.
И воевал, и не был пленным.

Я, как земля, стонал и бредил
О дне великом – о Победе.
И вот пришел он, этот день.
Солдат, медаль свою надень.
И пусть один пустой рукав,
И не форсирована река...
Опять все в памяти моей,
Все в воспаленной голове...
Опять взрывается фугас,

Землею засыпает нас,
Кого навек похоронив,
Кого от пули сохранив.

А может просто – от судьбы.
Кому лежать...
А мне ведь жить.

А мне ведь жить.
В стране победы,
Где пополам добро и беды.

Где память спрятана в гранит,
Где похоронку мать хранит,
И где дарят еще рассветы
Цветы.
И где живут поэты.

Лымарь Наталья

* * *

ЛЕГЕНДА ОБ ИРЛАНДСКОМ ВОЛКОДАВЕ

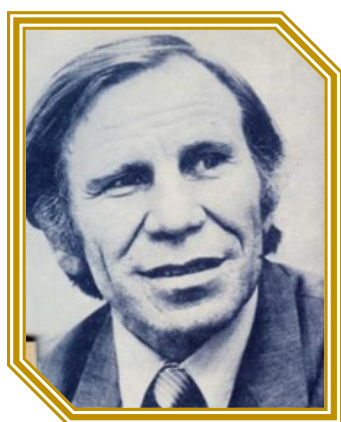
В старой Ирландии добрый хозяин
сына обнял и отправился в путь.
Верного пса он с ребенком оставил –
Чуткого сторожа не обмануть.

Знает: в дороге он будет спокоен, -
пес не позволит ребенку уйти.
Будет играть с ним в просторных покоях.
Няньки нежнее отцу не найти.

И не однажды друзья удивлялись:
Можно ль со зверем бросать малыша?
Граф же, спокойно в ответ улыбался,
им отвечал: «И у зверя – душа».
Только сейчас, в этот пасмурный вечер,
сердце отца задрожало в груди, -
выскочил радостно сторож на встречу,
но (быть не может!) – вся морда в крови!..

Ярость затмила разум у графа:
«Как же ты смел?! Я тебе доверял!»

Выхватил меч... И на землю собака
 Мертвою пала к хозяйским ногам.
 «Что вы наделали, добрый хозяин?» -
 станет вопрос в помутневших глазах.
 Но ничего уже не замечал он,
 тот человек. Подкосил его страх.
 Бедный отец в сад идет через силу –
 Жуткие мысли кружат в голове...
 Что же видит он? Невредимого сына,
 рядом – труп волка на смятой траве...
 «Что я наделал! Своею рукою,
 Не разобравшись, я друга сгубил...
 Чем оправдаться теперь пред собою?
 Совесть замучит, мне хватит ли сил?...»
 В доброй Ирландии, как покаянье,
 перед природой всей гордо стоит,
 бронзовый пес, свою жизнь вспоминая...
 И на людей он не держит обид.

Мамнев Василий Иванович

(1939–1994)

* * *

МОЖЕТ, ОСЕНЬЮ...

Может, осенью
 Может, летом
 Я вернусь в те края, где рос...
 Распахну занавески веток
 И войду под шатер берез.
 Не возьму ни жены, ни друга.
 Без кошелки и без ружья
 Забреду в самый дальний угол –
 В дебри старого глухаря.
 И не надо мне с неба манны.
 Оттого, что я буду гость, -
 На обед – золотые сараны,
 На десерт – земляники горсть.
 И охапка душистых веток
 Мне заменит любую постель.
 Буду слушать всю ночь до рассвета,
 Как поет для меня коростель.

*Михайленко-Рудьковская
Валентина Николаевна
(1953)*

* * *

ДЕДУ

Склонивши голову, скорбя,
Стою у обелиска деда,
И говорю, что без тебя
Пришла бы позже чуть Победа.
Нет, не забыть мне о войне:
Как пули, ранят в сердце даты,
Они в клокочущем огне
Приходят из войны проклятой.
И сколько ни прошло бы лет —
С поры той, мной не пережитой —
Я слышу залпы, как сквозь бред,
И чую гарь колосьев жита.
Здесь над величием твоим,
Когда я в мае приезжаю,
Тебя рождением своим
Под мирным небом продолжаю.

* * *

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Тихая ночь
Синяя-синяя.
Спи, моя дочь,
Спи, моя милая.
Сон пусть приснится
Сладкий-сладкий,
Из сказки детской
утенок гадкий,

Сказочный домик
С волшебными стеклами,
Добрый Мороз
С новогодними елками.
Глазки закрыла,
Спит моя дочь...
Тихая-тихая
Синяя ночь.

* * *

ПРОЩАНИЕ

Нежно ты сквозь сон мне улыбаешься,
Грустно смотрит к нам в окно луна.
Забываешь обо всем и забываешься,
Только мне сегодня не до сна...

Ты уйдешь с рассветом незамеченный
И уснешь глубоким тихим сном,
Мой хороший, поздно мною встреченный,
Мысли только о тебе одном.

Вместе быть нам три денька осталось-
Ты уедешь и уеду я.
Счастье слишком поздно повстречалось,
И покрылась цветом вся земля.

Я уеду, буду думать часто,
Вспоминать тебя, хороший мой.
Мне не надо твоего участия,
Только бы хотелось быть с тобой.
Целовать глаза твои с рассветом,
Нежно гладить волосы твои...
Будто жизнь вся озарилась светом
Полным грусти, неги и любви.

* * *

ОСЕНЬ НА ПЛЕЧИ ЛОЖИТСЯ ТУМАНОМ...

Осень на плечи ложится туманом,
Грусть поселяя в сердца
Утром по листьям идёшь рано-рано,
Росу иль слезу вытирая с лица.
Каштан, как конфеты бросает плоды,
Орехи теряются в листьях.
Ты, осень везде оставляешь следы -
В природе роскошной и в листьях
Ракетою тополь взлетает ввысь,
Теряя листву без конца.
Прекрасное лето, скорее вернись!
Я вслед за тобой посылаю гонца.

Петровская Ольга

* * *

БЕЗДОМНЫЙ

В заснеженном саду зимой
Бродил щенок
Ни твой, ни мой.
Повесив голову, бродил
И грустные следы следил
Катюша увидела: «Пес!»;
Рукой погладила:
«Замерз?
На, ешь конфетку, хорошо?»
А он за Катю пошел.
«Послушай, не ходи за мной!
Ты понимаешь, мне домой...
Какой же, право, ты смешной!
Послушай, не ходи за мной!»
А он совсем и не смешной.
И он хотел идти домой.

Пригоровский Евгений Владимирович

Историк, краевед из Новоазовского района.
Исследовал жизнь Георгия Седова.

* * *

ПУТЬ В БЕССМЕРТИЕ. ПОДВИГ ГЕОРГИЯ СЕДОВА

В ПЕТЕРБУРГЕ

С Георгием Яковлевичем Седовым я познакомилась в 1909 году. В Мариинском театре я смотрела балет «Лебединое озеро». Прекрасный спектакль произвел на меня, молоденькую девушку, да и на всех зрителей, сильное впечатление. Как только затихли последние аккорды музыки, театр разразился громкими аплодисментами.

У самой рампы стояла группа офицеров. Молодые люди вызывали артистов. Особенно громко хлопал в ладоши и кричал «браво» рослый белокурый человек, лет тридцати, в форме морского офицера. Случайно взглянув на него, я невольно улыбнулась. Его открытое, мужественное лицо выражало такой искренний, юношески неподдельный восторг, он так горячо проявлял свою благодарность исполнителям, что в нем с первого же взгляда можно было распознать ценителя балетного искусства. Жизнерадостный загорелый моряк был непохож на изнеженных, холенных, с печатью ранней усталости на лицах представителей «золотой молодежи» тогдашнего Петербурга. Все привлекало в нем – и открытая улыбка и широкий лоб мыслителя, и прямой взгляд серых глаз.

На другой день я была приглашена к моим знакомым. Здесь часто собиралась молодежь повеселиться, помузицировать, поспорить об искусстве или поиграть в фанты.

– А вот, Верочка, познакомьтесь – наша знаменитость, – сказала хозяйка дома, – штабс-капитан Георгий Яковлевич Седов.

Взглянув на офицера, я даже растерялась от неожиданности. Это был тот самый моряк, которого я видела вчера в театре.

Так вот он какой! Почему-то именно таким я представляла путешественника, о котором много писали в то время петербургские газеты. О путешествии Седова в загадочный колымский край рассказывали и мои знакомые. Отважный гидрограф, рискуя жизнью проехал многие тысячи верст верхом на лошадях, на оленях упряжках по безлюдной тундре. Он переправлялся через бурные реки, через горные перевалы терпел лишения, и все это ради науки. Седову было поручено изучить устье реки Колымы, отыскать надежный водный путь для сообщения с глубокими северными окраинами России.

Он успешно справился со своей задачей, привез интересные коллекции ископаемых, сделал описание и нанес на карту малоизученные районы, а главное, отыскал фарватер для прохода судов по реке Колыме, что давало возможность доставлять на север грузы не через тундры и горы, а более легким и дешевым водным путем.

О результатах своей экспедиции Седов сделал доклады в научных обществах. Ему прочили блестящую карьеру. Романтическая фигура путешественника вызывала интерес окружающих. Седов пользовался всеобщим вниманием, его засыпали вопросами.

За столом наши места оказались рядом. Георгий Яковлевич очень интересно рассказывал о своем путешествии и заразительно смеялся, вспоминая смешные истории, случившиеся в пути.

* * *

МАЛЬЧИК С КРИВОЙ КОСЫ

Георгий Яковлевич познакомился с моими родителями, стал бывать у нас в доме. Я любила слушать его рассказы. Вся жизнь его была необычайной, полной приключений, борьбы с опасностью.

О своем детстве Георгий Яковлевич говорил: – Отец мой происходил из мещан Полтавской Губернии. В молодости, в поисках заработка, он забрел в Донецкую область, поселился там на хуторе Кривая Коса.

С семи лет я уже стал помощником отца, часто на каяке уходил с ним в море. Товарищей у меня было много, большинство – неграмотные, как и я, но некоторые учились и могли бойко читать бумажки от конфет, которые мы случайно находили на улице. Как я завидовал им! Было обидно, что мальчики, которых я мог побороть одной рукой, умеют читать и писать, а я не умел. Захотелось и мне учиться грамоте, но отец и слушать об этом не хотел.

Однако Георгию удалось настоять на своем. Он поступил в частную школу, а через год, когда на косе открылось трехклассное церковно-приходское училище, перевелся туда. Он был первым учеником и даже неофициальным помощником учителя. В школе ввели строй военной гимнастики и Георгия назначили старшим, в знак чего он носил кокарду на фуражке и красный бархатный пушок.

Георгий окончил школу за два года с похвальным листом, а уже через месяц поступил в контору оптовой торговли купца Фролова.

В лавку часто наведывались капитаны торговых судов, привозивших товар. Георгий много наслушался о дальних странах и морях, о северных землях, где полгода длится ночь.

Однажды пришла шхуна с солью. Георгий разговорился с капитаном, узнал, что существуют мореходные классы, туда принимают молодых людей, имевших стаж плавания на корабле.

Георгий твердо решил стать моряком. Родители и слушать не хотели об этом, он ушел из дома тайком. Добравшись до Ростова, юноша пришел в мореходное училище. Начальник училища внимательно выслушал Седова, пообещал осенью принять его.

– Только принеси мне, – сказал он, – свидетельство о трехмесячном плавании.

И вот Седов простым матросом поступил на пароход «Труд». Работал он, очевидно, хорошо и через два месяца его поставили рулевым.

Наконец исполнилась мечта юноши. Он принят в мореходное училище. Окончил он училище с аттестатом штурмана дальнего плавания. Однако плавание в роли штурмана, а затем капитана на грузовых судах, совершавших рейсы между черноморскими портами, мало удовлетворяли беспокойную натуру Седова. Он поступил вольноопределяющимся в военный флот. Плавая на учебном судне и проявив себя знающими смелым моряком, он добился разрешения держать в Петербурге экзамен за полный курс морского корпуса, блестяще выдержал его, и в чине поручика по адмиралтейству поступил на службу в Главное гидрографическое управление.

Сердюк Николай Григорьевич

* * *

ПИСЬМА ОГНЕННЫХ ЛЕТ

Мы в бои не ходили –
мало было нам лет.
Очевидцами были
наших славных побед.
Как могли, помогали,
став на смену отцам:
хлеб с полей убирали
и писали бойцам,
незнакомым и близким,
про ребячьи дела...
Всю войну переписка
между нами была.

Только многие письма
без ответов скупых.
Спят на Волге, на Висле
получатели их...
Там, где грозные годы
отпечатали след,
следопыты находят
письма огненных лет.
Помещают в музеи
на почетных местах.
...Наши письма на Шпрее
штурмовали рейхстаг!

* * *

ЧТО СОЛДАТУ СНИТСЯ

Что солдату ночью снится
вдалеке от дома?
Только ночь сомкнет ресницы
парню молодому.
Снится девушка – отрада
с ясными глазами,
та, что верно ждет солдата
днями и ночами.
Снится дом на перекрестке
тень густого сада
снится белая березка
у окошка рядом,
мать в косыночке из ситца
у крыльца родного...
Отчий край солдату снится
вдалеке от дома.

* * *

ДЕВОЧКА РИСУЕТ МОРЕ

Девочка рисует на асфальте
Море, а над морем солнце всходит.
Девочка в коротком белом платье
Каждую волну мелком наводит.
Светлые косички за спиною

Ветерок, как парус раздувает.
на асфальте – море голубое
Под рукою детской оживает.

* * *

У МОРЯ

Здесь все от мала до велика
Рыбацкой связаны судьбой,
Здесь тру без стона и без крика –
По-настоящему мужской.
Здесь не смеются без причины
И зла подолгу не таят...
На равных с морем здесь мужчины
По-деловому говорят.

* * *

СОЛНЦЕ ОЗАРИЛО ЯРКИМ СВЕТОМ...

Солнце озарило ярким светом
Тополя, рябину под окошком.
Пробежало тихо по паркету,
Золотом осыпало дорожку.
Вслед за солнцем ветерок крылатый
Мне принес на звонких крыльях веток
Аромат разбуженного сада –
Запах лета.

Серебрянский Фёдор Данилович

К 25-летию освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков была написана песня «Послушай ветры над Саур-Могилой». Легendarную высоту отвоевывал и автор слов этой песни Серебрянский Ф.Д. Наводчика орудия, бойца 96-й дивизии, в разгар одного из штурмов высоты без признаков жизни, контуженного доставили в медсанбат, а потом в госпиталь. Выжил гвардеец! Вспоминая те страшные дни, решил рассказать, как это было. Так родились слова этой песни.

* * *

ПОСЛУШАЙ ВЕТРЫ НАД САУР-МОГИЛОЙ

Послушай ветры над Саур-Могилой,
Коснись рукой пахучих диких трав.
Здесь мужество с боями проходило,
Легендою для всех навеки став.

Когда земля дрожала под ногами,
Когда металл от взрывов уставал,
Солдаты шли в бушующее пламя,
Туда, где не выдерживал металл.

Земля считать не успевала раны,
Увидела тогда Миус-река,
Как огненные прыгали фонтаны
И падали на землю облака.

Солдаты шли, здесь кровью окропляли,
Горячей кровью каждую версту...
Но отстояли! Выстояли! Взяли!
Немыслимой отвагой высоту!

Послушай ветры над Саур-Могилей,
Героям, павшим доблестно в боях,
Которым жить не годы, а столетья
И вечно в благодарных жить сердцах.

Сластин Тарас

* * *

ПОБЕДА

На атакующем – «ура»!
Начался день девятый мая.
Пылала вешняя заря,
Заря победы золотая.

Да, день немеркнувший настал,
Окончились бои и марши,
Плясал солидный генерал
И плакали – солдат и маршал.

Взгляни сквозь частокол годов –
Увидишь горе и утраты,
И фермы взорванных мостов,
И госпитальные палаты.

Увидишь сорок первый год
И рваное Отчизны тело.

Бросал на танки самолет
Горящий капитан Гастелло.

Разве забудет человек
Орущий гул и дым закатов?
Ронял клинок в горячий снег
Казачий генерал Доватор.

Мир отстояли от беды,
Разбили вражью мы ораву.
Мешался с белых яблонь дым
С дымами из печей ДАХАУ.

О тех годах не раз споют
Гудками фабрики и ГЭСы.
Стоят в разреженном строю
Герои Крыма и Одессы.

* * *

НЕТ ВЕСТЕЙ И ПОНЫНЕ

Раз, наверно, сотый,
В полуночном бреду,
Поредевшую роту
Я в атаку веду.
На торфяниках гиблых
Заплутала весна.
Помкомвзводов погибли,
В плен попал старшина.
Ведет роту в метели,
В сизом нимбе штыков,
В прогоревшей шинели
Генерал Мерецков.
Память боем клокочет,
Память рвется в полет.
Политрук Ермакович
С нам рядом идет.

Не дымят самокрутки
И костры не чадят,
Под Синявино жутком
Волховчане стоят.
А где их похоронки?
Не найти ничего.
Заблудились в потемках
За рекою Невой.
Нет вестей и поныне
С той поры огневой.
Знать, взорвался на mine
Почтальон фронтовой.
Вам не спеть «День Победы»
За праздничным столом,
Этой песни куплеты
Вместо вас мы поем...

* * *

БЕССОННИЦА

Всегда в день майский, день пригожий,
Как прут к поверхности грибы.
Солдат, до дня такого дожив,
Проснулся вдруг не от стрельбы.
Проснулся не от канонады
И не от взрывов на заре.
Ну что еще солдату надо
На этой утренней поре?
А может, сон тревожный вышел,
Где вновь бурлит кровавый бой,
Когда как будто дождь по крыше
Стучит костлявая косой?
Со стен блиндажных – шорох глины:
Неужто замерла война?
Он спал, когда свистели мины.
Сейчас не спится. Тишина.
Он мертво спал перед сраженьем.
Он мог и на ходу уснуть,
Урвав короткое мгновенье,
Перед атакой хоть чуть-чуть.
Но тихо все. Но спят солдаты,
Звучит так громко тишина.
Лежат спокойно автоматы –
В то утро кончилась война...

ВЕЧЕРНЯЯ ПОВЕРКА

Стихает шум в казарме полусонной.
Дневальный прячет в тумбочку роман.
Вечернюю поверку поименно
Проводит строгий Людников Иван.

Команда «Становись!» ряды ровняет:
Вечерний плац по-летнему широк,
Строй, как струна, безмолвно замирает,
Часы поверки зная назубок.

А генерал, задумчиво и хмуро:
- Где те, кто брали Кенигсберг со мной?
Где те, кто помнят стены Порт-Артура?
Где те, кто помнят у Хингана бой?

Я помню, вы в победном сорок пятом
Носили запрещенные чубы,
Я помню вас в стране, войной распятой,
Вы были, как мореные дубы.

Прошамкал тихо кто-то генералу:
- От ран мы вымерли. Ну, с той войны,
Да и стреляли в нас везде не мало:
Вьетнам, Карпаты – не до тишины.

Скрипит протез у каждого второго,
Рассыпался безмолвно жидкий строй.
Смолчал Иван. Застыло в горле слово,
Пропел горнист несмелое «Отбой!»

Где-то опять запело, заklubилось,
И налетает вновь свинцовый шквал,
Уходит, не простясь, – скажи на милость?-
Прославленный шахтерский генерал.

Супрун Людмила

* * *

МОЛОДЫЕ ГУТАРЮТ И СТАРЫЕ...

Молодые гутарют и старые
Что с тобою не пара, не пара мы.
Ты красив, как Нарцисс, а я – «серая»,
Всех тревожит вопрос:
– Как посмела я?
Как посмела тебе я понравится,
Ведь в селе есть такие красавицы!
Бабки, будто шепчутся: – Дело нечистое,
Не иначе вмешалась «нечистая»...
Говорят, будто ты на похмелье
Выпил с рук приворотное зелье
И теперь, мною ты очарованный,
И любовью моей околдованный...
Невдомек, что красою не славится,
Что неважно лицом быть красавицей,
Ведь с лица не пить воду чистую,
Важно душу иметь золотистую!
Да такую, чтоб пела, светилася,
Добротою своею искрилася,
Чтоб ее красотой восхищались,
А она – молодой оставалася!

Чепик Зинаида

* * *

ДОБРОТА

Несу Вам, Люди, доброту,
Ее теперь так мало стало,
Ту самую, которой нам
Во все века недоставало.
И в ней безумно трудный век,
Непросто устоять под шквалом,
Собой останься, Человек!
Ведь доброта – твоё начало!

* * *

Я СЕГОДНЯ В КРАСОТУ ВЛЮБИЛАСЬ...

Я сегодня в красоту влюбилась,
В бархат ивушки и дымку тополей,
Я дыханью нивы поклонилась,
О Любви я вспомнила своей...
Вот живу на свете, -
Знать, живая, —
То дитя со мною, то цветы...
Отзовись, Любовь моя! Родная,
Не забыла я твои черты!

Шеванова Людмила

* * *

ВЕСЕННЕЕ

Я увидала как-то на рассвете:
С себя деревья стряхивали снег.
Дрожа в азарте
 каждой хрупкой веткой,
Они творили с ветром
 гимн Весне.
Шершавый плащ метели
 в танце снежном
деревьям нанести
 не сможет ран:
Уж солнца луч
 в заоблачном безбрежье
Неслышно пробудился для добра.
Раскачиваясь в такт
 незримым нотам,
С макушек отряхнув
 остатки сна,
деревья хором исполняют что-то,
но слышно лишь счастливое:
 Весна!

Шевченко Ольга

* * *

СТРОКИ МОИ...

Строки мои юные,
Строки мои зрелые,
Все, что я задумала,
Видно, я не сделаю...
Строки мои тайные,
Строки откровенные,
Иногда случайные,
Иногда – прозренные.
Строки мои нежные,
Строки невеселые,
Обо мне, конечно же,
Вам известно все было.
Строки мои, с юмором
И совсем серьезные,
Сколько передумала
Я над вами прозою!
Не прошу о жалости,
Не смогу отчаяться,
Только пусть, пожалуйста,-
Строки не кончаются.

Шевчук Алла Александровна

* * *

РОДНОМУ КРАЮ

Это далью безбрежно
Вдруг помянут меня
Ослепительно снежные
И родные края.
Сборы – дело минутное.
И уже на ходу
Пожелаю кому-то я
Жить с мечтою в ладу.
А потом лишь узнаю:
Среди снега и льда

Затоскую по маю
Навсегда, навсегда.
И по рощице нашей,
И по солнцу в степи,
Где глаза от ромашек,
Как от снега слепит.

* * *

НАШ ПОСЁЛОК ПОСТАРЕЛ...

Наш посёлок постарел,
Но узнать нетрудно.
В суматохе дней и дел
Твой поселок Ртутный.
Неспеша я все брожу
Средь его домишек,
Словно память сторожу
О тебе здесь.
Слышишь?
Приезжай!
Здесь все живет
Ожиданьем встречи.
Он тебя всегда поймет,
Дом твой,
Дома – легче.

* * *

СОСНЫ СОЛНЦЕМ ПОДСВЕЧЕНЫ...

Сосны солнцем подсвечены,
И стройны, и легки.
Я касаюсь доверчиво
Твоей теплой руки.
Над притихшею просекою
День встает в тишине.
Светлый мир твоей осени
Я приемлю вполне.
Этих сосен кружение,
Этот час, этот миг,
Как второе рожденье,
Лишь одно на двоих.

Шуруй Оксана

* * *

САЖЕНЦЫ СИРЕНИ

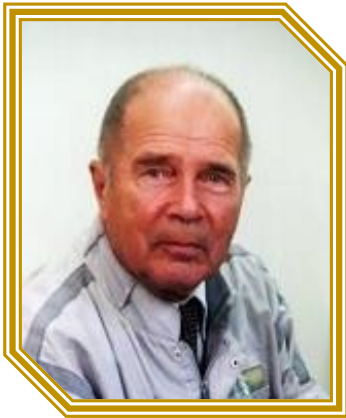
Сирень не принялась. Она, быть может,
Не захотела землю ворошить,
Корнями тело гения тревожить,
Ветвями над могилой ворожить.
Еще и потому, что не в России
Должна была расти она. Нет-нет,
В Америке. И травы здесь другие,
Чужой здесь климат, разный даже свет.
Другой водой должна была питаться,
В другой земле корнями устоять...
С Россией было трудно расставаться,
А почему – совсем легко понять.

* * *

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Шумели гулко болдинские травы,
И ветер пил последний звездопад.
Он звездами присыпал все дубравы

И рощицы, что на холмах стоят.
Вдали от шума, суеты дворцовой,
Поэт в мечтаньях видел каждый миг,
То красоту Натальи Гончаровой,
То стройные ряды старинных книг.
О, избы до седого небосклона!
Как волновали Пушкина они,
Очаровала осень душу, словно
Зажглись весны игривые огни.
Творил поэт, а лира вдохновляла,
И творчество достигло высоты,
Творения Россия принимала,
Не принимали лишь его враги.
Но Болдинская осень зазвучала,
Пускаясь в перезвон на все лады,
В поэзии, как солнце засияла,
И до сих пор горят ее лучи.

Юхимович Василий Лукич
(1924-2002)

* * *

СКАЗ О КАМНЕ ОГНЯ

Донецкий край!
Благословляют люди
Твои холмы.
Когда взойдет рассвет,
Покажется: усталые верблюды
В степи свалили
Ношу давних лет.
Тогда на бурых склонах
полуголых
Ни деревце, ни жито не росло.
Рассказывали мне, что не геолог
В твоих пластах отыскивал тепло.

То солнце,
Что брело над снежным долом,
Молил беглец:
«Не прячь огня, не прячь!
Обрел волю,
Да детишки голы,
В землянке холод —
Хоть садись и плачь».
Склоняясь в горе
Над землей сырою,
Просил хоть для сынов своих
тепла.
И вот гора склонилась над горою.
И сжалась,
Советом помогла:
«А ты копни еще на две лопаты
Пол земляной
У сгорбленной стены,
И будут жаром каменным богаты
Твои сыны
И сыновей сыны».
Однажды лом под сильными
руками
Взлетел, да так и замер на весу:
«Что я нашел!»
И вспыхнул чёрный камень,
И вытер мальчик
Чёрную слезу.

Где б я ни встретил
Искорки-углинки —
На складе, во дворе ли,
У окна,
Как пригоршни
 подземного зерна, —
Припоминаю горы и долины
Земли шахтерской, что огня поляна.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3

РАЗДЕЛ I. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДОНБАССА: ШАХТЁРСКИЕ ПРЕДАНИЯ, ЧАСТУШКИ, ПЕСНИ, ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

ТИМОФЕЕВ П.

<i>Легенды о Шубине</i>	5
<i>Частушки</i>	7
Сватанье	7
Частушки Великой Отечественной войны.....	7
Шахтерские частушки	8
<i>Пословицы и поговорки</i>	9

ИОНОВ А.В.

<i>Песни</i>	10
Шахтерская жизнь проклята	10
До свидания белый свет.....	10
На макеевской степи	10
Посылают шахтеры свет и тепло	11
У клетки	12
Песня котлочиста	12
Гибель коногона.....	13
Свет постылый.....	13
Песня саночника	14
Шахтер пашенки не пашет	14
Песня о шахтерках.....	15
<i>Шахтерский сказ</i>	15
Про жадея	15
<i>Горючие слезы</i>	17
<i>Народные думы</i>	19
Побег братьев из Азова	19
Вдова Ивана Сирка.....	24
<i>Легенды села Грабово</i>	26
Как пан Иловайский село строил	27
Как служанку на собак поменяли	28
Легенда о речке Миус	29
Легенда о горе Соколихе и атамане Соколе.....	30
Легенда о Саур-Могиле.....	31
Савка.....	34
Саур	35
Легендарный курган.....	35
Миусское древо жизни.....	36
Голубые скалы	37
Золотой конь Чингисхана	40
Зуево монисто	43
Иловайская «Федоровская»	47
Как пан сам себя перехитрил	49

Миус и Миусик	51
Честолюбивая Елена.....	53
Шанхай и Пекин Горловские	54
Хитромудрый Пронька	56
Царская рыба	59
Добрый Шубин.....	62

КОСТЫРЯ И.С.

<i>Сказка о солнечных братьях</i>	66
<i>Дума о любви к малой родине</i>	68
<i>Дума о Саур-Могиле</i>	71

РАЗДЕЛ II. РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ДОНБАСС

БАЙДЕБУРА П.А.

<i>Шахтерская честь</i>	74
<i>Маленький Тимко</i>	77

БУНИН И.А.

<i>На Донце</i>	82

ВЕРЕСАЕВ В.В.

<i>Подземное царство</i>	85
Под землей	85
Запальщик.....	89
Шахтеры-мужики	92
Перекаати-поле.....	95

ГАРШИН В.М.

<i>Сказка «Attaleaprinceps»</i>	98
<i>Сказка о жабе и розе</i>	104

ГОРБАТОВ Б.Л.

<i>Непокоренные</i>	110

КУПРИН А.И.

<i>Чудесный доктор</i>	112

ПАУСТОВСКИЙ К.Г.

<i>Беспокойная юность</i>	119

ПРИБЛУДНЫЙ И.

<i>Матери</i>	122
<i>Обновление</i>	123

СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ С.Н.

<i>Наклонная Елена</i>	125

ТИТОВ В.А.

<i>Всем смертям назло</i>	127
<i>Раненый чибис</i>	136

ТОРИН В.

<i>Большой день</i>	138

ФАДЕЕВ А.А.	
<i>Молодая гвардия</i>	140
ЧЕХОВ А.П.	
<i>Русский уголь</i>	147
<i>Перекажи поле</i>	149

РАЗДЕЛ III. «Я НЕ ТОЛЬКО ПИШУ О ДОНБАССЕ, Я ДОНБАССОМ ЖИВУ И ДЫШУ»

АЛЫМОВ С.А.	
<i>На Северском Донце</i>	151
<i>Погода</i>	151
<i>В осеннем лесу</i>	152
<i>Из цикла «В Чернобыле»</i>	152
<i>Сонет</i>	153
АНЦИФЕРОВ Н.С.	
<i>О Донбассе пишут...</i>	154
<i>Вельможа</i>	154
<i>Я солнцу рад</i>	155
<i>В шахте</i>	156
<i>Обида</i>	156
АФОНИН М.Е.	
<i>Лето 2014</i>	158
<i>Донецку</i>	158
БАЛИНЧЕНКО О.И.	
<i>Песня о позолоте</i>	159
БАХТАРОВ В.И.	
<i>Мы все ему поклонны бьем</i>	160
<i>Элегия</i>	161
БЕЖЕНОВА А.Н.	
<i>Предсказала гадалка</i>	162
<i>Красное платье</i>	163
<i>Из книги «Не отрекаюсь»</i>	163
БЕЛАШ Б.Ф.	
<i>Террикон</i>	164
<i>Криница</i>	165
<i>Прильни к студеным родникам</i>	165
<i>Мой город</i>	165
<i>Донецку</i>	166
<i>Апрель</i>	166
<i>В росах переливчатых поляна...</i>	167
<i>В дубовой роще</i>	167
<i>В апреле</i>	167
<i>Щенок</i>	168
<i>Тайна</i>	168

БЕЛОЗЕРОВА Л.С.

<i>Русский язык</i>	169
<i>Алиби</i>	170

БЕРЕЗИН Ф.Д.

<i>Пепел</i>	172
<i>Часть I. Лабиринты</i>	172
<i>Четвертая власть</i>	193

БЕСПОЩАДНЫЙ (ИВАНОВ) П.Г.

<i>Рассказ о землянке</i>	194
<i>Коногон</i>	195
<i>Краматорке</i>	196
<i>Дума о донецком камне</i>	197
<i>Слово о родине</i>	197
<i>Живет Донбасс!</i>	198
<i>Шахте</i>	198
<i>Вдохновение мое</i>	199
<i>Донецкая сирень</i>	199

БЕССОНОВ П.А.

<i>Детство</i>	200
<i>Семнадцатилетним</i>	200
<i>Вы плачете</i>	201
<i>Сыну</i>	201

БОЖЕНКО Г.Н.

<i>Городок мой в степи</i>	202
<i>И снова кланяюсь тебе, моя деревня</i>	203
<i>Наши несравненные мужчины!</i>	203
<i>Мы голосуем за Россию!</i>	204

БОРОТА В.С.

<i>Баллада о горючем камне</i>	206
<i>Охотник</i>	207
<i>Бегун</i>	207
<i>Дума о спорте</i>	207
<i>Стихи марафону</i>	208

БУГОРКОВ С.С.

<i>Всегда впереди</i>	209
<i>Памятник</i>	210
<i>Я Донетчину сердцем навек любил</i>	211

ГЕРЛАНЕЦ В.

<i>Из цикла «Донбасс в моем сердце»</i>	213
<i>Признание</i>	213
<i>Ополченец</i>	214
<i>Притяжение земли</i>	215
<i>Что такое война?</i>	215
<i>Из цикла «Классные стихи»</i>	216
<i>Подарочек</i>	216
<i>У карты</i>	216
<i>Историк</i>	216
<i>Знаток</i>	217

Рая, которая соня	217
Новое платье	217
Герой	217
Температура	218
Несусветица	218
ГЛАДКИЙ В.Д.	
<i>Ведьмак</i>	219
ГОЛОВИН Г.Л.	
<i>Случай на разъезде № 235</i>	235
<i>Три письма</i>	237
ГРЕВЦОВ Н.А.	
<i>Роман «Третьего не дано»</i>	240
ГРОСОВ А.Я.	
<i>Ночной город</i>	243
<i>Из сборника «Светлые лучи»</i>	244
Предзимье	244
Дыханье тишины	244
Метель	244
ДЕМИДОВ В.И.	
<i>Звездочки над шахтою потухли</i>	245
<i>Судьба шахтерская</i>	246
<i>Баллада о несостоявшейся встрече</i>	246
<i>Шахтеры</i>	247
<i>Забойщик революции</i>	247
<i>Встреча с городом</i>	248
ЖАРИКОВ Л.М.	
<i>Конь Тарас и его железный брат</i>	249
ЗАГOTOVA С.Н.	
<i>Почему так приятно летать</i>	252
<i>Ожидание августа</i>	252
<i>Эмпирические эпизоды</i>	253
<i>Светлое</i>	253
ЗАРУБА А.Л.	
<i>Запах родного дома</i>	254
ЗЕМЛЯНСКИЙ В.Л.	
<i>Запишите в красную книгу</i>	256
<i>Явление магнетизма</i>	258
КАЛИНИЧЕНКО В.Г.	
<i>Земляки</i>	260
<i>В шахтной бане</i>	260
КИБИРЕВ А.А.	
<i>Слово-песнь потомка бояна</i>	263

КИРЬЯКОВ Л.Н.

<i>Отец и сын</i>	<i>266</i>
<i>Из сборника «Конь мой златокрылый»</i>	<i>269</i>
Свидание	269
Погибшим друзьям.....	269
Пробито сердце было	270
Рабочие руки.....	271
Однополчанам.....	271
Три брата	272

КОЖЕМЯКА О.Л.

<i>Последние вздохи зимы.....</i>	<i>273</i>
<i>С вымытыми росами... ..</i>	<i>274</i>
<i>Усталость</i>	<i>274</i>
<i>Вечерняя сказка</i>	<i>274</i>
<i>На встречу с Пушкиным.....</i>	<i>274</i>

КОСТОПРАВ Г.А.

<i>Мы видимся с тобой так редко</i>	<i>275</i>
<i>Гроза</i>	<i>276</i>
<i>Леонтий Хонахбей.....</i>	<i>277</i>
<i>Мои дороги далеки.....</i>	<i>278</i>

КРАВЧЕНКО А.И.

<i>Булавинка.....</i>	<i>279</i>
<i>Мои земляки.....</i>	<i>279</i>
<i>На бывшей «Софии»</i>	<i>280</i>
<i>Детство.....</i>	<i>281</i>
<i>Антрацит</i>	<i>281</i>
<i>Каменная птица</i>	<i>281</i>
<i>Мели снега, шумела непогода... ..</i>	<i>282</i>
<i>Я сызмала к шахтам привычен... ..</i>	<i>283</i>
<i>Я лес сгружал, к стволу таскал.....</i>	<i>283</i>
<i>Для шахтера небо – на земле.....</i>	<i>283</i>

КРИВДА Г.Ф.

<i>Мой дом – не там.....</i>	<i>284</i>

КУКУШКИН В.Н.

<i>Из сборника «Это – состояние души».....</i>	<i>285</i>
Осень	285
Бабье лето	286
Встреча с весной	286

КУРАЛЕХ С.С.

<i>Ясная поляна.....</i>	<i>287</i>
<i>Ливень</i>	<i>288</i>
<i>Иоганн Себастьян Бах</i>	<i>288</i>
<i>Сквозь яркую зелень... ..</i>	<i>288</i>

КУРЛАТ И.Б.

<i>Пес.....</i>	<i>289</i>

ЛАВРЕНТЬЕВА Е.Ф.

<i>Будь готова к поре одинокой...</i>	291
<i>Эхо</i>	291
<i>На глубине</i>	291
<i>За перегоном – перегон</i>	292
<i>Письмо</i>	292

ЛАДКИН А.С.

<i>Сонет</i>	293

ЛАСТОВЕНКО Б.Я.

<i>Женщинам Донецка</i>	294
<i>Темы</i>	295
<i>Старый хлебобоб</i>	295
<i>Побег князя игоря из половецкого плена</i>	296
<i>Где же ты, река Каяла?</i>	296
<i>Из сборника «Русла памяти»</i>	299
<i>Каменные бабы</i>	299
<i>Лукоморье</i>	299
<i>Гуси на том берегу</i>	299
<i>О сколько тишины и теплоты!</i>	300
<i>Клен подмокшие веточки сушит...</i>	300
<i>Водовоз</i>	301
<i>Выстрел</i>	301
<i>Снежница</i>	302

ЛЕБЕДЬ Ю.А.

<i>Ожидание</i>	304
<i>Цветы</i>	304
<i>Ведьма</i>	304
<i>У пруда</i>	304

ЛИТВИНОВА Т.А.

<i>Моему поколению внушали...</i>	306
<i>Мы травим море постепенно</i>	306

МУХИН В.Е.

<i>Она должна быть – и душа на то!</i>	307
<i>Рабочие руки</i>	308
<i>Мои герои</i>	308
<i>Подорожник</i>	310
<i>Ода брезенту</i>	310

НОВОСЕЛОВ Н.Н.

<i>Когда морщится от холода листва</i>	311
<i>Чернобыль-85</i>	312
<i>Минута молчания</i>	312

ПАТРИЧА Д.К.

<i>Судьба</i>	313
<i>Признанаие</i>	314
<i>Созидатель</i>	314
<i>Моя столица</i>	315

ПАТУЛИДИ Н.Г.	
<i>Экологическое.....</i>	316
ПОСНИЧЕНКО С.	
<i>Из сборника «Все скажет сердце»</i>	317
Ртуть.....	317
Танк в сквере	318
Они не пережили боя.....	318
ПРОКОПОВА Л.А.	
<i>Маме</i>	319
<i>С охапкой шариков мимозы.....</i>	319
<i>Вальс</i>	320
РЕВЯКИНА А.	
<i>Город мой.....</i>	321
<i>Вот он, народ простой.....</i>	321
<i>Школьное сочинение.....</i>	322
<i>Что ни дом – то короб пустой.....</i>	323
РОГОВЕЦ Р.П.	
<i>Буквы в школу собирались.....</i>	324
Советы бабушки.....	324
Буквы в школу собирались.....	324
Книга.....	325
<i>Я сердце детям отдаю</i>	325
Прощание.....	325
Школа	326
Тебе семнадцать.....	326
<i>Школьные годы.....</i>	327
Дневник.....	327
«Хороший» друг.....	327
Закон Архимеда.....	328
РОМАНЕНКО А.С.	
<i>Солдатка</i>	329
<i>Опять ребята пишут о войне.. ..</i>	330
<i>Освобождение, 43-й год.....</i>	331
<i>Танк «Аза»</i>	332
РТИЩЕВ М.Т.	
<i>Огонь на себя.....</i>	334
<i>Доброта</i>	336
<i>В защиту природы</i>	338
<i>Озоновая дыра.....</i>	339
<i>Колокола чернобыля.....</i>	339
<i>Акация.....</i>	340
<i>По лермонтовским местам.....</i>	341
Машук.....	341
Штыком начертаны слова	341
Творения бернардацци	341
Эолова арфа	341
Лермонтовская галерея	341
Провал	341

Много лет с тех пор прошло	342
Грот Лермонтова	342
Встреча с поэтом	342
Слава поэта	342
РУДЕНКО В.П.	
<i>Террикон</i>	343
<i>Его величество донбасс</i>	344
<i>Дети доброго поля</i>	345
<i>Мы назад не вернемся</i>	345
РУСАНОВ В.А.	
<i>Вальс обречённых</i>	347
РЫБАЛКО Н.А.	
<i>Год рождения – 22</i>	348
<i>Я жил в такие времена</i>	348
<i>Нам было двадцать</i>	349
<i>Край донецкий</i>	349
<i>Я шел с воины</i>	350
<i>Мне говорят</i>	350
<i>Вновь война проснулась спозаранку</i>	351
<i>Цветы</i>	351
<i>Крылечко</i>	351
<i>Глаза</i>	352
<i>Рядом с нами</i>	352
<i>О друзьях</i>	353
<i>Ночные огни</i>	353
<i>О добре</i>	354
<i>Прозрение</i>	354
<i>Флажки, флажки</i>	355
СКОБЦОВ В.Л.	
<i>Танго 2014 года</i>	356
<i>Непокорённый</i>	356
<i>Мой рай</i>	357
СКОРНЯКОВА Н.П.	
<i>Женщина</i>	358
ТЕРКУЛОВ В.И.	
<i>Первый снег в донецке</i>	359
<i>Мне грустно оттого, что дождь идет</i>	359
ТРУХАНОВ В.И.	
<i>Иней</i>	360
<i>Жил мальчик у синего моря</i>	361
<i>Ворочаются в небе краны</i>	361
<i>Нет у них ни кладбищ, ни крестов</i>	362
<i>Горошина угля</i>	362
<i>Баллада про соловьиную ночь</i>	363
<i>Бомбёжка</i>	364

ФРОЛОВ М.А.

<i>Память.....</i>	<i>366</i>
<i>Я ищу тебя по свету.....</i>	<i>367</i>
<i>Донецкое приморье</i>	<i>367</i>
<i>Отпели ранние капли –.....</i>	<i>367</i>

ХАПЛАНОВ Н.В.

<i>Легенды Приазовья</i>	<i>369</i>
<i>Пращур и потомки</i>	<i>370</i>
Песня о Старобешево.....	370
Шли века, струились реки.....	371
Скажите победителям спасибо	372
<i>Смерти став на пути.....</i>	<i>373</i>
<i>Из сборника «К победе легендарные шаги».....</i>	<i>373</i>
Солдатский лексикон.....	373
Сталинский солдат	373
Мичман	374
<i>О собаке</i>	<i>375</i>
<i>Кальмиус.....</i>	<i>376</i>
<i>Седина.....</i>	<i>376</i>
<i>Без тебя</i>	<i>376</i>
<i>Зерна</i>	<i>377</i>

ХАРАКОЗ Н.Г.

<i>Наш век.....</i>	<i>378</i>
<i>Шпала.....</i>	<i>379</i>

ХАТКИНА Н.В.

<i>Белая ромашка</i>	<i>380</i>
<i>О. Г.....</i>	<i>381</i>

ЧЕРЕПКОВ В.Ф.

<i>Крик души.....</i>	<i>382</i>

ШАДУР П.Я.

<i>Уголь и порода</i>	<i>383</i>
<i>Комбайн и лопата.....</i>	<i>384</i>

ШУТОВ В.В.

<i>Хлеб и уголь.....</i>	<i>385</i>
<i>Немного о себе</i>	<i>386</i>
<i>Качели</i>	<i>386</i>
<i>Путешествие карандашей.....</i>	<i>387</i>
<i>Трудный пласт.....</i>	<i>394</i>
Вдохновение.....	394
Сосною свежей пахнет лава.....	395
Вешние зори.....	395
<i>Глава из повести «Смерти смотрели в лицо».....</i>	<i>396</i>
Начало	396

ЩУРОВ Г.Л.

<i>Пропал родник.....</i>	<i>407</i>
<i>Душой не привыкаю</i>	<i>408</i>
<i>Донецку.....</i>	<i>408</i>

ЯРОВОЙ А.В.

<i>Забастовка</i>	409
<i>На бульваре Пушкина</i>	410

РАЗДЕЛ IV.**«Я ДОНЕТЧИНУ СЕРДЦЕМ НАВЕК ПОЛЮБИЛ»****АНТОНОВ А.**

<i>Шахтерские руки</i>	411
<i>Родительский дом</i>	411

АРТЕМЕНКО Л.

<i>Душа скорбит по человечности</i>	412

БАТЫРЬ Г.

<i>Букет от Галины</i>	413
<i>Легенда о подснежнике</i>	413
<i>Подснежник</i>	413
<i>Ромашки</i>	414
<i>Гвоздики</i>	414
<i>Пионы</i>	414
<i>Сирень</i>	415
<i>Ландыш</i>	415
<i>От подаренных цветов</i>	415

ГОЛОВИН Э.В. 416

<i>Донецкое утро</i>	416
<i>Монолог комбайнера</i>	416
<i>Лермонтов</i>	416
<i>Пушкин</i>	417
<i>Шахта</i>	417
<i>Прозвища</i>	418
<i>Бульвар Пушкина</i>	418
<i>Проходчики</i>	418
<i>Пятое время года</i>	418

ДУБОВ М.

<i>Из сборника «Струны души»</i>	419
<i>Разговор с папой</i>	419
<i>Незнакомке</i>	419
<i>Пронеслось все одни мгновеньем</i> ...	419

ЕЛИЗАРОВА В.

<i>Сборник «Утро начинается с рассвета»</i>	420
<i>Утро начинается с рассвета</i>	420
<i>Ливень</i>	420
<i>Весна</i>	421
<i>Сказка о том, как петух лису перехитрил</i>	421

КЛЫСАК Ю.

<i>Гроза в средиземном море</i>	422
<i>Поиграй мне, друг мой, на гитаре</i>	423

КОЖЕМЯКИН Н.

<i>Из сборника «Судьба»</i>	424
Не увядайте сердцем и душою	424
Весенний снег	424

КОСТИН И.

<i>Атака</i>	425
<i>Разведка боем</i>	425
<i>Часовые</i>	426
<i>После боя.....</i>	426
<i>Надгробная плита</i>	426
<i>И память спрятана в гранит.....</i>	427

ЛЫМАРЬ Н.

<i>Легенда об ирландском волкодаве.....</i>	427

МАМНЕВ В.И.

<i>Может, осенью.....</i>	428

МИХАЙЛЕНКО-РУДЬКОВСКАЯ В.Н.

<i>Деду</i>	429
<i>Колыбельная.....</i>	429
<i>Прощание.....</i>	430
<i>Осень на плечи ложится туманом... ..</i>	430

ПЕТРОВСКАЯ О.

<i>Бездомный</i>	431

ПРИГОРОВСКИЙ Е.В.

<i>ПУТЬ В БЕССМЕРТИЕ. ПОДВИГ ГЕОРГИЯ СЕДОВА.....</i>	431
В Петербурге	431
Мальчик с Кривой косы	432

СЕРДЮК Н.Г.

<i>Письма огненных лет</i>	434
<i>Что солдату снится</i>	434
<i>Девочка рисует море</i>	434
<i>У моря.....</i>	435
<i>Солнце озарило ярким светом.....</i>	435

СЕРЕБРЯНСКИЙ Ф.Д.

<i>Послушай ветры над Саур-могилой.....</i>	435

СЛАСТИН Т.

<i>Победа</i>	436
<i>Нет вестей и поныне</i>	437
<i>Бессонница</i>	437
<i>Вечерняя поверка.....</i>	438

СУПРУН Л.

<i>Молодые гутарят и старые... ..</i>	439

ЧЕПИК З.

<i>Доброта</i>	439
<i>Я сегодня в красоту влюбилась.....</i>	440

ШЕВАНОВА Л.	
<i>Весеннее</i>	440
ШЕВЧЕНКО О.	
<i>Строки мои.....</i>	441
ШЕВЧУК А.А.	
<i>Родному краю</i>	441
<i>Наш посёлок постарел.....</i>	442
<i>Сосны солнцем подсвечены.....</i>	442
ШУРУЙ О.	
<i>Саженцы сирени</i>	442
<i>Болдинская осень.....</i>	442
ЮХИМОВИЧ В.Л.	
<i>Сказ о камне огня</i>	443

Учебное пособие

ЛИТЕРАТУРА РОДНОГО КРАЯ

5-11 классы

ХРЕСТОМАТИЯ

Технические редакторы, корректоры:

Шевченко И.В., Луста Е.М.